

16+

ISSN 1818-510X

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: политика, экономика, культура

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2002 г.

**2019
№ 3 (60)**

Журнал включён в утверждённый ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по специальностям «Политология», «Философия», «История»:
07.00.02 – Отечественная история (исторические науки),
09.00.03 – История философии (философские науки),
09.00.11 – Социальная философия (философские науки),
09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки),
23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки),
23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки),
23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Астрахань
Издательский дом «Астраханский университет»
2019

**КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН:
политика, экономика, культура**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2019. № 3 (60)

Редакционный совет:

- А. А. Абишев* – д-р экон. наук, проф., ректор Атырауского университета нефти и газа (г. Атырау, Республика Казахстан);
- Л. В. Баева* – д-р филос. наук, проф. Астраханского государственного университета;
- А. А. Вартумян* – д-р полит. наук, проф. Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь);
- С. В. Виноградов* – д-р ист. наук, проф. Астраханского государственного университета;
- Н. В. Гришин* – д-р полит. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета (зам. главного редактора);
- И. Гулиев* – д-р геол.-минерал. наук, профессор, академик, вице-президент Азербайджанской Национальной академии наук (г. Баку, Республика Азербайджан);
- А. А. Жилкин* – д-р биол. наук, проф.;
- П. Л. Карабущенко* – д-р филос. наук, проф. Астраханского государственного университета (гл. редактор);
- Г. В. Косов* – д-р полит. наук, проф. Пятигорского государственного лингвистического университета;
- Е. Е. Красноженова* – д-р ист. наук, проф. Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;
- М. А. Магомедов* – д-р полит. наук, проф. Ульяновского государственного университета;
- К. А. Маркелов* – канд. экон. наук, доц., и. о. ректора Астраханского государственного университета;
- Т. Махо* – д-р, профессор университета им. Гумбольдта (г. Берлин, Германия);
- В. В. Миронов* – д-р филос. наук, проф. Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, член-кор. РАН;
- Е. В. Морозова* – д-р филос. наук, проф. Кубанского государственного университета;
- Е. Н. Моцелков* – д-р полит. наук, проф. Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (председатель редакционной коллегии);
- Л. Я. Подвойский* – канд. филос. наук, доц. Астраханского государственного университета;
- А. В. Понеделков* – д-р полит. наук, проф. Южно-Российского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Ростов-на-Дону);
- А. П. Романова* – д-р филос. наук, проф. Астраханского государственного университета;
- Л. В. Сморгунов* – д-р филос. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
- Е. Г. Тимофеева* – д-р ист. наук, проф. Астраханского государственного университета;
- Р. Х. Усманов* – д-р полит. наук, проф. Астраханского государственного университета;
- М. М. Федорова* – д-р полит. наук, зам. директора Института философии РАН;
- М. Ходарковский* – профессор Чикагского университета им. Лойолы (США);
- А. Н. Чумаков* – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ;
- А. А. Ширянци* – д-р полит. наук, проф. Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
- А. Ю. Шутков* – д-р ист. наук, проф. Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Журнал выходит 4 раза в год
Все материалы, поступающие в редколлегию журнала, проходят независимое рецензирование

ISSN 1818-510X

ASTRAKHAN STATE UNIVERSITY

**THE CASPIAN REGION:
Politics, Economics, Culture**

SCIENTIFIC JOURNAL

**2019
No. 3 (60)**

Astrakhan
Publishing House "Astrakhan University"
2019

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan State University

THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture

SCIENTIFIC JOURNAL

2019. No. 3 (60)

Editorial Council:

- A. A. *Abishev* – Doctor of Economics, Professor, Rector Atyrau Institute of Oil and Gas (Atyrau, Republic of Kazakhstan);
L. V. *Baeva* – Doctor of Philosophy, Professor of Astrakhan State University;
A. A. *Vartumyan* – Doctor of Policy, Professor of North Caucasus Federal University (Stavropol);
S. V. *Vinogradov* – Doctor of History, Professor of Astrakhan State University;
N. V. *Grishin* – Doctor Policy, Professor of Astrakhan State University (Deputy Editor-in-Chief);
I. *Guliev* – Doctor of Geology and Mineralogy, Professor, Academician, Vice President of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Republic of Azerbaijan);
A. A. *Zhilkin* – Doctor of Biology, Professor;
P. L. *Karabushchenko* – Doctor of Philosophy, Professor of Astrakhan State University (Editor-in-Chief);
G. V. *Kosov* – Doctor of Policy, Professor of Pyatigorsk State Linguistic University;
Ye. Ye. *Krasnozhenova* – Doctor of History, Professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University;
M. A. *Magomedov* – Doctor of Politics, Professor of Ulyanovsk State University;
K. A. *Markelov* – Candidate of Economics, Associate Professor, Acting Rector of Astrakhan State University;
T. *Makho* – Doctor, Professor of Humboldt University of Berlin (Germany);
V. V. *Mironov* – Doctor of Philosophy, Professor of Lomonosov Moscow State University, Associate Member of Russian Academy of Sciences;
E. V. *Morozova* – Doctor of Philosophy, Professor of Kuban State University;
E. N. *Moshchelkov* – Doctor of Politics, Professor of Moscow State University (Chairman of the Editorial Board);
L. Ya. *Podvoysky* – Candidate of Philosophy, Associate Professor of Astrakhan State University;
A. V. *Ponedelkov* – Doctor of Politics, Professor of South-Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don);
A. P. *Romanova* – Doctor of Philosophy, Professor of Astrakhan State University;
L. V. *Smorgunov* – Doctor of Philosophy, Professor of St. Petersburg State University;
E. G. *Timofeeva* – Doctor of History, Professor of Astrakhan State University;
R. Kh. *Usmanov* – Doctor of Political Sciences, Professor of Astrakhan State University;
M. M. *Fedorova* – Doctor of Philosophy, Professor of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences;
M. *Khodarkovsky* – Doctor, Professor of Loyola University Chicago (USA);
A. N. *Chumakov* – Doctor of Philosophy, Professor of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences;
A. A. *Shiryants* – Doctor of Politics, Professor of Lomonosov Moscow State University;
A. Yu. *Shutov* – Doctor of History, Professor of Lomonosov Moscow State University

The journal is published four times a year

All materials that come to the Editorial Board of the journal,
are subject to independent peer-review

© Astrakhan State University,
Publishing House "Astrakhan University", 2019
© V. D. Skoblev, cover design, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Савельева Е. В. О некоторых экономических и социальных результатах Великих реформ 1860–1870-х гг.	9
Григорьева Н. В. Новгородские музеи в 1941 г.	14
Джагаева О. А. От плана к рынку: экономическое развитие Монголии в 1990-е – начале 2000-х гг.	21
Колотушкин В. Г. Проблемы организации партизанского края на северо-западе РСФСР в 1941–1942 гг.	26
Кулакова Н. И. Формирование и деятельность Астраханского совета народного хозяйства в 1918 г.	33
Прищепа А. С. К вопросу о материальном благосостоянии советских инженерно-технических кадров (1960–1970-е гг.)	38
Лиджеева К. Ф., Олчанова Ц. В. Подготовка кадров в калмыцкой совпартшколе как составляющая трансформации модели общества	42
Убушаев В. Б. О некоторых особенностях введения новой экономической политики в Калмыкии (1921–1922 гг.)	47

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Гигаури Д. И., Гуторов В. А., Ширинянц А. А. YouTube-блогеры как лидеры общественного мнения молодежи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве	51
Баранов Н. А. Крымский фактор в формировании общероссийской гражданской идентичности	59
Гришин Н. В. Государство как субъект политики формирования идентичности	66
Кардава Н. В. Политика обеспечения кибербезопасности в ЕС: национальный и наднациональный уровни	73
Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические отношения в контексте цифровых сетей	79
Нечай В. Н. Проблема изучения и формирования пространственного развития России	87
Негров Е. О. Трансформация дискурса европейской идентичности: причины, перспективы и уроки для России.	96

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Коргунюк Ю. Г. Опыт организации американских государств по выработке международных избирательных стандартов.	103
Евстифеев Р. В. Выборы, вызывающие конфликты: причины, результаты, возможности международного регулирования.	110
Горюшина Е. М. Политические риски на Большом Кавказе в контексте современных американо-грузинских отношений (на данным BGRl, The Global Economy и Credendo Group)	114
Морозова О. С. Роль Африканского союза в регулировании избирательного процесса на континенте.	122

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Марисова Н. Д. Региональный музей как культурная норма: 100-летие Астраханской государственной картинной галереи в отражении исторических процессов страны, региона, города	129
--	-----

Кашкаров А. М. Техноидеология современного общества как социокультурный фактор формирования человека техногенного.....	135
Топчиев М. С. Православный ландшафт Дальнего Востока: сравнительный анализ.....	142
ФИЛОСОФИЯ	
Мощелков Е. Н. Состояние социогуманитарного знания: опыт прошлого и современность.....	148
Врезгова И. В., Тихонова С. В. Социокультурная характеристика современной молодежи.....	153
Болдин В. А., Прокудин Б. А. Эволюция панславистских взглядов В. И. Ламанского в начале XX в.	158
Ильин А. А. Делимое и неделимое в отечественном государствоведении: генезис и эволюция знаний о государстве.....	168
Авдеев И. А. Насыщенный феномен как теоретическое обоснование нуминозного у Рудольфа Отто.....	172
Хазов В. К. Квазиаскетизм как форма актуализации современных траекторий желания	177
ЭЛИТОЛОГИЯ	
Уланов М. С., Эрендженова Ю. Ю. Константы тибетского буддизма в традиционной культуре ойратов.....	184
Глазков А. П., Подвойский Л. Я. Ценности как доминанты сознания и экзистенции	191
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Общественно-экспертный семинар «Перспективы развития транспортного коридора «Север – Юг» в современных геоэкономических условиях»	196
Бережнов Г. В. Макроэкономические предпосылки развития транспортного коридора «Север – Юг».....	197
Вартумян А. А. Влияние транспортных артерий в Каспийском регионе на геополитическое положение в Астраханской области.....	202
Волынский И. А. Роль Астраханской области как ключевого транспортно-логистического узла в международном транспортном коридоре «Север – Юг»	207
Косов Г. В., Гукасов А. В. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: переосмысление ландшафта Евразии (кейс Азербайджана).....	212
Лебедева И. В. Евразийский вектор во внешней политике Европы	218
Магомедов А. К. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: геополитическое, национальное и региональное измерения.....	222
ЮБИЛЕИ Александру Павловичу Луневу – 70 лет	225
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	228
ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ	231

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

Saveleva E. V. (Russia, Astrakhan) About some economic and social results of the great reforms of the 1860–1870s.....	9
Grigorieva N. V. (Russia, Velikiy Novgorod) Novgorod museums in 1941.....	14
Dzhagaeva O. A. (Russia, Elista) From plan to market: the economic development of Mongolia in the 1990s – early 2000s.....	21
Kolotushkin V. G. (Russia, Velikiy Novgorod) Problems of the organization of the partisan province in the North-West of the RSFSR in 1941–1942.....	26
Kulakova N. I. (Russia, Astrakhan) Formation and activities of Astrakhan council of national economy in the 1918s.....	33
Prishchepa A. S. (Russia, St. Petersburg) At a question of the material well-being of the Soviet technical personnel (the 1960–1970s).....	38
Lidgheeva C. F., Olchanova C. V. (Russia, Elista) Training in the Kalmyk school as a component of transformation of the model of society.....	42
Ubushaev V. B. (Russia, Elista) About some peculiarities of the introduction of a new economic policy in Kalmykia (1921–1922).....	47

POLITICAL INSTITUTES, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Gigauri D. I., Gutorov V. A., Shirinyants A. A. (Russia, St. Petersburg, Moscow) Youtube-bloggers as leaders of public opinion of youth: new technologies of identity formation in virtual space.....	51
Baranov N. A. (Russia, St. Petersburg) Crimean factor in the formation of All-Russian civil identity.....	59
Grishin N. V. (Russia, St. Petersburg) A state as an actor of identity construction policy.....	66
Kardava N. V. (Russia, Moscow) Cyber security policy in the EU: national and supranational levels.....	73
Mikhaylenok O. M., Malysheva G. A. (Russia, Moscow) Political relations in the digital networks context.....	79
Nechay V. N. (Russia, Moscow) An issue of researching and forming territorial development of Russia.....	87
Negrov E. O. (Russia, St. Petersburg) Transformation of discourse of European identity: causes, prospects and lessons for Russia.....	96

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Korgunyuk Yu. G. (Russia, Moscow) Organization of American States: contribution to the development of international election standards.....	103
Evstifeev R. V. (Russia, Vladimir) Contentious elections: reasons, results, opportunities for international regulation.....	110
Goryushina E. M. (Russia, Rostov-on-Don) Political risks on the Great Caucasus in the context of modern U.S. – Georgia relations (based on BGRI, The Global Economy & Credendo Group).....	114
Morozova O. S. (Russia, Ryazan) The role of the African Union in the regulating the election process.....	122

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Marisova N. D. (Russia, Astrakhan) Regional museum as a cultural norm: the 100th anniversary of the Astrakhan state picture gallery in the reflection of the historical processes of a country, region, city.....	129
--	-----

Kashkarov A. M. (Russia, Astrakhan) Techno ideology of modern society as a socio-cultural factor in the formation of human caused.....	135
Topchiev M. S. (Russia, Astrakhan) Orthodox landscape of the Far East: comparative analysis.....	142

PHILOSOPHY

Moshchelkov E. N. (Russia, Moscow) The state of social humanitarian knowledge: past experience and modernity.....	148
Verezgova I. V., Tikhonova S. V. (Russia, Moscow) Socio-cultural characteristics of modern youth.....	153
Boldin V. A., Prokudin B. A. (Russia, Moscow) Evolution of Pan-Slavist views of V. I. Lamansky at the beginning of the XX th century.....	158
Ilyin A. A. (Russia, Moscow) Divisible and indivisible in the domestic statehood: genesis and evolution of knowledge about the state.....	168
Avdeev I. A. (Russia, Moscow) Saturated phenomenon as a theoretical explanation of numinous by Rudolf Otto.....	172
Khazov V. K. (Russia, St. Petersburg) Quasiasceticism as a form of actualisation of contemporary trajectories of desire.....	177

ELITIOLOGY

Ulanov M. S., Erendzhenova Yu. Yu. (Russia, Elista) Constants of Tibetan Buddhism in the traditional culture of oirates.....	184
Glazkov A. P., Podvoisky L. Ya. (Russia, Astrakhan) Values as dominants of consciousness and existence.....	191

SCIENTIFIC LIFE

Public Expert Seminar "Prospects for the development of the transport corridor "North – South " in modern geo-economic conditions".....	196
Berezhnov G. V. (Russia, Astrakhan) Macroeconomic pre-conditions of development of a transport corridor are "North – South".....	198
Vartumyan A. A. (Russia, Pyatigorsk) Influence of transport arteries in the Caspian region on the geopolitical situation in the Astrakhan region.....	203
Volynsky I. A. (Russia, Astrakhan) Role of the Astrakhan region as a key transportation and logistics unit in the international "North – South" transport corridor.....	208
Kosov G. V., Gukasov A. V. (Russia, Pyatigorsk) International transport corridor "North – South": rethinking the landscape of Eurasia (case of Azerbaijan).....	213
Lebedeva I. V. (Russia, Astrakhan) Eurasian vector in European foreign policy.....	219
Magomedov A. K. (Russia, Ulyanovsk) International transport corridor "North – South": geopolitical, national and regional dimensions.....	223

JUBILEES

Aleksander Pavlovich Lunev – 70 years old.....	226
--	-----

RULES FOR THE AUTHORS	229
------------------------------------	-----

ORDER OF REVIEWING	232
---------------------------------	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

О НЕКОТОРЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ 1860–1870-х гг.

Савельева Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: elenasava03@gmail.com

Рассмотрены некоторые результаты Великих реформ 1860–1870-х гг. Автор констатирует, что это был редкий в истории пример, когда назревший серьёзный политический и экономический кризис, выразившийся в сохранении крепостного права в самой большой стране мира, который мог привести к значительным социальным потрясениям, удалось разрешить с помощью реформ. Кризис крепостной системы, пронизывавший все стороны жизни страны и тормозивший её развитие, назревал ещё с конца XVIII в. Но огромный масштаб предстоящих изменений, который мог привести к широкому недовольству дворянства, составлявшего основу государственного аппарата и армии, отпугивал правительства Александра I (1801–1825 гг.) и Николая I (1825–1855 гг.), помнивших к тому же судьбу отца – Павла I (1796–1801 гг.), убитого в результате дворянского заговора. Катализатором реформ стало поражение Российской империи в Крымской войне от более передовых европейских держав и смена правительства, произошедшая вследствие вступления на престол нового императора Александра II (1856–1881 гг.). Понимая пагубность поражения в войне для существования государства и учитывая широкое недовольство существующими порядками, Александр II решился на реформы. В результате проведённых в 1860–1870-е гг. изменений Россия освободилась от многих пережитков средневековья, прежде всего от крепостного права. Удалось предотвратить угрозу крупного гражданского конфликта. Пореформенный период стал временем успешного экономического развития России. Строились новые предприятия, значительно увеличилось промышленное производство, велось интенсивное железнодорожное строительство. Именно в этот период в стране появились новые отрасли промышленности, впоследствии сыгравшие значительную роль в её развитии. Речь идёт о нефтедобыче и нефтепереработке. Вместе с тем, проведённые сверху реформы носили компромиссный, незавершённый характер. Остатки феодальных порядков тяжёлым бременем лежали на российской экономике. С каждым годом росло общественное недовольство и оппозиция правительственному курсу, причём как снизу, так и сверху. В этих условиях радикальные группы, исповедовавшие народническую идеологию, перешли к террору, жертвой которого стал в том числе и сам реформатор Александр II.

Ключевые слова: Великие реформы, Александр II, Крымская война, пореформенный период, дворянство, индустриализация, благотворительность, террор, народническое движение

ABOUT SOME ECONOMIC AND SOCIAL RESULTS OF THE GREAT REFORMS OF THE 1860–1870s

Saveleva Elena V., D. Sc. (History), Professor
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: elenasava03@gmail.com

The article discusses some of the results of the Great Reforms of the 1860–1870s. The author states that it was a rare example in history when the imminent serious political and economic crisis, expressed in the preservation of serfdom in the largest country in the world that could lead to significant social upheavals, was resolved with the help of reforms. The crisis of the serf system had been brewing since the end of the 18th century; it permeated all aspects of the country's life and hindered its development. But the enormous scale of the upcoming changes, which could lead to widespread discontent of the nobility, which formed the basis of the state apparatus and the army, frightened the governments of Alexandr I (1801–1825) and Nicholay I (1825–1855), who also remembered the fate of father (Pavel I, 1796–1801), killed as a result of a nobles plot. The catalyst for reform was the defeat of the Russian Empire in the Crimean War from the more advanced European powers and the change of government that occurred as a result of the accession to the throne of the new Emperor Alexandr II (1856–1881). Alexandr II decided to reform, understanding the destructiveness of defeat in the war and, given the widespread dissatisfaction with the existing order. Russia freed from many remnants of the middle ages, especially from serfdom, as a result of the changes in the 1860–1870s. It was possible to prevent a major civil conflict. The post-reform period was a time of successful economic development of Russia. New enterprises were built, industrial production increased significantly, intensive railway construction was carried out. It was during this period that new industries appeared in the country, which later played a significant role in its development. We are talking about oil production and refining. At the same time, the reforms carried out “from above” were of a compromise, incomplete nature. The remnants of the feudal order lay a heavy burden on the Russian economy. Every year, public discontent and opposition to the government's policy grew, both from below and from above. Under these conditions, radical groups professing the populist ideology turned to terror, the victim of which was, among others, the reformer Alexandr II himself.

Keywords: Great reforms, Alexandr II, Crimean war, post-reform period, nobility, industrialization, charity, terror, populist movement

Мировой исторический опыт показывает, что устойчивое развитие экономики и связанный с ним достаток в жизни людей теснейшим образом переплетаются с успешным развитием демократических институтов и развитой социальной политикой государства. Переход от авторитарных обществ к демократии, от рабства к свободе часто сопровождался серьёзными социальными потрясениями, революциями и гражданскими войнами с большим количеством жертв. Достаточно вспомнить итоги Великой Французской революции (1789–1794 гг.), впоследствии перешедшей в длительную полосу наполеоновских войн, потрясших весь мир. Не менее кровавой была отмена рабства в США, сопровождавшаяся разрушительной гражданской войной (1861–1865 гг.). На этом фоне отмена крепостного права в Российской империи и последовавшие за ней Великие реформы по либерально-демократическому преобразованию общества представляются выдающимся достижением правительства императора Александра II, сумевшего провести грандиозные преобразования в огромной стране, не допустив серьёзных социальных потрясений, революций и гражданских войн [13, с. 74]. Этот опыт мирного преобразования огромной страны всегда будет интересен и актуален.

Необходимость в изменениях особенно ярко проявилась в ходе Крымской войны (1853–1856 гг.), которую Российская империя проиграла союзу более развитых экономически европейских стран во главе с Англией. Российская промышленность, основанная на крепостном труде, не могла снабжать армию и флот продукцией, изготовленной по передовым технологиям, как это делала, например, английская промышленность. Война показала тщетность попыток правительства императора Николая I (1825–1855 гг.) не допустить экономического и военного отставания от Европы без серьёзных социально-экономических преобразований и, прежде всего, без отмены крепостного права. Поэтому российские реформы 1860–1870-х гг. были глубоко востребованы и приветствовались различными слоями общества. Можно констатировать возникновение широкого общественного консенсуса по поводу их проведения [8, с. 63].

Реформы реализовывались правительством и являлись, по выражению Н. Эйдельмана, «революцией сверху» [20, с. 25]. Они были результатом компромисса между различными социальными слоями населения. Проводившая их высшая правительственная бюрократия, происходившая из дворянства, старалась максимально учесть именно его интересы при отмене крепостного права и проведении дальнейших преобразований за счёт других слоёв населения. Отсюда незавершённость реформ, противодействие их осуществлению, а то и прямой саботаж и, наконец, поддержанные широким общественным мнением контрреформы 1880-х гг., проведённые правительством Александра III (1881–1894 гг.). Сохранение, пускай и в урезанном виде, привилегий дворянства сопровождалось ущемлением интересов освобождаемого крестьянства, которое ещё несколько десятилетий после освобождения вынуждено было его оплачивать (так называемые «выкупные платежи») и было недовольно ходом осуществления освободительной реформы. Однако несмотря на вышесказанное, каких-либо серьёзных крестьянских восстаний против реформы 19 февраля 1861 г. зафиксировано не было.

Заслуга Александра II и его соратников заключалась в том, что им удалось при проведении масштабных преобразований социально-экономической жизни не только сохранить полный контроль над ситуацией в стране, но и способствовать смягчению социальной напряжённости, возникшей после поражения Российской империи в Крымской войне [6, с. 277].

Все преобразования в стране происходили при активном участии императора Александра II. Его роль в реформировании России огромна. И титул «освободитель», негласно присвоенный ему за проведение крестьянской реформы, может быть трактован гораздо шире, ибо проведённые под его непосредственным руководством реформы способствовали внесению свободы и духа преобразования во многие сферы общественной жизни страны. Вслед за падением крепостничества ушёл в небытие такой остаток средневековья, как система телесных наказаний, успешно была проведена судебная реформа, внёсшая демократические формы в судопроизводство, до этого носившее сословный характер. Успешно были также осуществлены военная, финансовая, земская, городская и университетская реформы.

Значительной заслугой Александра II стало формирование команды из талантливых государственных деятелей, сумевших успешно воплотить в жизнь реформаторский курс. В разные годы в этом принимали участие: брат Александра II, Великий князь Константин Николаевич; Канцлер Российской империи А. М. Горчаков; Председатель Редакционных комиссий по составлению проекта Крестьянской реформы Я. И. Ростовцев; Министр внутренних дел Российской империи в 1855–1861 гг. С. С. Ланской; разработчик крестьянской реформы, во-

следствии член Государственного совета Н. И. Милютин; его брат, военный министр Д. И. Милютин; известный военачальник и государственный деятель, генерал М. Т. Лорис-Меликов и др. [6, с. 73–108]. Историк Н. Я. Эйдельман в своей работе «Революция сверху», прослеживая карьерный путь соратников Александра II, показывает, что многие из них, например братья Милютины, начинали свой путь рядовыми чиновниками, добиваясь всего знаниями, упорством и работоспособностью [20, с. 117–118]. В заслугу императора можно поставить то, что он сумел этих людей найти и привлечь, согласно их способностям, к делу государственного реформирования. Ещё одной заслугой императора являлось стремление привлечь общественную инициативу на помощь правительству. Отсюда происходит создание различных комиссий, обсуждавших проекты будущих реформ [10, с. 97–98].

Обсуждение различных вариантов отмены крепостного права во второй половине 1850-х гг. способствовало усилению политической активности дворянства. Во-первых, выявились подходы, иногда существенно отличающиеся к проведению крестьянской реформы, среди различных региональных дворянских группировок. Во-вторых, интересы дворянской аристократии, владевшей значительным количеством земли и тысячами крепостных, и мелких помещиков также различались. На момент отмены крепостного права никакой единой сплочённой дворянской позиции не наблюдалось, что усиливало позиции реформаторов во главе с Александром II [5, с. 19]. К тому же, несмотря на недовольство отменой крепостного права, значительная часть дворянства (прежде всего мелкое и среднее) сильно зависело от власти и не могло оказать сколь-нибудь существенного сопротивления преобразованиям. Дворянская же аристократия сумела организовать влиятельную группировку при дворе императора. Видными представителями этой группировки являлись: генерал-фельдмаршал, князь Л. Я. Барятинский, Министр внутренних дел в 1861–1868 гг., разработчик земской реформы П. А. Валуев и другие влиятельные государственные деятели. Позиции аристократической партии ещё более усилились после назначения в 1866 г. П. А. Шувалова на должности шефа жандармов и начальника Третьего отделения [18]. Но политическое значение этих сил не стоит переоценивать, тем более демонизировать. В современной историографии аристократическая оппозиция рассматривается чуть ли не единственной силой, сумевшей затормозить процесс реформ во второй половине 1860-х гг. [6, с. 214–215].

Отметим, что власть вынуждена была учитывать широкий спектр общественных настроений, который со второй половины 1860-х гг. складывался не в пользу сторонников реформ. Слишком много наблюдалось недовольства во всех слоях общества, и с этим правительство Александра II вынуждено было считаться, поэтому темпы реформирования были снижены, а влияние аристократов росло [19, с. 6].

Динамику изменений общественного мнения в отношении реформ отразил профессор Санкт-Петербургского университета К. Д. Кавелин: «С иным чувством встречала Россия двадцать лет тому назад новое царствование, чем смотрит на него теперь, когда оно, совершив много «великих дел», окончательно определилось и обозначилось. Тогда все надеялись, многие глубоко верили, что с ним для России наступит новая эра, что наши вековые язвы будут залечены, что нестерпимый гнёт и произвол заменятся прочным законным порядком. Теперь этому больше никто не верит и ни кто не питает никаких надежд» [4, с. 3]. Столь серьёзные колебания как раз и были связаны с половинчатой, компромиссным характером проведённых изменений, а также со стремительными (по меркам того времени) изменениями в социально-экономической жизни страны.

В пореформенный период началось быстрое формирование новых социальных слоёв, присущих капиталистическому обществу, – буржуазии и пролетариата [15]. Однако изменения в социально-экономической сфере не сопровождались изменениями в политической структуре государства. Власть в стране находилась в руках самодержавного монарха, опиравшегося на дворянство, что порождало недовольство прежде всего со стороны набравшей экономической вес буржуазии и связанной с ней интеллигенцией. По мнению современников, «полстолетия в жизни великой страны было занято истребительной войной передовых общественных сил с силами, как принято их называть, охранительными... Борющиеся силы – правительство и передовое образованное общество. Сколько ума, таланта, труда и энергии ушло на междоусобную гражданскую войну, вместо того, чтобы пойти на согласие и дружное государственное строительство» [5, с. 19].

Великие реформы 1860–1870-х гг. являлись попыткой консолидации страны и общества на новой капиталистической основе. Претворение в жизнь реформаторских идей должно было

освободить производительные силы общества от устаревших производственных отношений, сохранявшихся в форме крепостного права, дать мощный толчок экономике в виде быстро формировавшегося свободного рынка труда и в короткие сроки ликвидировать отставание России от европейских стран. В результате осуществления реформ произошло значительное ослабление сословных привилегий. В земствах и городских управах дворяне, купцы, мещане, представители духовенства, крестьяне встречались как равные [14, с. 308]. То же было и в судах. Мировые судьи стали избираться всем населением той административной единицы (округ, уезд и т. д.) которую они должны были представлять в суде [20, с. 142–143]. В результате военной реформы в армию призывались все сословия [20, с. 154]. И хотя, как отмечалось выше, до полной ликвидации сословных привилегий было ещё далеко, тем не менее, дело сдвинулось с мёртвой точки. Однако у сторонников этого курса имелось значительное количество противников, прежде всего среди дворянства, которое многое теряло в результате отмены крепостного права и осуществления либеральных реформ [9, с. 209].

В результате осуществления Великих реформ Россия вышла на передовые позиции в мире по темпам экономического роста и за несколько пореформенных десятилетий к началу XX в. она сумела стремительно преодолеть путь, на который европейские страны затратили столетия. По официальным данным, только в период правления Александра II общая выработка российской промышленности увеличилась в четыре раза. Быстрыми темпами развивалась угольная промышленность [12]. В 1870–1880-е гг. возник целый ряд новых отраслей промышленности, оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие страны, например нефтедобыча и нефтепереработка, машиностроение и др. [1, с. 107–113]. Россия становилась крупнейшим в мире экспортером сельскохозяйственной продукции. Экспорт зерна в 1880 г. В три раза превышал аналогичные показатели двадцатилетней давности и составлял 4 700 000 т [16, с. 40–43].

В пореформенный период произошли значительные положительные изменения в демографии страны [6, с. 261]. С 1860 по 1897 г. население России увеличилось с 74 до 126 млн человек, в основном благодаря естественному приросту. Возросли темпы урбанизации, что стало следствием начавшейся индустриализации. С 1860 по 1897 г. городское население России удвоилось, но в условиях демографического взлёта при преобладании сельского населения это было почти незаметно, и доля городского населения в 1897 г., как и в 1860 г., составляла те же 13 % [7, с. 201].

Растущей промышленности нужны были образованные, квалифицированные кадры, поэтому в период правления Александра II естественным выглядит рост в пять раз государственных расходов на развитие системы образования. Именно в этот период была создана массовая школьная система [17, с. 168]. Создаётся система подготовки технических кадров в виде реальных училищ, дававших среднее техническое образование, и технических вузов. Но помимо технического образования развивалось образование гуманитарное, среднее звено которого представляли гимназии, а высшее – университеты [11, с. 108; 2, с. 21–23]. Большим достижением пореформенного периода стало развитие в России женского образования, в том числе знаменитые Бестужевские курсы [3].

Важным социальным достижением пореформенного периода стало стимулирование развития благотворительной деятельности. Её развитие можно условно разделить на три периода. В 1861–1870 гг. было создано приблизительно 600 благотворительных заведений, в 1871–1880 гг. – 800. Особенно плодотворными для благотворительности стали последние два десятилетия XIX в.: за этот период в России было открыто около 3 000 учреждений. Необходимо отметить, что благотворительная деятельность того времени не ограничивалась только открытием учреждений для попечения сирот, бездомных, больных и т. д., но и дала толчок для развития медицинского образования и медицинской науки. Примером этого стало открытие клинического городка на Девичьем поле в Москве [2, с. 23].

Однако незавершённость реформ, значительное сохранение в экономике крепостнических пережитков, сохранение сословных привилегий, значительное расслоение в распределении доходов между высшими и низшими слоями населения привели к широкому распространению различных революционных учений, народническому движению, террору, жертвой которого стал в том числе и сам реформатор Александр II.

Список литературы

1. Ёргин, Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Д. Ёргин. – Москва : Альпина Паблишер, 2011. – 944 с.

2. Иванов, А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. / А. Е. Иванов. – Москва, 1991. – 393 с.
3. Иванов, А. Е. За право быть студенткой / А. Е. Иванов // Вопросы истории. – 1973. – № 1. – С. 204–207.
4. Кавелин, К. Д. Политические призраки / К. Д. Кавелин. – Берлин, 1878. – 125 с.
5. Котляревский, Н. Канун освобождения – 1855–1861: из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени / Н. Котляревский. – Петроград : Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. – 560 с.
6. Литвак, Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива / Б. Г. Литвак. – Москва : Политическая литература, 1991. – 302 с.
7. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Булавин, 2003. – Т. 2. – 583 с.
8. Мошchelков, Е. Н. Реформы-революции в России как непрерывный циклический процесс (постановка проблемы) / Е. Н. Мошchelков // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. – 1994. – № 5. – С. 63–68.
9. Наше Отечество. Опыт политической истории : в 2 т. – Москва : Терра, 1991. – Т. 1. – 392 с.
10. Никитенко, А. В. Дневник / А. В. Никитенко. – Москва : Художественная литература, 1955. – Т. 2. – 653 с.
11. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А. И. Пискунов. – Москва : Педагогика, 1976. – 599 с.
12. Петров, Ю. А. Российская экономика в начале XX в. / Ю. А. Петров // Россия в начале XX в. – Москва : Новый хронограф, 2002. – С. 130–132.
13. Революция и реформа: их влияние на историю общества // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2. – С. 74–103.
14. Рибер, А. Социальная идентификация и политическая воля: русское дворянство от Петра I до 1861 г. / А. Рибер // П. А. Зайончковский. 1904–1983. Статьи, публикации и воспоминания о нем / под ред. Ю. С. Кукушкина и др. – Москва : РОССПЭН, 1998. – С. 273–314.
15. Сельчук, В. В. Рабочий вопрос в России в публицистике 60-х гг. XIX в. / В. В. Сельчук // Из истории рабочего класса и революционного движения. – Москва : АН СССР, 1958. – С. 224–239.
16. Тери, Э. Экономическое преобразование России / Э. Тери. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 183 с.
17. Узлова, И. В. Реформа образования в контексте великих реформ Александра II / И. В. Узлова // Информация – Коммуникация – Общество. – 2012. – Т. 1. – С. 167–169.
18. Филлипова, Т. А. Петр Аркадьевич Шувалов / Т. А. Филлипова // Российские консерваторы. – Москва, 1997. – С. 24–40.
19. Христофоров, И. А. Аристократическая оппозиция Великим реформам (конец 1850-х – середина 1870-х гг.) / И. А. Христофоров. – Москва : Русское слово, 2002. – 432 с.
20. Эйдельман, Н. Я. «Революция сверху» в России / Н. Я. Эйдельман. – Москва : Книга, 1989. – 176 с.

References

1. Yergin D. *Dobycha. Vsemirnaya istoriya borby za neft, dengi i vlast* [Production. World history of the struggle for oil, money and power]. Moscow, Alpina Publ., 2011, 944 p.
2. Ivanov A. E. *Vysshay ashkola Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Higher School of Russia in the late XIX – early XX centuries]. Moscow, 1991, 393 p.
3. Ivanov A. E. *Zapravo byt studentkoy* [For the right to be a student]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1973, no. 1, pp. 204–207.
4. Kavelin K. D. *Politicheskie prizraki* [Political ghosts]. Berlin, 1878. 125 p.
5. Kotlyarevskiy N. *Kanun osvobozhdeniya – 1855–1861: iz zhizni idey i nastroyeniy v radikalnykh krugakh togo vremeni* [Eve of Liberation – 1855–1861: from the life of ideas and moods in radical circles of that time]. Petrograd, M. M. Stasyulevich Publ., 1916, 560 p.
6. Litvak B. G. *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas reformatorskaya alternativa* [The coup of 1861 in Russia: why the reform-Tor alternative was not realized]. Moscow, Politicheskaya literature Publ., 1991, 302 p.
7. Mironov B. N. *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [The social history of Russia in the period of the empire (XVIII – beginning of the XX century)]. St. Petersburg, Dmitriy Bulavin Publ., 2003, vol. 2, 583 p.
8. Moshchelkov E. N. *Reformy-revolutsii v Rossii kak nepreryvnyy tsiklicheskiy protsess (postanovka problemy)* [Reforms-revolutions in Russia as a continuous cyclical process (problem statement)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Sotsialno-politicheskie issledovaniya* [Moscow University Bulletin. Series 12. Socio-political studies], 1994, no. 5, pp. 63–68.
9. *Nashe Otechestvo. Opyt politicheskoy istorii* [Our Fatherland. The experience of political history]. Moscow, Terra Publ., 1991, vol. 1, 392 p.
10. Nikitenko A. V. *Dnevnik* [A diary]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1955, vol. 2, 653 p.
11. *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. Vtoraya polovina XIX v.* [Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR. The second half of the XIX century]. Ed. by A. I. Piskunov. Moscow, Pedagogika Publ., 1976, 599 p.
12. Petrov Yu. A. *Rossiyskaya ekonomika v nachale XX v.* [The Russian economy in the early XX century]. *Rossija v nachale XX v.* [Russia at the beginning of the XX century]. Moscow, Novyy khronograf, 2002, pp. 130–132.
13. *Revolutsiya i reforma: ikh vliyanie na istoriyu obshchestva* [Revolution and Reform: Their Impact on the History of Society]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and Newest History], 1991, no. 2, pp. 74–103.
14. Riber A. *Sotsialnaya identifikatsiya i politicheskaya volya: russkoe dvoryanstvo ot Petra I do 1861 g.* [Social Identification and Political Will: the Russian nobility from Peter I until 1861]. *P. A. Zayonchkovskiy. 1904–1983. Stati,*

publikatsii i vospominaniya o nem [P. A. Zayonchkovsky. 1904–1983. Articles, publications and memories of him]. Ed by Yu. S. Kukushkina etc. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, pp. 273–314.

15. Selchuk V. V. Rabochiy vopros v Rossii v publiksistike 60-kh gg. XIX v. [The working question in Russia in the journalism of the 60s. XIX century]. *Izistorii rabocheho klassa i revolyutsionnogo dvizheniya* [From the history of the working class and the revolutionary movement]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958, pp. 224–239.

16. Teri Ye. *Ekonomicheskoe preobrazovanie Rossii* [Economic Transformation of Russia]. Moscow, Rosspen Publ., 2008, 183 p.

17. Uzlova I. V. Reforma obrazovaniya v kontekste velikikh reform Aleksandra II [Education reform in the context of the great reforms of Alexander II]. *Informatsiya – Kommunikatsiya – Obshchestvo* [Information – Communication – Society], 2012, vol. 1, pp. 167–169.

18. Fillipova T. A. Petr Arkadevich Shuvalov [Petr Arkadyevich Shuvalov]. *Rossiyskie konservatory* [Russian Conservatories]. Moscow, 1997, pp. 24–40.

19. Khristoforov I. A. *Aristokraticeskaya oppozitsiya Velikim reformam (konets 1850-kh – seredina 1870-kh gg.)* [Aristocratic opposition to the Great Reforms (late 1850s – mid 1870s)]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2002, 432 p.

20. Eydelmann Ya. *“Revolutsiya sverkhu” v Rossii* [“The revolution from the top” in Russia]. Moscow, Kniga Publ., 1989, 176 p.

НОВГОРОДСКИЕ МУЗЕИ В 1941 г.

Григорьева Наталья Васильевна, директор

Новгородский государственный объединённый музей-заповедник

Российская Федерация, 173007, г. Великий Новгород, Кремль, 11

E-mail: n.v.grigoryeva@gmail.com

В 1941 г. новгородские музеи планировали продолжить работу, начатую в последние годы. К ним относились реставрация памятников, археологические раскопки, издательская деятельность. Открывались новые выставки. Особое внимание уделялось новейшей истории страны. Все это закончилось после начала Великой Отечественной войны. Отступление частей Красной армии от западной границы, начавшиеся бомбардировки Новгорода потребовали самой срочной эвакуации населения, предприятий и, всех музейных ценностей. Экспонаты новгородских музеев были вывезены из Новгорода в четыре очереди. 30 июня 1941 г. от городских властей пришёл приказ о начале вывоза музейных ценностей. Но речь шла лишь об уникальных предметах из драгоценных металлов: старинном золоте и серебре из новгородских соборов и монастырей, произведениях новгородского ювелирного искусства. Новгород был оккупирован гитлеровцами и их союзниками, только часть экспонатов музейным работникам удалось эвакуировать в советский тыл и, таким образом, спасти их от уничтожения. Это произошло благодаря самоотверженности музейных работников Новгорода Б. К. Мантейфеля, Н. Г. Порфиридовой, П. А. Крыжановской, Т. Н. Константиновой, Л. А. Коноваловой. Всем им народный комиссар просвещения РСФСР приказом от 4 февраля 1942 г. объявил благодарность «За образцовую работу по эвакуации музейных ценностей».

Ключевые слова: новгородский музей, реставрационные работы, археологические раскопки, Новгородский исторический сборник, Великая Отечественная война

NOVGOROD MUSEUMS IN 1941

Grigorieva Natalya V., Director

Novgorod State Museum Complex

11 Kremlin, Veliky Novgorod, 173007, Russian Federation

E-mail: n.v.grigoryeva@gmail.com

In 1941 the Novgorod museums planned to continue the work they had been doing in the past few years. It included the restoration of monuments, archaeological excavations, and publishing activities. New exhibitions opened. Particular attention was paid to the recent history of the country. All this ended after the beginning of the Great Patriotic War. The retreat of the Red Army units from the western border and the bombing of Novgorod demanded the most urgent evacuation of the population, enterprises and all museum valuables. Exhibits of the Novgorod museums were eligned in four turns. On June 30, 1941, the city authorities gave the order to start the evacuation of museum valuables. But it concerned only unique items made of precious metals: ancient gold and silver items from Novgorod cathedrals and monasteries as well as precious jewelry pieces. Novgorod was occupied by the Nazis and their allies. Museum workers managed to evacuate only a part of the exhibits to the Soviet rear and, thus, save them from destruction. This was due to the commitment of the Novgorod museum workers: B. K. Manteyfel, N. G. Porfiridova, P. A. Kryzhanovskaya, T. N. Konstantinova, and L. A. Konovalova. On February 4, 1942, by the order of the People's Commissar for Education of the RSFSR they all were awarded a commendation “For the exemplary work on the evacuation of museum property”.

Keywords: Novgorod Museum, restoration works, archaeological excavations, Novgorod historical collection, Great Patriotic War

В начале 1941 г. сотрудники новгородских музеев подводили итоги проделанной работы, а также планировали свою деятельность на ближайшие годы. Предполагалось, что в скором времени за счёт отпущенных государством средств часть архитектурных объектов будет отреставрирована. На ремонтные работы памятников древности только за 1940 г. было потрачено 296 тыс. руб. [1]. Несмотря на все экономические и политические сложности этого периода, заметно увеличился туристический поток. «Знаменитые памятники древнерусской архитектуры XI–XVII вв. с их редчайшими стенными росписями, а также богатые коллекции новгородских музеев привлекают в Новгород из отдалённых уголков Советского Союза многочисленных экскурсантов и туристов. Об этом красноречиво говорит общегодовая цифра посетителей новгородских музеев – 100 000 человек» [1].

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. заметно усилилась научная и научно-просветительская составляющая музейной работы. Советско-партийное руководство города отмечало, что «в Новгород ежегодно приезжает много учёных-историков, археологов, искусствоведов, архитекторов, художников, фотографов, студентов и школьников. Изучением истории Новгорода и его памятников специально занимается Новгородская секция Института Истории Академии Наук СССР» [1]. Новгородскими музеями в течение этого времени была проделана большая работа по расширению отделов музея и устройству выставок. Так, в Историческом музее были заново перестроены отдел феодализма и историко-революционный отдел. 1 мая 1940 г. практически заново был создан и открыт отдел народного изобразительного искусства по материалам, собранным во время этнографических экспедиций в Новгородском районе (деревянная резьба, живопись, шитьё и ткани). В ризнице Софийского собора открылась выставка древнего шитья и тканей.

15–16 ноября 1940 г. в Новгороде состоялся учёный пленум Института истории Академии наук СССР. На пленуме было прочтено девять научно-исследовательских докладов, посвящённых истории, археологии и памятникам Новгорода. Этот научный форум привлёк внимание не только историков, но и многих новгородцев. Его работа широко освещалась в местной прессе.

Особое место в работе новгородских музеев занимала издательская деятельность. В этом вопросе музеи тесно сотрудничали с Новгородской секцией Академического института истории СССР. Так, в 1940 г. под редакцией академика Б. Д. Грекова Новгородская секция выпустила целый ряд книг, посвящённых истории Новгорода. Вышли в свет новые выпуски «Новгородского исторического сборника». Были опубликованы научно-популярные брошюры А. А. Строкова «Софийский собор» и «Нередица», В. А. Богусевича – «Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладogi, Порхова и Копорья», И. М. Малия – «Историко-революционные памятники Новгорода» [1]. Таким образом, историки занимались как древней историей своего родного края, так и советской современностью.

В конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. в Новгороде регулярно велись археологические исследования. Так, экспедиция под руководством А. А. Строкова произвела раскопки в южной части Новгородского кремля. Впервые в истории новгородских раскопок общая площадь раскопок достигла 1 100 м². По мнению археологов, ими были открыты развалины Борисоглебской церкви 1167 г., построенной боярином Садко, именно на том самом месте, где в X–XI вв. находился первоначальный деревянный собор.

Производственный план новгородских музеев на 1941 г. был значительно увеличен. Коллектив Управления новгородскими памятниками готовился к новому сезону. Для научной и научно-просветительской работы требовались новые кадры. Их готовил Воскресный университет. Особое место в занятиях уделялось истории СССР и, в частности, родного края. За октябрь – декабрь 1940 г. потенциальные экскурсоводы, обучающиеся на историческом факультете университета, прослушали цикл лекций по истории СССР с древнейших времён.

Чтобы облегчить слушателям самостоятельную работу по истории СССР, в партийном кабинете были организованы консультации по отдельным темам, занятия по которым вели в том числе сотрудники музеев.

5 января 1941 г. прошёл семинар по одной из актуальнейших исторических тем – «Создание русского национального государства и начало превращения его в многонациональное государство». На нём присутствовало 110 слушателей. Этим семинаром руководил преподаватель Воскресного университета В. А. Богусевич [2]. Он ставил отдельные вопросы перед своими слушателями и, соответственно этому, они выстраивали свои выступления по предложенным вопросам.

По мнению пропагандиста городского комитета ВКП (б) Е. Поповой, лучшее изложение фактов дали сотрудники различных советских органов и предприятий Новгорода и Новгородского района: Киприн (Райисполком), Матвеев (мебельная фабрика), Ромис (Леноблторг), Шапиро (радиоузел), Анненкова (обувная фабрика), Евстратов (редакция газеты «Звезда»), Либерман (аптека), Гришин (железная дорога).

Полученные исторические знания должны были трактоваться с марксистской позиции. Особый интерес слушателей вызывали темы, прямо или косвенно относящиеся к их родному городу. Так, Киприн правильно осветил вопрос о завоевании русских феодальных княжеств татарами в XIII в. и об освобождении русских земель от татарского ига в XIII–XIV вв. Либерман обстоятельно рассказал об объединении русских земель под властью великого московского князя во второй половине XV в. Были рассмотрены основные предпосылки создания единого русского государства, а также вопрос присоединения Новгорода к Московскому государству. Слушатель Белехова подчеркнула тот факт, что объединение земель вокруг Москвы было завершено сыном Ивана III Василием III, присоединившим к Москве Псков, Смоленск и Рязань» [2].

Сотрудница горкома ВКП (б), присутствовавшая на занятиях, особо отметила, что тема «Создание русского национального государства и начало превращения его в многонациональное государство имеет большое значение для изучения истории СССР». По её мнению, этот семинар «показал, что слушатели Воскресного университета ознакомились с основными пособиями по истории СССР (учебник истории СССР для вузов, краткий курс истории СССР под редакцией проф. Шестакова, учебник по истории СССР для средних школ), усвоили основные исторические факты в их хронологической последовательности и поняли главные высказывания классиков по данной теме» [2]. Однако, по мнению представителя партийного руководства, практика проведения данного семинара показала, что в работе университета по всем важнейшим темам основ марксизма-ленинизма также необходимо активнее проводить подобные занятия, так как «сочетание серьёзной самостоятельной работы с коллективным обсуждением вопросов заставляет товарищей систематически посещать лекции и консультации и более внимательно слушать их. Об этом должны заботиться и сами слушатели, и секретари партийных организаций, и руководители тех предприятий и учреждений, где работают слушатели» [2]. Дирекция университета должна была заранее вести тщательную подготовку семинара: сообщать план темы, по которой будет проводиться семинар, обеспечить наглядными пособиями и консультациями по всем вопросам истории партии и основных произведений классиков марксизма-ленинизма.

На протяжении всех лет советской власти сотрудники новгородских музеев были вынуждены всячески подчеркивать, что Новгород и новгородская земля – это не только средневековая история. Особый интерес вызывали объекты, прямо или косвенно связанные с революционной борьбой, историей коммунистической партии. Т. М. Константинова и её коллеги провели изыскательские работы, по итогам которых они обнаружили в Новгороде сохранившееся здание, в котором в 1902 г. печаталась социал-демократическая газета «Искра».

В статье «Подпольная типография «Искры» в Новгороде» она написала о том, что организатором её была В. Ф. Кожевникова. Находясь в ссылке в Новгороде, она получила задание из Петербурга организовать тайную типографию. Типография была организована на квартире М. Ф. Устинович, которая проживала во флигеле, принадлежавшем доктору Лебедеву по Лучинской улице, д. № 4» [3]. Эта типография просуществовала в Новгороде недолго, немного более трёх месяцев. В связи с арестами организаторов Псковской конференции социал-демократов и членов Петербургского комитета «Искры» Кожевникова была арестована в Новгороде. Вслед за этим в Новгороде начались обыски и аресты, типография прекратила свою работу. Дом, в котором помещалась подпольная типография «Искры», считался несохранившимся, но работникам Новгородских музеев всё-таки удалось его обнаружить. С целью отыскания этого дома ими были собраны воспоминания Устинович, многочисленные воспоминания старожилов города, после долгих трудов удалось отыскать в техническом бюро горсовета план этого флигеля, снятого в 1900 г.

Трудность поиска заключалась в том, что флигель в 1938 г. был отчислен к другому земельному участку по ул. Горького и отгорожен от прежнего участка забором. В этом здании предполагалось открыть музейную экспозицию. Как заявила Т. Константинова, «Новгородский госмузей берёт этот дом под государственную охрану, в котором предполагает после ремонта устроить филиал музея, посвящённый деятельности В. И. Ленина по организации и руковод-

ству газетой «Искра». Все изучающие курс истории ВКП (б) должны ознакомиться с этим замечательным историко-революционным памятником в Новгороде» [3].

Одной из основных задач советских музеев в этот период была популяризация достижений современников. Одним из наиболее значимых событий начала 1941 г. стала выставка экспонатов промышленности Новгорода и района. Она открылась в трёх залах Новгородского музея социалистического строительства. Из неё было можно получить «яркое представление о том, какими богатствами располагает Новгородский район» [4]. Особо отмечался стенд с экспонатами Новгородской обувной фабрики: «31 вид замечательной высококачественной обуви представлено здесь: изящные дамские туфли, мужские полуботинки с лаковой отделкой, красивые русские хромовые сапоги, башмаки и другая обувь» [4]. Посетители с интересом рассматривали рамы, деревянные просторные бочки, резные чашки – изделия завода им. Халтурина. Много экспонатов представили артели «Маяк», «Баян», «Красный труд», «Обозостроитель».

Раздел выставки, представляющий промышленность Новгородского района, открывался картиной художницы музея Татьяны Гиппиус. На ней был изображен фарфоровый завод «Пролетарий». Большой интерес представляла продукция пролетарцев: «Умело разрисованная талантливыми живописцами завода сверкает переливами красок фарфоровая посуда. Большой художественный монтаж в фотоснимках показывает весь процесс производства на фарфоровом заводе» [4]. Здесь же было отведено отдельное место крупнейшему торфяному хозяйству, находящемуся на территории района – Тёсовострою.

Посетители отмечали, что эта выставка, подготовленная Т. М. Константиновой, «оставляет замечательное впечатление. Она умело и высокохудожественно оформлена» [4].

На территории района не было крупных промышленных заводов и предприятий. Но подготовленная и открытая выставка на практике воплощала в жизнь постановление Центрального Комитета ВКП (б) и Совнаркома Союза ССР «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья» от 7 января 1941 г. Всеми экспонатами подчёркивалось, что трудящиеся Новгорода и района создают новую сеть производственных точек, новые артели и мастерские для обеспечения местного рынка в полном объеме предметами широкого потребления.

Выставка, посвящённая промышленности города и района, свидетельствовала о том, что Новгородский край располагал большими возможностями для выпуска предметов народного потребления.

В советских газетах регулярно выходили статьи о знатных людях – передовиках производства, стахановцах и новаторах. Особой честью являлась публикация в праздничных номерах: 7 ноября или 1 мая. Одним из героев первомайского номера «Звезды» стала Тамара Константинова: «Семь лет тому назад в Новгородское управление государственных музеев прямо со школьной скамьи поступила работать молодая девушка Тамара Константинова» [5]. Зачисленная на должность экскурсовода-практиканта, Тамара сразу же убедилась в том, что для выполнения этой работы у неё нет необходимых знаний, что ей не справиться с научно-просветительской работой музейного работника. Всеми своими сомнениями она поделилась с руководителем Новгородских музеев А. А. Строковым: «Не дури, Тамара, – не боги горшки обжигают, – ответил он ей, – а вот учиться тебе действительно надо. Об этом мы уже позаботимся. И он засадил практиканток за учёбу. Занимался с ними сам, привлёк к преподаванию научных сотрудников. Учил настойчиво, требовательно, постоянно внушал, что работа музейного работника есть тяжёлый, кропотливый, но благородный труд» [5].

Автор этой публикации В. Павлов особо отметил, что для того, чтобы стать действительно хорошим специалистом-историком, настоящим сотрудником новгородского музея, необходима серьёзная систематическая учеба: «Тамара с головой ушла в учёбу, жадно впитывала каждое слово преподавателя. С радостью она замечала, что учёба благотворно отражается на её практической работе. Месяца через два Тамара уже отлично объясняла экскурсантам новгородские памятники, сделалась лучшим экскурсоводом. Не ограничиваясь учёбой в управлении музеев, Тамара поступила на заочный факультет ЛГПИ им. Герцена и на отлично окончила его. Сейчас Тамара Матвеевна Константинова заведует историческим музеем – крупнейшим музеем Новгорода» [5].

Из статьи следует, что именно она провела огромную работу по реорганизации музея: «всё время старается обогатить его новыми памятниками старины. В прошлом году благодаря её стараниям был обнаружен в Новгороде домик, в котором помещалась подпольная типография

“Искры” под кличкой “Акулина”, работавшая в период подготовки ко второму съезду РСДРП. Домик этот долгое время считался разрушенным.

К 1 Мая тов. Константиновой открыт при музее новый отдел местной промышленности» [5].

Историк, работавший в то время в музее, по мнению советско-партийного руководства, был обязан быть пропагандистом. Поэтому главным, по мнению журналиста, являлось следующее: «Тамара Матвеевна неустанно пополняет свои знания, упорно овладевает революционной теорией, работает над первоисточниками марксизма-ленинизма. Каждый день, каждый час она стремится сделать исторический музей достойным Новгорода – кафедры истории, сделать его таким, чтобы каждый трудящийся мог хорошо понять тяжёлое прошлое русского народа и научиться ценить настоящее» [5].

Новгородским музеям оказывали помощь и коллеги из других музеев страны, в первую очередь из областного центра – из Ленинграда.

Одним из символов Советского Союза конца 1930-х – начала 1940-х гг. стало освоение Севера, трудовые и научные подвиги, совершённые там. Всеобщей известностью пользовались герои-папанинцы, совершившие дрейф на станции «Северный полюс 1».

В апреле 1941 г. на страницах районной газеты «Звезда» была опубликована информация о выставке «Советская Арктика», открытой при содействии Ленинградского арктического музея: «С 30-го апреля в г. Новгороде в помещении Детского дома культуры начала работу выставка, посвящённая освоению советской Арктики, разместилась в двух больших залах» [6]. В экспонатах, фотодокументах и диаграммах на выставке были показаны: природа Арктики, история освоения Великого Северного морского пути, героические дрейфы папанинцев и севодцев. Целый раздел посвящался хозяйству и национальной культуре Крайнего Севера.

На выставке имелись подлинные вещи экспедиции на Северный полюс, которую возглавил Иван Дмитриевич Папанин. Посетители могли увидеть шёлковую палатку, нарты, одежду и некоторые научные приборы. Вместе с отважными исследователями эти вещи проделали путь от Северного полюса до берегов Гренландии.

Выставку обслуживали ленинградские экскурсоводы музея Арктики А. Д. Самсонов и О. А. Вадиковская. Заведующая выставкой З.П.Малиновская в беседе с новгородским корреспондентом сообщила, что выезд филиала музея Арктики на периферию – это первый опыт, который, по её мнению, вполне себя оправдал: «В нынешнем году с 16 февраля по 18 марта филиал находился в г. Боровичах, где обслужил около 11 тыс. человек. В Новгороде мы пробудем тоже около месяца, необходимо отметить большой интерес новгородцев к выставке, рассказывающей об освоении Арктики» [6].

С конца 1930-х гг. в Советском Союзе активизировался интерес к древней истории страны. На экраны кинотеатров вышли такие фильмы, как «Петр Первый», «Минин и Пожарский» и «Александр Невский». Последний был непосредственно связан с историей Новгорода. Активнее стали популяризироваться достижения отечественной археологии. 8 марта 1941 г. в газетах публикуется сообщение ЛенТАСС «Археологическое изучение древнерусских городов», в котором давалась информация об открытии 11 марта в Ленинграде пленума Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР. На нём предполагалось обсудить итоги археологического изучения древнерусских городов после Октябрьской революции. Рассматривались планы археологической работы в Новгороде, Пскове, Калининe, Владимире, Горьком и других городах.

Специальное заседание этого пленума было непосредственно посвящено археологическому изучению Великого Новгорода. С докладами о последних раскопках в Кремле и разведках на территории города выступили московские археологи А. В. Арциховский и С. А. Тараканова, а также руководитель археологической секции филиала института истории в Новгороде А. А. Строков.

На 1941 г. в Новгороде были запланированы масштабные ремонтно-реставрационные работы памятников старины. В беседе с корреспондентом газеты «Звезда» учёный секретарь Новгородских музеев В. А. Богусевич сообщил следующее: «В 1941 году будут произведены реставрационные работы по архитектурным памятникам Новгорода, его окрестностей и в филиале управления Новгородских музеев – в Старой Ладогe, Волховского района.

В Новгороде будет закончен ремонт стен и башен кремля, который начат ещё в 1936 году. Научное исследование этого памятника показало, что в древнее время стены кремля были побелены. Обнажившаяся в течение веков кирпичная облицовка в нынешнем году будет снова

покрыта известковой побелкой, это восстановит первоначальный облик кремлёвских стен и башен. Известковая побелка одновременно будет служить и предохранением от выветривания кирпичной кладки.

Нынче же будет закончена реставрация архитектурного памятника XIV века церкви в селе Волотово.

Большие реставрационные работы будут вестись по Георгиевскому собору XII века в бывшем Юрьевском монастыре.

Также будут проведены крупные работы по восстановлению целого архитектурного комплекса Вяжицкого монастыря, который расположен в 12 км от Новгорода. Этот памятник особенно интересен богатым декоративным убранством фасадов зданий и входов в них, украшенных поясами многоцветных изразцов.

В Старой Ладогe будут продолжены работы по укреплению стен и башен каменной крепости XII–XVI веков.

В Новгороде будет восстановлен недавно найденный историко-революционный памятник – деревянный домик, в котором в 1902 году помещалась подпольная типография Ленинградской «Искры».

Для производства реставрационных работ государством отпущено более 3000 тысяч рублей» [7].

В конце весны 1941 г. начался ремонт Новгородского Кремля. Планировалось закончить полное восстановление стен Кремля, начатое в 1939 г. По восстановлению все башни и внешнюю сторону Кремля собирались побелить. На эти работы только в 1941 г. предполагалось затратить около 100 тыс. руб. [8].

На 1941 г. было запланировано продолжение археологических раскопок, начатых ранее. Их проводили Новгородская секция АН СССР и управление Новгородских музеев: «В настоящем году раскопки будут проведены на площади более 3 тысяч квадратных метров. Раскопки такой огромной площади проводятся впервые в истории археологической науки. Предполагается, что будут открыты: Епископская улица, первый деревянный настил, который был сделан в конце X века, и много остатков жилых, ремесленных и хозяйственных сооружений, собран богатый вещественный материал, характеризующий различные стороны жизни древних новгородцев» [9].

По-прежнему важным направлением работы являлась издательская деятельность. Так, было подготовлено второе издание путеводителя по Великому Новгороду А. А. Строкова «Памятники древнего Новгорода» (первое вышло в 1937 г.). Исторический очерк второго издания был увеличен, а сам он отредактирован академиком Б. Д. Грековым.

25 мая 1941 г. новгородские читатели узнали, что «на днях выйдет восьмой выпуск «Новгородского исторического сборника». Размер его – 9 печатных листов, он хорошо иллюстрирован» [9].

Жизнь всех граждан Советского Союза перевернулась 22 июня 1941 г. Началась Великая Отечественная война. В первый же день директор музея А. А. Строков собрал музейный коллектив на митинг и призвал соблюдать спокойствие и продолжать работу, как прежде [12, с. 42].

Н. Г. Порфиридов, услышав по радио весть о нападении нацистской Германии, прервав отпуск, вернулся в Новгород. Строков, который в первые же дни войны был призван в армию как политработник, просил Порфиридова помочь музею в эвакуации, «если она окажется неизбежной» [12, с. 43].

По инерции на страницах газет появлялись материалы, явно относившиеся к реалиям мирного времени. Так, «Звезда» за 27 июня 1941 г. опубликовала следующие заметки: «Детские ясли работают хорошо», «Колхозные сады», «Едут в санатории и дома отдыха». Были, конечно, и военные материалы: «На фронты Отечественной войны», «Казацкая пуля, казацкая сабля, всюду настигнут врага!». В этом же номере вышло небольшое сообщение, подписанное Н. Порфиридовым: «Поступил в продажу 3–4 выпуск «Новгородского исторического сборника», издаваемого Новгородской секцией Института Истории Академии Наук СССР. Сборник отредактирован академиком Б. Д. Грековым.

В сборнике помещён ряд статей, посвящённых историческим эпизодам защиты нашей Родины от немецких агрессоров и героической борьбы русского народа с интервентами. Например, А. Строков – «Разгром немецких «псов-рыцарей» на льду Чудского озера 1242 году»; В. Богусевич – «Уничтожение Александром Невским немецко-рыцарского войска в Копорье» [10].

Следует отметить, что указанный выпуск вышел в 1938 г., т. е. ещё до заключения между Советским Союзом и нацистской Германией договора о ненападении. Но сотрудникам Новгородского сектора нужно было показать, что историческая наука встала в общий строй борьбы с немецкими захватчиками.

30 июня 1941 г. из горисполкома пришёл приказ о начале вывоза музейных ценностей, причём речь шла лишь об уникальных предметах: старинном золоте и серебре из новгородских соборов и монастырей, произведениях новгородского ювелирного искусства (около 2 тыс. ед.). Горком выделил два вагона и автотранспорт, строго следил за сроками подготовки груза [11, с. 61]. Но всего этого было явно недостаточно. Позднее Н. Порфиридов вспоминал: «Нам казалось, что в этих условиях надо бы, оставив другие дела, употребить все имевшиеся силы музеев на упаковку коллекций и использовать все возможности города для их вывоза. Но директивы были иные: не закрывать музеев – нельзя оставить бойцов без культурного отдыха» [13, с. 240].

Отступление частей Красной армии от западной границы, начавшиеся бомбардировки Новгорода диктовали необходимость срочной эвакуации населения, предприятий и, безусловно, всех музейных ценностей. Экспонаты новгородских музеев были вывезены из Новгорода в четыре очереди.

Благодаря самоотверженности музейных работников Новгорода (Б. К. Мантейфеля, Н. Г. Порфиридовой, П. А. Крыжановской, Т. Н. Константиновой, Л. А. Коноваловой и др.) основные ценности были спасены [11, с. 63].

Всем им народный комиссар просвещения РСФСР приказом от 4 февраля 1942 г. объявил благодарность «За образцовую работу по эвакуации музейных ценностей». Их имена были занесены в Книгу почёта политпросветучреждений Наркомпроса РСФСР.

Но значительная часть музейных предметов так и осталась в оккупированном гитлеровцами и их союзниками Новгороде. Некоторые из них после долгих лет поисков были обнаружены за пределами нашей страны. Благодаря совместным усилиям российских и немецких ученых-музейщиков их удалось вернуть на Родину.

Список литературы

1. Звезда. – 1941. – 1 января.
2. Звезда. – 1941. – 9 января.
3. Звезда. – 1941. – 21 января.
4. Звезда. – 1941. – 19 февраля.
5. Звезда. – 1941. – 1 мая.
6. Звезда. – 1941. – 9 апреля.
7. Звезда. – 1941. – 18 апреля.
8. Звезда. – 1941. – 15 мая.
9. Звезда. – 1941. – 25 мая.
10. Звезда. – 1941. – 27 июня.
11. Кантор, Ю. З. Невидимый фронт. Музеи в России. 1941–1945 гг. / Ю. З. Кантор. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – 384 с.
12. Маркина, Г. К. Спасение новгородских сокровищ / Г. К. Маркина // Музейный фронт Великой Отечественной. 1941–1945. – Москва : Гелиос АРВ, 2014. – 720 с.
13. Порфиридов, И. Г. Новгород. 1917–1941: Воспоминания. / И. Г. Порфиридов. – Ленинград : Лениздат, 1987. – 256 с.

References

1. *Zvezda* [Star], 1941, January 1.
2. *Zvezda* [Star], 1941, January 9.
3. *Zvezda* [Star], 1941, January 21.
4. *Zvezda* [Star], 1941, February 19.
5. *Zvezda* [Star], 1941, May 1.
6. *Zvezda* [Star], 1941, April 9.
7. *Zvezda* [Star], 1941, April 18.
8. *Zvezda* [Star], 1941, May 15.
9. *Zvezda* [Star], 1941, May 25.
10. *Zvezda* [Star], 1941, June 27.
11. Kantor J. Z. Nevidimyy front. Muzei v Rossii. 1941–1945 gg. [The unseen battlefield. Russian Museums, 1941–1945]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017, 384 p.
12. Markina G. K. Spasenie novgorodskikh sokrovishch [The rescue of Novgorod's greatest treasures]. *Muzeynyy front Velikoy Otechestvennoy. 1941–1945* [The museum front of the Great Patriotic war, 1941 – 1945]. Moscow, Gelios ARV Publ., 2014, 720 p.
13. Porfiridov I. G. *Novgorod. 1917–1941: Vospominaniya* [Novgorod, 1917–1941: Memory Lane]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1987, 256 p.

**ОТ ПЛАНА К РЫНКУ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОНГОЛИИ
В 1990-е – НАЧАЛЕ 2000-х гг.**

Джагаева Ольга Александровна, доктор исторических наук
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: jogaeva@mail.ru

После крушения Советского Союза в 1991 г. тесно связанная с ним Монголия испытывала серьёзные трудности. На протяжении 70 лет (с 1920-х по 1980-е гг.) СССР был основным инвестором монгольской экономики. Фактически возводимая в послевоенный период промышленность Монголии закладывалась как часть единого с Советским Союзом хозяйственного комплекса. Вершиной советско-монгольского экономического сотрудничества стал построенный в 1978 г. крупнейший в Азии горно-обогатительный комбинат Эрдэнэт. После 1991 г. Правительству Монголии пришлось в срочном порядке искать новые пути развития для экономики страны. Было решено максимально привлекать в страну иностранных инвесторов. Этому было подчинена выработка нового законодательства, в частности Закон об иностранных инвестициях, впервые принятый в 1991 г., затем, с учётом экономической практики, новые редакции этого закона принимались в 1993, 2001 и 2002 гг. В работе показаны трудности, с которыми пришлось столкнуться Монголии на этом пути в условиях жёсткой конкуренции на мировых финансовых рынках. С начала 2000-х гг. начали вновь налаживаться российско-монгольские экономические связи. Несмотря на то, что Монголия теперь стремится к развитию гармоничных отношений со всеми странами Дальнего Востока, Россия всегда являлась и является приоритетным, стратегическим партнером, союз с которым является залогом будущего для этой азиатской страны.

Ключевые слова: Монголия, Советский Союз, Россия, Эрдэнэт, экономика, промышленность, сотрудничество, инвестиции, закон

**FROM PLAN TO MARKET: THE ECONOMIC DEVELOPMENT
OF MONGOLIA IN THE 1990s – EARLY 2000s**

Dzhagaeva Olga.A., D. Sc. (History)
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykiya, Russian Federation
E-mail: jogaeva@mail.ru

Mongolia closely associated with Soviet Union, experienced serious difficulties after it the collapse of the in 1991. The USSR was the main investor in the Mongolian economy during 70 years (1920s–1980s). The industry of Mongolia, which was actually built in the post-war period, was laid as part of a single economic complex with the Soviet Union. The pinnacle of the Soviet-Mongolian economic cooperation was built in 1978, the largest in Asia ore-dressing plant Erdenet. The Government of Mongolia had to urgently look for new ways of development for the country's economy after 1991. It was decided to attract foreign investors to the country as much as possible. The development of new legislation, in particular, the Law on Foreign Investments, which was first adopted in 1991, was then subordinated to this. Then, taking into account economic practice, new versions of this law were adopted in 1993, 2001 and 2002. The paper shows the difficulties that Mongolia had to face on this path, in the conditions of fierce competition in world financial markets. Since the beginning of the 2000s Russian-Mongolian economic ties began to grow again. Despite the fact that Mongolia is now striving to develop harmonious relations with all countries of the Far East, Russia has always been and is a priority, strategic alliance partner with which is the key to the future for this Asian country.

Keywords: Mongolia, Soviet Union, Russia, Erdenet, economy, industry, cooperation, investment, law

В 1920–1980-х гг. основным инвестором для монгольской экономики был Советский Союз. «Советская помощь дружественному монгольскому народу» с целью подъёма монгольской экономики проходила по многим направлениям: строительство и технологическое оснащение предприятий промышленности, поддержка животноводства и традиционных аратских хозяйств, внедрение научно-технических достижений, освоение целинных земель, строительство транспортных коммуникаций и т. д. Одним из аспектов такого взаимодействия следует выделить инвестиции Советского Союза / Российской Федерации в экономику Монголии для организации совместных промышленных предприятий. Этот вид экономического взаимодействия, на наш взгляд, – один из наиболее эффективных и перспективных форм сотрудничества России и Монголии в настоящем и будущем.

Практика создания совместных предприятий берёт своё начало ещё в советский период, и сторонами был накоплен значительный опыт в этой области.

Толчком для начала крупных вложений СССР в горнодобывающую промышленность МНР стал период Великой Отечественной войны. Советский Союз был заинтересован в бесперебойной работе и развитии промышленности МНР, продукция которой шла не только на нужды Монголии, но и являлась серьёзным подспорьем для обеспечения фронта. Советский Союз осуществлял финансирование реконструкции и модернизации производств Монгольской Народной Республики. Возводились новые предприятия добывающей (обогатительная фабрика в Чоноголе) и деревообрабатывающей (спичечная фабрика) промышленности, осуществлялась разведка полезных ископаемых на территории Монголии, особенно углеводородов и угля [6, с. 58]. По договору о сотрудничестве в области развития угольной промышленности МНР при помощи Советского Союза в 1941–1942 гг. были проведены геологоразведочные работы, результатом которых стало открытие богатого месторождения бурого угля на востоке Монгольской Народной Республики. Строительство шахт и начало эксплуатации месторождения позволило увеличить объёмы угледобычи с 1941 по 1946 г. на 70 % [1, с. 287]. В 1941–1945 гг. Комитет наук МНР снарядил нескольких геологоразведочных экспедиций, в состав которых входили учёные-геологи из Советского Союза. Результатом геологических изысканий стали открытия месторождений чёрных и цветных металлов, угля, золота [12, с. 172–173]. Разработка полезных ископаемых, строительство новых предприятий и реконструкция существовавших позволили монгольской стороне расширить спектр выпускаемой продукции по приоритетным в военный период направлениям [5, с. 92].

В послевоенный период инвестирование СССР в монгольскую добывающую промышленность продолжилось. Следует отметить постепенный рост доли тяжёлой промышленности в общей структуре промышленности МНР. Так, на встрече в Москве между правительствами двух стран в 1959 г. в числе прочего обсуждался вопрос об активизации поисковых и геологоразведочных работ. По результатам встречи было выработано совместное соглашение «Об оказании СССР помощи Монгольской Народной Республике в освоении целинных земель и в проведении геолого-поисковых работ» [3, с. 67].

При непосредственном участии СССР в Монгольской Народной Республике были созданы целые города, включавшие в себя комплекс промышленных предприятий, построенных советской стороной «под ключ». В их числе крупнейший город современной Монголии – Дархан, построенный в 1961 г., чтобы стать центром промышленности северной части Монголии.

В 1973 г. начало свою деятельность совместное советско-монгольское хозяйственное объединение по добыче и обогащению цветных металлов «Монголсовцветмет». Создание этого объединения дало толчок для расширения производственной деятельности других отраслей монгольской промышленности. Вершиной советско-монгольского экономического сотрудничества стало строительство и ввод в строй крупнейшего в Азии (на тот момент времени) горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт», начавшего работу в 1978 г.

К концу 1980-х гг. целый ряд крупных советско-монгольских предприятий и объединений вели на территории Монгольской Народной Республики совместную хозяйственную деятельность в таких важных для экономики республики сферах, как строительство и эксплуатация железнодорожного транспорта, геологоразведочные работы и промышленное производство (созданные на основе межправительственных соглашений за счёт советских и монгольских государственных инвестиций) [10, с. 25].

Поиск путей эффективного развития экономики в Советском Союзе и связанная с этим перестройка её работы во второй половине 1980-х гг. породили необходимость подобных изменений и в Монгольской Народной Республике. В 1988 г. был принят первый Закон МНР о государственном предприятии, в соответствии с которым каждое совместное предприятие было обязано самостоятельно разрабатывать и утверждать пятилетние и годовые планы. Начиная с 1989 г., предприятия с иностранными инвестициями стали пользоваться правом самостоятельно распоряжаться частью валютных средств в целях приобретения на международном рынке машин, оборудования, материалов, запасных частей и других товаров производственно-технического назначения. Кроме того, этим предприятиям было предоставлено право самостоятельно реализовывать часть выпускаемой продукции, а получаемую таким образом прибыль использовать на расширение и модернизацию производства [4, с. 46].

Другой важной вехой на пути Монгольской Народной Республики к рыночной экономике стало принятие в 1991 г. Закона об иностранных инвестициях. Главным достоинством этого документа, на наш взгляд, было предоставление правительственных гарантий иностранным инвесторам, вкладывавшим свои капиталы в развитие национальной экономики. Принципиально важным положением этого закона, отражавшим курс страны на переход к рыночной экономике, стало разрешение инвестирования в экономику не только предприятиям и компаниям, но и частным лицам, причём как гражданам иностранных государств, так и МНР. В законе учитывались особенности логистики монгольской экономики: отсутствие выхода к морю, неразвитость инфраструктуры, отсутствие дешёвого транспорта и т. д. В документе учитывалось и то обстоятельство, что в Монголии в течение 60 лет отсутствовала широкая практика работы с иностранным капиталом [2, с. 24]. Закон предоставлял иностранным инвесторам значительные льготы: невысокие налоговые ставки, освобождение от уплаты налогов в течение первых трёх лет после начала работы в стране, возможность для иностранных специалистов, принимавших участие в реализации проектов, переводить часть своих доходов за границу без взимания за это каких-либо специальных налогов и т. д. [11, с. 10].

Принимая Закон об иностранных инвестициях, Правительство рассчитывало, что они помогут ускорить экономическое развитие страны. Правительство Пунцагийн Жасрая (премьер-министр Монголии в 1992–1998 гг.) ввело режим свободного обмена тугрика в СКВ и продолжило ослаблять государственное ценообразование. Но предоставляя широкие права и льготы частным инвесторам, правительство Монголии в то же время пыталось защищать интересы собственной промышленности. Вводилось платное пользование землёй, водой, лесными ресурсами и другими природными богатствами. С целью сохранения уникальной природы Монголии вводился жёсткий экологический контроль. Заинтересованная сторона в заявке на открытие предприятия должна была предоставить юридические гарантии охраны окружающей среды и незагрязнения воздушной атмосферы [4, с. 44].

Реализация Закона об иностранных инвестициях началась в условиях серьёзных затруднений, которые испытывала монгольская экономика, лишённая помощи со стороны Советского Союза. Не хватало кадров, способных выстроить эффективную стратегию переговоров с иностранными инвесторами, национальная валюта Монголии – тугрик – была неконвертируема. Сложность представляло и то обстоятельство, что иностранные инвесторы не знали монгольского рынка, особенностей спроса и предложения. Тем не менее, почти сразу же после принятия Закона об иностранных инвестициях потенциальные инвесторы начали зондировать почву. Одними из первых Монголию посетили представители известной английской компании «Бритиш Петролиум» с намерением обсудить возможность разведки нефти на территории МНР. Кроме того, некоторые фирмы из Италии, Японии, США, Гонконга и ФРГ проявили интерес к инвестированию в экономику страны [11, с. 10].

Закон 1991 г. был несовершенно. В нём, в частности, не предусматривался ряд льгот, в том числе, по налогообложению, которые были прописаны в подобных законах других развивающихся стран. Конкуренция на мировых финансовых рынках была очень жёсткая, и «недоработки» в национальном законодательстве, регулировавшим инвестиционную деятельность, самым неблагоприятным образом сказались на рейтинге страны. По оценке английской газеты «*Euromoney*», которая провела в мае 1992 г. экспертную оценку степени риска инвестиций в 169 странах, Монголия занимала 145 место [11, с. 10]. На монгольский финансовый рынок в 1990-е гг. заходили, прежде всего, мелкие иностранные компании, специализировавшиеся преимущественно на торгово-посреднических операциях [8, с. 82].

Преодолеть недостатки данного законодательного акта, основываясь на трёхлетнем опыте его применения, был призван новый, скорректированный Закон об иностранных инвестициях, принятый Великим Государственным Хуралом Монголии в мае 1993 г. С учётом предыдущего опыта, его содержание было приближено к практике функционирования рыночной экономики.

В обновленном варианте закон предложил инвесторам общие налоговые послабления, касавшиеся топливных и энергетических проектов, разработки полезных ископаемых и обработки минерального сырья, компенсацию в случае, если правительство изымет землю, сданную в аренду иностранному инвестору, до истечения срока аренды. В законе нашла подтверждение гарантия защиты инвесторов от национализации или незаконной конфискации

имущества на территории Монголии. Он предоставил вкладчику право управления капиталом, а также право перевода прибыли за рубеж. Была предусмотрена возможность налоговых льгот в течение трёх лет, а в случае взимания налога его размер не должен был превышать 40 % прибыли. Полагающиеся выплаты предприятий и организаций с участием иностранных инвестиций должны были рассчитываться с учётом текущих цен мирового рынка [4, с. 44]. Особые льготы, согласно Закону об иностранных инвестициях и новому налоговому законодательству, стали полагаться предприятиям с участием иностранного капитала, работавшим в сфере строительства и эксплуатации электро- и теплостанций, электро- и тепловых сетей, автомобильных и железных дорог, авиационных и инженерных сооружений, телекоммуникаций. Такие совместные предприятия в течение первых 10 лет освобождались от уплаты подоходного налога, а в течение последующих 5 лет с них взимался налог в размере 50 % [7, с. 38]. На конференции инвесторов, организованной монгольским правительством совместно с Всемирным банком в 1997 г., высокую оценку с точки зрения привлекательности для иностранных инвесторов получила горнодобывающая отрасль монгольской экономики [11, с. 11].

Со вступлением в силу редакции Закона об иностранных инвестициях (в редакции от 1993 г.) приток иностранных инвестиций увеличился. Вновь создаваемые совместные предприятия подлежали регистрации в Главном налоговом управлении Монголии. По его оценке, реально в экономику страны в 1991–1993 гг. было вложено (в форме прямых иностранных инвестиций) 15,9 млн долл., 1996 г. – примерно 140 млн долл. [7, с. 38–39].

Политика привлечения иностранных инвестиций в Монголию начала приносить свои плоды. Приток зарубежных инвестиций постепенно стал увеличиваться. Так, если в 1991 г. соответствующими официальными органами было выдано только девять лицензий на создание совместных предприятий, то в 1993 г. – 45 и в 1994 г. – 119 [10, с. 37]. Самым крупным торговым партнером Монголии в 1990-е гг. становится Китай. Доля торговли с Китаем в общем балансе внешней торговли Монголии возросла с 1,4 % в 1989 г. до 15,4 % в 1995 г., а доля в экспорте за те же годы поднялась до 21,7 %. В 1992–1997 гг. КНР предоставила Монголии кредиты на общую сумму 130 млн долл. [9, с. 188].

С начала 2000-х гг. вновь стало расти российско-монгольское сотрудничество. В 2002 г. работало более 170 совместных предприятий с уставным капиталом более 50 млн долл. [10]. 30 сентября 2002 г. Россия и Монголия подписали протокол о совместной эксплуатации месторождения серебра «Асгат». Это был один из 176 проектов, предварительно разосланных участникам инвестиционного форума. 30 октября – 4 ноября 2001 г. в Москве прошли переговоры министров иностранных дел России Игоря Иванова и Монголии Лувсангийн Эрдэнэчулууна, на которых рассматривалась необходимость более полного использования существовавшего потенциала для укрепления сотрудничества двух стран. Было констатировано, что развитие торгово-экономического сотрудничества России и Монголии пока ещё не достигло уровня, отвечающего потребностям и возможностям двух государств.

Опыт показал, что необходимость поддержания дружественных отношений Монголии с Россией продиктована объективными условиями и историческими традициями. Преодолев период застоя и отчуждения (1990–1992), российско-монгольские отношения стали выходить на новый уровень. Характерной чертой их стало соблюдение добрососедских, дружественных отношений, как это зафиксировано в двустороннем договоре от 20 января 1993 г. – базовом правовом документе, регулировавшем весь спектр российско-монгольского сотрудничества. В рассматриваемый период оно особенно быстро развивалось в области политики, а некоторое замедление его в экономической сфере представляется результатом внутренних трудностей переходного периода. Исторический опыт показывает, что в таком сотрудничестве нуждаются и Россия, и Монголия.

Список литературы

1. Батбаяр, Ц. А. Опыт сотрудничества Монголии и Советского Союза в годы Великой Отечественной войны / Ц. А. Батбаяр // Преподаватель XXI в. – 2013. – № 2. – С. 283–288.
2. Бойкова, Е. В. Отношения МНР с капиталистическими и развивающимися странами. 60–70-е годы / Е. В. Бойкова. – Москва : Наука, 1982. – 176 с.
3. Гатаулина, Л. М. Монгольская Народная Республика и социалистическом содружестве / Л. М. Гатаулина. – Москва : Наука, 1964. – 234 с.

4. Гербова, А. А. Некоторые итоги экономической реформы и политики открытости Монголии / А. А. Гербова // *Азия – 2000: путь к сотрудничеству и экономическому обновлению*. – Москва : Ин-т междунар. экономич. и политич. исследований РАН, Центр азиатских исследований, 2001.
5. Дружба навеки: очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской народной республики (1949–1960 гг.). – Москва : Науч.-исслед. ин-т истории экономики права, 2018. – 250 с.
6. Дугаржав, Л. Фронт Цэгмид — символ вечной и нерушимой дружбы народов Монголии и России (к 67-й годовщине победы в Великой Отечественной войне) / Л. Дугаржав // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2012. – Т. 8, № 22 (163). – С. 56–62.
7. История Монголии. XX в. / отв. ред. Г. С. Яскина, М. И. Гольдман. – Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2007. – 448 с.
8. Монголия: трудный путь к рынку. – Москва : Ин-т междунар. экономич. и политич. исследований РАН, Центр азиатских исследований, 1994. – 120 с.
9. Некоторые проблемы современного социально-экономического развития и внешнеэкономических связей стран Восточной Азии. – Москва : Ин-т междунар. экономич. и политич. исследований РАН, Центр азиатских исследований, 2001.
10. Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2001. – 276 с.
11. Эрдэнбат, Э. Рыночные реформы и открытая политика Монголии (1990–1997 гг.) / Э. Эрдэнбат. – Москва : Ин-т междунар. экономич. и политич. исследований РАН, 1997. – 220 с.
12. Юсупова, Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961) / Т. И. Юсупова. – Санкт-Петербург, 2018. – 312 с.

References

1. Batbayar Ts. A. Opyt sotrudnichestva Mongolii i Sovetskogo Sojuza v gody Velikoy Otechestvennoy vojny [The experience of cooperation between Mongolia and the Soviet Union during the Great Patriotic War]. *Prepodavatel XXI v.* [Teacher of the XXI century], 2013, no. 2, pp. 283–288.
2. Boykova Ye. V. *Otnosheniya MNR s kapitalisticheskimi i razvivayushhimisya stranami. 60–70-e gody* [Relations of the MPR with capitalist and developing countries. 60–70s]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 176 p.
3. Gataullina L. M. *Mongolskaya Narodnaya Respublika i sotsialisticheskoye sodruzhestvo* [Mongolian People's Republic and the socialist community]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 234 p.
4. Gerbova A. A. Nekotorye itogi ekonomicheskoy reformy i politiki otkrytosti Mongolii [Some results of economic reform and the policy of openness of Mongolia]. *Azija – 2000: put k sotrudnichestvu i ekonomicheskoye obnoveniyu* [Asia – 2000: the path to cooperation and economic renewal]. Moscow, Institute for International Economic and Political Studies RAS Publ., Center for Asian Studies Publ., 2001.
5. *Druzhba naveki: ocherki istorii sotrudnichestva Sovetskogo Soyuza i Kitayskoy narodnoy respubliki (1949–1960 gg.)* [Friendship forever: essays on the history of cooperation between the Soviet Union and the People's Republic of China (1949–1960)]. Moscow, Research Institute of the History of Economics of Law, 2018. 250 p.
6. Dugarzhav L. Front Tsegmid – simbol vechnoy i nerushimoy druzhby narodov Mongolii i Rossii (k 67-y godovshchine pobedy v Velikoy Otechestvennoy vojne) [Front Tsegmid – a symbol of the eternal and indestructible friendship of the peoples of Mongolia and Russia (on the 67th anniversary of the victory in the Great Patriotic War)]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* [National interests: priorities and security], 2012, vol. 8, no. 22 (163), pp. 56–62.
7. *Istoriya Mongolii. XX v.* [History of Mongolia. Twentieth century]. Ed. by G. S. Yaskina, M. I. Goldman. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2007, 448 p.
8. *Mongoliya: trudnyy put k rynku* [Mongolia: the difficult path to the market]. Moscow, Institute for International Economic and Political Studies RAS Publ., Center for Asian Studies Publ., 1994, 120 p.
9. *Nekotorye problemy sovremennogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya i vneshneekonomicheskikh svyazey stran Vostochnoy Azii* [Some problems of modern socio-economic development and foreign economic relations of East Asian countries]. Moscow, Institute for International Economic and Political Studies RAS Publ., Center for Asian Studies Publ., 2001.
10. *Rossiya i Mongoliya: novyy vzglyad na istoriyu vzaimootnosheniy v XX veke* [Russia and Mongolia: a new look at the history of relations in the XX century]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2001, 276 p.
11. Erdenbat Ye. *Rynochnye reformy i otkrytaya politika Mongolii (1990–1997 gg.)* [Market reforms and the open policy of Mongolia (1990–1997)]. Moscow, Institute for International Economic and Political Studies RAS Publ., 1997, 220 p.
12. Yusupova T. I. *Sovetsko-mongolskoye nauchnoe sotrudnichestvo: stanovlenie, razvitie i osnovnye rezultaty (1921–1961)* [Soviet-Mongolian scientific cooperation: the formation, development and main results (1921–1961)]. St. Petersburg, 2018, 312 p.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОГО КРАЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РСФСР В 1941–1942 гг.

Колотушкин Валерий Геннадьевич, заведующий отделом использования документов
Государственный архив новейшей истории Новгородской области
Российская Федерация, 173007, г. Великий Новгород, ул. Десятинная, 6
E-mail: vvk85@mail.ru

Осенью 1941 г. в юго-западной части Ленинградской области вокруг отрядов 2-й Ленинградской партизанской бригады был образован партизанский край. К весне 1942 г. здесь были сосредоточены крупные партизанские формирования, и до сентября 1942 г. партизанский край оставался основной базой партизанского движения в Ленинградской области и важным фактором антифашистского сопротивления на оккупированной территории. Нами рассмотрены такие проблемы организации партизанского края, как установление единоначалия и поддержание дисциплины, нормализация отношений между партизанскими отрядами, партизанами и местными жителями. Важным фактором укрепления края также являлось продовольственное обеспечение партизан и местных жителей. В партизанском крае была создана система управления жизнью местного населения, подчинённая организационным тройкам, которые заменили довоенные партийные и советские органы районов, также оргтройкам были переданы некоторые функции органов НКВД. Опыт организации жизни на освобождённой за линией фронта территории, выработанный в партизанском крае 1941–1942 гг., был использован и дополнен при создании новых краёв и зон в Ленинградской области в конце 1943 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинградская область, Калининская область, партизанское движение, партизанский край, 2-я Ленинградская партизанская бригада, организационные тройки, дисциплина, продовольственное обеспечение, Н. Г. Васильев

PROBLEMS OF THE ORGANIZATION OF THE PARTISAN PROVINCE IN THE NORTH-WEST OF THE RSFSR IN 1941–1942

Kolotushkin Valeriy G., Head of Department of using of documents
State archive of the recent history in Novgorod region
6 Desyatinnaya St., Velikiy Novgorod, 173007, Russian Federation
E-mail: vvk85@mail.ru

In the autumn of 1941, in the south-western part of the Leningrad Region, a Partisan Province was formed around the detachments of the 2nd Leningrad partisan brigade. By the spring of 1942, large partisan formations were concentrated here, and until September 1942, the Partisan Province remained the main base of the partisan movement in the Leningrad Region and an important factor in the anti-fascist Resistance within the occupied territory. The article considers such problems of the organization of the Partisan Province as the establishment of unity of command and discipline, the normalization of relations between the partisan detachments, partisans and local residents. An important factor in strengthening the region was also the food supply of partisans and local residents. In the Partisan Province, a system of managing the life of the local population was created, subordinated to the organizational troikas, which replaced the pre-war party and Soviet authorities of the districts, and some functions of the NKVD authorities were transferred to the organizational troikas. The experience of organizing life on the territory liberated beyond the front line, worked out in the Partisan Province of 1941-1942, was used and supplemented in the creation of new territories and zones in the Leningrad Region at the end of 1943.

Keywords: World War II, Leningrad region, Kalinin region, partisan movement, partisan province, 2nd Leningrad partisan brigade, organizational threesome, discipline; food supply, N. G. Vasilev

75 лет назад в Ленинградской области завершилось партизанское движение. Одной из ярких страниц партизанской борьбы в первый период Великой Отечественной войны стало создание и удержание партизанского края в тылу противника (август 1941 – сентябрь 1942 г.). К 1 декабря 1941 г. территория края составила около 11 тыс. км², в его границах была восстановлена советская власть в 30 сельсоветах Белебёлковского, Дедовичского районов Ленинградской области и Ашевского района Калининской области [21, л. 19].

Изучение истории партизанского края началось уже в годы Великой Отечественной войны. Эпизоды вооружённой борьбы партизан и организации крупного советского района в тылу врага получили освещение в издании начальника Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД) М. Н. Никитина [15]. Партизанский край не раз посещали журналисты: корреспондентом газеты «Известия» В. А. Стариковым в 1942–1943 гг. были выпущены книги, посвящённые жизни края [18; 19]. Также следует отметить книгу бывшего начальника штаба Дновского отряда «Дружный» И. А. Шматова, который начинал путь по тылам врага в партизанском крае [28].

В послевоенные годы вышел ряд воспоминаний о партизанском крае: бывшего начальника опергруппы ЛШПД на Северо-Западном фронте (СЗФ) А. Н. Асмолова [2], бывшего командира 1-го полка 2-й Ленинградской партизанской бригады (ЛПБ) Н. И. Афанасьева [4] и других, сборники воспоминаний. Н. И. Афанасьев предложил выделение четырёх периодов в истории партизанского движения в Ленинградской области, два из которых были связаны с организацией (сентябрь – октябрь 1941 г.) и удержанием партизанского края (октябрь 1941 – август 1942 г.) [4, с. 262–263]. Цикл документальных произведений о партизанском крае и его героях («На берегах Шелони», «Дорога через фронт», «Тревожные дни марта») был создан псковским писателем и журналистом, бывшим редактором газеты 2-й ЛПБ «Народный мститель» И. В. Виноградовым, он же является автором воспоминаний [5]. Научное изучение особенностей партизанского края было продолжено в работах исследователей С. М. Клячкина [11], Ю. П. Петрова [17], В. М. Ковальчука [12; 13], С. В. Кулика [3; 14] и др.

Созданию партизанского края способствовали как природные условия (труднодоступная для противника обширная лесисто-болотистая местность, богатая реками и озёрами), так и военная обстановка (нахождение на периферии наступления основных сил противника, но в досягаемости ряда крупных коммуникаций, относительно удобные условия для перехода линии фронта на расстоянии около 200 км от границ края). В конце июля 1941 г. в Старой Руссе на основе вытесненных из Дновского и Порховского районов к линии фронта партизанских отрядов (около 100 человек) была сформирована 2-я ЛПБ. В её организации участвовали Ленинградский обком ВКП(б), 10-й (партизанский) отдел Политуправления СЗФ, Военный совет фронта. Командиром бригады был назначен начальник Дома Красной армии в Новгороде старший политрук Н. Г. Васильев, комиссаром – первый секретарь Порховского райкома ВКП(б), член обкома ВКП(б) С. А. Орлов.

Одной из особенностей организации партизанского края стало постепенное накопление в его пределах партизанских сил из разных районов Ленинградской и Калининской областей. К началу августа 1942 г. в крае были сконцентрированы партизанские формирования из более 20 городов и районов Ленинградской области и г. Ленинграда, близлежащих районов Калининской области.

В течение августа – ноября 1941 г. 2-я ЛПБ, штаб которой прибыл в Полистовские леса (Белебёлковский район) 31 июля 1941 г., объединила партизанские отряды, группы и отдельных партизан из нескольких районов Ленинградской области, а также Ашевского района Калининской области. Только в 1-й сводный отряд им. Ленинградского обкома ВКП(б), который 25 июля 1941 г. вышел в Полистовские (Серболовские) леса, в течение конца июля – начала августа прибыли работники Сошихинского, Поддорского, Пожеревицкого, Дедовичского районов, Псковской группы, школьники из Острова [10, с. 132]. После появления в д. Вязовке Белебёлковского района штаба 2-й ЛПБ уже созданные здесь отряды постепенно перешли в её подчинение, а вышедшие сюда из районов Псковщины группы партийно-советского актива были направлены обратно, но через одну – две недели вынуждены были вернуться в зону действий бригады. Бывший партизан В. И. Ефремов (впоследствии – комиссар 2-й ЛПБ) вспоминал: «Следует сказать, что август был для командования бригады организационным периодом, и руководства со стороны командования бригады партизанские отряды ещё не чувствовали» [9, с. 208].

В отчёте об организации партизанского движения в Дедовичском районе второй секретарь райкома ВКП(б) А. Ф. Майоров сообщал, что 23 июля бойцы истребительного батальона НКВД и ответственные работники отошли в Серболовские леса в связи с полной оккупацией района. На следующий день по решению районной тройки на базе батальона был создан партизанский отряд, численность которого после отчисления большинства женщин и стариков составила 134 человека. 26 июля Дедовичский отряд в д. Вязовке установил связь с командиром 1-го сводного отряда им. Ленинградского обкома ВКП(б) П. Н. Невским [21, л. 135–138]. Дедовичский отряд, который делился на три взвода, стал ротой сводного отряда, а с 24 сентября по приказу командира 2-й ЛПБ Н. Г. Васильева был выделен в отдельный отряд Н. А. Рачкова. 14 октября отряду было присвоено наименование «Будёновец» [25, л. 60б., 10]. 12 ноября Славковский отряд «Пламя» под командованием второго секретаря райкома ВКП(б) Л. В. Цинченко ввиду своей малочисленности (16 человек) был влит в отряд «Будёновец», где его командир возглавил взвод [25, л. 14].

С первых дней после появления в Серболовских лесах Н. Г. Васильев и С. А. Орлов взяли на себя обязанности по переформированию местных отрядов и созданию боееспособной и гибкой основы новой бригады.

Обращает на себя внимание подбор командно-политического состава в отрядах 2-й ЛПБ по двум категориям: выходцы из числа местных руководителей (Ю. П. Шурыгин (Воронов), В. И. Зиновьев, А. Ф. Майоров, Н. А. Рачков, А. К. Тимм, М. И. Тимохин, Л. В. Цинченко и др.) и выходцы из числа военнослужащих (А. В. Руженцев, И. Е. Якушев), в том числе подобранные Н. Г. Васильевым среди «окруженцев» (А. П. Артемьев, А. Н. Горяинов, М. Я. Юрьев). Из числа областных руководителей в юго-западные районы области был направлен начальник Ленинградского областного топливного управления П. Н. Невский, который также возглавил отряд. Таким образом, руководство отрядов могло быть как полностью местным (отряды «Дружный», «Будёновец»), так и представлять собой соединение представителей разных категорий с назначением комиссара из числа местных районных руководителей (отряды «За Родину», «Грозный», «Красный партизан» (им. Красавина), «Храбрый»).

Н. Г. Васильев одним из первых среди партизанских командиров стал использовать опыт военных, оказавшихся в окружении. Николай Григорьевич сам был военнослужащим и понимал ценность военных кадров, которые знали организацию боя, основы инженерных работ, понимали военную дисциплину и принцип единоначалия. Бывший заведующий дорожным отделом Дедовичского райисполкома В. И. Ефремов, в июле 1941 г. вступивший в дедовичскую роту сводного отряда, вспоминал, что во всей роте (90 человек) только он и один землеустроитель знали, «как читать карту, как ходить по азимуту, вернее могли ходить по компасу» [9, с. 203]. Первым отрядом во 2-й ЛПБ, созданным из «окруженцев» и части партизан, был отряд «Боевой» (18 сентября 1941 г.) [25, л. 4]. В конце сентября – ноябре 1941 г. были сформированы ещё два отряда: «Храбрый» и «Ворошиловец». К декабрю 1941 г. в трёх отрядах числились 244 человека [21, л. 24–25]. Но партизанская война всё же существенно отличалась от действий красноармейских частей, поэтому в отрядах из «окруженцев» также происходила перестановка командно-политического состава: как не справившиеся с руководством, были отстранены командир отряда «Боевой» лейтенант И. Э. Гуро и комиссар отряда «Храбрый» А. Ф. Овчинников [25, л. 12об., 19].

Задача по отбору будущих партизан за линией фронта была непростой: осенью 1941 г. в лесах в районе партизанского края находились разобщённые и деморализованные группы «окруженцев», небольшие группы дезертиров (так называемые «зелёные») действовали в районе Рдейских болот, вступая в борьбу с партизанами и оккупантами. О встрече поддорских партизан с одной из таких групп писал М. Г. Абрамов: «...Мы встретили ночевавшую в лесном бараке большую группу военных, которые пробивались к линии фронта. Обросшие, почерневшие от грязи, они с нескрываемой подозрительностью отнеслись к нам: дескать, кто такие, откуда и что тут болтаются, да ещё с лошадьми? Мы, в свою очередь, тоже не проявили особой любезности. Так, поговорив минут пять, разошлись в разные стороны» [1, с. 36]. 19 декабря 1941 г. в д. Шапково Холмского района отряд «Грозный» разгромил группу «зелёных», которая ранее убила разведчика отряда Александра Федотова [10, с. 134]. За октябрь–ноябрь 1941 г. Белебёлковская оргтройка разоблачила и расстреляла в своем районе 36 человек [21, л. 44]. В Поддорском районе за август 1941 – февраль 1942 г. было «истреблено 65 предателей родины» [7, л. 130об.].

Проблемой формирования 2-й ЛПБ стало согласование деятельности отрядов, устранение неясностей и установление порядка. А. Ф. Майоров свидетельствовал о позиции командира сводного отряда П. Н. Невского: он «говорил, что ещё не пришло время для развертывания боевых действий. Мы были несогласны: считали, что мы должны начинать действовать сейчас. Пришли к выводу – встречаться и впредь. Разработать план дальнейших действий». После проведения дедовичскими партизанами первой операции по обстрелу легковой машины гитлеровцев «Невский был очень недоволен, обещал жаловаться в обком. [...] Невский говорил, что это бессмысленная потеря кадров» [21, л. 138].

Даже при наличии людей и вооружения только что созданные, плохо сколоченные отряды нередко «котсживались в лесу», в лучшем случае ограничиваясь разведкой и мелкими операциями. Назначенные из числа местных руководителей при формировании отрядов командиры демонстрировали неуверенность. Так, в учётном деле Залучского отряда А. В. Иванова – Г. К. Муковнина (Залучский отряд прибыл в партизанский край только в феврале 1942 г.)

отмечалось, что «бойцы неоднократно обращались с просьбой разрешить им провести нападение на противника к Иванову, Муковнину, Полевченко (командир роты – В. К.). Но те задерживали боевые операции» [22, л. 9], а через три недели после выхода в немецкий тыл отряд по решению командования был распущен на группы для перехода линии фронта [22, л. 2].

Оценку деятельности командиров и комиссаров давало командование 2-й ЛПБ. Мерой наказания могло стать понижение или разжалование в рядовые бойцы за различные проступки и преступления. Одним из первых 16 августа 1941 г. был отстранён от обязанностей начальник штаба Дновского отряда И. П. Громов «за попытку дважды изнасиловать санитарку [...], за трусость и паникёрство» [25, л. 2об.]. Из истории с И. П. Громовым тут же были сделаны выводы: впредь на стоянках (ночевках) женщин-санитарок, сестёр и врачей командирам и комиссарам отрядов надлежало выделять в один шалаш. 10 сентября штаб 2-й ЛПБ произвёл рокировку в Сошихинском отряде: командир В. В. Павлов и начальник штаба П. П. Рыжов поменялись местами «за бездеятельность» командира.

3 ноября 1941 г. в оперативные работники был переведён бывший командир отряда «За Родину», начальник Ашевского районного отделения НКВД И. О. Тесаков. Отмечалось, что он задерживал боевые операции своего отряда из опасения репрессий гитлеровцев. В отчёте о боевой деятельности 2-й ЛПБ, подготовленным фронтовым партизанским руководством к 15 декабря 1941 г., об отряде им. Красавина (командир И. Е. Якушев) отмечалось, что «отряд проявляет недостаточную активность и действует безинициативно» [21, л. 24]. И. Е. Якушев, в феврале 1942 г. переведённый на должность командира отряда «Храбрый», был отстранён от командования отрядом после операции в д. Дудино 23 апреля 1942 г.

Не все довоенные руководители могли привыкнуть к новым отношениям «начальник – подчинённый», которые строго проводил в жизнь штаб 2-й ЛПБ. Второй секретарь Островского райкома ВКП(б) С. С. Ветров был назначен комиссаром отряда «Пламя» 22 сентября 1941 г. (после Ф. Е. Барулина, отстранённого «за преступную деятельность и отсутствие какой-либо работы в отряде» [25, л. 5об.]). В начале ноября он поставил перед командованием 2-й ЛПБ вопрос об отправке его в советский тыл по болезни и получил разрешение. Но командир отряда Л. В. Цинченко обратился к нему «с претензией, почему с ним не согласовал это решение об уходе в тыл». «С ним решать вопрос я не обязан и не счёл нужным решать этот вопрос с ним», – подчёркивал в протоколе опроса С. С. Ветров [27, л. 23–24]. Тем не менее, комиссар С. А. Орлов поставил под сомнение болезнь секретаря и дал о нём нелестный отзыв в Ленинград, охарактеризовав как «труса, паникера и злостного дезертира» [21, л. 149–149об.].

Функционирование партизанского края в значительной степени строилось на доверии местного населения партизанам, которые должны были его защищать. «Партизаны терпели большие лишения. Не было хлеба, медикаментов, не хватало оружия и боеприпасов. Ленинград, попавший во вражескую блокаду, ничем реальным помочь не мог» [3, с. 182]. Приказы по отрядам 2-й ЛПБ, которые предписывали добывать продукты, обувь, одежду, боеприпасы «у врага и реакционного населения», не могли обеспечить партизан необходимыми запасами накануне зимы [25, л. 4об., 5об.].

Первые попытки наладить контакты с населением были вызваны острой нехваткой продовольствия и относятся к сентябрю 1941 г., хотя «не было уверенности в его преданности», как писал в отчёте А. Ф. Майоров [21, л. 142]. Там же он с горечью вспоминал сложное время первой карательной экспедиции против партизанского края (начало декабря 1941 г.), когда оккупанты сожгли несколько десятков деревень и убили 116 мирных жителей [8, л. 101–102]: «Первое время мы не могли решить: как вернуться, ведь население нам помогало, а мы, в трудную для него минуту, ушли, не смогли защитить? Население встретило с радушием» [21, л. 144].

Ключевым органом управления Партизанским краем стала организационная тройка. На плечи её работников ложились задачи по восстановлению сельсоветов и колхозов «одновременно с очищением края от фашистских гарнизонов и органов оккупационной власти». Только весной 1942 г. партизанам удалось закрыть доступ немецким тыловым и карательным подразделениям внутрь края, и органы советской власти смогли перейти к легальным методам работы [3, с. 183–184]. Первая оргтройка была создана на совещании политработников 2-й ЛПБ 3 сентября 1941 г. по решению комиссара бригады С. А. Орлова – она должна была руководить хозяйственной и политической деятельностью в Белебёлковском районе [6, с. 114]. В начале ноября 1941 г. была утверждена оргтройка в Дедовичском районе, в которую вошли

местные работники, с оружием откомандированные из отрядов «Грозный» и «Будёновец» [25, л. 11об.]. В марте 1942 г. своя тройка была создана в Ашевском районе.

Опора на местные кадры в управлении краем помогла организовать снабжение 2-й ЛПБ, а затем и других бригад и отрядов, прибывающих в край. К концу октября на базы 2-й ЛПБ было поставлено 326 т муки, 1700 голов скота, 600 пар валенок, 326 полушубков, продукты и фураж [13, с. 49]. В ноябре 1941 г. из Белебёлковского района в бригаду поступило 12 тыс. ц зерна, 700 ц фуража, 300 ц мяса, 2800 ц сена, 800 кг шерсти, 1 тыс. овчин [16, с. 180]. Излишнее, как казалось некоторым командирам, внимание Н. Г. Васильева и С. А. Орлова к местным руководителям даже приписывалось особой «дружбе», «возможностям» заниматься мародерством и добытое подносить Васильеву» [20, л. 7]. В то же время известно бескомпромиссное отношение командира и комиссара бригады к мародерам и хулиганству против мирных жителей. Приказ по 2-й ЛПБ от 2 октября 1941 г. требовал прекратить существующую практику заготовки продуктов, одежды, обуви, фуража, шерсти и других предметов в колхозах: с этого времени всеми заготовками ведали только оргтроечки (в партизанском крае) и председатели сельсоветов [25, 8об.]. 21 ноября 1941 г. штаб бригады приговорил к расстрелу бойца С. Груничева, который в пьяном виде потерял документы и убил колхозницу-старушку в д. Никулино Ашевского района, стрелял по населению [25, 16об.]. С этого времени также было запрещено расстреливать партизан в отрядах без санкции командования бригады («за исключением боевой обстановки (засада, налёт) и при выполнении других оперативных заданий»).

В феврале – апреле 1942 г. в партизанский край были переброшены 5-я ЛПБ (первого формирования), 1-я Особая ПБ, 3-я ЛПБ (второго формирования), 4-я ЛПБ (первого формирования), полк П. Ф. Скородумова. Все они оперативно подчинялись командованию 2-й ЛПБ или включались в её состав. Впоследствии продолжалось пополнение этих бригад и 2-й ЛПБ. В мае в 5-ю ЛПБ были переброшены отряды Демянского и Лычковского районов, бойцы которых были распределены в состав уже созданных отрядов «Вперёд» и «Боевой» [10, с. 60, 123]. 24 мая в 4-ю ЛПБ прибыл Полавский отряд Н. В. Морозова, 8 июня – Полавский отряд Т. П. Петрова [23, л. 11, 14об.]. Кроме того, 5 августа 1942 г. линию фронта в Партизанский край перешла переформированная 3-я ЛПБ (третьего формирования) А. В. Германа.

Стягивание на территорию Партизанского края нескольких бригад и отрядов неизбежно вызывало споры между партизанами разных районов. В дневнике 4-й ЛПБ сообщалось, что 19 мая 1942 г. отряд «Дружный» 5-й ЛПБ обстрелял обоз бригады, который возвращался из д. Барановки. 20 мая отряд «Вперёд» не пропустил продовольственную группу, направленную в д. Барановку, заявив, что это его участок: «Этакие трюки 5-я бригада выбрасывает уже не впервые» [26, л. 13об.]. Отрядам действительно передавались целые сельсоветы на территории партизанского края для проведения продуктовых фуражных заготовок. Так, отряду «Ворошиловец» 26 ноября 1941 г. были переданы Нивский и Сокольский сельсоветы Поддорского района [10, с. 24].

Партизанские командиры, привыкшие к самостоятельности и личной ответственности, не всегда готовы были действовать в подчинённом положении. В июле 1942 г. лычковские партизаны написали жалобу в обком ВКП(б), в котором подвергли жёсткой критике командование 5-й ЛПБ и отряда «Боевой» и просили вернуть их в свой район. По мнению лычковцев, чужие командиры не заботились об организации операций и не берегли личный состав приданных отрядов: «Никакой заботы о бойцах нет, дисциплины нет – полная расхлябанность» [24, л. 2]. Особое негодование вызывала пристрастная перлюстрация партизанских писем «от командира роты до командования бригады», хотя практика излишней цензуры переписки существовала и в других партизанских формированиях [10, с. 167].

Несмотря на концентрацию партизанских сил в крае, на 1 августа 1942 г. только 2-я ЛПБ насчитывала пять полков по 450 человек, 25 отрядов (из них 23 – в составе полков), всего в бригаде числились 2207 человек (401 – начальствующий состав, 1806 – рядовой состав) [21, л. 16об.]. В сентябре 1942 г. карателям удалось вытеснить партизан с этой территории. Для этого немцами к границам края было стянуто более 6 тыс. человек. Противником был использован момент осложнения положения красноармейских частей на фронте, поэтому они не могли оказать существенную помощь партизанам [3, с. 187].

Тем не менее, летом 1942 г. ЛШПД и его опергруппа на Северо-Западном фронте попытались расширить советскую зону в немецком тылу за счёт направления партизан в ещё неохваченные партизанским движением районы. Командиру и комиссару 4-й ЛПБ предписывалось

не позднее 21–23 июня 1942 г. вывести бригаду в новый район, где совместно с 1-й ОПБ (в оперативном подчинении последней) организовать советский район на территории Порховского, Карамышевского, Псковского, Новосельского районов [23, л. 5]. Приказ опергруппы № 0010 от 17 июля 1942 г. подчёркивал, что организация нового советского района – «не самоцель, а в интересах создания для бригады экономической, политической и территориальной основ существования и борьбы». Содержание приказа свидетельствовало, что фронтовое руководство партизан планировало перенести в новый район успешно реализованные 2-й ЛПБ принципы организации партизанского края, предлагая спустя более года после начала войны «с нуля» создать новый край в неизученных партизанами районах. К сожалению, для организации новых партизанских краев и зон требовалось время, и вернуться к испытанной в партизанском крае форме борьбы с врагом и защиты мирного населения партизаны смогли только в конце 1943 г.

Список литературы

1. Абрамов, М. Г. На земле опаленной. Страницы из дневников партизана / М. Г. Абрамов. – Ленинград : Лениздат, 1968. – 352 с.
2. Асмолов, А. Н. Фронт в тылу вермахта / А. Н. Асмолов. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Политиздат, 1983. – 320 с.
3. Асташкин, Д. Ю. Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие / Д. Ю. Асташкин, Б. Н. Ковалёв, С. В. Кулик ; под ред. Б. Н. Ковалёва. – Санкт-Петербург : Политехн. ун-т, 2018. – 420 с.
4. Афанасьев, Н. И. Фронт без тыла. Записки партизанского командира / Н. И. Афанасьев. – Ленинград : Лениздат, 1983. – 300 с.
5. Виноградов, И. В. Герои и судьбы / И. В. Виноградов. – Ленинград : Лениздат, 1988. – 463 с.
6. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1941 г. / сост. А. Р. Дзенискевич, Л. И. Ильина [и др.] ; отв. ред. В. М. Ковальчук. – Ленинград : Лениздат, 1979. – 302 с.
7. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). – Ф. 225. – Оп. 3. – Д. 29.
8. ГАНИНО. – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 191.
9. Ефремов, В. И. Война, которая не забудется / В. И. Ефремов // Псков. – 2010. – № 33. – С. 196–210.
10. Из истории организации партизанского движения на новгородской земле в 1941–1942 годах / сост., отв. ред. В. Г. Колотушкин. – Великий Новгород, 2017. – 214 с.
11. Кляцкин, С. М. Из истории Ленинградского партизанского края (август 1941 – сентябрь 1942 г.) / С. М. Кляцкин // Вопросы истории. – 1958. – № 7. – С. 25–44.
12. Ковальчук, В. М. Ленинградский партизанский край / В. М. Ковальчук // Проблемы социально-экономической и политической истории России : сборник статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьёва / отв. ред. А. Н. Цамутали. – Санкт-Петербург : Алетей, 1999. – С. 551–562.
13. Ковальчук, В. М. Особенности партизанского движения в Ленинградской области. Ленинградский партизанский край / В. М. Ковальчук // Книга Памяти. Ленинградская область. – Санкт-Петербург, 2003. – Т. 33. – С. 43–58.
14. Кулик, С. В. Антифашистское движение Сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противостояния) / С. В. Кулик. – Санкт-Петербург : МИРЪ, 2006. – 337 с.
15. Никитин, М. Н. Партизанская война в Ленинградской области / М. Н. Никитин. – Ленинград : Лениздат, 1943. – 236 с.
16. Партизаны. Новые подробности о боевых действиях народных мстителей на ленинградской земле в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / сост. С. Г. Сидоров, П. А. Васильев. – Санкт-Петербург : Нотабене, 1995. – 240 с.
17. Петров, Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944 / Ю. П. Петров. – Ленинград : Лениздат, 1973. – 454 с.
18. Стариков, В. А. У партизан. Записки военного корреспондента / В. А. Стариков. – Москва : Госполитиздат, 1942. – 76 с.
19. Стариков, В. А. На партизанской земле. Записки военного корреспондента / В. А. Стариков. – Москва ; Свердловск : Госполитиздат, 1943. – 84 с.
20. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). – Ф. 24. – Оп. 2г. – Д. 348а.
21. ЦГАИПД СПб. – Ф. О-116. – Оп. 1. – Д. 443.
22. ЦГАИПД СПб. – Ф. О-116. – Оп. 1. – Д. 502.
23. ЦГАИПД СПб. – Ф. О-116. – Оп. 1. – Д. 524.
24. ЦГАИПД СПб. – Ф. О-116. – Оп. 1. – Д. 541.
25. ЦГАИПД СПб. – Ф. О-116. – Оп. 1. – Д. 1376.
26. ЦГАИПД СПб. – Ф. О-116. – Оп. 1. – Д. 1719.
27. ЦГАИПД СПб. – Ф. О-116. – Оп. 2. – Д. 12.
28. (Шматов И. А.). Год борьбы в тылу врага. (Из дневника партизана-орденоносца Ленинградской обл. тов. Ш.) / (И. А. Шматов). – Ленинград : Лениздат, 1943. – 100 с.

References

1. Abramov M. G. *Na zemle opalennoy. Stranitsy iz dnevnikov partizana* [On scorched ground. Pages from the partisan diaries]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1968, 352 p.
2. Asmolov A. N. *Front v tylu vermachta* [Front in the rear of the Wehrmacht]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, 2nd ed., 320 p.
3. Astashkin D. Yu., Kovalev B. N., Kulik S. V. *Nazistskiy reshim na Severo-Zapade Rossii. Okkupaziya. Soprotivlenie. Vozmezhdie* [The Nazi regime in the North-West of Russia. Occupation. Resistance. Retribution]. St. Petersburg, Polytechnic University Publ., 2018, 420 p.
4. Afanasyev N. I. *Front bez tyla. Zapiski partizanskogo komandira* [Front without rear. Partisan commander's notes]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1983, 300 p.
5. Vinogradov I. V. *Geroi i sudby* [Heroes and Fate]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1988, 463 p.
6. Dzeniskevich A. R., Ilina L. I. et al. *V tylu vraga. Borba partizan i podpolshchikov na okkupirovannoy territoriy Leningradskoy oblasti. 1941 g.* [In the enemy's homefront. Partisans and undergrounders battle on the occupied territory of the Leningrad region. 1941: Collection of documents]. Ed. by V. M. Kovalchuk. Leningrad, Lenizdat Publ., 1979, 302 p.
7. *State archive of the recent history in Novgorod region*, found 225, inventory 3, case 29.
8. *State archive of the recent history in Novgorod region*, found 260, inventory 1, case 191.
9. Yefremov V. I. *Voyna, kotoraya ne zabudetsya* [The war that will not be forgotten]. *Pskov*, 2010, no. 33, pp. 196–210.
10. Kolotushkin V. G. *Iz istorii organizatsii partizanskogo dvizheniya na novgorodskoy zemle v 1941–1942 godah* [From the history of the organization of the partisan movement on the Novgorod land in 1941–1945: Collection of documents]. Velikiy Novgorod, 2017, 214 p.
11. Klyackin S. M. *Iz istorii Leningradskogo partizanskogo kraja (avgust 1941 – sentyabr 1942 g.)* [From the history of the Leningrad Partisan Province (August 1941 – September 1942)]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1958, no. 7, pp. 25–44.
12. Kovalchuk V. M. *Leningradskiy partizanskiy kray* [Leningrad Partisan Province]. *Problemy sotsialno-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii: sbornik statey pamyati V. S. Dyakina i Yu. B. Soloveva* [Problems of the socio-economic and political history of Russia: a collection of articles in the memory of V. S. Dyakina and Yu. B. Solovyov]. Ed. by A. N. Tsamutali. St. Petersburg, Aletyeya Publ., 1999, pp. 551–562.
13. Kovalchuk V. M. *Osobennosti partizanskogo dvizheniya v Leningradskoy oblasti. Leningradskiy partizanskiy kray* [Features of the partisan movement in the Leningrad region. Leningrad Partisan Province]. *Kniga Pamyati. Leningradskaya oblast* [Book of Memory. Leningrad region]. St. Petersburg, 2003, vol. 33, pp. 43–58.
14. Kulik S. V. *Antifashistskoe dvizhenie Soprotivleniya v Rossii. 1941–1944 gg. (problemy politicheskogo i ideologicheskogo protivoborstva)* [Anti-fascist resistance movement in Russia. 1941–1944 (problems of political and ideological confrontation)]. St. Petersburg, MIR Publ., 2006, 337 p.
15. Nikitin M. N. *Partizanskaya voyna v Leningradskoy oblasti* [Partisan war in the Leningrad region]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1943, 236 p.
16. Sidorov S. G., Vasilev P. A. *Partizany. Novye podrobnosti o boevykh deystviyakh narodnykh mstiteley na leningradskoy zemle v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945* [Partisans. New details about military operations of the civil avengers on the Leningrad territory during the World War II. 1941–1945]. St. Petersburg, Notabene Publ., 1995, 240 p.
17. Petrov Yu. P. *Partizanskoe dvizhenie v Leningradskoy oblasti. 1941–1944* [Partisan movement in the Leningrad region. 1941–1944]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1973, 454 p.
18. Starikov V. A. *U partizan. Zapiski voennogo korrespondenta* [With the partisans. Notes of the war correspondent]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1942, 76 p.
19. Starikov V. A. *Na partizanskoy zemle. Zapiski voennogo korrespondenta* [On the partisan land. Notes of the war correspondent]. Sverdlovsk, Gospolitizdat Publ., 1943, 84 p.
20. *The Central State Archive of Historical-Political Documents in St. Petersburg*, found 24, inventory 2g, case 348a.
21. *The Central State Archive of Historical-Political Documents in St. Petersburg*, found O-116, inventory 1, case 443.
22. *The Central State Archive of Historical-Political Documents in St. Petersburg*, found O-116, inventory 1, case 502.
23. *The Central State Archive of Historical-Political Documents in St. Petersburg*, found O-116, inventory 1, case 524.
24. *The Central State Archive of Historical-Political Documents in St. Petersburg*, found O-116, inventory 1, case 541.
25. *The Central State Archive of Historical-Political Documents in St. Petersburg*, found O-116, inventory 1, case 1376.
26. *The Central State Archive of Historical-Political Documents in St. Petersburg*, found O-116, inventory 1, case 1719.
27. *The Central State Archive of Historical-Political Documents in St. Petersburg*, found O-116, inventory 2, case 12.
28. (Shmatov I. A.). *God borby v tylu vraga. (Iz dnevnika partizana-ordenonostca Leningradskoj obl. tov. Sh.)* [Year of battle in the enemy's rear. (From the diary of a Leningrad region partisan-bearer of a military medal. Comrade Sh.)]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1943, 100 p.

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АСТРАХАНСКОГО СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1918 г.

Кулакова Наталия Игоревна, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: vol-na1986@yandex.ru

Рассматривается формирование и деятельность Астраханского совета народного хозяйства (АСНХ) в 1918 г., в это время выработывалась его структура и функциональные обязанности. Особенностью данного процесса являлась сложность и неясность ведомственной принадлежности АСНХ и его функций, из-за чего формирование Астраханского СНХ затянулось более чем на шесть месяцев. В своём развитии Астраханский совнархоз прошел несколько этапов, на 1918 г. пришлось два из них. В первый (февраль – август) был определен состав Астраханского совнархоза, началась его работа по составлению смет и обследованию промышленных предприятий губернии. Работа АСНХ в этот период была ограничена из-за отсутствия пояснений и распоряжений из Центра относительно функций и задач, возлагаемых на региональные совнархозы. Второй этап связан с прошедшим в Москве I Всероссийского съезда советов народного хозяйства, где было принято Положение о высших областных, губернских и местных СНХ. Законодательно утверждается его структура и обязанности, а также определяется ведомственная принадлежность. С этого момента Астраханский совнархоз получает реальную власть и становится проводником политики Всероссийского съезда советов народного хозяйства в Астраханском крае.

Ключевые слова: Совнархоз, ВСНХ, Астраханская губерния, национализация промышленности, Совет народных комиссаров, гражданская война, Октябрьская революция, промышленная политика

FORMATION AND ACTIVITIES OF ASTRAKHAN COUNCIL OF NATIONAL ECONOMY IN THE 1918s

Kulakova Nataliya I., Ph. D. (History), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: vol-na1986@yandex.ru

In the article considers the formation and activities of Astrakhan council of national economy (ASNH) in the 1918s. It describes the structure and functional responsibilities of the ASNH. Feature of this process was complexity and ambiguity of departmental accessory of ASNH and its functions. For this reason formation of the Astrakhan SNH delayed on more than for six months. The Astrakhan economic council passed several stages in the development, for 1918 two stages were necessary. At the first stage (February-August) the structure of the Astrakhan economic council was defined, its work on estimating and inspection of the industrial enterprises of the province began. Work of ASNH during this period was limited due to the lack of explanations and orders from the Center concerning the functions and tasks assigned to regional economic councils. The second stage is connected with taken place in Moscow the I All-Russian congress of Councils of the national economy where the Provision on the Highest regional, provincial and local SNH was accepted. Its structure and duties is legislatively approved and also departmental accessory is defined. From this point the Astrakhan economic council receives the real power and becomes the conductor of policy of the All-Russian congress of Councils of the national economy in the Astrakhan region.

Keywords: council of national economy, supreme economic council, Astrakhan province, nationalization of industry, Council of People's Commissars, civil war, the October revolution, industrial policy

Проведение национализации потребовало организации контролирующих, хозяйственных органов, поскольку первоначально предприятиями руководили представители рабочих и фабрично-заводских комитетов, но они практически не имели единой координации, кроме того, их интересы, как правило, ограничивались стенами предприятия, поэтому дальнейшая реорганизация их в госорганы – проводника правительственной линии – виделась куда более сложным процессом нежели создание нового. Таким органом становится Высший совет народного хозяйства, образованный декретом Центрального исполнительного комитета 2 (15) декабря 1917 г. [1]. Согласно ему, Совет народного хозяйства (СНХ) учреждался при Совете народных комиссаров (СНК) и делился на секции и отделы. В постановлении не оговаривалось их количество и точный состав, всё это должно было быть утверждено непосредственно на заседании Общего отдела ВСНХ. Основной задачей СНХ была «...организация народного хозяйства и государственных финансов» [1], для её выполнения совет народного хозяйства должен был разработать единую стратегию развития различных ведомств центрального и регионального уровней. Учреждения, осуществлявшие до этого управление и координирование хозяйственной жизни страны, переходили в полное подчинение ВСНХ и могли быть ими упразднены или реорганизованы. Это же касалось и экономических отделов и комиссариатов на местах.

Теперь все постановления и мероприятия, затрагивающие развитие народного хозяйства, должны были вноситься на рассмотрение СНК через совет народного хозяйства. Также ВСНХ мог образовывать свои отделы в регионах, таким образом, начинают формироваться местные отделы СНХ.

В Астраханской губернии это был Астраханский краевой совет народного хозяйства (АКСНХ), образованный 2 февраля 1918 г. Первоначально состав АКСНХ и его структура чётко не регламентировались. Только 21 марта на заседании Астраханского СНК было принято решение о времени проведения заседаний совнархоза, а именно: «...не более одного раза в неделю по субботам после 19-00...» [6]. Особо уточнялось, что присутствие всех входящих в его состав комиссаров было строго обязательным. В состав совнархоза вошли представители Краевого совета, рабочего контроля, Совета народных комиссаров, рабочей, крестьянской и ловецкой секций, союза союзов и кооптированных специалистов [6]. Решение о создании отделов в составе АКСНХ было принято только 30 мая на заседании СНК, а их непосредственное формирование началось ещё позже. Безусловно, что в условиях несформированного аппарата было невозможно координировать и хоть как-то влиять на экономическую политику Астраханской губернии. Отчасти сложившаяся ситуация объяснялась непониманием местных властей функциональных обязанностей совнархоза и его места в структуре госорганов. В результате отдельным постановлением № 29 ст. 363 было установлена следующая иерархия: Исполнительный комитет – высший законодательный орган, Совет народных комиссаров – исполнительный орган с административно-политическими функциями, при нём находился Совет народного хозяйства, ведавший разработкой всех хозяйственных вопросов губернии. АКСНХ мог самостоятельно инициировать какое-то хозяйственное решение, а также свои предложения могли вносить комиссариаты через СНК, после разработки проект выносился совнархозом на утверждение исполкому [6]. Несмотря на определенную структуру астраханский СНХ фактически не имел реальной власти в решении хозяйственных вопросов губернии, все мероприятия и проекты инициировались и проводились непосредственно комиссариатами. Вплоть до 13 августа совнархоз вёл лишь сбор и рассмотрение смет губернских учреждений [7]. И лишь после I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, состоявшегося 26 мая 1918 г., куда был отправлен представитель АКСНХ, началось формирование и организация Астраханского совнархоза согласно Положению о высших областных, губернских и местных СНХ [7].

21 июня 1918 г. астраханским губернским исполнительным комитетом был утвержден состав пленума совнархоза, в количестве 34 человек. В его состав вошли представители губисполкома (5 человек), один человек от Совета профессиональных союзов Астраханского края, 14 представителей от губернских профессиональных объединений, по одному человеку от уездных совнархозов, а где они ещё не были образованы, заменялись сотрудниками экономических отделов местных советов депутатов, – семь человек. Два человека от Совета союзов рабочей кооперации и по одному представителю комиссариатов продовольствия, путей сообщения, труда, земледелия и финансов. Также был избран президиум СНХ, в него вошли девять человек, из которых пленумом СНХ избирался председатель, чья кандидатура также утверждалась Астраханским исполнительным комитетом.

К 13 августа 1918 г. были созданы следующие отделы при Астраханском совнархозе: дорожностроительный, сельскостроительный, хозяйственный, механическо-технической технологии, бондарный, лесной, снабжения топлива, горный (с соляным подотделом), страховой, стекольного производства, швейного производства, кожевенно-шерстяной, консервно-томатный, статистический, редакционный, юридический, кооперативный, центральной отчетности, секретарский [7].

Горный отдел занимался вопросами добычи соли на территории Астраханской губернии, в ведение данного отдела входили вопросы увеличения объёмов получения соли на оз. Баскунчак, её транспортировки не только по территории губернии, но и за её пределы. На данный отдел возлагались особые надежды по скорейшему получению прибыли и преодоления спада экономики региона. Дело в том, что первоначально соляная промышленность имела прикладной характер по отношению к рыбной промышленности. Но в условиях нарушения экономических связей из-за гражданской войны и отсутствия на рынке уральской и архангельской соли спрос в соседних областях на астраханскую соль значительно увеличился. Это делало её перспективным товаром для экспорта.

Для увеличения объёмов добычи рыбы был создан бондарный отдел, поскольку бондарная промышленность использовалась исключительно для нужд рыбной промышленности, её перевозки, поимки и не имела экспортного значения сама по себе [2, с. 65]. Основной задачей отдела при его формировании была национализация бондарного производства.

Для обслуживания сельскохозяйственной отрасли губернии (огородничества и садоводства) был организован консервно-томатный отдел, который регулировал перерабатывающую пищевую промышленность губернии. К сожалению, за несколько месяцев работы существенных результатов удалось добиться лишь одному его подотделу – томатному, который контролировал работу на томатных заводах и передачу продукции Продовольственному комитету. Согласно отчёту данного подотдела, за 1918 г. было передано 21 349 пуда (349 696,62 кг) томата [7]. Проблемы, которые препятствовали развитию данной сферы, были практически идентичны и для других предприятий губернии – это отсутствие сырья для производства: как правило, его было необходимо закупать за пределами губернии, что в условиях нарушенных войной хозяйственных связей становилось проблематичным [5, с. 587].

Отдел стекольного производства был занят обеспечением нужд единственного национализированного и переданного в ведение Совета городского хозяйства завода, который из-за отсутствия поставок сырья прекратил свою работу. Сотрудники кожевенно-шерстяного отдела также сводили все усилия к обеспечению сырьём своих заводов, но даже с учётом полной загрузки местных производств спрос на кожевенную продукцию в Астрахани не уменьшался. Чтобы решить данную проблему, сотрудники подотдела выступили с инициативой перестройки пивоваренных заводов в кожевенные. Также в ведении отдела находились починочно-пошивные мастерские города. В своей работе отдел активно сотрудничал с уездными совнархозами, которые, в свою очередь, прибегали к помощи экономических отделов, волостных и сельских совдепов, а в случае их отсутствия к кредитно- и ссудно-сберегательным товариществам. Отделу удалось организовать сеть складов и приёмных пунктов на территории всей губернии, при этом располагались они недалеко от железнодорожных станций или крупных пристаней, что позволяло быстро переправить их в случае необходимости на тот или иной завод. Ещё до образования Астраханского СНХ Краевой комитет торговли и промышленности монополизировал скупку и провоз шерсти, с реорганизацией комитета эту работу продолжил СНХ (подотдел шерстяной). Шерсть свозилась на пункты приёма для кожевенного сырья, дополнительно были организованы новые пункты в уездных городах и крупных сёлах. К работе были привлечены не только уездные СНХ (Енотаевский, Черноярский, Царевский и Киргизской степи), которые получали за это 10 % стоимости купленной шерсти и возмещение затрат на сбор и привоз шерсти на пункт сбора [7].

В задачи швейного отдела СНХ входило «... удовлетворение трудового населения города Астрахань по доступным ценам одеждой, обувью и другими необходимыми изделиями и товарами и вместе с тем дать работу нуждающимся безработным и рабочим» [7]. Главным препятствием в развитии производства была нехватка товаров. Местными властями предпринимались попытки наладить их поставку непосредственно из Москвы, для чего были командированы представители СНХ, но эти попытки не увенчались успехом. В результате к распространению через сеть СНХ поступали товары из Продовольственного комиссариата. В целом швейному отделу удалось наладить работу предприятий, предотвратив их простой, более того, удалось сделать их работу прибыльной, получаемые доходы распределять на ремонт изношенного оборудования мастерских. За период с 1 мая по 15 сентября 1918 г. сумма дохода достигла 1 611 649 руб., расход же составил 1 146 388 руб. [7], но предполагалось, что суммы расходов постепенно будут уменьшаться. К осени 1918 г. швейный отдел СНХ передал магазины в ведение Совета городского хозяйства, оставив в своём распоряжении только швейное производство, продукция которого передавалась в Губернский продовольственный комитет.

Более широкие полномочия были у отдела механических и химических технологий: он непосредственно заведовал мыловаренными заводами, осуществлял общий надзор за ними и ведал передачей готовой продукции губпродкому. В химической лаборатории отдела велись экспериментальные работы (например, по выделению сахарозы из фруктов или добыванию мыльного вещества из множества жира) [7]. Были проведены работы по оборудованию Тинакского водопровода с ответвлениями на Хохлацкий завод. Кроме этого данный отдел осуществлял аналитическую работу, в частности, занимался обследованием промышленных предприятий губернии, что имело большое значение для последующей национализации

[3, с. 38]. Отделу также были поручены разработка проекта и сметы развития в крае текстильной промышленности, кустарных мастерских по производству шерстяных товаров, а также организации мастерских по ремонту сельскохозяйственных орудий и производству запасных частей к ним.

Кооперативный отдел отвечал за регистрацию уставов кооперативных организаций всех видов: производительных, потребительских, кредитных, ссудо-сберегательных и смешанных. Также в его функции входили регистрация торгово-промышленных предприятий, товариществ и артелей.

Отдел Совета рабочего контроля руководил работой контрольных комиссий, организованных практически на всех предприятиях губернии, а после ликвидации Совета торгового контроля принял и его функции. В обязанности контрольных комиссий входил учёт поступивших в магазины товаров и установление цены на него, распределение предметов первой необходимости между рабочими.

В функции страхового отдела входило обязательное и добровольное страхование, самостоятельное определение тарифов. Так, например, из-за инфляции и подорожания строительных материалов страховщикам было предоставлено право увеличить оценку строений на 300 % по сравнению с 1915 г. В ведение данного отдела также входили противопожарные мероприятия, в результате при отделе была создана мастерская по ремонту пожарных труб, также на балансе отдела числились склады пожарных инструментов, которыми снабжались сельские общества по себестоимости товаров.

В начале апреля 1918 г. был создан дорожно-строительный отдел, которым составлен план работ по дорожному строительству и, в первую очередь, их ремонт. Отделом кроме общего руководства дорожным строительством в губернии проверялись все строительные сметы предприятий и учреждений, представленных на рассмотрение в СНХ. Сотрудники отдела представляли дополнительные заключения и составляли самостоятельные сметы, непосредственно исполняли строительные работы.

В структуру Астраханского СНХ входил Деловой совет лесопромышленности и лесоторговцев, им было национализировано 22 предприятия, в их числе семь предприятий с 13 лесопильными заводами, 14 лесных складов, 32 склада и один механический завод по выполнению заказов по лесопильным заводам. Основной задачей работы Делового совета было обеспечение заводов рабочими заказами и распределение между ними сырья. Также совет отвечал за обеспечение губернии лесостроительным материалом, что было сопряжено с рядом трудностей, поскольку традиционный для губернии самарский рынок был отрезан в результате гражданской войны, несмотря на это совету удалось подготовиться к зимнему сезону.

Организация Астраханского совнархоза носила затяжной характер и растянулась более чем на полгода, более того к концу 1918 г. структура СНХ ещё не была окончательно оформлена и претерпевала изменения. Сами отделы не были укомплектованы полностью, в результате чего их работа сводилась к решению «сиюминутных» задач, а не носила долгосрочный плановый характер, как это заявлялось ранее. Таким образом, фактически отделы и их подотделы дублировали работу других госорганов, поэтому к декабрю 1918 г. структура АСНХ уточняется и становится функцио-направленной непосредственно на хозяйственно-экономическую жизнь губернии. Для концентрации всей краевой промышленности при Совете народного хозяйства было организовано 14 производственных отделов: горный, рыбопромышленный, химический, по переработке пищевых и вкусовых веществ, лесозаготовительный и механической обработки дерева, государственных сооружений, металла, топлива, кожевенный, отдел текстильной промышленности, полиграфический, автосекция, кооперативный и военных заготовок, в ведение которых входила конкретная отрасль губернской промышленности.

Работа этих отделов была направлена на управление всей сферой их производства и осуществление её контроля из единого центра, т. е. СНХ. Так, в задачи рыбопромышленного отдела входило заведывание всеми видами рыбной промышленности (добычей, обработкой, транспортировкой и распределением). Химический отдел также объединил под своим руководством все учреждения и организации в области химической промышленности и создавал свои органы управления на производствах. В введение отдела автосекции входили автомобильные мастерские, склады автозапчастей, гаражи и т. д., а основной задачей являлись учёт и перераспределение машин.

Во главе каждого производственного отдела находилась коллегия, в которую входили один представитель СНХ, делегированного из числа членов его пленума или президиума

(делегат должен был хорошо знаком с той областью промышленности, которую он курировал) и двух представителей, выбранных общим собранием производственного союза данной отрасли промышленности.

Таким образом, производственные отделы Астраханского совнархоза были сформированы под влиянием специфики экономики губернии, а их деятельность направлена на восстановление и развитие приоритетных и перспективных отраслей хозяйства¹. Более того, в управление каждой отрасли промышленности принимали участие её непосредственные представители, как правило, из рабочих специальностей: «...Таким образом, управление всей промышленностью попадает в руки рабочих по каждой специальности отдельно, на что я обращаю особое внимание ваше, товарищи рабочие, т. к. теперь от лиц, которых Вы будете выбирать в Коллегию производственных Отделов Совнархоза зависит вся промышленная жизнь края и если Вам, через представителей Ваших удастся поднять промышленность, тем самым Вы улучшите и свое собственное благосостояние, тем самым вы гарантируете себе заработок и хлеб, ибо дав крестьянину продукты обрабатывающей промышленности, в которых он ощущает сильный недостаток, Вы в обмен получите продукты продовольствия» [4].

Список литературы

1. Декрет об учреждении Высшего совета народного хозяйства. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/vsnh.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Виноградов, С. В. Кризис в рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна в 1918–1924 гг.: причины и последствия / С. В. Виноградов // Современная научная мысль. – 2014. – № 2. – С. 64–72.
3. Виноградов, С. В. Начало нэповской реформы в промышленности: создание трестов и синдикатов (1921–1922 гг.) / С. В. Виноградов // Современная научная мысль. – 2017. – № 4. – С. 38–46.
4. Из доклада тов. Богданова на 3-м Съезде Советов Астраханского края – Режим доступа: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bx000000249.pdf>, ограниченный.
5. История Астраханского края / под ред. Н. М. Ушакова. – Астрахань : Астраханский гос. пед. ун-т, 2000. – 1122 с.
6. Собрание постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров Астраханского края. – Астрахань, 1918. – Режим доступа: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bx000000155.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Труды 3-го Съезда Советов Астраханского края. – Режим доступа: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bx000000249.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. *Dekret ob uchrezhdenii Vysshego soveta narodnogo khozyaystva* [Decree on the establishment of the High Council of National Economy]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/vsnh.htm>.
2. Vinogradov S. V. *Krizis v rybnoy promyshlennosti Volgo-Kaspiyskogo basseyna v 1918–1924 gg.: prichiny i posledstviya* [The crisis in the fishing industry of the Volga-Caspian basin in 1918–1924: causes and consequences]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2014, no. 2, pp. 64–72.
3. Vinogradov S. V. *Nachalo nepovskoy reformy v promyshlennosti: sozdanie trestov i sindikatov (1921–1922 gg.)* [The beginning of the NEP reform in industry: the creation of trusts and syndicates (1921–1922)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2017, no. 4, pp. 38–46.
4. *Iz doklada tov. Bogdanova na 3-m Sezde Sovetov Astrahanskogo kraya* [From the report by Comrade Bogdanov at the 3rd Congress of Soviets of the Astrakhan Territory]. Available at: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bx000000249.pdf>.
5. *Istoriya Astrahanskogo kraya* [History of Astrakhan region]. Ed. by N. M. Ushakov. Astrakhan, Astrakh State Pedagogical University Publ., 2000, 1122 p.
6. *Sobranie postanovleniy i rasporyazheniy Soveta Narodnykh Komissarov Astrahanskogo kraya* [Collection of decrees and orders of the Council of People's Commissars of the Astrakhan Territory]. Available at: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bx000000155.pdf>.
7. *Trudy 3-go Sezda Sovetov Astrahanskogo kraya* [Proceedings of the 3rd Congress of Soviets of the Astrakhan Territory]. Available at: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bx000000249.pdf>.

¹Таких отраслей было выделено пять: рыбная промышленность, сельское хозяйство (садоводство и огородничество), обрабатывающая промышленность, производство стройматериалов, химическое производство.

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОМ БЛАГОСОСТОЯНИИ СОВЕТСКИХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ (1960–1970-е гг.)

Прищепа Александр Сергеевич, аспирант
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
E-mail: prishchepa@list.ru

Рассмотрены объективные стороны оплаты труда промышленно-производственного персонала СССР в 1960–1970-е гг. Цель работы – рассмотрение материального благосостояния советских инженерно-технических кадров в качестве важнейшего элемента повседневной жизни в стране. Продемонстрированы статистические и численные показатели материального обеспечения инженерно-технической интеллигенции, система роста заработной платы и механизма поощрений труда работников. Отметим, что нередко на предприятиях окладная часть ИТР исходила из оплаты труда мастера или техника цеха, а иногда и сам трудовой процесс инженерно-технических работников (ИТР) и мастеров приравнивался и ценился одинаково, что вызывало в коллективе споры и разногласия. При этом инженерно-технические кадры и обслуживающий персонал работали на так называемых «градообразующих» предприятиях страны, которые в конечном итоге получали в среднем на 9–10 % больше, чем сотрудники остальных предприятий. Приведён пример действий руководителей крупных промышленных предприятий, которые имели право ИТР самостоятельно устанавливать надбавки к заработной плате высококвалифицированным специалистам, мастерам и передовикам производства. С одной стороны, представители промышленно-производственного персонала получали стабильную и достойную оплату труда, а с другой стороны, не всегда характер выполняемых обязанностей работников предприятий прямо пропорционально отражался на уровне оплаты труда.

Ключевые слова: СССР в 1960–1970-е гг., инженерно-технические работники, техническая интеллигенция, инженер, производственная интеллигенция, заработная плата, промышленно-производственный персонал, оплата труда

AT A QUESTION OF THE MATERIAL WELL-BEING OF THE SOVIET TECHNICAL PERSONNEL (THE 1960–1970s)

Prishchepa Alexander S., postgraduate student
Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University
29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg, 195251, Russian Federation
E-mail: a.prishchepa@list.ru

The article discusses the objective aspects of the remuneration of the industrial and production personnel of the USSR in the 1960–1970s. The purpose of this work was to consider the material well-being of Soviet engineering and technical personnel, as an essential element of daily life in the country. Demonstrated statistical and numerical indicators of the material support of engineering and technical intelligentsia, wage growth, and the system of incentives for workers. After all, often at enterprises, the salary part of the ITR was based on the remuneration of the master or the technician of the workshop, and sometimes the labor of the engineers and foremen was equated, but valued equally, which caused controversy and disagreement in the team. At the same time, engineering and technical personnel and service personnel could be counted among the workers of the so-called “city-forming” enterprises of the country, who ultimately received an average of 9–10 % more than employees of other enterprises. The article mentions the fact of the actions of the leaders of large industrial enterprises, who had the right for engineers and technicians to independently set wage premiums, both to highly qualified specialists, and to masters and industry leaders. On the one hand, representatives of industrial personnel received a stable and higher average wage, and on the other hand, not always the nature of the duties of employees of enterprises directly proportional to the level of wages.

Keywords: USSR in the 1960–1970s, engineering and technical workers, technical intelligentsia, engineer, production intelligentsia, wages, industrial production personnel, wages

К промышленно-производственному персоналу в СССР чаще всего относили работников, занятых в производстве и его обслуживании. Такими представителями чаще всего являлись рабочие, инженерно-технические работники (ИТР), производственная интеллигенция, служащие и младший производственный персонал [3, с. 11–12]. В категорию рабочих относили непосредственно работников, занятых созданием материальных ценностей и оказанием производственных услуг. При этом рабочие делились на основных и вспомогательных. Группу основных работников составляли рабочие, производящие и создающие товарную (основную) продукцию предприятия. В машиностроительной отрасли – это, в первую очередь, слесари-сборщики, токари, станочники, в химической отрасли: аппаратчики, кочегары, дробильщики. Группу вспомогательного персонала составляли складские работники, грузчики и охранники [3, с. 11–12].

Как известно, ИТР – это работники, осуществляющие организацию и руководство производственным процессом, следовательно, к ним относили руководителя предприятия, главного инженера, главного механика, главного энергетика, начальников цехов и начальников участков (смен), мастеров и прорабов [7, с. 14].

Для понимания начисления заработной платы ИТР необходимо понять и определить характер выполняемых обязанностей производственного персонала. Согласно плану трудового процесса, ИТР и служащие не имели планомерной загруженности рабочего времени за смену. В этих условиях часто наблюдалась перегруженность работников от 1,5 до 2,5 ч. Зачастую они занимались выполнением чужих обязанностей [5, с. 5–6]. Представители ИТР, занимавшие высокооплачиваемые должности, до 20–40 % служебного времени проводили на совещаниях, 8–10 % рабочего времени уходило на решение технических задач и работ, связанных с более низкой квалификацией, а 20–25 % времени тратили на решение задач, связанных с другими отделами и службами [5, с. 5–6].

Стоит отметить, что инженерно-технические кадры в структуре промышленного производства страны всегда выполняли особую роль. В отличие от рабочих, они не участвовали в создании материального производственного капитала. Труд ИТР в основном заключался в организационно-экономическом, конструкторском и технологическом обеспечении производства [2, с. 8]. В связи с этим в рабочем процессе появлялись трудности при определении эффективности труда и его стимулирования.

Различные виды трудовой деятельности сложно вписать в конкретные рамки и однозначно определить расценки за успешное выполнение тех или иных операций. Также нельзя измерить количество и качество труда, вложенного работником. Поэтому в СССР, в зависимости от сложности, условий труда и, непосредственно, квалификации ИТР, заработная плата дифференцировалась с помощью схемы распределения должностных окладов [2, с. 8].

В Советском Союзе рабочий класс являлся самым многочисленным. По характеру выполняемых обязанностей его представителей относили к классу сотрудников, которые занимались созданием материальных ценностей и оказанием производственных услуг.

Класс инженерно-технической интеллигенции по количественному показателю существенно уступал рабочему классу. Непосредственно роли и задачи инженерно-технических работников были разными. ИТР решали задачи, связанные с организацией производства, принимали участие в управлении технологическими процессами, а также напрямую занимались решением оперативных задач, не требующих отлагательств.

В СССР объективной основой роста заработной платы промышленно-производственного персонала, как и для других трудящихся, являлось повышение квалификации, выполнение более сложных и ответственных видов работ. Заметим, что на рост средней заработной платы ИТР нередко оказывали численные изменения в составе отдельных отраслей производства, специфики производства и его места в структуре показателей промышленного производства в СССР.

Важно обратить внимание, что в 1964 г. минимальная окладная часть заработной платы составляла 40–45 руб. в месяц по стране, в 1968 г. происходит повышение до 60 руб., а в 9-й пятилетке заработная плата была увеличена до 70 руб. в месяц [7, с. 101].

В 1963 г. заработная плата на Волгоградском тракторном заводе у слесарей-сборщиков, занятых в нормальных условиях труда, была следующей: слесарь-сборщик 1 разряда Демьянов получал 98,2 руб., Черницын, слесарь-сборщик 2 разряда, получал 106 руб., а у Редкозубова, имевшего 3 разряд, выходило 129 руб. в месяц [4, с. 13].

Согласно данным групп, объединённых железнодорожных хозяйств и цехов, на середину 1960-х гг. месячные оклады имели следующие показатели: механики подъёмно-транспортного оборудования получали 80–120 руб. в месяц, инженеры всех специальностей – 85–110 руб., техники – 70–80 руб., а старшие техники – 75–90 руб. в месяц [6, с. 146].

В конце 1960-х гг. практически все предприятия СССР были разделены на группы в зависимости от типов производств, сложности выпускаемой продукции, численности рабочих, занимаемого места в структуре производства страны и т. д. [3, с. 268]. Например, мастера участков на заводах и предприятиях 1-й группы имели оклады 140–155 руб., 2-й группы – 130–145 руб., 3-й группы – 120–135 руб. в месяц. При этом старшие техники всех заводов имели один общий оклад – 100–125 руб., а техники – 90–115 руб. в месяц [3, с. 268]. Для старших инженеров всех специальностей, изготавливающих особо сложную продукцию, был установлен единый оклад по стране в размере 140–165 руб., а на остальных предприятиях – 130–135 руб., причём рядовые инженеры получали 115–150 руб. в месяц.

В СССР всегда отдельно выделяли труд инженеров-конструкторов и инженеров-технологов, которые имели оклады несколько выше, чем все остальные представители технической и производственной интеллигенции. Например, для инженеров-технологов 3-й категории оклад составлял 115–150 руб., для 2-й категории – 145–160 руб., а для 1-й категории – 155–165 руб. в месяц.

В Белорусской ССР за 1965–1974 г. средний уровень оплаты труда представителей инженерно-технической интеллигенции увеличился с 119,5 до 168,7 руб. в месяц (разница – 41,3 %). Стоит отметить, что в 1969 г. средняя заработная плата сотрудников промышленных производств уровня ИТР равнялась 150,7 руб., а в 1974 г. – повышен до 168,7 руб. в месяц. В обозначенный период у рабочих БССР уровень зарплаты поднялся на 53 %, а в денежном эквиваленте – от 85,9 до 131,3 руб. в месяц [2, с. 5].

Начиная с 1970-х гг. в советском обществе возник вопрос, касающийся определения круга выполняемых работ и обязанностей, а также решаемых задач, стоящих перед ИТР и служащими на производстве [1, с. 22–23]. Стали появляться методики, направленные на рассмотрение сложности видов работ, выполняемых на предприятиях. Затем был пересмотрен весь производственный процесс, в котором были задействованы ИТР и служащие. Стоит отметить, что в дальнейшем были разделены и обязанности по характеру трудовой деятельности на две категории: физический и умственный труд.

Физическая сложность работы зависела от количества операций, выполняемых при реализации своих прямых обязанностей. Умственная сложность работ ИТР и служащих заключалась в характере и содержании трудовой активности работников в течение дня. К ним относились задачи, связанные с разнородными элементами, ранее неизвестными и никогда не применяемыми технологиями на производстве, наличием управленческих задач и функций, а также задачи, требующие нестандартного мышления. Отсюда вытекало, что исполнителю требовалось постоянно обучаться, расширять кругозор, проявлять гибкость и изобретательность [1, с. 22–23].

За сложностью работ скрывалось качество и количество труда ИТР и служащего, затраченных на решение задач [1, с. 24]. Управленческий труд – это не только сам труд ИТР, но и планирование на будущее, ответственность за свои решения, создание и определение масштабов проектов от организации до запуска производственного цикла на предприятии.

При организации труда среди ИТР и служащих использовались следующие показатели:

- функции управления – организация работы по обслуживанию, ремонту и контролю данных видов операций [1, с. 36–37];
- функция материально-технического обеспечения – решение производственных вопросов в управленческой и плановой деятельности цеха или завода в целом;
- функция общего делопроизводства и административно-хозяйственного обслуживания, включающая в себя обязанности ведения дел, связанных с делопроизводством и административным обслуживанием вверенной зоны ответственности.

При этом эффективность труда работника управления (инженера, техника) всегда оценивалась по качеству проведённых работ и по достигнутым результатам подчинённых им систем предприятий и организации труда работников.

В качестве примера стоит привести эксперимент, проводившийся на Щёкинском химическом комбинате в 1969 г. [8]. Его результатом стало высвобождение 1200 чел., повышение производительности труда – на 15,9 %. 2700 работников химических комбинатов страны стали получать надбавку за совмещение профессий от 10 до 45 руб. в месяц. На предприятиях объединялись такие профессии, как: слесарь-электрик, шофер-экспедитор, грузчик-водитель электрокара. Специалисты, работавшие на двух должностях, получали персональную 30-процентную надбавку к основной тарифной ставке. В цехах предприятия ручной труд постепенно замещался на механизмы (автоматы и полуавтоматы).

Суть эксперимента заключалась в том, что фонд заработной платы промышленно-производственного персонала не изменялся в зависимости от численности, а оставался на достигнутом уровне на начало эксперимента. Высвобождаемый в результате совмещений профессий фонд заработной платы использовался для доплат рабочим и ИТР, которые осуществляли трудовую деятельность на совмещённых должностях [8].

Выгодность эксперимента для предприятий была очевидна: автоматизация производства, внедрение новых методов работ и сокращение травматизма и несчастных случаев на производстве за счёт снижения численности персонала.

Но минусы «щёкинского эксперимента» также весьма существенны: сокращение штата сотрудников комбината, как ИТР, так и рабочих профессий, двойная нагрузка на действующих сотрудников предприятий, персональная ответственность за качество выпускаемой продукции за выполнение плана и расширение зоны ответственности по обслуживанию и ремонту оборудования, которые не всегда находились в одном помещении.

На самом Щёкинском химическом комбинате с 1969 по 1970 г. было сокращено 500 чел., из них 105 лаборантов, остальные получили новые профессии, были усовершенствованы физико-химические приборы, на 70 % механизирован ручной труд грузчиков и повышена производительность труда.

В девятой пятилетке (1971–1975 гг.) были увеличены ставки и оклады среднеоплачиваемых категорий работников в производственных отраслях СССР, наряду с этим произошло и повышение минимальной заработной платы до 70 руб. в месяц [7, с. 6].

Если говорить об отдельных отраслях производства страны, то стоит обратить внимание на заводы химической отрасли СССР. На них всегда существовала система делений по применяемым технологиям выпускаемой продукции. Все промышленные предприятия страны делились на классы по видам вредных условий труда, по сложности применяемых производственных технологий и видам выпускаемой продукции, поэтому и базовые оклады были разными [7, с. 134–135]. Оклады ИТР, мастеров, техников при работе во вредных условиях повышались на 10 %, а на работах с особо вредными условиями – до 20 %. Стоит отметить, что минимальные оклады были только у начинающих работников, трудящихся под постоянным присмотром инженера либо мастера. При этом сотрудникам выплачивали надбавки, положенные по занимаемой позиции независимости от опыта и стажа работы. В химической отрасли в 1970 г. средняя заработная плата составляла 130 руб. в месяц, а в 1976 г. – уже 167 руб. в месяц. При этом ИТР в 1970 г. – 190 руб. в месяц, а в 1976 г. – 218 руб. в месяц [7, с. 102].

Важен тот факт, что сами руководители промышленных предприятий, имели право самостоятельно устанавливать надбавки к заработной плате высококвалифицированным специалистам и мастерам, передовикам производств [9, с. 78]. Так, на Минском мотовелозаводе в 1972 г. надбавки получали 115 представителей ИТР – каждый шестой работник завода.

Рассматривая вопрос премирования и поощрений, стоит обратить внимание на пример Витебского шёлкового комбината [2, с. 13]. Благодаря разработанному на комбинате «Положению о материальном и моральном поощрении творческой активности ИТР», каждый представитель инженерно-технической специальности вёл свой журнал творческой активности. И в конце каждого года на техническом совещании при руководителе отдела выбирался лучший проект, а его автор получал не только звание «Лучший мастер» или «Лучший техник», но ещё и персональную надбавку в размере 20–30 % от должностного оклада, ему также давали разовую премию в размере 50 % от месячного оклада [2, с. 13].

Говоря о методологической базе исследования, нами использованы принципы общенаучных подходов. Применялись исторические, антропологические подходы в изучении дифференциации оплаты труда в советском обществе ИТР за период 1960–1970-х гг. При этом основой рассмотрения количественных показателей в оплате труда особое внимание обращено на социально-экономические проблемы при начислении заработной платы представителей инженерно-технической интеллигенции. В работе также проведена аналитическая составляющая расчётов заработных плат по отношению к другим категориям населения страны.

В заключение следует отметить, что оплата труда ИТР в СССР в 1960–1970-е гг. всегда была выше среднестатистической по стране. С одной стороны, представители промышленно-производственного персонала получали стабильную и вышесреднюю заработную плату труда, с другой стороны, не всегда характер выполняемых обязанностей работников предприятий прямо пропорционально отражался на уровне оплаты труда. Представители технической интеллигенции находились в полной зависимости от органа управления предприятия, не всегда им оплачивались сверхурочные часы, а также чаще всего их привлекали к решению задач, которые не относились к прямым обязанностям.

Список литературы

1. Бегматов, У. Б. Организация труда ИТР и служащих и пути ее совершенствования / У. Б. Бегматов. – Ташкент: Узбекистан, 1976. – 63 с.
2. Герштейн, Ф. С. Новое в оплате труда и премировании ИТР промышленных предприятий БССР / Ф. С. Герштейн. – Минск: Белорусский науч.-исслед. ин-т науч.-технич. информации и технико-экономич. исследований, 1976. – 49 с.

3. Гурьянов, С. Х. Труд и заработная плата на предприятии / С. Х. Гурьянов, Л. А. Костин. – Москва : Экономика, 1973. – 398 с.
4. Еременко, В. Д. От чего зависит твоя заработная плата / В. Д. Еременко. – Волгоград : Нижне-Волжское книж. изд-во, 1964. – 32 с.
5. Махнорылов, В. П. Нормирование труда руководящих работников, ИТР и служащих / В. П. Махнорылов. – Киев : «Знание» УССР, 1973. – 40 с.
6. Перетрутов, В. Н. Труд и заработная плата на промышленном транспорте / В. Н. Перетрутов, А. Э. Эзерин. – Москва : Транспорт, 1972. – 210 с.
7. Семин, С. Г. Труд и заработная плата на химических предприятиях / С. Г. Семин. – Москва : Химия, 1978. – 327 с.
8. Ставропольская правда. – 1975. – 20 ноября.

References

1. Begmatov U. B. *Organizatsiya truda ITR i sluzhawikh i puti ee sovershenstvovaniya* [Labor organization of engineering and technical workers and employees and way of its improvement]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1976, 63 p.
2. Gershteyn F. S. *Novoe v oplate truda i premirovanii ITR promyshlennykh predpriyatii BSSR* [New in compensation and awarding of engineering and technical workers of the BSSR industrial enterprises]. Minsk, Belarusian Research Institute of Scientific and Technical Information and Technical and Economic Research Publ., 1976, 49 p.
3. Guryanov S. Kh., Kostin L. A. *Trud i zarobotnaya plata na predpriyatii* [Work and the salary at the enterprise]. Moscow, Ekonomika Publ., 1973, 398 p.
4. Eremenko V. *Ot chego zavisit tvoya zarobotnaya plata* [What determines your salary]. Volgograd, Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1964, 32 p.
5. Makhnarylov V. P. *Normirovanie truda rukovodyashchikh rabotnikov, ITR i sluzhashchikh* [Rationing of work of executives, engineering and technical workers and employees]. Kiev, "Znanie" USSR Publ., 1973, 40 p.
6. Peretrutov V. N., Yezerin A. Ye. *Trud i zarobotnaya plata na promyshlennom transporte* [Work and the salary on industrial transport]. Moscow, Transport Publ., 1972, 210 p.
7. Semin S. G. *Trud i zarobotnaya plata na khimicheskikh predpriyatiyakh* [Work and the salary at the chemical companies]. Moscow, Khimiya Publ., 1978, 327 p.
8. *Stavropolskaya pravda* [The Stavropol truth], 1975, November 20.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В КАЛМЫЦКОЙ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА

Лиджеева Клара Федоровна, доктор исторических наук, профессор
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: lkf1957@mail.ru

Олчанова Цаган Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: tsagana2@yandex.ru

Рассмотрено формирование национальных кадров для Калмыкии, прежде всего, управленческих, посредством обучения через совпартшколы. Данный регион отличался слабым развитием хозяйства, специфическими сложностями кочевого образа жизни, отсутствием инфраструктуры и другими многочисленными трудностями. В связи со становлением советского государства происходила трансформация различных сфер общества. Основной задачей советско-партийной школы являлась подготовка калмыцких национальных управленцев, партийной и советской номенклатуры, ведущим критерием которой выступала идеологическая направленность. Проанализированы содержание учебного процесса в совпартшколе, программы, методы обучения, образовательный уровень слушателей. Целевое назначение подготовки кадров – функционеров в данных учебных заведениях заключалось в социокультурной модернизации и изменении общественной психологии людей. Базовой кадровой основой региона для властных структур в основном становились выпускники данного учебного заведения, возглавившие и руководившие партийными, советскими, хозяйственными органами автономии. Использованы результаты полевых исследований, в частности, очевидцев и участников событий, проведенные в 1980-х гг. – опрос, статистический сбор данных, фоно- и фотодокументирование и т. д. Они явились своеобразными репрезентативными источниками для обобщения исторического опыта подготовки номенклатурных кадров для региональных общественных сфер в первые десятилетия советского государства. В научный оборот введены архивные материалы, через исследование которых был сделан вывод, что в рассматриваемый период были заложены основы политического образования, советско-партийные школы являлись одной из составных частей формирования подготовки кадров, через которую трансформировалась модель общества.

Ключевые слова: советско-партийная школа, национальные кадры, регион, интеллигенция, трансформация, национальная политика, обучение, Калмыкия

TRAINING IN THE KALMYK SCHOOL AS A COMPONENT
OF TRANSFORMATION OF THE MODEL OF SOCIETY

Lidgheeva Clara F., D. Sc. (History), Professor
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
E-mail: lkf1957@mail.ru

Olchanova Cagan V., Ph.D. (History)
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
E-mail: tsagana2@yandex.ru

This article focuses on the formation of national personnel for Kalmykia, primarily management through training through soviet party school. This region was characterized by weak economic development, specific difficulties of nomadic lifestyle, lack of infrastructure and other numerous difficulties. In connection with the formation of the "new" Soviet state, there was a transformation of various spheres of society. The main task of the Soviet-party school was to prepare Kalmyk national managers, party and Soviet nomenclature, the leading criterion of which was the ideological orientation. The article deals with the content of the educational process in the school, programs, teaching methods, educational level of students. The purpose of training functionaries in these educational institutions was the socio-cultural modernization and change of social psychology of people. Base personnel based in the region to power structures have largely been graduates of this institution, who led and directed the party, Soviet and economic organs of the autonomy. The article uses the results of field research, in particular, eyewitnesses and participants of the events conducted in the 1980s – a survey, statistical data collection, Photo-and photographic documentation, etc. They were a kind of representative sources for the generalization of historical experience of training of nomenclature personnel for regional social spheres in the first decades of the Soviet state. Archival materials were introduced into scientific circulation, through the study of which it was concluded that in the period under review the foundations of political education were laid, the Soviet-party schools were one of the components of the formation of training, through which the model of society was transformed.

Keywords: soviet party school, national staff, the region, the intelligentsia, the transformation, national policy, training, Kalmykia

Во втором десятилетии XX в. На политической карте мира появилось Советское государство. Трансформация страны была связана с изменением политического режима, формированием новой идеологии, изменением общественной психологии людей. В составе нового государства были образованы автономные территории, в частности, Калмыцкая автономная область, которой требовались свои национальные кадры. Эта работа была рассчитана на длительное время, так как в автономии ощущался кадровый кризис по всем отраслям.

Регион отличался слабым развитием хозяйства, специфическими сложностями кочевого образа жизни, отсутствием инфраструктуры и другими многочисленными трудностями. Одновременно в этот период шёл процесс ликвидации неграмотности населения, решались культурные вопросы и соответственно, приступили к подготовке национальных кадров.

Для этого необходимо было провести длительную кампанию агитаций и разъяснений по всей области, которая нуждалась в работниках по всем направлениям – профессиональной, советской, кооперативной и т. д. Восполнить этот пробел должна была и Калмыцкая совпартшкола с местопребыванием её в г. Астрахани. О создании данного учебного заведения указывалось в документах Калмыцкого обкома РКП(б): «Большую и важную роль суждено сыграть совпартшколе в Калмоласти. Кризис, испытываемый в национальных кадрах, чувствуется особо остро... Ослабить этот недостаток кадров – назначение совпартшколы» [5, л. 1].

После проведённого статистического учёта, управленцев в регионе насчитывалось всего 152 человека [11, с. 21]. После открытия совпартшколы в 1921 г., на учебу прибыло 45 человек, из них 22 – калмыцкой национальности, что не удовлетворяло потребностей в национальных кадрах. Поэтому набор в последующие годы постоянно увеличивался [2, с. 31]. Но не все принятые курсанты заканчивали учебное заведение, по разным причинам они также и выбывали.

Численный состав совпартшколы в 1921–1926 гг.

Годы	Число курсантов
1921–1922	45
1922–1923	66
1923–1924	80
1924–1925	84
1925–1926	90

Отношение курсантов к делу было самым серьёзным, ими была проделана огромная работа, несмотря на тяжёлое материальное положение. Программа областных совпартшкол,

Таблица

разработанная агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б), была рассчитана на слушателей, имеющих хотя бы начальное образование, разбирающихся в основах политических знаний и имеющих определённый опыт партийной работы. Однако объективные условия, сложившиеся к этому времени в Калмыцкой области, не позволили выполнить полностью эти требования [12, с. 5]. Поэтому количество образовательных дисциплин было увеличено и введён ряд специальных курсов, таких как «История калмыцкого народа», «Калмыцкий язык и литература» и др. Но изрядное увеличение курсов, их изучение в достаточно короткие сроки не решило проблемы школ. В 1922/1923 учебном году программа Калмыцкой совпартшколы значительно усовершенствовалась. По решению I-й Всероссийской методической конференции программа обучения в совпартшколах I и II ступеней была сокращена. Программа обучения Калмыцкой совпартшколы тоже претерпела изменения и сократилась с 30 предметов до 17 [11, с. 5].

Несмотря на тщательный отбор при поступлении в школу, курсанты принимались с самым разным уровнем знаний. При совпартшколе были созданы подготовительные группы. Весь курс делили на четыре группы, по мере прохождения которых изменялись методы и способы преподавания. Успешному освоению программы в значительной степени способствовала правильная методика обучения. Так, вместо лекционно-кружковой работы в Калмыцкой совпартшколе был введён метод классной беседы. Преимущество этого метода обучения состояло в облегчении усваивания материала. Лектор был тесно связан с аудиторией и мог контролировать степень овладения материалом и закреплять его в классе. Практиковалось также чтение учебника и его разбор, составление тезисов по прочитанному. Для курсантов второго года обучения (школа II ступени) был введён лабораторный (самостоятельный) метод обучения [1, с. 35–41].

В своей повседневной работе школа не замыкалась только в рамках внутришкольной жизни, а связывала её с широкой внешкольной работой и практикой. Наряду с этим необходимо отметить то положение, что школа была оторвана от области в территориальном отношении.

Постепенно Калмыцкая совпартшкола приобретала своё особое значение, во-первых, как школа подготовки молодых работников коренной национальности; во-вторых, совпартшкола была средней ступенью между общеобразовательной и высшей школой; в третьих, она позиционировалась как культурно-педагогический центр. Первые пять лет существования Калмыцкой советско-партийной школы были годами её становления. Она оформилась в условиях хозяйственной разрухи в стране, многократно усугублённой стихийным бедствием 1921 г. и порождённым им массовым голодом в Поволжье, в т. ч. и в Калмыкии, в условиях тяжелейшего материального положения молодой Калмыцкой автономии, и в начале своего существования испытывала множество трудностей организационного характера.

К подготовке кадров применялся так называемый классовый подход, на учебу в первую очередь направляли представителей рабочего класса и крестьянства. Процесс формирования партийных национальных кадров в Калмыкии был достаточно сложным из-за малочисленности коммунистов и, соответственно, их низким образовательным уровнем. В первые годы функционирования совпартшколы (1921–1924 гг.) коммунисты среди слушателей составляли всего 4,5 % [11, с. 22]. В учебном заведении была создана коммунистическая ячейка, которая возглавила идейно-политическое воспитание курсантов [2, с. 31]. Неплохим был состав комсомольцев – около одной трети среди слушателей школы во всех наборах. В школе выпускалась стенгазета «Степняк-совпартшколец», в которой освещались вопросы быта курсантов, а также их общественная жизнь, оказывалась помощь в привитии санитарно-гигиенических навыков. Также были организованы различные комиссии – санитарная, хозяйственная и др., в которых принимали участие сами курсанты, кроме того, были разработаны критерии санкционного характера для поощрения или наказания слушателей. Все меры и проводимые мероприятия способствовали формированию партийных и советских кадров, а также созданию образа управленцев нового формата.

Необходимо отметить увеличение среди курсантов женщин, имевшее также немаловажное значение для подготовки национальных кадров, что констатировал в своей статье директор школы К. Ф. Ястребов: «Тяга женщин к учебе и интерес к общественной жизни значительно сдвинулся вперед, несмотря на огромную отсталость женщин в условиях кочевой жизни» [11, с. 24]. Несмотря на все недостатки, допущенные при приёме в совпартшколу, данное учебное заведение восполнило пробел, «ежегодно выставляя кадры молодых работников» [3, с. 66]. Потребность в национальных кадрах была велика, большое количество из них направлялись на профессиональную, кооперативную, партийную работу, они же становились и первыми организаторами колхозов. В частности, выпускники Калмсовпартшколы 1927 г. были направлены в различные учреждения региона, так, «Нимгир Бадмаев поступал в распоряжение

ВЛКСМ; Аврик Бормангинов – в распоряжение облполитпросвета, Меркиш Бадмаев – в облполитпросвет, Михаил Галенгинов – политпросвет (с. Яндыки), Коока Унгунова – политпросвет (с. Улан-Хол), Мария Шлыкова направлялась вулуском ВЛКСМ и др.» [6, л. 125].

В организации первых учебных заведений и подготовке национальных кадров на протяжении многих лет неоценимую помощь оказывала астраханская интеллигенция. Калмыцкая советско-партийная школа сотрудничала с Астраханской губернской совпартшколой, которая делилась опытом своей работы. Для участия курсантов в общественной жизни, при прохождении практики они распределялись в советские, партийные, профсоюзные, кооперативные и другие учреждения города. Учебно-вспомогательными базами для школы были естественный кабинет Астраханского педтехникума, музей флоры и фауны Астраханского края. Помимо этого, курсантам предоставлялась возможность посещать различные мастерские, научные кабинеты, промышленные предприятия г. Астрахани [1, с. 35–41]. Они изучали структуру учреждений, характер и методы работы, участие и влияние данного учреждения на экономику региона, степень его полезности, рынок и т. д. [1, с. 35–41].

Выпускник Калмыцкой совпартшколы А. Б. Чужгинов в своих воспоминаниях отмечал: «Большую помощь в учебе оказывали прекрасные преподаватели с образованием – Сергеев В., Большанов Ф., Тимошкаева П., Вереин Л., который с 1927 г. стал директором Калмыцкой совпартшколы» [9].

При совпартшколе имелось общежитие, материально слушатели были неплохо обеспечены, получали стипендию [7, с. 138]. Курсанты участвовали во многих общественных кампаниях, прежде всего в ликвидации неграмотности среди населения Калмыкии. Например, выпускница А. Д. Костикова вспоминала: «Окончив совпартшколу в 1927 году, я работала заведующей “красной кибиткой”, в мою обязанность входила работа среди женщин. Рабочие рыбных промыслов, животноводы после трудового дня шли в библиотеки, красные уголки, избы-читальни, чтобы послушать громкие читки газет, беседу агитатора, почитать книгу» [8].

Практически все выпускники совпартшколы в дальнейшем сумели получить хорошую подготовку. За период 1926–1931 гг. учебное заведение закончило около 600 человек [4, л. 10, 11]. Многие выпускники Калмыцкой совпартшколы учились в последующие годы в Коммунистическом университете трудящихся Востока и других учебных заведениях. В частности, его закончила Гилана Карвеновна Килганова, выпускница Калмсовпартшколы 1928 г.; Учур Баатрович Андреев продолжал учебу в сельскохозяйственной академии им. Тимирязева; Анна Джидановна Костикова закончила Академию коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской; в Институте Красной профессуры обучался выпускник Калмыцкой совпартшколы Глаш Дорджиев, после чего находился на партийной работе в Казахстане, после окончания совпартшколы в Московском пединституте учился Мутул Хавалович Хавалов [8].

Все вышеназванные курсанты Калмыцкой совпартшколы были направлены на работу в региональные управленческие учреждения, например Зурган Мукаев работал долгое время в Эркетеновском улусном комитете партии, был активным общественным работником, руководил политкружками, Дамба Джиргалович Шалхаков работал начальником политотдела совхоза и погиб на фронте в 1943 г., Петр Яковлевич Хонхочиев был выдвинут прокурором республики, Церен Очирович Саврушев работал секретарем райкома комсомола, затем секретарем обкома ВЛКСМ, являлся редактором республиканской газеты «Улан баһчуд», впоследствии стал председателем Калмоблпрофсовета; в областном женском отделе работала Наталья Намуева [10]. Многие девушки после окончания совпартшколы распределялись в учреждения политического просвещения, в частности, Екатерина Скрипка, Зулейха Сайдалиева, Клавдия Филонова, Мария Шлыкова. После окончания совпартшколы Гилана Карвеновна Килганова работала сначала заведующей женотделом Большедербетовского улускома ВКП(б), а затем заведующей отделом работниц и крестьянок Калмыцкого обкома партии [10]. Необходимо отметить, что параметры организации и функционирования совпартшкол были стандартными для их деятельности на всей территории страны, например, в Ставрополе, Сибири, Свердловске [13, с. 63–65, 69–76, 93–95]. Они являлись своеобразными учебными заведениями для подготовки кадров управленческого звена, в основном в советско-партийных органах. Необходимость открытия совпартшкол связывалась с начальной подготовкой управленцев к данной деятельности, а также, что было более значимым, к распространению коммунистической идеологии среди населения.

В 1920-е гг. прошла через реформирование и высшая школа, основным условием которого являлась его «советизация», открывались коммунистические университеты и совпартшколы, т. е. выстраивалась система подготовки советско-партийных кадров. Здесь возможно

проведение параллели с формированием всей образовательной сферы, в частности, системы общего образования. Через организованные при совпартшколах курсы переподготовки, школьные учителя повышали свой профессиональный уровень, а базовой основой их воспитания являлась официальная советская идеология.

Таким образом, основной задачей советско-партийной школы являлась подготовка калмыцких национальных управленцев, партийной и советской номенклатуры, ведущим критерием которой выступала идеологическая направленность. Целевое назначение подготовки кадров-функционеров в данных учебных заведениях заключалось в социокультурной модернизации, их участия в решении прагматических хозяйственных задач и изменения общественной психологии людей.

Список литературы

1. Вестник Калмыцкого обкома РКП(б). – Астрахань : Калмиздат, 1924. – № 9–10.
2. Вестник Калмыцкого обкома РКП(б). – Астрахань : Калмиздат, 1925. – № 1.
3. Калмыцкая степь. – 1927. – № 3. – С. 66.
4. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). – Ф. Р-3. – Оп. 5. – Л. 10, 11.
5. НАРК. – Ф. Р-25. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 1.
6. НАРК. – Ф. Р-3. – Оп. 2. – Д. 894. – Л. 125.
7. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. – Москва : Наука, 1970. – 432 с.
8. Полевой материал. Воспоминания А. Д. Костиковой (записано авторами 14.04.1980 г.)
9. Полевой материал. Воспоминания А. Б. Чужгинова (записано авторами 20.04.1980 г.)
10. Полевой материал. Воспоминания А. Д. Костиковой, Ц. О. Саврушева (записано авторами 14.04.1980 г.)
11. 5 лет работы. Юбилейное издание Калмсовпартшколы. – Астрахань : Калмиздат, 1926. – 256 с.
12. Ташнинов, Н. Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР / Н. Ш. Ташнинов. – Элиста : Калмыцкое книж. изд-во, 1969. – 214 с.
13. Туфанов, Е. В. Становление системы партийного образования в начале 1920-х гг. (на материалах Ставрополя) / Е. В. Туфанов, Ч. Н. Кравченко, О. Н. Шматко // Вестник Калмыцкого государственного университета. – 2017. – № 34 (2). – С. 69–76.
14. Колоткин, М. Н. Формирование Татарской партийной номенклатуры в Сибири в 1920–1930-е гг. / М. Н. Колоткин. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-tatarskoy-partiynoy-nomenklatury-v-sibiri-v-1920-1930-e-gg>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. Никонов, Н. С. Деятельность советско-партийной школы по подготовке командно-административных кадров в начале НЭПа (на материалах Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губернии) / Н. С. Никонов, В. Ю. Барунов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2010. – № 3. – С. 63–65.

References

1. *Vestnik Kalmytskogo obkoma RKP(b)* [Bulletin of Kalmyk regional Committee of RCP(b)]. Astrakhan, Kalmizdat Publ., 1924, no. 9–10.
2. *Vestnik Kalmytskogo obkoma RKP(b)* [Bulletin of Kalmyk regional Committee of RCP(b)]. Astrakhan, Kalmizdat Publ., 1925, no. 1.
3. *Kalmytskaya step* [Kalmyk steppe], 1927, no. 3, 66 p.
4. *The national archives of the Republic of Kalmykia*, found R-3, inventory 5, sheets 10, 11.
5. *The national archives of the Republic of Kalmykia*, found R-25, inventory 1, case 102, sheet 1.
6. *The national archives of the Republic of Kalmykia*, found R-3, inventory 2, case 894, sheet 125.
7. *Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Epokha sotsializma* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The era of socialism]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 432 p.
8. *Field material. Memoirs of A. D. Kostikova* (written by the authors on 04.14.1980).
9. *Field material. Memoirs of A. B. Chuzhginov* (written by the authors on 04.20.1980).
10. *Field material. Memoirs of A. D. Kostikova, Ts. O. Savrusheva* (written by the author on 04.04.1980).
11. *5 let raboty. Yubileynoe izdanie Kalmsovpартshkoly* [5 years of work. Commemorative edition of Kalmovpart schools]. Astrakhan, Kalmisdat Publ., 1926, 256 p.
12. Tashninov N. Sh. *Ocherki istorii prosveshcheniya Kalmytskoy ASSR* [Essays on the history of education of the Kalmyk ASSR]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1969, 214 p.
13. Tufanov E. V., Kravchenko Ch. N., Shmatko O. N. *Stanovlenie sistemy partiynogo obrazovaniya v nachale 1920-kh gg. (na materialakh Stavropolya)* [Formation of the system of party education in the early 1920s. (on the materials of Stavropol)]. *Vestnik Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk state University], 2017, no. 34 (2), pp. 69–76.
14. Kolotkin M. N. *Formirovanie Tatarskoy partiynoy nomenklatury v Sibiri v 1920–1930-e gg.* [The formation of the Tatar Communist party in Siberia in the 1920–1930s]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-tatarskoy-partiynoy-nomenklatury-v-sibiri-v-1920-1930-e-gg>.
15. Nikonov N., Baranov V. Yu. *Deyatel'nost sovetsko-partiynoy shkoly po podgotovke komandno-administrativnykh kadrov v nachale NEПа (na materialakh Ivanovo-Voznesenskoy, Kostromskoy i Yaroslavskoy gubernii)* [Activities of the Soviet-party school of the training command and administrative staff at the beginning of the NEP (based on the materials of Ivanovo-Voznesensk, Kostroma and Yaroslavl province)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University], 2010, no. 3, pp. 63–65.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВВЕДЕНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КАЛМЫКИИ (1921–1922 гг.)

Убушаев Владимир Бадахеевич, доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: vb@mail.ru

Введение новой экономической политики в Калмыкии носило целый ряд особенностей. Калмыцкая организация РКП(б) в 1921 г. получила право на организацию Обкома РКП(б), который подчинялся непосредственно ЦК РКП(б). Это свидетельствовало о том, что, во-первых, в период гражданской войны сложилась новая элита, ориентированная на РКП(б), которая смогла в начале 1920-х гг. взять на себя ответственность за развитие Калмыкии. Во-вторых, в рамках правящей партии (РКП(б)) данная элита быстро включалась в общероссийский политический процесс. Прекрасной иллюстрацией вышесказанного служит биография председателя КалмЦИК А. Ч. Чапчаева, который, активно участвуя в общероссийских процессах (гражданская война, подавление Кронштадтского мятежа, работа в центральных партийных и государственных организациях, участие в качестве делегата на партийных съездах и конференциях и т.д.), многое делал для развития Калмыкии и её народа. А. Ч. Чапчаев и другие калмыцкие руководители в начале 1920-х гг. начали работу по развитию в Калмыкии, помимо традиционного скотоводства, других видов хозяйственной деятельности. Речь прежде всего шла о развитии земледелия и создании промышленных предприятий. Эти меры должны были способствовать созданию устойчивой экономики, более быстрому отходу от кочевого образа жизни, более быстрой интеграции в общероссийские экономические процессы. Серьёзным препятствием для восстановления подорванного предыдущими войнами хозяйства калмыков стала небывалая засуха, а затем голод 1921 г. Большинство жителей КАО голодало. Но благодаря помощи со стороны Правительства РСФСР, других регионов страны, других государств, в том числе Монголии, последствия голода удалось довольно быстро преодолеть.

Ключевые слова: новая экономическая политика, Калмыкия, Астрахань, гражданская война, продрозверстка, земледелие, скотоводство, голод

ABOUT SOME PECULIARITIES OF THE INTRODUCTION OF A NEW ECONOMIC POLICY IN KALMYKIA (1921–1922)

Ubushaev Vladimir B., D. Sc. (History), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykiya, Russian Federation
E-mail: vb@mail.ru

The author shown in this article, that the introduction of new economic policy wore a number of features in Kalmykia. The Kalmyk organization of the RCP (b) received the right to organize the Regional Committee of the RCP (b) in 1921, which was directly subordinate to the Central Committee of the RCP (b). This testified to the fact that, firstly, during the civil war new elite was formed, oriented towards the RCP (b), which was able in the early 1920s take responsibility for the development of Kalmykia. Secondly, within the framework of the ruling party, the RCP (b), this new elite joined quickly the all-Russian political process. A fine illustration of the above is the biography of the chairman of the KalmCIC A.Ch. Chapchaev, who actively participated in all-Russian processes (civil war, suppression of the Kronstadt rebellion, work in central party and state organizations, participation as a delegate at party congresses and conferences, etc.), did a lot for the development of Kalmykia and its people. A.Ch. Chapchaev and other Kalmyk leaders began development work in Kalmykia, in addition to traditional cattle breeding, other types of economic activity in the early 1920s. This, above all, was about the development of agriculture and the creation of industrial enterprises. These measures were supposed to contribute to the creation of a sustainable economy, a more rapid departure from the nomadic way of life, faster integration into the all-Russian economic processes. An unprecedented drought and then a famine in 1921 became a serious obstacle to the restoration of the Kalmyk economy undermined by previous wars. Most of the residents of KAO were starving. But thanks to help from the Government of the RSFSR, other regions of the country, other states, including Mongolia, the consequences of the famine were quickly overcome.

Keywords: new economic policy, Kalmykia, Astrakhan, civil war, surplus, agriculture, cattle breeding, famine

Провозглашение новой экономической политики по времени совпало с началом самостоятельной деятельности Калмыцкого обкома РКП(б) на территории Калмыцкой автономной области (КАО), который получил это право согласно действовавшему на то время уставу РКП(б). Так как Калмыцкий обком РКП(б) действовал на территории федеративного подчинения (в данном случае – на территории КАО), то и партийная организация этой территории должна была подчиняться непосредственно Центральному комитету РКП(б). В связи с этим Калмыцкая партийная организация в начале 1921 г. была выведена из подчинения Астраханского губкома РКП(б), хотя курирование со стороны Астраханской партийной организации продолжилось. Так, в августе 1921 г. в Астраханский губком РКП(б) назначил в Калмыцкий обком своего представителя для помощи в организации партийной работы [7, с. 82].

Организационно этот вопрос был оформлен на I Калмыцкой учредительной партийной конференции, состоявшейся в п. Калмыцкий базар 18–21 февраля 1921 г. Ответственным секретарем Обкома стал А. Ч. Чапчаев. Помимо этого он занимал должность председателя КалмЦИК. На этом же собрании были избраны делегаты на готовившийся в Москве X съезд РКП(б). Делегатом с правом решающего голоса от Калмобкома РКП(б) был избран А. Ч. Чапчаев, делегатом с правом совещательного голоса стал Е. Ф. Солодухин. Калмыцкие делегаты отбыли в столицу вместе с делегатами от Астраханской губернии 26 февраля 1921 г. За время работы съезда А. Ч. Чапчаев, которого всегда отличала активная жизненная позиция, успел повоевать, записавшись добровольцем в боевую группу делегатов X съезда РКП(б), отправленных в Кронштадт для подавления антисоветского мятежа [7, с. 81].

В Калмыкию А. Ч. Чапчаев вернулся с важными документами, касавшимися введения новой экономической политики (нэпа) и, прежде всего, с Декретом о замене продразверстки продналогом. Поскольку антисоветское движение во многом опиралось на недовольство крестьян продразверсткой (по которой у них изымался в пользу государства практически весь урожай), то теперь в руках у руководства Калмыцкого обкома РКП(б) оказался сильнейший аргумент в пользу того, чтобы перетащить большую часть недовольных на сторону советской власти и, тем самым, ослабить антисоветские бандитские отряды.

С апреля 1921 г. калмыцкие коммунисты развернули мощную пропагандистскую работу по разъяснению решений X съезда РКП(б) и преимуществ новой экономической политики среди населения автономной области. В республиканских газетах и журналах регулярно стали выходить статьи партийных руководителей на эту тему, было напечатано и распространено большое количество листовок, плакатов, брошюр, разъяснявших и пропагандировавших нэп среди населения. Во всех крупных селениях Калмыкии были организованы политкружки и политшколы, на которых представители Калмобкома РКП(б) доводили до населения решения X съезда [9, с. 63]. Многочисленные протоколы сельских, аймачных, улусных партийных конференций, а также собраний беспартийных свидетельствуют, что в большинстве своем трудящиеся Калмыкии поддержали решения X съезда РКП(б) о введении нэпа и замене продразверстки продналогом. Например, участники II Ремонтненского уездного съезда Советов, рассмотрев вопросы, связанные с введением нэпа, «приветствовали решение X съезда РКП(б), которое облегчает тяжёлое положение крестьян и способствует восстановлению промышленности и усилению единства города и деревни» [8, с. 108].

В августе 1921 г. в п. Калмыцкий базар состоялась II конференция Калмыцкого областного комитета РКП(б). На ней были зарегистрированы 82 делегата, из них 40 калмыков и 42 русских [1, с. 10]. Конференция выработала план по введению новой экономической политики в Калмыкии. На ней также обсуждались такие актуальные для автономной области проблемы, как борьба с бандитизмом и помощь голодающим. С основными докладами выступали руководители Калмыкии А. Ч. Чапчаев и А. М. Амур-Санан. Судя по выступлениям делегатов, в земледельческих районах Калмыкии успешно осуществлялся переход от продразверстки к продналогу. Скотоводческие хозяйства, которых было большинство, согласно Постановлению СНК РСФСР «Об охране и восстановлении калмыцкого животноводства» платили сокращённый натуральный налог на мясо. Поэтому, как отмечали докладчики, если продовольственный налог в целом по России был в два раза ниже продразверстки, то благодаря нэпу и Постановлению СНК, в Калмыкии он был ещё меньше. На конференции было также отмечено, что благодаря введению нэпа, сельское хозяйство КАО стало оживать [1, с. 7–8].

Результатом большой работы по введению нэпа стало ослабление бандитских формирований на территории КАО. Лишённые народной поддержки, они быстро стали терять в численности, терпели поражения в боях с ЧОН. В 1922 г. с крупными бандитскими подразделениями в Калмыкии было покончено, хотя мелкий бандитизм сохранялся до 1924 г. [4, с. 15].

Несомненной заслугой А. Ч. Чапчаева как руководителя КАО являлось то, что он многое сделал для изменения традиционного хозяйственного уклада своего народа. Калмыки были кочевниками, животноводами – так повелось испокон веков. А. Ч. Чапчаев настойчиво стал пропагандировать развитие в КАО других видов хозяйственной деятельности и, прежде всего, земледелия. В январе 1921 г. он писал в газете «Красный калмык»: «Потребности народного хозяйства заставляют калмыков перейти к другому виду хозяйства, а именно, к земледелию. В улусы, с почвами, удобными для земледелия, надо подбросить рабочую силу и инвентарь» [7, с. 85]. Для поддержки калмыков, перешедших на новый вид хозяйствования, при КалмЦИКе была организована республиканская посевная комиссия во главе с А. Ч. Чапчаевым. Весной

1921 г. улусные посевные комиссии начали работать в пригодных для земледелия улусах республики (Маньчском, Малодербетовском, Большедербетовском и т. д.). Ими руководили председатели улусных советов [10, с. 27].

Определённую помощь в работе по развитию земледелия в КАО оказала Астраханская губерния [3, с. 36]. По указанию Астраханского губисполкома в Калмыкию были направлены около 300 специалистов в области сельского хозяйства, 26 передвижных мастерских, 33 т пшеницы и 246 т проса. В рамках помощи на астраханских предприятиях из сэкономленных материалов были изготовлены сельскохозяйственные орудия (бороны, сеялки, плуги, косы и т. д.), которые были отправлены в земледельческие улусы Калмыкии.

Для обеспечения семенного зерна КалмЦИКом в марте 1921 г. был объявлен сбор семян. В частности, было принято решение зажиточным хозяйствам в обязательном порядке предоставить зерно для сева. То есть одновременно с агитацией за нэп, с его отменой продразверстки, руководители Калмыцкой партийной организации (как, впрочем, и их «коллеги» из соседних губерний) продолжали пользоваться методами продразверстки. Зажиточные хозяйства обеспечили поступлений в республиканский семенной фонд 65,5 т зерна. Но этого было явно мало, а внутренние резервы исчерпались. Тогда А. Ч. Чапчаев решил получить помощь из центра и других губерний страны. Во время командировки в Москву он заручился поддержкой СНК РСФСР, который, несмотря на голод в стране, постановил дополнительно выделить семенное зерно на развитие земледелия в Калмыкии. Народный комиссариат земледелия РСФСР в рамках помощи отгрузил в Калмыцкий автономный округ 1000 т зерна пшеницы, 100 т ячменя, 164 т проса, также было прислано значительное количество сельскохозяйственного инвентаря [6, л. 50]. Удалось А. Ч. Чапчаеву добиться поддержки и от властей Царицына, Нальчика, Баку и других мест, которые, несмотря на голод, смогли оказать помощь сельскому хозяйству КАО. Например, из Царицына для посевного фонда республики было отправлено около 500 т семян пшеницы и 14 т картофеля [6, л. 51].

Руководство КАО самым серьёзным образом подошло к проведению весенней посевной кампании 1921 г., понимая, что закрепление земледелия в Калмыкии скажется самым благотворным образом на хозяйственной жизни калмыков, сделает их хозяйство более благополучным и устойчивым к различным природным катаклизмам. Помимо этого, успешное проведение сева в прямом смысле было вопросом выживания для жителей КАО в условиях голода 1921 г.

Весной – летом 1921 г. сельское хозяйство целого ряда российских губерний поразила сильная засуха. Погиб практически весь урожай на Украине, Северном Кавказе, Дону, в Поволжье. Крестьянские хозяйства, ослабленные гражданской войной и продразверсткой, не имели запасов для успешного противостояния стихии. Начался голод, который сопровождался вспышками целого ряда инфекционных заболеваний, таких как малярия, дизентерия, тиф и т. д. От голода пострадали несколько миллионов человек, сотни тысяч стали беженцами, во много раз увеличилась детская беспризорность [2, с. 17–18].

Калмыкия также оказалась среди территорий РСФСР, поражённых засухой и голодом 1921 г. Уже в мае 1921 г. в донесениях улускомов РКП(б) в Обком РКП(б) и КалмЦИК говорилось о небывалой даже в тех засушливых краях засухе: «Сухой резкий юго-восточный ветер и полное отсутствие дождя, губительно действуют на молодые всходы. Урожай погибает» [5, л. 20].

Масштабы голода в КАО были значительными. По данным республиканской комиссии помощи голодающим, в начале 1922 г. голодало 90 % населения автономной области, а в Эркетеневском и Маньчском улусах население голодало поголовно [11, с. 21]. Тяжёлым было положение и в других калмыцких улусах. «Из-за голода в улусе много уже опухших от голода людей. Срочно просим прислать продовольствие», – сообщалось в телеграмме Большедербетовского улусного исполкома в КалмЦИК. Таких сообщений из различных районов Калмыкии в 1921–1922 гг. было много.

В августе 1921 г. Калмыцкий обком РКП(б) совместно с КалмЦИКом создают Комиссию помощи голодающим (Помгол). Такие же комиссии было рекомендовано создать во всех улусах республики. Они должны были провести строгий учёт имевшегося продовольствия и всячески способствовать его рациональному использованию. Для оказания помощи голодающим комиссия Помгола организовывала общественные столовые. В октябре 1921 г. их количество достигло тридцати трёх. Предназначались они, прежде всего, для питания детей и подростков. Всего к концу 1921 г. Общественные столовые обслуживали более 8500 маленьких жителей КАО [10, с. 27]. Однако продовольственных запасов в Калмыкии было мало и без помощи центральных органов власти было не обойтись.

В августе 1921 г. А. Ч. Чапчаев от имени руководства КАО обратился в Правительство РСФСР (СНК РСФСР) об отнесении Калмыкии к числу голодающих территорий и оказании ей экстренной продовольственной помощи. В СНК это обращение признали обоснованным, и Всероссийская комиссия Помгола получила распоряжение Правительства о выделении помощи. Во второй половине 1921 г. в распоряжении республиканской комиссии Помгола из центра было выделено 1376 т зерна, 410 т картофеля, 360 т рыбы и 835 т мяса. В 1922 г. КАО также была оказана помощь со стороны комиссии Помгола РСФСР: 557 т зерна и муки, 164 т сельды, которую республиканская комиссия Помгола выменяла ещё на 123 т зерна и муки. В 1922 г. СНК РСФСР выделил КАО кредит в размере 67 млн руб. денежными знаками, 50 тыс. руб. золотом и 2900 т зерна на ликвидацию последствий от голода, а также для восполнения поголовья домашнего скота, сильно пострадавшего за период войн, развитие земледелия и осуществления мелиорационных работ [8, с. 112].

Помимо этого решением Правительства РСФСР для получения дополнительной продовольственной помощи Калмыкия была прикреплена к западным губерниям: Орловской, Воронежской и Курской, не пострадавшим от голода. Весной 1922 г. из этих губерний в распоряжение областной комиссии Помгола поступило: 917 т зерна, 95 т картофеля, 3 вагона крупы и другие продовольственные товары. Продовольственная помощь поступала и из других регионов страны: из Винницы было получено 50 т муки; 1 вагон овощей поступил из Рыбинска; из Москвы – 2 вагона с мукой и 5 вагонов с крупой и т. д. В 1922 г. в стране был собран хороший урожай, что окончательно позволило стабилизировать положение в Калмыкии. Центральная комиссия по борьбе с голодом смогла послать в КАО 3795 т зерна и муки [1, с. 9].

Благодаря поддержке Правительства и других регионов страны, менее затронутых стихией, Калмыцкой автономной области удалось справиться с голодом 1921 г. и его последствиями.

Список литературы

1. Борисов, Т. И. Калмыкия. Краткий социально-политический и социально-экономический очерк / Т. И. Борисов. – Астрахань, 1924.
2. Виноградов, С. В. Голод в Поволжье: причины, масштабы, последствия / С. В. Виноградов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 3 (28). – С. 12–21.
3. Виноградов, С. В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики / С. В. Виноградов. – Астрахань : Издатель: Сорокин Р. В., 2015.
4. Глухов, И. К. От патриархальщины к социализму / И. К. Глухов. – Астрахань, 1926.
5. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). – Ф. Р-102. – Оп. 1. – Д. 171.
6. НАРК. – Ф. Р-3. – Оп. 1. – Д. 25.
7. Неберухин, А. И. Первый председатель КалмЦИКа: биографический очерк о А. Ч. Чапчаеве / А. И. Неберухин, В. Б. Убушаев. – Элиста : Калмыцкое книжн. изд-во, 1976.
8. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. – Москва, 1970.
9. Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. – Элиста, 1980.
10. Саврушева, К. Ц. Развитие Калмыцкой автономии: 1921–1935 гг. / К. Ц. Саврушева. – Элиста, 1971.
11. Убушаев, В. Б. Советы Калмыкии в борьбе за восстановление народного хозяйства на основе нэпа (1921–1925 гг.) / В. Б. Убушаев. – Элиста, 1983.

References

1. Borisov T. I. *Kalmykiya. Kratkiy sotsialno-politicheskiy i sotsialno-ekonomicheskiy ocherk* [A brief socio-political and socio-economic essay]. Astrakhan, 1924.
2. Vinogradov S. V. *Golod v Povolzhe: prichiny, masshtaby, posledstviya* [Hunger in the Volga region: causes, extent, consequences]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economy, Culture], 2011, no. 3 (28), pp. 12–21.
3. Vinogradov S. V. *NEP: opyt sozdaniya mnogoukladnoy ekonomiki* [NEP: the experience of creating a mixed economy]. Astrakhan, Sorokin R. V. Publ., 2015.
4. Gluhov I. K. *Ot patriarhalshchiny k sotsializmu* [From patriarchal to socialism]. Astrakhan, 1926.
5. *The National Archive of the Republic of Kalmykia*, found R-102, inventory 1, case 171.
6. *The National Archive of the Republic of Kalmykia*, found R-3, inventory 1, case 25.
7. Neberukhin A. I., Ubushaev V. B. *Pervyy predsedatel KalmTsiKa: biograficheskiy ocherk o A. Ch. Chapchaevе* [The first chairman of the KalmTsiK: biographical sketch of A. Ch. Chapchaev]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1976.
8. *Ocherki istorii Kalmyckoy ASSR. Epokha sotsializma* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The era of socialism]. Moscow, 1970.
9. *Ocherki istorii Kalmytskoy organizatscii KPSS* [Essays on the history of the Kalmyk organization of the CPSU]. Elista, 1980.
10. Savrusheva K. C. *Razvitie Kalmytskoy avtonomii: 1921–1935 gg.* [Development of Kalmyk autonomy: 1921–1935]. Elista, 1971.
11. Ubushaev V. B. *Sovety Kalmykii v borbe za vosstanovlenie narodnogo khozyaystva na osnove nepa (1921–1925 gg.)* [The Soviets of Kalmykia in the struggle for the restoration of the national economy on the basis of NEP (1921–1925)]. Elista, 1983.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

YOUTUBE-БЛОГЕРЫ КАК ЛИДЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ МОЛОДЁЖИ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ²

Гигаури Давид Ираклиевич, кандидат политических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7/9
E-mail: david.aspirant@gmail.com

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7/9
E-mail: gut-50@mail.ru

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119192, г. Москва, пр-т Ломоносовский, 27/4
E-mail: jants@yandex.ru

Рассмотрены механизмы формирования ценностных установок и гражданской идентичности в виртуальном пространстве. Актуальность подобных исследований обусловлена слабой разработанностью проблем символической политики, реализуемой в интернете. На основе анализа многоступенчатой структуры социальной коммуникации и роли лидеров мнений в конструировании политической повестки дня, а также видеоблогосферы как инструмента гражданской мобилизации сформулирован ряд положений и выводов, свидетельствующих о том, что: 1) традиционные способы консолидации национальных сообществ и политических групп претерпевают трансформацию под воздействием широко распространяющихся потоков повседневной коммуникации; 2) групповая солидарность и набор ценностных смыслов постоянно подвержены угрозе изменения, поскольку существует противоречие между декларируемым в официальном идеологическом дискурсе государства набором социальных ценностей и реальными потребностями и общественным сознанием гражданского общества; 3) молодёжные объединения и сама молодёжь как наиболее активная в политическом отношении социальная группа склонны к критическому переосмыслению транслируемых властью и государством концептов и идеологем; 4) существует необходимость повышения уровня качества репрезентации деятельности государственных акторов с целью построения эффективной коммуникации между гражданским обществом и властью.

Ключевые слова: виртуальная идентичность, символическая политика, Youtube-блогеры, лидеры мнений, молодёжь

YOUTUBE-BLOGGERS AS LEADERS OF PUBLIC OPINION OF YOUTH: NEW TECHNOLOGIES OF IDENTITY FORMATION IN VIRTUAL SPACE

Gigauri David I., Ph. D. (Policy)
St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: david.aspirant@gmail.com

Gutorov Vladimir A., D. Sc (Philosophy), Professor
St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: gut-50@mail.ru

Shirinyants Aleksandr A., D. Sc. (Policy), Professor
Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovskyy Ave., Moscow, 119192, Russian Federation
E-mail: jants@yandex.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти». (The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-011-31066 "Symbolic politics in Contemporary Russia: global risks, civil identity and vectors of historical memory".)

The mechanisms of the formation of value systems and civil identity in the virtual space are considered. The relevance of such studies is due to the weak elaboration of the problems of symbolic politics implemented in the Internet space. The multi-stage structure of social communication and the role of opinion leaders in constructing of political agenda, as well as the video blogosphere as an instrument of civic mobilization are analyzed. The study of the formation of virtual identity in the conditions of informatization of societies makes it possible to form a number of conclusions indicating that: 1) the traditional ways of consolidating national communities and political groups, are undergoing transformation under the influence of widespread daily communication flows; 2) group solidarity and a set of value meanings are in constant threat of change, since there is a contradiction between the set of social values declared in the official ideological discourse of the state and real needs and the public consciousness of civil society; 3) youth associations and young people themselves, as the most politically active social group, are prone to critical rethinking of the concepts and ideologies broadcast by the government and the state; 4) there is a need to improve the level of representation of the activities of state actors in order to build effective communication between civil society and the government.

Keywords: virtual identity, symbolic politics, YouTube-bloggers, opinion leaders, youth

Известно, что политический дискурс как символическое пространство борьбы смыслов и значений и политическая коммуникация, понимаемая как средство трансляции общественно значимых смыслов, реализуются в двух взаимосвязанных измерениях – прагматическом и символическом, которые, имея характерные отличия в теоретическом отношении, на практике тесным образом переплетены. Прагматический компонент дискурса связан с процессом объективной оценки социально-экономических и политических проблем и формулированием стратегии их решения. В то же время символическое измерение дискурса касается нормативного восприятия социального порядка. Символический дискурс в различных формах политической аргументации стремится разрабатывать и продвигать те представления об обществе, которые создают, поддерживают или разрушают политическую идентичность [17, с. 11].

Как отмечал М. Фуко в своих работах, посвящённых анализу политического дискурса, в любом обществе производство дискурса сразу же контролируется, реконструируется интеллектуальным сообществом, организуется и перераспределяется с помощью определённого числа процедур, роль которых состоит в том, чтобы овладеть случайными событиями, избежать «тяжёлой, грозной материальности» [20, р. 52]. По сути, власть стремится к контролю над производством смыслов, но в реальных условиях существования множества центров производства дискурсов, различных каналов политических коммуникаций подобный контроль со стороны государства неизбежно ослабевает. Виртуальное пространство захватывает внимание не только молодёжной аудитории, в него неизбежно вовлекаются различные поколения граждан, в нём также присутствует элемент анонимности и отчуждённости. Поэтому оперирование традиционными способами формирования коллективной идентичности в современных информационных реалиях утрачивает своё значение. Так, большинство созданных по инициативе государства молодёжных организаций делают акценты на манипуляции и управлении сознанием, на формировании групповой идеологии, на распространении идей патриотизма (отсюда попытки создания военно-патриотических общественных движений, таких как «Юнармия»), в то время как у молодого поколения россиян всё более возрастает критическое (подчас нигилистическое по отношению к своей стране) мышление, возникающее в условиях свободного интернета. Неслучайно чиновники и представители политической элиты стремятся контролировать бесчисленные потоки обмена мнениями, активно принимая пакеты законов и нормативных правовых актов в сфере ограничения средств массовой коммуникации и контроля за информационными потоками из «соображений безопасности» [10].

* * *

Идеологическая проблематика современных дискурсивных пространств медиа занимает центральное место в области политической лингвистики, политической текстологии и анализе политического дискурса. Риторический компонент постепенно приобретает господствующее положение в современной политике [23, р. 3].

Современные политические дискурсы имеют устойчивую тенденцию к материализации, а, значит, их контекст и риторика неразрывно связаны друг с другом и формируют обширную конфигурацию социальных отношений. Современные исследователи постоянно акцентируют внимание на происходящей в глобализирующемся мире информационной революции, которая самым непосредственным образом влияет на эволюцию политических дискурсов и их материальную основу. Независимые СМИ, коммуникативные агенты в интернет-пространстве видоизменяют пространственно-временную структуру современной политики, перестраивая роли субъектов политического процесса, конструируя новые основания для процесса субъективизации

оценок эффективности политических действий государственной власти, молодёжных движений и организаций, а также различного рода общественных инициатив [21, p. 19].

Известный политический миф, конструируемый вокруг восприятия СМИ в качестве «четвёртой власти», находит своё подтверждение в силу того, что подобные властные функции и полномочия в виртуальном пространстве реализуют не только организованные институты массмедиа, но и многочисленные разрозненные агенты, которые способны привлекать и удерживать внимание многомиллионной аудитории, воздействовать на неё и даже изменять характер политического поведения. Все эти субъекты массовой коммуникации наделены символической способностью «конструирования реальности» (как фактических представлений, так и достоверных фикций) [22, p. 195].

Современные глобальные тенденции в экономике, культуре, информационном пространстве бросают вызов традиционным государственным моделям построения гражданской идентичности, реализуемым, например, через государственный праздничный дискурс и систему коммемораций. Так, один из исследователей российской идентичности, описывая особенности современной политической идентификации, указывает на тенденцию «виртуализации идентичности», связанную с перемещением процессов политической социализации в интернет-пространство. Национально-государственная идентичность российской молодёжи, подчёркивает он, неизбежно размывается в своих политико-культурных установках, поскольку её сознание перманентно захватывают различного рода симулякры и «глобальные бренды», наносящие определённый урон национальному самосознанию, выраженный в утрате связи с историей поколений [12, с. 8–9].

* * *

Центральное место в формируемой коллективными актёрами идентичности молодёжных представителей гражданского общества занимают **вопросы и проблемы ценностного плана**. Однако здесь могут проявлять себя коренные противоречия и столкновения ценностных дискурсов, производимых различными агентами символической политики.

6 декабря 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ, вносящий изменения в «Стратегию государственной национальной политики РФ на период до 2025 года», в котором содержится определение российской нации. Согласно положениям данного указа, представителями российской нации являются люди, обладающие гражданским самосознанием или общероссийской гражданской идентичностью, неотъемлемой частью которой является приверженность базовым ценностям российского общества, среди которых на первом месте стоят патриотизм и служение Отечеству, затем семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь, коллективизм [13]. Эти ценности формируют единые принципы, связывающие различные народы России. Не вызывает сомнений, что воспитание молодёжи будет происходить с опорой на данные ценностные ориентиры, заложенные в президентской «Стратегии...». Вместе с тем, согласно данным социологических исследований, в настоящее время среди молодёжных ценностей преобладают стремление к «доходу», «стабильности и порядку», а также к «самоактуализации», составляющие резкий контраст постоянно понижающемуся стремлению к вступлению в брак. В то время как в официальных доктринах российского государства транслируются консервативные ценности, молодое поколение в целом жаждет ценностей «постиндустриальных» (Р. Инглхарт) [3]. В отечественном политическом дискурсивном пространстве официальный консерватизм неизбежно становится предметной областью сомнительной политической риторики, скрывающей неотрешённые содержание [18, с. 22]. Причиной является отсутствие чёткой государственной идеологии, которая могла бы позитивно влиять на процессы гражданской консолидации. В условиях идеологического вакуума открывается широкое пространство для деятельности публичных актёров, способных создавать альтернативные и не всегда лояльные стране и её народу интерпретации социально-политической реальности [1; 14; 15].

* * *

Ещё в середине XX в. П. Лазарсфельд сформулировал так называемую теорию двухступенчатого потока информации, согласно которой информация, распространяемая СМИ, массовой аудиторией воспринимается не сразу, а по прошествии некоторого времени и под влиянием **лидеров мнений**. Выводы Лазарсфельда как никогда актуальны и в наши дни, когда исследователи постоянно рассуждают о многоступенчатом потоке информации, по-новому интерпретируя открытия, сделанные Лазарсфельдом в рамках изучения электоральных кампаний [2, с. 123]. В эпоху клипового мышления, когда сознание индивида не концентрируется

на определённом фрагменте информационного потока, а воспринимает множество событий, сведений, фактов, фактическая информация непременно должна сопровождаться интерпретацией и оценкой авторитетных лидеров, к которым прислушивается аудитория.

Среди исследователей общественного мнения (например, специалистов социологического центра НИУ ВШЭ [16]) начинает возобладать точка зрения, согласно которой наиболее популярным среди молодёжи средством распространения общественно-значимого, а также развлекательного видео-контента становятся YouTube-каналы. Блогеры YouTube, наряду с Instagram-блогерами, авторами Twitter-аккаунтов, особенно успешны в рекламировании различных коммерческих брендов, проведении маркетинговых акций и коллабораций – совместной деятельности представительниц различных сфер деятельности, например, музыкальных артистов и бизнес-сообщества, формирующих потребительский спрос и ценностные установки. Наряду с этим, именно сегодня они играют роль лидеров общественного мнения, способных формировать отношение молодёжи к политическим событиям, конструировать гражданскую повестку дня, которая, как правило, отличается от официальной, создаваемой государственными каналами и СМИ.

В этом смысле государство в значительной степени проигрывает популярным видеоблогерам в интернет-пространстве, поскольку авторские каналы, представляющие официальную точку зрения и направленные на поддержку действующей власти, значительно уступают оппозиционным каналам в плане репрезентации материала. Но и здесь столкновение власти и условной оппозиции зачастую смягчается, когда государственные лидеры прилагают соответствующие усилия для привлечения внимания молодёжной интернет-аудитории. Показателен в этом отношении пример работы московского правительства и мэра г. Москвы С. С. Собянина, которые уделяют значительное внимание социальным сетям и интернет-пространству, развивая электронные сервисы оказания услуг, референдумов, системы опросов («Активный гражданин» и др.). Электронные сервисы действительно устанавливают эффективную коммуникацию между жителями и властями города. Однако необходимо признать, что наибольшее внимание аудитории в интернете привлекают не правительственные электронные сервисы или сайты известных политиков, а представители «блогерской профессии» (данный термин весьма уместен, так как ведение персонального блога, работающего с многомиллионной аудиторией, характеризуется высоким техническим уровнем и мастерством исполнения публичных выступлений).

Многие исследователи отмечают, что в современной России коммуникативные площадки взаимодействия между гражданами и органами власти развиты недостаточным образом [6, с. 86]. Так, согласно исследованию НИУ ВШЭ «Ценностные ориентации российского студенчества», проведённому в период с 19 февраля по 27 марта 2017 г. основными источниками получения новостной информации о событиях в стране и мире для студенческой молодёжи являются социальные сети («ВКонтакте» – 70,3 %, Instagram – 42,5 %), а также поисковые агрегаторы (Google – 39,6 % и «Яндекс» – 31 %). Телевидение в качестве источника информации является ключевым лишь для 21,4 % респондентов, при этом уровень доверия к данному источнику в целом сопоставим с интернет-ресурсами (42 % – для телевидения, 43 % – для «ВКонтакте», 45 и 39 % – для Google и «Яндекс» соответственно) [16]. Что касается канала YouTube как источника информации, то отдельных исследований такого плана не существует. Можно лишь сослаться на данные опросов Левада-центра, проведённых в декабре 2016 и июне 2017 г., свидетельствующие о том, что каналы видеоблогеров смотрит от 20 до 25 % взрослого населения страны, а среди молодёжи в возрасте от 18 до 24 лет – около 50 % [11].

Однако, как представляется, в отличие от перечисленных выше источников новостной информации канал YouTube включает не только сведения о произошедших событиях, но и значительную содержательную, интерпретативную часть, содержит оригинальный авторский контент, формирующий определённые представления о социальной реальности. Наличие блока комментариев «под видео», метрики, выраженной в оценочной части («лайки» / «дизлайки») и количестве просмотров, также способно формировать определённое отношение к репрезентируемому материалу: чем больше положительных оценок, тем выше степень и уровень доверия к видеоролику. Традиционная репрезентация новостей средствами радио и телевидения подобного интерактивного блока не имеет.

Наряду с утверждениями о недостаточной развитости коммуникативных площадок взаимодействия граждан и органов власти, ряд исследований также фиксирует значительный уровень недоверия молодёжи к представителям политических профессий. Данное

обстоятельство свидетельствует не только о существовании запроса на образованную и компетентную политическую элиту (в топе профессий, которым студенты не доверяют, оказались депутаты Государственной думы, местных парламентов, мэры городов и губернаторы, а также журналисты, комментаторы радио и ТВ [9]). Можно предположить, что авторитетами и лидерами общественного мнения для молодёжи становятся люди из альтернативной информационной среды, в которой отсутствует цензура и существует возможность высказывать отличную от официальной линии точку зрения.

Сама молодёжь как наиболее активная в политическом отношении социальная группа, а также её объединения склонны к критическому переосмыслению транслируемых государством концептов и идеологем, поэтому власть начинает проявлять внимание к блогерам как лидерам общественного мнения, всячески пытаясь наладить с ними диалог. Об этом свидетельствуют, в частности, такие события, как встреча министра культуры В. Р. Мединского с блогерами 9 марта 2017 г., выступление популярного блогера на парламентских слушаниях «О молодёжной политике в РФ» в Государственной думе 22 мая 2017 г., первое заседание Совета блогеров 19 июня 2017 г., изменение конфигурации и состава некоторых экспертных советов при Государственной думе и т. д. К этому добавим заседание круглого стола на тему цензуры и запретов музыкальных концертов в России, состоявшееся в Государственной думе 6 декабря 2018 г. На него были приглашены рэп-артисты и блогеры. Всё это говорит о том, что власть понимает необходимость диалога и пытается наладить связь с молодёжью через наиболее популярных её представителей [7]. Хотя, как показывает практика, такое понимание не всегда ведёт к воплощению задуманного. Как говорил В. С. Черномырдин, «Мы хотим идти вперед, но нам всё время кое-что мешает». Так, в 2017 г. прозвучали идеи создания экспертного совета блогеров при комитете Государственной думы по физкультуре, спорту, туризму и делам молодёжи. Однако в обновленный состав этого совета, утверждённого 6 ноября 2018 г. в количестве 181 человека, не вошёл ни один видеоблогер. Вполне вероятно, что ажиотажный спрос на блогеров как на лидеров общественного мнения, способных вести за собой молодёжь, влиять на уровень поддержки официальных политических сил, закончился вместе с концом очередного электорального цикла...

* * *

В последние годы стало очевидным, что только наличие **устойчивой коммуникации между структурами гражданского общества и представителями власти** позволяет избежать негативных последствий, связанных с введением запретов и ограничений на свободное распространение информации, обусловленное необходимостью поддерживать безопасность в обществе. Неслучайно основные молодёжные форумы организовываются под эгидой Администрации Президента РФ. Ежегодно на молодёжную политику выделяется около 3 млрд руб. Поддержка неформальных студенческих клубов и устойчивых субкультурных групп, выявление лидеров общественного мнения – всё это свидетельствует о том, что власть активно противостоит попыткам протестной мобилизации (манипулирования) молодёжи со стороны несистемной оппозиции. Отсюда попытки наладить диалог с такими популярными блогерами, как А. А. Балковская (около 6,5 млн подписчиков) или ведущий YouTube-канала SOBOLEV Н. Ю. Соболев (около 5 млн подписчиков). При этом постоянно ставится вопрос относительно эффективных каналов коммуникации между властью и гражданским сообществом [9].

На наш взгляд, важными каналами такой коммуникации, эффективным средством трансляции символической политики в виртуальном пространстве могут выступать каналы YouTube, причём разных сегментов – и развлекательного, и интеллектуального. И здесь возникает вопрос технический, связанный с профессионализмом создателей таких каналов. Так, например, молодёжное политическое движение «Молодая гвардия Единой России», которое считается «прокремлёвским проектом», в 2008 г. создало свой официальный YouTube-канал, который за 11 лет деятельности имеет всего 3378 подписчиков [8]. Эта цифра свидетельствует не только и не сколько об отсутствии реального интереса со стороны молодёжи к деятельности этого движения, а, скорее, о неспособности его лидеров создавать качественный видеоконтент в цифровом пространстве для продвижения и информационной поддержки деятельности своей организации. Противоположный пример – блоги, обладающие миллионной и более аудиторией: канал Алексея Навального (Алексей Навальный, около 2,8 млн подписчиков), Юрия Дудя (авторское шоу «вДудь», более 5,6 млн подписчиков), авторы которых в полной мере овладели приёмами и техниками привлечения внимания зрителей. Так, в блоге

Навального, одного из немногих общественных деятелей, открыто призывающих граждан России к участию в протестных акциях, мы можем наблюдать грамотное манипулирование фактами и вполне профессиональное визуальное представление информации (инфографику, анимацию, видеозаписи, вставки анимации и пр.). Информация на канале, например, о реальной средней зарплате россиян преподносится в нужном автору ключе – абсолютно негативистском по отношению к власти, «обманывающей россиян». При этом блогер настойчиво «рекламирует» в качестве «лучшей» и наиболее компетентной социологическую службу своего «Фонда борьбы с коррупцией», прогнозы результатов выборов регионального и федерального уровней которой, как заявил сам Навальный, оказались «самыми точными» (сюжет о средней зарплате сопровождается картинкой, иллюстрирующей работу этой службы: на ней четыре девушки и один юноша, сидящие в небольшом офисном помещении на «рабочих местах», оборудованных ноутбуками и тремя телефонами, увлеченно говорят что-то кому-то, жестикулируют, печатают и т. д., т. е. изображают активную и, судя по улыбкам, блуждающим на их лицах, продуктивную деятельность) [4]. Всё это должно придать (и придаёт!) особый вес утверждениям блогера. Подобные популистские методы, преподносящие информацию в самой доступной форме, при наличии обширной аудитории с достаточно высоким протестным потенциалом позволяют негосударственным, в том числе оппозиционным, акторам конструировать определённые стратегии конфронтации власти в политическом дискурсе в интернет-пространстве и формировать ценностные установки граждан, которые вступают в противоречие с официальным дискурсом государства.

Приведём ещё пример. Политический дискурс, формируемый в процессе интервью, которые проводит Юрий Дудь, создаёт устойчивую картину противостояния официальной власти и элит общества. Интервьюер определённым образом высвечивает примеры несправедливости, проявленной властью по отношению к гражданам, и наличие определённой социальной анонимии, предполагающие высокий уровень недовольства условиями жизни в России, формируя, в частности, у аудитории представление, согласно которому молодёжь нацелена на то, чтобы покинуть страну. Фирменный вопрос ведущего: «Путин – красавчик?», «Оказавшись перед Путиным, что Вы ему скажете?» – представляет собой уникальную дискурсивную ситуацию, которая, во-первых, свидетельствует о достаточной доле журналистской смелости в постановке вопроса, а во-вторых, направлена на дискурсивное разграничение собеседников по шкале «свой – чужой», где часть аудитории импонирует политическому лидеру страны, а часть представляет либо нейтральную позицию, либо оппозицию, несогласие с действующей властью, в зависимости от вербальных ответов респондентов. В принципе, интернет-шоу «вДудь» обладает значительным потенциалом для того, чтобы трансформироваться в политический проект, аудитория авторского канала постоянно растёт, политика становится традиционным блоком, на котором сосредотачивается интервью (например, вопросы про отношение к собственной стране, власти, истории 1990-х гг. и т. д.). Более того, автор канала «вДудь» не ограничивается интервью, он начал создавать документальные фильмы, посвящённые тем или иным событиям российской истории, в которых содержатся оценки и отношение к различным сюжетам коллективной памяти гражданского общества (например, сталинские репрессии и др.) [5]. Как бы то ни было, вопросы, сформулированные определённым образом и публично заданные представителям интеллектуальной, творческой, культурной и политической элиты (а именно они являются героями интервью Дудя), составляет неотъемлемую часть символической политики – деятельности, направленной на формирование и продвижение определённых представлений граждан о социальной реальности. Можно утверждать, что YouTube-блогеры в этом контексте выступают активными актёрами символической политики, которые могут представлять как официальную, так и оппозиционную линию в дискурсивном пространстве.

Подводя некоторый итог, можно утверждать, что, с одной стороны, существует необходимость повышения уровня и качества репрезентации в виртуальном пространстве деятельности государственных актёров с целью построения эффективной коммуникации между гражданским обществом и властью, для чего необходимо привлекать все возможные коммуникационные ресурсы, включая YouTube-блогеров. С другой стороны, в условиях современного сетевого общества, когда существует множество каналов и источников коммуникации, деятельность которых никак не координируется, необходимо создание единого федерального центра принятия социально-политических решений в сфере управления общественным сознанием. Выполнение данных условий, на наш взгляд, существенным образом повлияет на эффективность символической политики.

Список литературы

1. Гигаури, Д. И. Идеология и политика в дискурсивном измерении: проблемы интерпретации / Д. И. Гигаури, В. А. Гуторов, А. А. Шириняц // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сэрыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія.* – 2019. – № 2. – С. 145–150.
2. Дергунова, Н. В. Теория Пола Лазарсфельда: вне власти времени / Н. В. Дергунова, М. Ю. Завгородняя // *Власть.* – 2014. – № 8. – С. 123–126.
3. Игнатова, О. Социологи рассказали о новых особенностях вступления в брак / Игнатова О. // *Российская газета.* – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/05/22/sociologi-rasskazali-onovyh-osobennostiah-vstupleniia-v-brak.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Какая в России средняя зарплата? – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=I7963H07pA&t=13s>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Колыма – родина нашего страха / вДудь. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=oo1WouI38gQ>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Кольба, А. И. «Помоги городу!»: общественный совет как формат взаимодействия граждан и городской власти в условиях конфликта / А. И. Кольба // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* – 2018. – № 4 (57). – С. 85–92.
7. Круглый стол в Госдуме с рэперами Птахой, Жиганом и блогером Лариным о запретах концертов. – Режим доступа: https://tvrain.ru/teleshov/videooftheday/gosduma_i_repery-476540/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Молодая Гвардия Единой России. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/user/molgvardiaTV/about>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Нагорных, И. «Единая Россия» разрабатывает план против молодежных митингов / И. Нагорных. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3298840>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Принят закон о «суверенном интернете». – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/44551/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. «Телевизор будущего»: как видеоблогеры меняют медиаландшафт. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/07/17/televizor-budushhego-kak-videoblogery-menyayut-medialandshaft/>. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Титов, В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции / В. В. Титов. – Москва : Ваш формат, 2017. – 184 с.
13. Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BHPo7AOVG3j.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Царегородцев, С. С., Шириняц А. А. В поисках смысла: идеи как фактор политики / С. С. Царегородцев // *Вестник российской нации.* – 2018. – № 1. – С. 64–78.
15. Царегородцев, С. С. Политика, идеология, историческая память / С. С. Царегородцев, А. А. Шириняц // *Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие основания, тенденции развития, опыт социально-политического моделирования. Белорусская политология: многообразие в единстве : в 2 ч. / редкол.: Л. А. Лазаревич (гл. ред.), В. Н. Ватиль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : Гродненский гос. ун-т, 2018. – Ч. 2. – С. 214–217.*
16. Ценностные ориентации российского студенчества (социологический опрос). – Режим доступа: <https://ioe.hse.ru/data/2017/05/29/1172122905>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
17. Шерлок, Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России / Т. Шерлок – Москва : Росспэн, 2014. – 321 с.
18. Шириняц, А. Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России / А. Шириняц // *Вестник российской нации.* – 2015. – № 4 (42). – С. 175–187.
19. Burgess, J. YouTube: Online Video and Participatory Culture / J. Burgess, J. Green. – Cambridge : Polity Press, 2009. – 180 p.
20. Foucault, M. The order of Discourse / M. Foucault // *Untying the Text* / Robert Young ed. – Boston ; London : Routledge & Kegan Paul, 1981. – P. 51–78.
21. Gibson-Graham, J.-K. A postcapitalist politics / J.-K. Gibson-Graham. – Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2006. – 276 p.
22. Hardy, J. Critical political economy of the media. An Introduction / J. Hardy. – London ; New York : Routledge, 2014. – 245 p.
23. Hayes, H. A. Violent subjects and rhetorical cartography in the age of the terror wars / H. A. Hayes. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – 207 p.
24. Lodge, M. The Rationalizing Voter / M. Lodge, C. S. Taber. – New York : Cambridge University Press, 2013. – 281 p.
25. Rolfe, M. The reinvention of populist rhetoric in the digital age. Insiders & outsiders in democratic politics / M. Rolfe. – Singapore : Palgrave Macmillan, 2016. – 259 p.

References

1. Gigauro D. I., Gutorov V. A., Shirinjanc A. A. Ideologiya i politika v diskursivnom izmerenii: problemy interpretacii [Ideology and politics in discourse dimension: the issues of interpretation]. *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhajnağa universitjeta imja Janki Kupaly. Seryja 1. Gistoryja i arhealogija. Filasofija. Palitalogija* [Bulletin of

- Grodno State University named after Janka Kupala. Ser. 1. History and archeology. Philosophy. Political Science], 2019, no. 2, pp. 145–150.
2. Dergunova N. V., Zavgorodnjaja M. Yu. Teoriya Pola Lazarsfelda: vne vlasti vremeni [Paul Lazarsfeld's theory: beyond the power of time]. *Vlast* [Power], 2014, no. 8, pp. 123–126.
 3. Ignatova O. *Sotsiologi rasskazali o novykh osobennostyakh vstupleniya v brak* [Sociologists told about the new features of marriage]. Available at: <https://rg.ru/2017/05/22/sociologi-rasskazali-onovykh-osobennostiah-vstupleniia-v-brak.html>.
 4. *Kakaya v Rossii srednyaya zarplata?* [What is average salary in Russia]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=I7963HO70pA&t=13s>.
 5. *Kolyma – rodina nashego straha* [Kolyma – homeland of our fear]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=oo1Woul38rQ>.
 6. Kolba A. I. "Pomogi gorodu!": obshchestvennyy sovet kak format vzaimodeystviya grazhdan i gorodskoy vlasti v usloviyakh konflikta ["Let's help the city!": public council as format of interaction of citizens and city authorities in conflict conditions]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture], 2018, no. 4 (57), pp. 85–92.
 7. *Kruglyy stol v Gosdume s reperami Ptakhoy, Zhiganom i blogerom Larinym o zapretakh kontsertov* [A round table in the State Duma with rappers Ptaha, Zhigan and blogger Larin about banning concerts]. Available at: https://tvrain.ru/teleshow/videooftheday/gosduma_i_repery-476540/.
 8. *Molodaya Gvardiya Edinoi Rossii* [Young Guard of United Russia]. Available at: <https://www.youtube.com/user/molgvardiaTV/about>.
 9. Nagornyykh I. "Yedinaja Rossiya" razrabatyvaet plan protiv molodezhnykh mitingov ["United Russia" is developing a plan against youth rallies]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3298840>.
 10. Prinyat zakon o "suverennom internete" [A law on the "sovereign Internet"]. Available at: <http://duma.gov.ru/news/44551/>.
 11. "Televizor budushchego": kak videoblogery menyayut medialandshaft ["TV of the Future": how videobloggers change the media landscape]. Available at: <https://www.levada.ru/2017/07/17/televizor-budushchego-kak-videoblogery-menyayut-medialandshaft/>.
 12. Titov V. V. *Politika pamyati i formirovanie natsionalno-gosudarstvennoy identichnosti: rossiyskiy opyt i novye tendentsii* [Memory politics and the formation of national state identity: the Russian experience and new trends]. Moscow, Vash format Publ., 2017, 184 p.
 13. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O vnesenii izmeneniy v Strategiyu gosudarstvennoy natsionalnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda, utverzhennuyu Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666"* [Decree of the President of the Russian Federation "On Amendments to the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666"]. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BHPo7A0VG3j.pdf>.
 14. Tsaregorodtsev S. S., Shirinyants A. A. V poiskakh smysla: idei kak faktor politiki [In the search of sense: ideas as a factor of politics]. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of Russian Nation], 2018, no. 1, pp. 64–78.
 15. Tsaregorodtsev S. S., Shirinyants A. A. *Politika, ideologiya, istoricheskaya pamyat* [Politics. Ideology. Historical memory]. Regionalnye integratsionnye protsessy i Belarus: filosofsko-mirovozzrencheskie osnovaniya, tendentsii razvitiya, opyt sotsialno-politicheskogo modelirovaniya [Regional integrational processes and Belarus: philosophical-ideological bases, tendencies of development, the experience of socio-political modeling]. *Belorusskaya politologiya: mnogoobrazie v edinstve: v 2 chastyakh* [Belorussian political science: diversity in unity: in 2 parts]. Grodno, Grodno State University Publ., 2018, part 2, pp. 214–217.
 16. *Tsennostnye orientatsii rossiyskogo studenchestva (sotsiologicheskii opros)* [Value orientations of Russian students (sociological survey)]. Available at: <https://ioe.hse.ru/data/2017/05/29/1172122905>.
 17. Sherlok T. *Istoricheskie narrativy i politika v Sovetskom Soyuze i postsovetskoj Rossii* [Historical narratives and politics in the Soviet Union and post-Soviet Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014, 321 p.
 18. Shirinyants A. *Konservativizm v sovremennom ideologicheskom i politicheskom prostranstve Rossii* [Conservatism in the modern ideological and political space of Russia]. *Rossiya i musulmanskii mir* [Russia and the Muslim world], 2016, no. 2 (284), pp. 19–31.
 19. Burgess J., Green J. *YouTube: Online Video and Participatory Culture*. Cambridge, Polity Press, 2009, 180 p.
 20. Foucault M. *The order of Discourse. Untying the Text*. Ed. by R. Young. Boston, London, Routledge & Kegan Paul Publ., 1981, pp. 51–78.
 21. Gibson-Graham J.-K. *A postcapitalist politics*. Minneapolis; London, University of Minnesota Press, 2006, 276 p.
 22. Hardy J. *Critical political economy of the media. An Introduction*. London; New York, Routledge Publ., 2014, 245 p.
 23. Hayes H. A. *Violent subjects and rhetorical cartography in the age of the terror wars*. London, Palgrave Macmillan Publ., 2016, 207 p.
 24. Lodge M., Taber C. S. *The Rationalizing Voter*. New York, Cambridge University Press, 2013, 281 p.
 25. Rolfe M. *The reinvention of populist rhetoric in the digital age. Insiders & outsiders in democratic politics*. Singapore, Palgrave Macmillan Publ., 2016, 259 p.

КРЫМСКИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ³

Баранов Николай Алексеевич, доктор политических наук, профессор
Северо-Западный институт управления РАНХиГС
Российская Федерация, 199178, г. Санкт-Петербург, пр-т Средний В.О., 57/43
E-mail: nicbar@mail.ru

Рассматривается идентичность как политическая категория, определяемая ценностными установками человека, его эмоциональным восприятием социально-политической реальности и рационально мотивированными интересами и потребностями. Акцент сделан на макрополитической идентичности, разновидностью которой является гражданско-государственная идентичность, являющаяся объектом целенаправленного воздействия государства и групп интересов, политики формирования и конструирования идентичности. В контексте новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. раскрывается понятие общероссийской гражданской идентичности и влияние на её формирование крымских событий 2014 г. Предпринята попытка обосновать претензии России на великодержавие соответствующими ожиданиями населения. Крым рассматривается в работе как символ великодержавия России и основание для гордости россиян за историческую справедливость, реализовавшуюся в возвращении полуострова российскому государству. Воссоединение Крыма с Россией характеризуется как консолидирующий фактор между обществом и властью, минимизировавшим требования граждан в рамках внутренней политики. Сделан вывод о том, что крымский фактор сыграл существенную роль в сплочении россиян вокруг предложенных властью ценностей.

Ключевые слова: идентичность, политическая идентичность, национально-государственная идентичность, общероссийская гражданская идентичность, «крымский консенсус», «крымская весна»

CRIMEAN FACTOR IN THE FORMATION OF ALL-RUSSIAN CIVIL IDENTITY

Baranov Nikolay A., D. Sc. (Policy), Professor
The North-West Institute of Management of RANEP
57/43, Sredny Ave.V. O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation
E-mail: nicbar@mail.ru

The article considers identity as a political category determined by a person's values, his emotional perception of the socio-political reality and rationally motivated interests and needs. The focus of the work is on macropolitical identity, a variation of which is civil-state identity, which is the object of purposeful influence of the state and interest groups, the policy of forming and constructing identity. In the context of the new version of the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025, the concept of all-Russian civil identity and the impact on its formation of the 2014 Crimean events is revealed. An attempt has been made to substantiate the claims of Russia for great power by the corresponding expectations of the population. Crimea is considered in the work as a symbol of the great power of Russia and the basis for the pride of the Russians for historical justice, realized in the return of the peninsula to the Russian state. The reunification of the Crimea with Russia is characterized as a consolidating factor between society and the government, which minimized the demands of citizens in the framework of domestic policy. The author concludes that the Crimean factor has played a significant role in rallying Russians around the values proposed by the authorities.

Keywords: identity, political identity, national state identity, all-Russian civil identity, "Crimean consensus", "Crimean spring"

После масштабных событий конца XX в., ставших основанием для формирования новых национальных государств, в академической среде всё чаще обращаются к категории идентичности. Изучением данного феномена занимаются представители социально-политических наук в целях поиска ответов на вопросы современного социального развития в условиях глобальных вызовов и угроз национальным государствам. В большей степени проблема идентичности актуальна для трансформирующихся обществ, проходящих периоды «собираания нации», находящихся на этапах становления новой государственности, предусматривающей сплочение граждан вокруг национальной идеи. Поэтому вопросы самоидентификации личности приобретают государственное значение по причине стратегической значимости выбора каждого в рамках параметров, заданных политическими институтами.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете. (The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund and the Autonomous Non-Profit Organization of Electronic Information Technologies within the framework of the implementation of the scientific project No. 19-011-31616 "State policy in the field of identity formation: conceptual foundations, technologies and prospects" at St. Petersburg State University.)

Демократический вектор развития, ставший приоритетным для большинства современных государств, предполагает формирование личности с активной гражданской позицией, что кардинальным образом влияет на политику идентичности. В данных условиях, по мнению Э. Паина и С. Федюнина, «членство в нации определяется моральной и политической лояльностью своему национальному сообществу, единой гражданской идентичностью и разделением с остальными его членами общего культурного наследия» [13, с. 49].

В отечественных исследованиях последних лет концепт идентичности получил широкое распространение. Как справедливо отмечают авторы коллективной монографии «Российская Арктика в поисках интегральной идентичности», это «объясняется потенциалом, которым он обладает для понимания мотивации социального и политического поведения, а также конструирования на этой основе инструментов и практик публичной политики» [19, с. 4].

В российской политической науке теме идентичности посвятили свои работы И. С. Семенов, Е. В. Морозова, В. В. Лапкин, Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова, С. С. Савоскул, К. С. Гаджиев, В. А. Ачкасов, О. В. Попова, О. Ю. Малинова и др. В 2010-е гг. под редакцией И. С. Семенова опубликованы энциклопедические и монографические издания: «Политическая идентичность и политика идентичности» [15; 16], «Идентичность: Личность, общество, политика» [7]. Эти работы позволили раскрыть термины и понятия, концептуализирующие идентичность как категорию политической науки и обогатили опытом системного рассмотрения идентичности сквозь призму политического анализа как фактора социально-политических изменений современности.

В данном контексте актуальным является выявление событий, которые кардинальным образом повлияли на формирование национально-государственной идентичности россиян, а также деятельность государства по сплочению граждан в условиях противостояния с западными странами после вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

Идентичность как политическая категория. Идентичность как научная категория исследуется в разных сферах социально-гуманитарного знания. Американский социолог Р. Брубейкер пишет о том, что термин «идентичность» получил «чрезвычайно полное звучание» [3, с. 65] в 1960-х гг. и явился следствием проблем «массового общества» и молодёжной революции того времени. Э. Эрикссон охарактеризовал идентичность как «процесс, “локализованный” в сердцевине индивида, однако же и в сердцевине его коммунальной культуры, процесс, который устанавливает... идентичность этих двух идентичностей» [25, р. 22]. То есть в идентичности, по мнению американского психолога, совмещаются два начала – личностное и социальное. Ч. Тилли определяет идентичность как «восприятие актором категории, обязательства, роли, сети, группы или организации, а также публичную репрезентацию этого опыта, которая часто принимает форму общего рассказа, нарратива» [26, р. 7].

Для политической науки интерес представляет, прежде всего, формирование политической идентичности, а также политика идентичности, реализуемая различными акторами в групповых, локальных, региональных, национальных или наднациональных интересах. По мнению И. С. Семенова, «использование концепта идентичности в политическом анализе призвано решить задачу теоретико-методологического синтеза комплекса оснований социальной деятельности – ценностных, определяемых духовными ориентирами и нравственными установками человека, эмоциональных, заданных его психическим складом, и рационально мотивированных интересами и потребностями» [22, с. 447]. Концепт идентичности определяет место человека в социальной общности, а также мотивацию индивидуального выбора в определённых социально-политических условиях.

Понятие «политическая идентичность» – многоплановое. Так, О. В. Попова считает, что оно «характеризует установку политического сознания отдельного индивида или социальной группы в отношении институтов власти, политических лидеров, актуальных вопросов, связанных с политическими проблемами» [17, с. 253]. В соответствии с идейно-политическими ориентациями происходит отождествление индивида с определёнными политическими сообществами, различающимися между собой не только по идейным основаниям, но и политическими притязаниями и интересами. Закрепляясь на коллективном уровне, политическая идентичность определяет индивидуальное и групповое политическое поведение.

В связи с тем, что политическая идентичность используется для изучения партийной самоидентификации и электорального поведения, связанного с социальными и идеологическими приоритетами индивида в рамках политического процесса, О. Ю. Малинова вводит понятие макрополитической идентичности, которое указывает на идентификацию с более широким

сообществом и предполагающее наличие солидарности поверх границ, связанных с политическими и идеологическими предпочтениями. По её мнению, «данный термин охватывает все основания идентификации рассматриваемого сообщества, присутствующие в публичном дискурсе, позволяя анализировать возникающие между ними смысловые конфликты» [10, с. 90–91]. Макрополитическую идентичность можно рассматривать в качестве основания для таких понятий, как «гражданско-государственная (национально-гражданская) идентичность», «российская идентичность», «политическая нация». К макрополитической идентичности относят также национально-государственную или национальную идентичность, так как она является объектом целенаправленного воздействия государства и групп интересов, политики формирования и конструирования идентичности [21, с. 11].

Разновидностью политической идентичности является гражданская идентичность, для которой тема гражданственности является определяющей. Гражданская идентичность проявляется в приверженности граждан принципам и нормам правового государства и демократического политического представительства, осознании своих гражданских прав и обязанностей, ответственности, свободы личности, признания приоритета общественных интересов перед узкогрупповыми. Некоторые исследователи гражданственность соотносят с нацией, полагая, что именно «национальная идентичность оказывается политической – той самой “системой координат”, которая “упорядочивает” самоопределение индивида в этом мире» [14, с. 47–48]. Л. М. Дробижина отмечает, что «в идеале гражданская идентичность – это коллективная идентичность, скрепляющая этнонациональные, социальные, экономические, социокультурные общности, взаимодействующие в составе политической нации» [5, с. 104]. В то же время «национальная идентичность может трактоваться как самоотождествление с комплексом представлений, ассоциирующихся с национально-государственной общностью, с обязательствами, правами по отношению к другим членам этой общности и к государству, позволяющих индивиду соотносить себя с ним» [20, с. 11].

Суть политики идентичности заключается в том, чтобы убедить людей в необходимости солидарности в целях провозглашения единства группы и связана с вовлечённостью меньшинств в борьбу за отстаивание прав сообществ, ущемлённых в социальном статусе. Как отмечают Е. В. Морозова и И. С. Семененко, «политика идентичности стала механизмом самоорганизации новых субъектов политики в рамках их борьбы за признание различий, за новые альтернативы развития в разных сферах социальной жизни» [12, с. 173]. Субъектами политики идентичности являются государство, политические партии и другие субъекты политического процесса, в том числе негосударственные, которые осуществляют деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, практики целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов для формирования общих ценностей и ориентиров развития политического сообщества [22, с. 454].

Наиболее влиятельные субъекты политики идентичности – государство, имеющее разнообразные ресурсы влияния на общественное сознание, популярные политики и общественные деятели, известные учёные, представители экспертного сообщества. В условиях информационного общества появляется возможность и менее известным людям, пользуясь современными коммуникационными технологиями, влиять на политику идентичности. В то же время необходимо отметить важную деталь: без поддержки общества, без веры людей в декларируемые ценности невозможно осуществить всеобщую солидаристскую мобилизацию в целях сплочения нации или части общества.

Политика идентичности включает символическую политику, политику в сфере образования и культуры, политику языка, политику памяти. Отечественные исследователи отмечают важную роль в её продвижении, особенно в глубоко разделённых обществах, социальной политики и политики в сфере межэтнических отношений. В условиях утверждения новой государственности политика идентичности активно используется как инструмент реализации государственной стратегии развития [23, с. 58].

Общероссийская гражданская идентичность. В современной России формированию национально-государственной идентичности как коллективной идентичности государственного сообщества, объединённого соответствующим самосознанием, уделяется приоритетное внимание. В новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [24] вводится понятие общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания), под которым понимается осознание гражданами России

их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества. В предыдущей версии Стратегии один раз был использован термин «российская гражданская идентичность». В новой же редакции данный термин упоминается десять раз.

В документе отмечается особая значимость русской культурной доминанты для формирования общероссийской гражданской идентичности, признается в качестве объединяющего фактора современного российского общества единый культурный (цивилизационный) код, основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру.

Тренд на продвижение традиционных российских ценностей поддерживает Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко. Она предложила внедрить в законодательную работу экспертизу законов на предмет их соответствия российским историческим, национальным ценностям. «Любая национальная правовая система стабильна и эффективна только тогда, – полагает российский политик, – если в своих принципах, базовых нормах она является юридическим оформлением исторически сложившихся политических, экономических, социальных, культурных, духовно-нравственных ценностей конкретной страны, нации. Мы должны постоянно помнить об этой истине и когда принимаем законы, и когда применяем их. Приходится говорить об этом, поскольку не прекращаются попытки навязывания нашему государству правовых установок, подходов, за которыми просматриваются иные, подчас чуждые нам ценности» [11].

В новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. отмечается, что значимым событием для укрепления общероссийской гражданской идентичности стало принятие в Российскую Федерацию Республику Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Действительно, патриотический подъём, вызванный «возвращением в родную гавань» данных субъектов, способствовал реализации мер государственной национальной политики Российской Федерации, активизации участия институтов гражданского общества в гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений, снижению рисков и угроз возникновения в стране межнациональных конфликтов.

Государственная политика, нацеленная на объединение граждан на основе великодержавия, стала востребована в стране после 1990-х гг., когда Россия стремительно теряла статус великой державы. Претензии России на великодержавие коррелируются соответствующими ожиданиями населения, которое в своём большинстве поддерживает такую политику. А. Аузан отмечает, что великодержавие в России выступает в качестве компенсатора социально-экономических неудач и констатирует готовность российских граждан в принадлежности к великой державе за счёт самоограничений [18].

Включение Крыма в состав России на основании проведённого в марте 2014 г. республиканского референдума стало важнейшим событием для страны, существенным образом изменившим восприятие гражданами своей власти, особенно после протестных выступлений 2011–2012 гг. «Крымский консенсус», характеризующийся единением власти и общества, стал одним из главных социально-политических феноменов эпохи 2014–2018 гг. Этому периоду посвящена монография «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита» [4], написанная экспертами ВЦИОМ.

Спустя пять лет после исторического воссоединения 88 % россиян (94 % среди людей в возрасте от 60 лет и старше) по-прежнему положительно оценивают решение о присоединении Крыма к России, по мнению 18 % участников опроса, воссоединение Крыма с Россией положительно сказалось на их жизни и жизни их семьи, лишь 9 % заявили, что воссоединение Крыма с Россией отрицательно сказалось на их жизни [8].

Опросы жителей Республики Крым принесли следующие результаты: 93 % опрошенных положительно оценивают воссоединение Крыма с Россией; 72 % участников опроса утверждают, что воссоединение Крыма с Россией положительно сказалось на их жизни и жизни их семьи и лишь 7 % респондентов считают, что воссоединение Крыма с Россией отрицательно сказалось на их жизни [1]. Таким образом, критические мнения, особенно характерные для оппозиционно настроенных граждан, в отношении позитивного результата, принятого

пять лет назад решения, не разделяются большинством населения. Россияне не подвергают сомнению тот факт, что Крым российский, а жители Крымского полуострова с той или иной степенью успешности адаптируются в российскую социально-политическую и правовую среду, тем самым подтверждая свой исторический выбор.

Обострённое чувство несправедливости, явившееся мощным отголоском 1990-х гг., сплотило самые разнообразные слои населения в ходе украинских событий: и тех, кто выходил на массовые акции протеста в 2011–2012 гг., и тех, кто всегда поддерживал власть. «Крымская весна», ставшая возможной из-за активного вмешательства ведущих западных держав во внутреннюю политику Украины без учёта интересов России, оказалась отправной точкой для многих жителей страны. В выборе между европейскими ценностями, которые стали подвергаться сомнению, и консолидацией власти и общества внутри страны, ставшей важной составляющей усиления авторитарности политического режима, победили государственнические патриотические настроения. Антизападные настроения стали доминирующими в большинстве слоёв российского общества [2, с. 122]. Следует согласиться с мнением О. Ю. Малиновой, считающей, что «практика использования прошлого властвующей элитой в полной мере отражает дилеммы, с которыми сопряжено конструирование идентичности сообщества, стоящего за современным Российским государством» [9, с. 175].

Постимперский синдром, охвативший россиян после присоединения Крыма, направленный на объединение «русского мира» в противовес Западу, в значительной степени выступил консолидирующим фактором между обществом и властью, минимизировал требования граждан в рамках внутренней политики. Н. Зубаревич полагает, что «поддержка политики Путина по «собираанию русских земель» сохранится надолго, это ценностный выбор подавляющего большинства россиян вне зависимости от места проживания» [6].

Крым явился символом великодержавия России и основанием для гордости россиян за историческую справедливость, реализовавшуюся в возвращении полуострова к российскому государству. Решение, принятое верховной властью в отношении крымчан, – это продуманный, выверенный и обоснованный шаг, коррелирующий с ожиданиями жителей страны. Россияне, неизбалованные геополитическими победами, с восторгом отнеслись к нормативно-правовым актам, констатирующим признание крымского референдума и образование двух новых субъектов федерации в составе Российской Федерации, тем самым легитимировав присоединение Крыма.

Таким образом, «крымский фактор» сыграл существенную роль в сплочении россиян вокруг предложенных властью ценностей. В новой редакции Стратегии уровень общероссийской гражданской идентичности, который является одним из целевых в рамках её реализации, составил 84 %. Такому результату способствовали события вокруг Крыма и его дальнейшая поддержка со стороны общества.

Список литературы

1. 5 лет с момента воссоединения Крыма с Россией: мнение крымчан. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9595>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.07.2019).
2. Баранов, Н. А. Внешние факторы влияния на трансформацию политической системы современной России / Н. А. Баранов // Россия: тенденции и перспективы развития / отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 12, ч. 1. – С. 121–125.
3. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Борисовой. – Москва : Высшая школа экономики, 2012. – 408 с.
4. Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита. – Режим доступа: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/izdaniya/publikacii/knigi/knigi_avtorov_wciom_i_rossijskih_uchenyh/vyboru_na_fone_kryma/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.07.2019).
5. Дробижина, Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания / Л. М. Дробижина // ПОЛИС. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 100–115.
6. Зубаревич, Н. Четыре России и новая политическая реальность / Н. Зубаревич. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.07.2019).
7. Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И. С. Семенов. – Москва : Весь мир, 2017. – 992 с.
8. Крым: пять лет с Россией. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9599>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.07.2019).
9. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.

10. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // ПОЛИС. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
11. Матвиенко, В. И. Правовая система страны должна опираться на национальные традиции и ценности / В. И. Матвиенко. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/2016/08/12/valentina-matvienko-pravovaya-sistema-strany-dolzha-opiratsya-nanacionalnye-tradicii-i-cennosti.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.07.2019).
12. Морозова, Е. В. Динамика развития идентичности в современном мире: некоторые тенденции / Е. В. Морозова, И. С. Семенов // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / отв. ред. А. А. Зайцев. – Краснодар : Традиция, 2015. – С. 171–175.
13. Паин, Э. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием / Э. Паин, С. Федюнин. – Москва : Мысль, 2017. – 266 с.
14. Панов, П. В. Национальная идентичность: варианты социального конструирования картины мира / П. В. Панов // Идентичность как предмет политического анализа. – Москва : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 47–51.
15. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семенов]. – Москва : РОССПЭН, 2011. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки. – 208 с.
16. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. – Москва : РОССПЭН, 2012. – Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – 471 с.
17. Попова, О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества / О. В. Попова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский ун-т, 2002. – 258 с.
18. Роль государства в экономике. Лекция Александра Аузана. – Режим доступа: https://tvrain.ru/lite/teleshov/ekonomicheskij_fakultet_leksii/rol_gosudarstva_v_ekonomike_leksija_aleksandra_au-389113/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.07.2019).
19. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности / отв. ред. О. Б. Подвинцев. – Москва : Новый хронограф, 2016. – 208 с.
20. Семенов, И. С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения / И. С. Семенов // ПОЛИС. Политические исследования. – 2009. – № 6. – С. 8–23.
21. Семенов, И. С. Идентичность в предметном поле политической науки / И. С. Семенов // Идентичность как предмет политического анализа. – Москва : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8–12.
22. Семенов, И. С. Концепт идентичности в изучении политики / И. С. Семенов // Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2019. – С. 446–463.
23. Семенов, И. С. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве / И. С. Семенов, В. В. Лапкин, А. Л. Бардин, В. И. Пантин // ПОЛИС. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 54–78.
24. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в ред. от 06.12.2018 N 703). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.742134092657259#0307629267393734>, свободный. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.07.2019).
25. Erikson, E. H. Identity: Youth and Crisis / E. H. Erikson. – New York : Norton, 1968. – 336 p.
26. Citizenship, Identity and Social History / ed. Ch. Tilly. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – P. 1–17.

References

1. *5 let s momenta vossoyedeniya Kryma s Rossiyey: mneniye krymchan* [5 years since the reunification of the Crimea with Russia: the opinion of Crimeans]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9595>.
2. Baranov N. A. Vneshniye factory vliyaniya na transformatsiyu politicheskoy sistemy sovremennoy Rossii [External factors influencing the transformation of the political system of modern Russia]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects]. Ed. by V. I. Gerasimov. Moscow, INION RAN Publ., 2017, issue 12, part 1, pp. 121–125.
3. Brubeyker R. *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow, High School of Economics Publ., 2012, 408 p.
4. *Vybory na fone Kryma: elektoralnyy tsikl 2016–2018 gg. i perspektivy politicheskogo tranzita* [Elections against the background of the Crimea: the 2016–2018 electoral cycle and prospects for political transit]. Available at: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/izdaniya/publikacii/knigi/knigi_avtorov_vciom_i_rossijskih_uchenyh/vybory_na_fone_kryma/.
5. Drobizheva L. M. Rossiyskaya identichnost: diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniya [Russian Identity: Discussions in Political Space and the Dynamics of Mass Consciousness]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2018, no. 5, pp. 100–115.
6. Zubarevich N. *Chetyre Rossii i novaya politicheskaya realnost* [Four Russia and the new political reality]. Available at: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/.
7. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika* [Identity: Personality, society, politics]. Ed. by I. S. Semenov. Moscow, Ves mir Publ., 2017, 992 p.
8. *Krym: pyat let s Rossiyey* [Crimea: five years with Russia]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9599>.

9. Malinova O. Yu. *Aktualnoye proshloye: simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [Actual past: the symbolic policy of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015, 207 p.
10. Malinova O. Yu. Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoy Rossii [Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia]. *POLIS. Politicheskkiye issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2010, no. 2, pp. 90–105.
11. Matviyenko V. I. *Pravovaya sistema strany dolzhna opiratsya na natsionalnyye traditsii i tsennosti* [The legal system of the country should be based on national traditions and values]. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/2016/08/12/valentina-matvienko-pravovaya-sistema-strany-dolzhna-opiratsya-nanatsionalnye-tradicii-i-cennosti.html>.
12. Morozova Ye. V., Semenenko I. S. Dinamika razvitiya identichnosti v sovremennom mire: nekotoryye tendentsii [Dynamics of identity development in the modern world: some trends]. *Problemy natsionalnoy bezopasnosti Rossii: uroki istorii i vyzovy sovremennosti. K 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Problems of national security of Russia: lessons of history and challenges of our time. To the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War]. Ed. by A. A. Zaytsev. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2015, pp. 171–175.
13. Pain E., Fedyunin S. *Natsiya i demokratiya: perspektiv ypravleniya kulturnym raznoobraziyem* [Nation and democracy: prospects for managing cultural diversity]. Moscow, Mysl Publ., 2017, 266 p.
14. Panov P. V. Natsionalnaya identichnost: variant sotsialnogo konstruirovaniya kartiny mira [National Identity: Variants of Social Construction of a Picture of the World]. *Identichnost kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a subject of political analysis]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2011, pp. 47–51.
15. *Politicheskaya identichnost i politika identichnosti: v 2 tomakh* [Political Identity and Identity Politics: in 2 vol.]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, vol. 1, 208 p.
16. *Politicheskaya identichnost i politika identichnosti: v 2 tomakh* [Political Identity and Identity Politics: in 2 vol.]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, vol. 2, 471 p.
17. Popova O. V. *Politicheskaya identifikatsiya v usloviyakh transformatsii obshchestva* [Political identification in the context of society transformation]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2002, 258 p.
18. *Rol gosudarstva v ekonomike* [The role of the state in the economy]. Available at: https://tvrain.ru/lite/teleshov/ekonomicheskij_fakultet_leksii/rol_gosudarstva_v_ekonomike_leksija_aleksandra_au-389113/.
19. *Rossiyskaya Arktika v poiskakh integralnoy identichnosti* [Russian Arctic in search of integral identity]. Ed. by O. B. Podvintsev. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2016, 208 p.
20. Semenenko I. S. Dilemmy natsionalnoy identichnosti: politicheskkiye riski i sotsialnyye priobreteniya [Dilemmas of National Identity: Political Risks and Social Acquisitions]. *POLIS. Politicheskkiye issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2009, no. 6, pp. 8–23.
21. Semenenko I. S. Identichnost v predmetnom pole politicheskoy nauki [Identity in the subject field of political science]. *Identichnost kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a subject of political analysis]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2011, pp. 8–12.
22. Semenenko I. S. Kontsept identichnosti v izuchenii politiki [The concept of identity in the study of politics]. *Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya* [Contemporary Political Science: Methodology]. Ed. by O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. Moscow, Aspekt Press, 2019, 2nd ed., pp. 446–463.
23. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Bardin A. L., Pantin V. I. Mezhdugosudarstvom i natsiyey: dilemmy politiki identichnosti v apostsovetskom prostranstve [Between the state and the nation: dilemmas of identity politics in the post-Soviet space]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya* [Policy. Policy research], 2017, no. 5, pp. 54–78.
24. *Strategiya gosudarstvennoy natsionalnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda (v red. ot 06.12.2018 N 703)* [Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (as amended on December 6, 2018 H 703)]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.742134092657259#0307629267393734>.
25. Erikson E. H. *Identity: Youth and Crisis*. New York, Norton, 1968, 336 p.
26. Tilly Ch. (ed.). *Citizenship, Identity and Social History*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 1–17.

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ⁴

Гришин Николай Владимирович, доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
E-mail: nvgrishin@mail.ru

Оценивается роль государства как субъекта формирования идентичности. В современной научной литературе не раскрыты перспективы основных субъектов процесса формирования идентичности. Данная проблема обладает практической значимостью в современной России, поскольку в 2016–2018 гг. были приняты нормативно-правовые акты, которые закрепляют за государством выполнение задач по формированию общероссийской гражданской идентичности. В современной науке существуют значительные лакуны в изучении перспектив и методов государственной политики в сфере формирования идентичности. Определены условия и ограничения участия государства в политике формирования идентичности. Выявлено, что теория национализирующих государств Р. Брубейкера стала первой попыткой теоретической интерпретации участия государства в формировании национальной идентичности. Раскрыты особенности российской модели государственной политики формирования идентичности. Эффективность государственной политики в направлении формирования идентичности требует уточнения в постановке достижимых целей, конкретизации индикаторов и мероприятий.

Ключевые слова: политика формирования идентичности, формирование идентичности, государственная национальная политика, общероссийская гражданская идентичность, национализирующее государство

A STATE AS AN ACTOR OF IDENTITY CONSTRUCTION POLICY

Grishin Nikolai V., Sc. D. (Policy), Professor
St. Petersburg State University
1/3 Smolnogo St., St. Petersburg, 191124, Russian Federation
E-mail: nvgrishin@mail.ru

The article evaluates the role of a state as a subject of identity construction policy. The prospects of the main actors of identity construction are not disclosed in contemporary scientific literature. This problem has practical significance in modern Russia, since in 2016–2018 there were adopted normative legal acts that entrust the state authorities with the fulfillment of tasks related to the formation of a nationwide civic identity. In science, there are significant gaps in the study of the prospects and methods of state policy in the field of identity construction. The article defines the conditions and limitations of state participation in the policy of identity formation. It is revealed that the theory of nationalizing states of R. Brubaker was the first attempt to theoretically interpret the state participation in the construction of national identity. The features of the Russian model of state policy of identity formation are revealed. The effectiveness of state policy in the field of identity construction requires clarification in the formulation of achievable goals, specification of indicators and measures.

Keywords: identity construction policy, identity construction, identity formation, nationalizing state policy, governmental policy

В современных исследованиях формирования идентичности значительное внимание учёных привлекают вопросы «Что формируется?» (т. е. сама идентичность) и «Как формируется?» (т. е. формы и модели ее формирования). В тени внимания остается вопрос «Кто формирует?», т. е. проблема уточнения роли отдельных субъектов и агентов процесса формирования идентичности.

Роль государства как субъекта политики формирования идентичности на теоретическом уровне пока не рассматривалась, хотя в отечественной и зарубежной научной литературе эта роль обозначается и признается [5; 7]. Можно предположить, что наука только подступила к решению этого вопроса. В частности, в статье В. Н. Лукина и Т. В. Мусиенко «Формирование идентичности как государственная задача» [6], несмотря на её название, речь скорее идёт о проблеме формирования идентичности как о задаче государственной важности, нежели рассматриваются собственно перспективы деятельности государства в этом направлении регулирования. В современной науке представлен только анализ отдельных единичных кейсов

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете. (The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund and the Autonomous Non-Profit Organization of Electronic Information Technologies within the framework of the implementation of the scientific project No. 19-011-31616 "State policy in the field of identity formation: conceptual foundations, technologies and prospects" at St. Petersburg State University.)

деятельности правительств и государств по формированию идентичности, в частности, на примере Сингапура и постсоветских стран [4; 9]. Примерно на таком же начальном уровне находится степень изученности роли других субъектов процесса формирования идентичности, например научного сообщества [18].

Государство как особый субъект политики формирования идентичности требует специального осмысления. В исторической перспективе происходит расширение функций государства, появляются новые отрасли и направления государственного регулирования. Этот процесс существенно различается в зависимости от культурно-исторических и цивилизационных условий. Государственная власть во многих странах мира выступает активным субъектом политики формирования идентичности граждан.

Существует явное несоответствие между практикой государственного участия в формировании идентичности и степенью её осмысления в научной литературе.

Задачей настоящей статьи является постановка проблемы изучения роли государства как субъекта политики формирования идентичности, рассмотрение методологических и теоретических предпосылок постановки данной проблемы, рассмотрение перспектив и ограничений возможностей государства в реализации политики по формированию идентичности.

В России эта проблема обладает особой практической значимостью, поскольку в 2016–2018 гг. за государством было формально закреплено решение задач по формированию общероссийской гражданской идентичности. Органы государственной власти ставят задачи по влиянию на процесс формирования идентичности, при этом возможности, формы и ограничения такого влияния на теоретическом уровне не изучены. Осмысление этих возможностей необходимо для обеспечения эффективности управленческих усилий в данном направлении.

Проблема государственного факторов в свете современных тенденций исследований идентичности. Методологические ориентиры современных исследований идентичности не благоприятствуют изучению роли государства по реализации политики формирования идентичности. Формирование идентичности, как правило, рассматривается либо в контексте общесоциальных процессов воспроизводства общности («восприятия идентичности»), либо субъективных процессов социализации личности («обретения идентичности»).

Даже терминологический аппарат современных исследований идентичности не содержит адекватных понятийных средств для изучения государственной политики в этом направлении. В частности, англоязычный термин *identity formation* применяется, как правило, в социально-психологическом смысле как субъективный процесс формирования идентичности отдельной личности.

Концепт «конструирования идентичности» (*identity construction*) предполагает рассмотрение проблемы формирования идентичности не в субъективном, но в объективном и социальном контексте как процесс воздействия среды (культуры, общества и т. д.) на становление идентичности. Однако роль конкретных субъектов в процессах «конструирования идентичности» почти никогда не рассматривается. Почти все многочисленные исследовательские работы по «конструированию национальной идентичности» практически не затрагивают роль государственной политики.

Рассматриваемой нами проблеме, как может показаться, наиболее близок распространённый англоязычный термин *identity politics*, однако он применяется для рассмотрения деятельности совокупности разнообразных акторов по формированию идентичности, при этом роль государственной власти и правительства обычно остается на периферии внимания.

В англоязычной литературе отсутствует термин, подходящий для обозначения государственной политики по формированию идентичности. Интересно, что предложение такого термина исходит от представителя отечественной науки. В 2016 г. российский исследователь Е. С. Задворная предложила использование термина *identity construction policy* для анализа деятельности правительства Японии по вопросам конструирования идентичности [2].

В зарубежной науке политика идентичности традиционно рассматривается в контексте “politics”, а не “policy”. Данная ситуация сложилась под влиянием многих исследований, в том числе классической книги Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах» [10].

Современный теоретик Н. Слокам-Брэдли для анализа вопросов конструирования идентичности предлагает теорию позиционирования, которая исходит из приоритета дискурса [16],

т. е. опять-таки описывает отношения "politics" и малоприменима для выявления роли государственной власти.

Теория национализирующих государств Роджерса Брубейкера. Значительный вклад в развитие теоретических предпосылок для изучения государственной политики в сфере формирования идентичности сделал американский исследователь Роджерс Брубейкер, предложивший в 1990-е гг. концепт «национализирующей государственной политики» ("nationalizing state policy"). Рассматривая ситуацию в постсоветских и постсоциалистических странах, он пришёл к выводу, что правительства некоторых из этих стран проводят целенаправленную политику формирования национальной идентичности; данные государства были названы «национализирующими государствами». Р. Брубейкер определяет «национализирующее государство» как государство, в котором «доминирующие элиты способствуют языковой, культурной, демографической и политической гегемонии титульной нации» [11].

Концепт национализирующих государств получил значительное распространение в науке. В наибольшей степени он стал популярен при исследовании таких стран, как Украина, Грузия, Армения и Азербайджан, но почти не применялся по отношению к России.

С одной стороны, теория Брубейкера находилась в русле сложившейся к этому времени исследовательской традиции разделения идентичности «гражданского Запада» и «этнического Востока» и соответствовала интерпретации особенностей политики идентичности на условном Востоке. С другой стороны, работы Брубейкера стали прорывом, поскольку вывели государство в качестве основного субъекта формирования идентичности [12]. Любопытно, что многими его критиками данное новшество не было услышано. В частности, британский эксперт украинского происхождения Тарас Кузио, возражая против его теории, утверждал, что не только на Востоке, но и в странах Запада происходило формирование этнической идентичности, хотя и значительно раньше [14]. Но тем самым Т. Кузио возвращал разговор из плоскости "policy" (в чём заключалась главная новая идея Р. Брубейкера) обратно в плоскость "politics".

Нельзя не согласиться с Т. Кузио в том, что большинство западных стран также прошли в своей истории период «национализации», т. е. процесса обеспечения доминирования титульной нации. Но методологическое преимущество и новизна подхода Р. Брубейкера состоит в том, что на современном этапе именно государство становится основным субъектом проведения этой политики. В западных же странах в XIX–XX вв. эта цель достигалась иными способами.

Условия реализации государственной политики в сфере формирования идентичности. Государство как основной институт политической системы на протяжении всей человеческой истории влияло на формирование социальной идентичности населения. Как отмечает А. Г. Санина, государство создает нацию, ... «формируя единый национальный рынок, денежную систему, общее пространство языка и законодательства, развивая бюрократическую структуру и армию, защищающую интересы страны» [8].

Модель национального государства, очевидно, в наиболее идеальных чертах воплощает возможности государственной власти по обеспечению политического, культурного и этноконфессионального единства народа. В науке достаточно хорошо изучены примеры формирования национальной общности в условиях существующих государственных границ. Но даже если появление суверенного государства предшествует по времени формированию нации, это не означает, что нам вполне ясно, какие именно целенаправленные действия государственной власти могут способствовать данному процессу. В современной науке пока не изучен вопрос, как возможно создание нации в результате целенаправленной деятельности государственных институтов. Известные нам примеры развития национальной идентичности не были результатом реализации каких-либо специальных государственных целевых программ, деятельности министерств и т. д. Даже в случае детального изучения мер и механизмов влияния государства на формирование идентичности мы не можем быть вполне уверены, что эти меры будут эффективны при проведении целенаправленной политики.

Реалии современного мира существенно меняют условия для формирования коллективной идентичности. Американский теоретик Ф. Фукуяма отмечает, что «культура экспрессивного индивидуализма ... распространилась и в сфере социальных норм, где привела к разрушению всех форм власти и ослаблению связей, скрепляющих семьи, соседей и нации» [17]. По нашему мнению, современная теория и практика не нашла достойного ответа на этот фундаментальный вызов современности, который способен перевернуть культуру идентичности.

Разумеется, этот вызов немного приглушен в странах с высокой степенью замкнутости, но и эти исключения, конечно, не способны защитить от прогресса и тех изменений, которые несёт с собой глобализация. Новые средства коммуникации полностью меняют привычные для человечества социальные и политические пространства, они не только разрушают старые типы связей, но и посредством создания новых связей могут быть основой для возникновения новых видов социальной общности и новых видов идентичности.

Вероятно, наибольшее искушение и самый простой (но не самый лёгкий) выход для органов государственной власти в современных условиях – выступать проводником консервативной тенденции, попытаться сдержать «деструктивные последствия» прогресса. Однако здесь возникают новые вопросы – насколько государственная политика поддержания традиционной идентичности вообще может быть эффективной, и если да, то не повлечёт ли она за собой других проблем в виде осложнения интеграции населения в новое социальное пространство.

Важнейший вопрос, который должен стоять перед государством в сфере идентичности, – это вопрос о достижимости и реальности поставленных задач. Даже относительно «традиционные» виды социальной идентичности эволюционируют. Следовательно, даже консервативная государственная политика по сохранению идентичности может быть эфемерной и служить несуществующим фетишам. Идентичность – понятие весьма абстрактное, и требуется выяснить, по каким конкретным и измеримым индикаторам можно о ней судить. Такая конкретизация, по нашему мнению, обязательно должна предшествовать государственной политике в сфере формирования идентичности. Общий объём бюджетных ассигнований на реализацию подпрограммы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России» только в 2019 г. составляет 374,5 млн руб. Однако вопрос о том, насколько предусмотренные программой мероприятия будут способствовать поставленной цели, не был исследован достаточно внимательно.

Ограничения государственной политики в сфере формирования идентичности. Вопрос об ограничениях возможности государства при проведении политики по формированию идентичности на теоретическом уровне не рассматривался. На практическом же уровне представители государства избегают делать смелые заявления относительно возможностей государственной власти самостоятельно проводить политику формирования идентичности. Даже в тех случаях, когда отмечают ведущую роль государства в этом направлении, указывают на необходимость активного участия иных субъектов. В частности, глава российского государства на заседании Совета по межнациональным отношениям в Астрахани 31 октября 2016 г., говоря о работе по формированию российской идентичности, отметил, что «требуется участие в ней всех уровней власти, политических партий, общественных организаций, в том числе религиозных и этнических объединений» [3]. В рамках российского понимания национальной политики формирование общероссийской идентичности – это задача «государственной важности», но не задача, в решении которой должно принимать участие только государственная власть.

В современной теоретической литературе также присутствуют скептические оценки относительно возможности государственной власти и правительства самостоятельно проводить политику формирования идентичности. Как отмечает исследователь политики конструирования идентичности в Сингапуре Стефан Ортманн, «невозможно представить, чтобы национальная идентичность продвигалась исключительно правящей элитой» [15].

Ограничения возможностей государственной власти при проведении политики конструирования идентичности могут различаться в зависимости от типов самой идентичности. Так, Л. Гринфелд ещё в 1992 г. выдвинул предположение, что этническая идентичность может продвигаться только авторитарными методами (в том числе правящими элитами), в то время как гражданская идентичность может конструироваться индивидуалистическим путём и даже либертарианскими методами [13]. Таким образом, современный этап развития политики идентичности и возрастающее значение гражданских форм идентичности предполагает расширение перспектив негосударственных акторов в процессах формирования идентичности.

Российская модель государственного участия в политике формирования идентичности. Россия обладает уникальным опытом государственной политики в сфере регулирования межнациональных отношений. Выступая пионером формальной институционализации данного направления государственного регулирования, уже в 1917 г. Советская Россия стала одним из первых государств мира, в котором в результате создания наркомата по делам национальностей происходит формирование специальной отрасли государственного регулирования. Одной

из задач наркомнаца стало наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти. Однако специфика отношения большевиков к национальному вопросу не позволяет рассматривать этот опыт как имеющий отношение к политике формирования общей идентичности.

Любопытно, что противоречия советской национальной политики, направленной на решение взаимоисключающих задач (развитие национальной культуры отдельных этносов и преодоление межнациональных различий) были унаследованы и в постсоветской России. С одной стороны, в постсоветский период истории России продолжали развиваться институциональные формы государственной политики в сфере национального вопроса: создаются отраслевые органы управления и консультативные советы, в 1996 г. появляется «Концепция государственной национальной политики РФ», само название которой служит признанием существования данного отдельного направления государственного регулирования. С другой стороны, содержанием государственной политики было не столько формирование общей идентичности населения России, сколько поддержка национальной культуры отдельных этносов, проживающих на территории страны. Это является одной из причин, почему концепт «национализирующего государства» Р. Брубейкера неприменим к постсоветской России. Только на современном этапе задачи формирования общей идентичности россиян были официально закреплены в качестве составляющих государственной национальной политики России.

В 2016 г. в рамках государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» была утверждена подпрограмма «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России»⁵.

В декабре 2018 г. Указом Президента РФ в качестве одной из целей государственной национальной политики Российской Федерации впервые было провозглашено «укрепление общероссийской гражданской идентичности». Среди задач национальной политики было выделено «формирование у детей и молодёжи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности».

Соответствующие изменения происходят и на уровне субъектов федерации. В декабре 2017 г. государственная программа Астраханской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на территории Астраханской области» была изменена и переименована в программу «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России на территории Астраханской области».

Современная редакция Стратегии государственной национальной политики РФ дополнена определением, вводящим прямую взаимосвязь между общероссийской гражданской идентичностью и этническим принципом: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации»⁶. Очевидно, что попытка положить в основу общероссийской идентичности культурную доминанту русского этноса, которая при этом объявляется «присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию», открывает новую страницу в национальной политике страны. Эта новация не только демонстрирует поворот к доктрине примордиализма, но и впервые за многие десятилетия вводит «русский вопрос» в качестве приоритета государственной политики.

Для российской государственной политики идентичности характерна высокая степень непоследовательности даже в наиболее фундаментальных компонентах. В частности, концепт «общероссийской гражданской идентичности» пришёл на смену понятию «единство российской нации», которое ещё несколько лет назад было главным ориентиром российской государственной политики в этом направлении, но на современном этапе почти забыто. Сохраняет свою актуальность и высказанное несколько лет назад замечание, что в России отсутствует единая стратегия оснований «политики идентичности» (примордиализм – конструктивизм) [1].

⁵ Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.

⁶ Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312881/.

Достаточно давно звучат замечания, что в России реализуются *технологии предписанной идентичности* [1]. Однако изменения в нормативно-правовых актах 2016–2018 гг. не только укрепляют эту характеристику, но и позволяют говорить о *политике декларации идентичности*. Провозглашение определённой «общероссийской гражданской идентичности» выражено в официальных документах гораздо ярче, чем собственно механизмы и меры, которые могли бы её обеспечить. Отсюда возникает вероятность, что декларация идентичности может заменить реальную деятельность по её формированию. Анализ официальных документов позволяет сделать вывод, что содержание государственной политики идентичности касается только вопросов образования, но и здесь по большей части сводится к декларированию идентичности.

Предварительная оценка рассмотрения возможностей государства как субъекта формирования идентичности позволяет сделать вывод о наличии целого комплекса масштабных исследовательских проблем. В современном государственном управлении нередки случаи, когда практика опережает науку, но по отношению к вопросу об участии государства в политике формирования идентичности объём отсутствующих научных знаний настолько велик, что это представляет серьёзную угрозу для эффективности государственного управления.

Практический исторический опыт целенаправленного государственного участия в процессах формирования национальной идентичности может быть оценён как незначительный. Отсутствие теоретических знаний о моделях, методах и формах государственной политики в сфере формирования идентичности является препятствием для корректного определения целей и стратегии управленческих усилий в данном направлении. Наибольшая практическая сложность заключается в определении конкретных мер и индикаторов.

Список литературы

1. Вилков, А. А. Технологии формирования политической идентичности в современной России / А. А. Вилков, Ю. В. Зевако // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2012. – Вып. 4, т. 12. – С. 62–71.
2. Задворная, Е. С. Институционализация образа Японии в государственном внешнеполитическом дискурсе / Е. С. Задворная // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 3. – С. 114–121.
3. Климентьев, М. Путин рассказал, что необходимо для формирования российской идентичности / М. Климентьев. – Режим доступа: <https://ria.ru/20161031/1480385683.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения 20.06.2019).
4. Комаровский, В. С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски / В. С. Комаровский // Власть. – 2015. – Т. 23, № 3. – С. 20–27.
5. Куква, Е. С. Формирование российской национальной идентичности: от дискурсивных к социальным практикам / Е. С. Куква // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – Вып. 2. – С. 22–26.
6. Лукин, В. Н. Формирование идентичности как государственная задача / В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко // Credo New. – 2018. – № 1.
7. Попова, О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России / О. В. Попова // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 173–194.
8. Санина, А. Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход / А. Г. Санина // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 57–65.
9. Сморгун, Л. В. Политическая идентичность и понятие политического / Л. В. Сморгун // ПОЛИС. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 178–185.
10. Almond, G. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G. Almond, S. Verba. – Princeton University Press, 1963.
11. Brubaker, R. Nationalizing states in the old 'New Europe' – and the new / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. – 1996. – Vol. 19, iss. 2. – P. 411–437.
12. Brubaker, R. Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. – 2011. – Vol. 34, iss. 11. – P. 1785–1814.
13. Greenfeld, L. Nationalism: Five Roads to Modernity / L. Greenfeld. – Cambridge : Harvard University Press, 1992.
14. Kuzio T. 'Nationalising states' or nation-building? a critical review of the theoretical literature and empirical evidence / T. Kuzio // Nations and Nationalism. – 2001. – Vol. 7. – P. 135–154.
15. Ortmann, S. Singapore: The Politics of Inventing National Identity / S. Ortmann // Journal of Current South-east Asian Affairs. – 2009. – Vol. 28, iss. 4. – P. 23–46.
16. Slocum-Bradley, N. Identity Construction in Europe: A Discursive Approach / N. Slocum-Bradley // Identity. – 2010. – Vol. 10, iss. 1. – P. 50–68.

17. Fukuyama, F. *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition* / F. Fukuyama. – London : Profile Books, 2018.

18. Scherr, A. *The Construction of National Identity in Germany: "Migration Background" as a Political and Scientific Category* / A. Scherr // RCIS Working Paper No. 2013/2, Ryerson Centre for Immigration & Settlement. – Toronto, 2013.

References

1. Vilkov A. A., Zevako Yu. V. *Tekhnologii formirovaniya politicheskoy identichnosti v sovremennoy Rossii* [Technologies of formation of political identity in modern Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [News of the Saratov University. Series "Sociology. Political science"], 2012, issue 4, vol. 12, pp. 62–71.

2. Zadornaya Ye. S. *Institutsionalizatsiya obraza Yaponii v gosudarstvennom vneshnepoliticheskom diskurse* [Institutionalization of the image of Japan in the state foreign policy discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4 "History. Regional studies. International relationships"], 2016, no. 3, pp. 114–121.

3. Klimentev M. *Putin rasskazal, chto neobkhodimo dlya formirovaniya rossiyskoy identichnosti* [Putin told that it is necessary for the formation of the Russian identity]. Available at: <https://ria.ru/20161031/1480385683.html> (Accessed: 20.06.2019).

4. Komarovskiy V. S. *Formirovaniye natsionalno-gosudarstvennoy identichnosti Rossii: vyzovy i riski* [Formation of the national-state identity of Russia: challenges and risks]. *Vlast* [Power], 2015, vol. 23, no. 3, pp. 20–27.

5. Kukva Ye.S. *Formirovaniye rossiyskoy natsionalnoy identichnosti: ot diskursivnykh k sotsialnym praktikam* [Formation of the Russian national identity: from discursive to social practices]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of the Adygea State University. Series 1 "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies"], 2011, vol. 2.

6. Lukin V. N., Musiyenko T. V. *Formirovaniye identichnosti kak gosudarstvennaya zadacha* [Identity formation as a state task]. *Credo New*, 2018, no. 1.

7. Popova O. V. *Modeli identichnosti politicheskikh aktorov v sovremennoy Rossii* [Identity models of political actors in modern Russia]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2018, no. 2, pp. 173–194.

8. Sanina A. G. *Formirovaniye rossiyskoy identichnosti: grazhdansko-gosudarstvennyy podkhod* [Formation of Russian identity: a civil-state approach]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Case studies], 2012, no. 12, pp. 57–65.

9. Smorgunov L. V. *Politicheskaya identichnost i ponyatiye politicheskogo* [Political identity and the concept of the political]. *POLIS. Politicheskkiye issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2012, no. 6, pp. 178–185.

10. Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press, 1963.

11. Brubaker R. *Nationalizing states in the old 'New Europe' – and the new*. *Ethnic and Racial Studies*, 1996, vol. 19, iss. 2, pp. 411–437.

12. Brubaker R. *Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states*. *Ethnic and Racial Studies*, 2011, vol. 34, no. 11, pp. 1785–1814.

13. Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Harvard University Press, 1992.

14. Kuzio T. *'Nationalising states' or nation-building? a critical review of the theoretical literature and empirical evidence*. *Nations and Nationalism*, 2001, vol. 7, pp. 135–154.

15. Ortman S. *Singapore: The Politics of Inventing National Identity*. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 2009, vol. 28, iss. 4, pp. 23–46.

16. Slocum-Bradley N. *Identity Construction in Europe: A Discursive Approach*. *Identity*, 2010, vol. 10, iss. 1, pp. 50–68.

17. Fukuyama F. *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition*. London, Profile Books, 2018.

18. Scherr A. *The Construction of National Identity in Germany: "Migration Background" as a Political and Scientific Category*. *RCIS Working Paper No. 2013/2, Ryerson Centre for Immigration & Settlement*. Toronto, 2013.

ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

Кардава Николай Вахтангович, младший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН
Российская Федерация, 117997, г. Москва, ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23
E-mail: kardava98@mail.ru

Рассмотрены актуальные вопросы, связанные с проблемой обеспечения кибербезопасности Европейского союза на национальном и наднациональном уровнях регулирования киберпространства. Отмечено, что в связи с ростом угроз в киберпространстве изменяются функции национального государства в сфере кибербезопасности. Национальное государство передаёт часть своих функций наднациональным органам ЕС, которые определяют стратегию в этой области. Однако в результате делегирования части функций наднациональным органам в сфере кибербезопасности возникают противоречия, связанные с различным уровнем развития государств в ЕС, с различными культурными традициями, разной обеспеченностью кадрами. Фактически в ЕС проводится эксперимент по взаимодействию национальных и наднациональных органов, причём окончательные результаты этого эксперимента пока неясны. Приводится статистика киберпреступлений в Европейском союзе до и после 2014 г. Показывает, как киберпреступность, кибератаки, хакерство могут повлиять не только на безопасность в киберпространстве, но и на общественную и национальную безопасность государства в целом.

Ключевые слова: кибербезопасность, национальное регулирование, наднациональное регулирование, киберпреступность, кибератаки, киберпространство, киберугрозы, Европейский союз, Германия, Швеция, кибертерроризм, киберзащита

CYBERSECURITY POLICY IN THE EUROPEAN UNION: NATIONAL AND SUPRANATIONAL LEVELS

Kardava Nikolay V., Junior Researcher
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS
23 Profsoyuznaya St., GSP-7, Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: kardava98@mail.ru

This article is dedicated to topical issues connected with ensuring of cyber security in the European Union on national and supranational levels of cyberspace regulation. The article states that due to the growing threats in cyberspace the role of national government in cyber security sector is changing. The nation-state is delegating part of its responsibilities to the supranational bodies of the EU which in their turn determine the strategy in this sphere. However, this leads to various contradictions that are caused by different development level of the EU countries, different cultural traditions and different personnel availability. The EU is in fact conducting an experiment in cooperation between national and supranational bodies, and the results are not yet clear. The article also provides statistics of cybercrimes in the European Union before and after 2014. The author shows how cyber crime, cyber attacks and hacking can affect not only security in cyberspace itself, but also national security in general and the level of security society currently provides for its members.

Keywords: cybersecurity, national regulation, supranational regulation, cybercrime, cyberattacks, cyberspace, cyber threats, European Union, Germany, Sweden, cyberterrorism, cybersecurity

В современных условиях в силу чрезвычайно быстрого развития информационных технологий проблема обеспечения кибербезопасности является одной из важнейших задач для государственных органов, частного бизнеса, отдельных граждан и для общества в целом. *Кибербезопасность можно определить как совокупность профилактических и реактивных действий, направленных на защиту от угроз конфиденциальности пользователей в киберпространстве, на обеспечение целостности и доступности компьютеров, сетей и информации, которые составляют киберпространство – концептуальное пространство, обеспечивающее оцифрованную и сетевую деятельность граждан и организаций.*

Нами проведён анализ основных тенденций и противоречий политики обеспечения кибербезопасности в Европейском союзе (ЕС) на национальном и наднациональном уровнях. Актуальность этой проблемы связана с тем, что взаимодействие национальных государств в этой области является наиболее продвинутым и тесным именно в ЕС. В то же время на примере стран ЕС можно увидеть многочисленные проблемы и противоречия регулирования киберпространства, связанные с взаимодействием национальных государств и наднациональных образований. Таким образом, соотношение национального и наднационального уровней обеспечения кибербезопасности представляет собой не только технологическую, но прежде всего политическую проблему, которая имеет как региональное, так и глобальное значение. Кроме того, некоторые аспекты деятельности ЕС в области кибербезопасности могут представлять интерес для России и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Обеспечение кибербезопасности на уровне национальных государств ЕС.

В отношении противодействия киберугрозам страны ЕС можно разделить на две категории: группу стран со «средней эффективностью» и группу наиболее отсталых стран. Учитывая глобальный характер киберпространства и отсутствие в нём национальных границ, органы ЕС, как правило, пытаются проводить единую политику кибербезопасности для всех стран, издают директивы, создают регулирующие органы, разрабатывают стратегии. Однако при этом обнаруживаются противоречия между противодействием киберугрозам на национальном и наднациональном уровнях: не все страны ЕС могут полностью реализовать эти директивы и стратегии, в том числе и из-за различного технического, социального и экономического уровня развития.

Среди стран ЕС в области разработки и применения национальных стратегий кибербезопасности наиболее передовыми являются Австрия, Венгрия, Нидерланды, Норвегия, ФРГ, Швеция, Эстония. Наименее развиты в области кибербезопасности такие страны, как Бельгия, Болгария, Греция, Португалия, Румыния.

Имеет смысл остановиться на обеспечении кибербезопасности и информационной безопасности в ФРГ как наиболее экономически развитой стране ЕС, являющейся мотором европейской интеграции. Стратегия безопасности в киберпространстве в Германии была принята в начале 2011 г., при этом в Стратегии ФРГ основное внимание уделено предотвращению и уголовному преследованию кибератак, а также предупреждению выхода из строя IT-оборудования, которое может быть вызвано случайными факторами. Кроме того, в Стратегии Германии проводится анализ необходимости дополнительных действий по защите IT-систем посредством предоставления основных функций безопасности, сертифицированных государством, а также поддержки малого и среднего бизнеса путём создания специальной рабочей группы.

В дополнении к этому 11 июля 2015 г. парламентом ФРГ был принят закон о кибербезопасности, согласно которому более 2000 поставщиков услуг обязаны внедрить новые стандарты безопасности в киберпространстве в течение двух лет; в противном случае немецким компаниям грозит штраф на сумму 100 тыс. евро. Закон оказывает влияние на институты, перечисленные в качестве «критической инфраструктуры», включая такие системы, как транспорт, здравоохранение, водоснабжение, коммунальные услуги, провайдеры телекоммуникационных услуг, а также финансовые и страховые компании. При этом новый закон обязывает компании уведомлять о любых кибератаках в Федеральное управление по информационной безопасности Германии (BSI) [2].

Национальная стратегия Австрии в области безопасности информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) использует более широкую концепцию безопасности ИКТ и рассматривает кибербезопасность и киберзащиту в качестве жизненно важных и комплексных, но преимущественно реактивных стратегий. Однако ни кибербезопасность, ни киберзащита не могут применяться эффективно, если они не дополняются элементами проактивной (предохраняющей) стратегии в более широком масштабе. Стратегия безопасности ИКТ является инициативной концепцией, направленной на защиту киберпространства и людей в этом виртуальном пространстве с учётом их основных прав и свобод. Конкретный подход страны к кибербезопасности тесно связан с существующими в ней наиболее заинтересованными сторонами и структурами – различными организациями, учреждениями или отдельными лицами.

Ещё одной страной ЕС, в которой развита система кибербезопасности, является Швеция. Относительно высокий уровень киберзащиты в Швеции объясняется экономической и социальной развитостью страны, а также дисциплинированностью её граждан и в целом благополучной криминогенной ситуацией. Но и в Швеции вопросы компьютерной безопасности не всегда оказываются на высоте. Пробелы возникают, как правило, там, где сталкиваются или пересекаются интересы различных ведомств или групп. Кроме того, в Швеции отсутствует централизация ответственности за кибербезопасность, нет центрального координирующего органа, отвечающего за обеспечение кибербезопасности в стране. Эта ответственность распределена между четырьмя министерствами и восьмью ведомствами, что препятствует разработке эффективных мер по быстрой и согласованной реакции на киберугрозы.

В целом можно констатировать, что политика обеспечения кибербезопасности на уровне отдельных национальных государств в ЕС не является достаточно эффективной, т. к. киберпространство имеет наднациональный, точнее глобальный характер. По этой причине ЕС проводит политику в области кибербезопасности на наднациональном, общеевропейском уровне.

Политика кибербезопасности в ЕС на наднациональном уровне. 23 ноября 2001 г. в Будапеште была подписана Конвенция Совета Европы «О киберпреступности». Это один из важнейших документов, регулирующих правоотношения в сфере глобальной информационной сети по предотвращению и контролю преступности, связанной с применением компьютеров [1, с. 152].

В Конвенции Совета имеются определения киберпреступлений, совершённые в информационном пространстве. Особое место уделяется вопросам взаимодействия стран на национальном и наднациональном уровнях, которые направлены на пресечение несанкционированного вмешательства в работу компьютерных систем.

Комплекс Директив ЕС по развитию информационного общества в сумме охватывают существенную часть спектра вопросов кибербезопасности. При этом директивы ЕС не преследуют конкретную цель обеспечения кибербезопасности, но выстраивают модель регулирования преимущественно на основе интересов внутреннего европейского рынка.

В 2004 г. в рамках ЕС было создано Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (ENISA), координирующее деятельность стран союза для борьбы с киберугрозами. В последнее время Евросоюз проявляет всё больше активности в вопросах обеспечения кибербезопасности в рамках данного агентства. Его задачей является обеспечение высокого уровня сетевой и информационной безопасности в странах Евросоюза. В 2006 г. Евросоюз принял Стратегию безопасного информационного общества.

Среди органов, которые на сегодняшний момент ведут борьбу с киберпреступностью на наднациональном уровне ЕС, можно выделить следующие институты:

- Европол (обучение национальных полицейских структур, судей и прокуроров, работающих в области борьбы с киберпреступностью);
- Евроюст (агентство Европейского союза, имеющее дело с судебными органами);
- Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (ENISA) [3, с. 1].

Интерпол по соглашению с Советом Европы является партнёром и руководит осуществлением правоохранительного компонента проекта. Другими партнёрами по проекту являются Эстония (Министерство юстиции), Франция (Министерство внутренних дел), Румыния (Национальная полиция, прокуратура (DIICOT) и Министерство юстиции), Соединённое Королевство (Национальное агентство по борьбе с преступностью) и США (Министерство юстиции), а также Европол (Европейский центр по киберпреступности).

Европейская комиссия пытается бороться с распространением в социальных сетях пропаганды терроризма, проявлений ксенофобии и «языка вражды» (hate speech), а также публикаций, нарушающих авторские права. Комиссия отметила увеличение готовности высокотехнологических компаний сотрудничать с национальными и наднациональными правоохранительными органами по вопросам борьбы с противоправным контентом. В пресс-релизе Европейской комиссии за 2017 г. особо подчёркивалась социальная ответственность онлайн-платформ с точки зрения защиты пользователей и общества в целом от киберугроз [8]. В то же время ЕС достаточно поздно (в 2008 г.) пришёл к пониманию киберугроз как ключевого вызова безопасности, имеющего не только экономическое и политическое, но и военное измерение. До этого времени ЕС занимался в основном противодействием киберпреступности и кибертерроризму. Государства-члены ЕС прошли долгий и трудный путь к выработке общей внешней политики и политики безопасности, которая представляет собой сложную совокупность мер, требующую многочисленных согласований. По этой причине эта политика отвечает на происходящие изменения с большим промедлением, что сказывается на эффективности обеспечения кибербезопасности и общей безопасности в странах Евросоюза.

В декабре 2018 г. Европейский парламент, Совет Европейского союза и Европейская комиссия сформировали политическое соглашение по закону о кибербезопасности. С этого момента ENISA (первоначально «Агентство по сетевой и информационной безопасности») стало именоваться «Агентство ЕС по кибербезопасности».

Основные моменты закона о кибербезопасности состоят в следующем:

- ENISA получает постоянный мандат на деятельность в области обеспечения кибербезопасности, при этом обеспечивается значительными людскими и финансовыми ресурсами.
- ENISA увеличивает свою поддержку государствам-членам ЕС, чтобы улучшить их возможности и опыт, в частности, в области противодействия киберкризисам, предотвращения и реагирования на киберинциденты.
- В рамках сертификации кибербезопасности ENISA будет выполнять задачи, связанные с рынком киберуслуг, в частности, путём подготовки европейских норм и процедур

сертификации кибербезопасности при экспертной помощи и в тесном сотрудничестве с национальными сертификационными органами и промышленностью.

- ENISA усилит свою поддержку государствам-членам и институтам ЕС в разработке, реализации и обзоре общей политики кибербезопасности [9].

В 2016 г. в рамках проекта Европейской комиссии под названием «Горизонт 2020» на обеспечение кибербезопасности было выделено 450 млн евро. Общее количество инвестиций в этой области к 2020 г. планируется довести до 1,8 млрд евро.

Инициативы Европейской комиссии направлены в первую очередь на защиту от кибератак и увеличение конкурентоспособности сектора IT-безопасности. Еврокомиссия планирует запустить публичный проект партнерства под эгидой программы «Горизонт 2020» и привлечь дополнительные средства от участников Европейской организации по кибербезопасности (ECSSO). Политики ожидают утроить размер инвестиций от частного сектора.

Взаимодействие политики обеспечения кибербезопасности на национальном и наднациональном уровнях. Итак, ЕС пытается последовательно проводить согласованную и единую политику обеспечения кибербезопасности на наднациональном уровне [6, р. 299–300]. В то же время в ЕС по-прежнему существуют национальные государства, каждое из которых имеет собственное законодательство, свою политическую систему, свой уровень экономического развития и другие особенности. Каждое из этих государств пытается по-своему регулировать киберпространство и обеспечивать кибербезопасность, т. е. проводить собственную политику в этой области. Отсюда возникает проблема взаимодействия национального и наднационального уровней политики обеспечения кибербезопасности в ЕС.

Проблема соотношения национальных и наднациональных стратегий в области кибербезопасности заключается в том, что страны ЕС сильно разобщены по уровню технологического и социально-экономического развития. На наднациональном уровне Европейский союз не оказывает напрямую техническую помощь государствам-членам, но призывает их к применению передовых практик. ЕС также сталкивается с проблемой дублирования функций в области кибербезопасности с такой влиятельной международной военно-политической организацией, как НАТО.

Далеко не все члены ЕС рассматривают кибербезопасность в качестве приоритета национальной безопасности. Отсутствие единого понимания угроз кибербезопасности в ЕС также снижает возможности по обеспечению безопасности его членов. Рассмотрение вопросов кибербезопасности до сих пор остается фрагментированным и часто происходит в пределах национальных границ. В 2017 г. в Финляндии создан Европейский центр по противодействию гибридным угрозам, сотрудничающий с ЕС и НАТО. Основной целью центра является исследовательская работа, однако перечень отчетов показывает, что речь идет не просто о науке и аналитике, а о разработке потенциальных доктринальных принципов в области обеспечения кибербезопасности [4].

В ЕС учреждены общеевропейские агентства по организации сотрудничества правоохранительных органов, судебных органов, ведомств, регулирующих информационную и сетевую безопасность. Сотрудничество с национальными компетентными структурами осуществляется в постоянном режиме 24/7 (24 ч в сутки, 7 дней в неделю) [5, с. 721]. Одним из важных положительных особенностей европейского подхода в области кибербезопасности является последовательная и целенаправленная политика, направленная на нахождение баланса между национальной и наднациональной компетенциями. Общеевропейские структуры, как правило, не подменяют собой национальные ведомства, но являются координирующими центрами, предоставляют информационную, экспертную и техническую поддержку.

В то же время в связи с чрезвычайно быстрым развитием информационных технологий, а также с их внедрением во все сферы жизни общества и граждан политика ЕС, направленная на противодействие киберугрозам, сталкивается всё с новыми и новыми вызовами, требующими более быстрого и эффективного реагирования [7, р. 29].

Эффективность политики обеспечения кибербезопасности в ЕС и ущерб от кибератак. По данным, приведенным главой Европейской комиссии Жан-Клодом Юнкером в 2016 г., 86 % европейцев считали, что риск стать жертвой киберпреступников растёт. Такие сектора, как транспорт, энергетика, здравоохранение и финансы, становятся всё более зависимыми от сетей и информационных систем для ведения своего основного бизнеса.

В докладе Европейской комиссии говорится, что в 2016 г. 80 % европейских компаний сталкивались по крайней мере с одним случаем, связанным с нарушением кибербезопасности. В 2016 г. число атак со стороны вымогателей достигло 4000. Все эти явления и вызовы

отчасти связаны с тем, что европейцы доверяют цифровым технологиям, подчас чрезмерно. Эти технологии открывают перед гражданами новые возможности для установления связей, содействия распространению информации и формирования основы европейской экономики. Однако они также создают новые риски, поскольку негосударственные и государственные субъекты всё чаще пытаются украсть данные, совершить мошенничество или даже дестабилизировать в разных странах работу правительств и политическую ситуацию в целом [12].

Согласно опросу "Eurobarometer", проведённому в 2014 г., европейцы очень обеспокоены проблемами кибербезопасности. Около 68 % пользователей интернета в странах ЕС обеспокоены кражей личных данных и обнаружением вредоносного программного обеспечения на своих устройствах [13, р. 4]. Более половины опрошенных европейцев волнует перспектива стать жертвой кражи с банковских карт или интернет-банкинг мошенничества, взлом аккаунтов по электронной почте, подложные электронные письма или телефонные звонки, онлайн-мошенничества и случайные обнаружения детской порнографии в интернете [13, р. 4–5]. Кроме того, не будучи в состоянии получить доступ к онлайн-сервисам из-за кибератак и кибервымогательства, пользователи могут случайно столкнуться с материалом, который пропагандирует расовую ненависть и религиозный экстремизм.

По данным экспертов из Совета Европы, мошеннические действия, связанные с кредитными картами, уносят ежегодно около 400 млн долл., ущерб от вирусных атак составляет примерно 12 млрд долл., а нарушение прав интеллектуальной собственности наносит ущерб порядка 250 млрд долл. [1, с. 131].

В такой развитой стране, как Германия, где проводится относительно эффективная политика обеспечения кибербезопасности, киберпреступность продолжает расти, причём, по данным полиции, раскрывается только одно преступление из четырех, а полицейские союзы считают, что до 90 % интернет-преступлений остаются незарегистрированными [11]. В 2016 г. правительство Германии зарегистрировало 82649 случаев компьютерного мошенничества, шпионажа и других киберпреступлений, что на 80 % больше, чем в 2015 г. [10]. По данным немецкой полиции, в том же 2016 г. было зарегистрировано 253290 случаев преступлений, совершённых в интернете, что на 3,6 % больше по сравнению с 2015 г. При этом в ФРГ от кражи личных данных ежегодно страдают около 16 млн человек. Эти и другие данные свидетельствуют о том, что несмотря на проводимую в ЕС политику противодействия киберугрозам и обеспечения кибербезопасности на национальном и наднациональном уровнях, в целом эффективность этой политики остается не слишком высокой. Такая ситуация требует дальнейшей разработки в странах ЕС более согласованных мер по обеспечению кибербезопасности и более быстрого реагирования на возникающие новые киберугрозы. Сталкиваясь с постоянно растущими вызовами и угрозами кибербезопасности, ЕС вынужден непрерывно совершенствовать свою политику в области кибербезопасности для своевременного реагирования на кибератаки, направленные на государства-члены или на институты ЕС.

По итогам исследования можно сделать вывод, что с учётом взаимодействия национальных и наднациональных органов ЕС политика обеспечения кибербезопасности сталкивается с целым рядом проблем и трудностей. Несмотря на множество законодательных и других актов ЕС в области кибербезопасности, а также на создание различных национальных и наднациональных органов, система мер по обеспечению кибербезопасности недостаточно сформирована и недостаточно эффективна. Одна из основных причин заключается в том, что руководство ряда европейских государств лишь за последние годы приняло решение реализовать единую политику в области кибербезопасности. Помимо этого важным обстоятельством, мешающим проведению единой согласованной политики, является то, что члены ЕС существенно различаются по экономическим, техническим и военным возможностям. Поэтому одни страны ЕС (как, например, Германия, Норвегия или Швеция) более развиты в области кибербезопасности и киберзащиты, чем другие (например, Греция или Бельгия). Система защитных мер в области кибербезопасности на национальном и наднациональном уровнях интенсивно развивается, но при этом сталкивается с многочисленными трудностями в согласовании решений и выработке единой политики обеспечения кибербезопасности. Очевидно, что эта политика нуждается в дальнейшем совершенствовании. Тем не менее, опыт обеспечения кибербезопасности в странах ЕС может быть весьма полезен для Российской Федерации и для стран ЕАЭС в плане разработки нормативных актов и подходов к согласованию мер по обеспечению кибербезопасности на межрегиональном и межстрановом уровнях.

Список литературы

1. Господарик, Ю. П. Международная экономическая безопасность / Ю. П. Господарик, М. В. Пашковская. – Москва : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2016. – 416 с.
2. Есмуханова, А. Кибербезопасность в международном и национальном законодательстве, 2016 г. / А. Есмуханова, А. Кази. – Режим доступа: <https://zerde.gov.kz/activity/ict/publication/2221/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Марин, Н. Интернет преступность и Европейский союз / Н. Марин, З. Гергинова. – Режим доступа: <https://cybersafetyunit.com/internet-prestupnost-i-evropeyskiy-soyuz/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Скворцова, Е. Военизация дискурса кибербезопасности как угроза международной стабильности / Е. Скворцова. – Режим доступа: https://www.icisecurity.ru/publications/studenty_i_aspiranty/ekaterina-skvorcova-2018/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Шматкова, Л. П. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступлениями: состояние и перспективы / Л. П. Шматкова // Молодой ученый. – 2016. – № 28 (132). – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/132/37021/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Carrapico, H. European Union cyber security as an emerging research and policy field / H. Carrapico, A. Barrinha // *European Politics and Society*. – 2018. – Vol. 19, № 3. – P. 299–303.
7. Christou, G. Cybersecurity in the European Union. Resilience and adaptability in governance policy / G. Christou. – London : Palgrave, 2016. – 222 p.
8. Communication from the Commission to the European Parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-tackling-illegal-content-online-towards-enhanced-responsibility-online-platforms>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
9. EU leaders agree on ground-breaking regulation for cybersecurity agency ENISA, 2018. – Режим доступа: <https://www.enisa.europa.eu/news/enisa-news/eu-leaders-agree-on-ground-breaking-regulation-for-cybersecurity-agency-enisa>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
10. German cyber crime rose 80 percent in 2016: report. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-germany-crime-cyber/german-cyber-crime-rose-80-percent-in-2016-report-idUSKBN17P0YB>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
11. Police struggle as cybercrime hits record. – Режим доступа: <https://www.thelocal.de/20140603/internet-crime-in-germany-at-a-record-high>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
12. Resilience, Deterrence and Defence: Building strong cybersecurity in Europe. – European Commission, State of the Union, 2017.
13. Special Eurobarometer 423. Cybersecurity. – European Union, 2015. – 160 p.

References

1. Gospodarik Yu. P., Pashkovskaya M. V. *Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya bezopasnost* [International economic security]. Moscow, Moscow Financial and Industrial University "Sinergiya" Publ., 2016, 416 p.
2. Esmukhanova A., Kazi A. *Kiberbezopasnost v mezhdunarodnom i natsionalnom zakonodatel'stve* [Cybersecurity in international and national law]. Available at: <https://zerde.gov.kz/activity/ict/publication/2221/>.
3. Marin N., Gerginova Z. *Internet prestupnost i Evropeyskiy soyuz* [Internet crime and the European Union]. Available at: <https://cybersafetyunit.com/internet-prestupnost-i-evropeyskiy-soyuz/>.
4. Skvortsova E. *Voениzatsiya diskursa kiberbezopasnosti kak ugroza mezhdunarodnoy stabilnosti* [Militarization of cybersecurity discourse as a threat to international stability]. Available at: https://www.icisecurity.ru/publications/studenty_i_aspiranty/ekaterina-skvorcova-2018/.
5. Shmatkova L. P. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v borbe s kiberprestupleniyami: sostoyanie i perspektivy* [International cooperation in the fight against cybercrime: status and prospects]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2016, no. 28 (132), p. 1.
6. Carrapico H., Barrinha A. European Union cyber security as an emerging research and policy field. *European Politics and Society*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 299–303.
7. Christou G. *Cybersecurity in the European Union. Resilience and adaptability in governance policy*. London, Palgrave Publ., 2016, 222 p.
8. Communication from the Commission to the European Parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-tackling-illegal-content-online-towards-enhanced-responsibility-online-platforms>.
9. EU leaders agree on ground-breaking regulation for cybersecurity agency ENISA. Available at: <https://www.enisa.europa.eu/news/enisa-news/eu-leaders-agree-on-ground-breaking-regulation-for-cybersecurity-agency-enisa>.
10. *German cyber crime rose 80 percent in 2016: report*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-germany-crime-cyber/german-cyber-crime-rose-80-percent-in-2016-report-idUSKBN17P0YB>.
11. *Police struggle as cybercrime hits record*. Available at: <https://www.thelocal.de/20140603/internet-crime-in-germany-at-a-record-high>.
12. *Resilience, Deterrence and Defence: Building strong cybersecurity in Europe*. European Commission, State of the Union Publ., 2017.
13. *Special Eurobarometer 423. Cybersecurity*. European Union Publ., 2015. 160 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ СЕТЕЙ

Михайленок Олег Михайлович, доктор политических наук, профессор
Институт социологии РАН
Российская Федерация, 116218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24 / 35, стр. 5
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Мальшеева Галина Анатольевна, научный сотрудник
Институт социологии РАН
Российская Федерация, 116218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5
E-mail: lamaga2007@yandex.ru

Статья посвящена вопросу о трансформации политических отношений в условиях цифросетевой реальности. Рассмотрено развитие общества с точки зрения сетевых аспектов, выделяя при этом роль цифровых технологий в процессах сетевизации. Цифровые онлайн-сети трактуются ими как неотъемлемая часть совокупного политического пространства. Затрагивается проблема диалектической взаимосвязи между онлайн-новым и физическим миром политики, в том числе применительно к российским реалиям. Показано, как цифровые сети видоизменяют основные элементы политических отношений: собственно субъекты политических отношений, характер взаимодействий между ними, а также их видение предмета политических отношений – вопросов власти, государственного и общественно-политического устройства. Заостряется внимание на том, каким образом эти изменения вписаны в контекст постсовременного общества, включая такие его характеристики, как изменчивость социальных форм, постфактичность и дефицит социокультурной целостности. Учитывая тренд на роботизацию цифровых сетей, в качестве дискуссионного предлагается подойти к вопросу о субъектности искусственного интеллекта в политических отношениях постмодерна. Подчеркивается, что продуцируемые указанными трансформациями риски и неопределённости актуализируют проблему профессиональной оценки политического измерения технологического прогресса.

Ключевые слова: политические отношения, сетевое общество, цифровые технологии, цифровые сети, социальная общность, искусственный интеллект, постсовременность, постфактичность, цифровое кочевничество, политическое измерение технологического прогресса

POLITICAL RELATIONS IN THE DIGITAL NETWORKS CONTEXT

Mikhaylenok Oleg M., D. Sc. (Policy), Professor
Institute of Sociology RAS
build. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 116218, Russian Federation
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Malysheva Galina A., Researcher
Institute of Sociology RAS
build. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 116218, Russian Federation
E-mail: lamaga2007@yandex.ru

The article is dedicated to the transformation of political relations amid digital network reality. The authors consider the development of society from the point of view of its network aspects, highlighting the role of digital technologies in the networking processes. Digital online networks are interpreted by them as an integral part of the aggregate political space. The problem of the dialectical relationship between the online and the physical world of politics, also in relation to the Russian reality, is addressed. It is demonstrated how digital networks modify the main elements of political relations: the actual subjects of political relations, the nature of the interactions between them, as well as their vision of the subject of political relations – the questions of power, governmental and socio-political order. The paper focuses on how these changes are integrated into the context of a post-modern society, including its characteristics such as the variability of social forms, post-facticity and the lack of sociocultural integrity. Considering the trend towards the robot automation of digital networks, it is proposed to approach the subjectivity of artificial intelligence in postmodern political relations as a debating point. The authors emphasize that the risks and uncertainties produced by these transformations make the problem of professional assessment of the technological progress political dimension relevant.

Keywords: political relations, network society, digital technologies, digital networks, social community, artificial intelligence, postmodernity, post-facticity, digital nomadism, political dimension of technological progress

Возникающие в эпоху постмодерна формы общественного бытия требуют инновационных подходов и моделей для их осмысления, новых методологий научного анализа. Исследователи отмечают, что повсюду в мире неоднозначные политические процессы тесно взаимосвязаны с турбулентным характером социальных трансформаций [1, с. 15]. Задумываясь о генеалогии тектонических сдвигов в социальной ткани общества, мы должны констатировать ключевую роль прогресса технологий, который на своём новом, цифровом витке коренным образом видоизме-

няет среду существования человека. Иначе говоря, мы ежедневно являемся свидетелями того, как цифровая технологическая революция конвертируется в турбулентность социума, и делаем лишь первые шаги к идентификации механизмов и закономерностей этого процесса.

Сложный, переменчивый, неопределённый характер актуального этапа социального бытия диктует потребность как в поиске гибридных методов его изучения, так и в междисциплинарности и нестандартности исследовательских практик. По словам С. А. Кравченко, общество наших дней «нельзя “вылечить” традиционными, рационально-прагматическими средствами, подходы к новым уязвимостям ещё предстоит разработать, опираясь на интегральный инструментарий социальных, естественных и гуманитарных наук» [13, с. 9].

Одним из таких подходов может служить анализ социально-политических трансформаций с точки зрения развития сетевого общества во всём многообразии его проявлений, включая информационно-цифровой аспект. Цифровые технологии, а именно повсеместное распространение цифровых средств массовой коммуникации, мультиплицируют сетевые социальные эффекты и модифицируют практически все сферы общественной жизни. На актуальном этапе технологическая составляющая является главной качественной характеристикой сетевого развития, и на этом основании мы рассматриваем современное сетевое общество в первую очередь всего как общество цифровой сетевизации.

По мере совершенствования передовых технологий робототехники порождаемый ими мир онлайн-коммуникаций не просто служит дополнением миру реальных человеческих взаимосвязей, но начинает успешно конкурировать с ним. Исследования показывают, что виртуальные, симулированные машиной межличностные контакты становятся для людей экзистенциально более значимыми, чем живые, «внецифровые» человеческие взаимоотношения [25]. Пока неизвестно, насколько далеко под воздействием технологических инноваций зайдёт коррозия коммуникативной среды человека, однако уже можно утверждать, что в цифросетевом обществе они напрямую вмешиваются в гуманитарную сферу, представляя собой не только техническую, но и гуманитарную проблему. Таким образом, само развитие человечества на нынешнем историческом этапе приобретает гибридный, техносоциальный характер.

Правомерно также допустить, что, подобно многим другим, область политических отношений под влиянием факторов, связанных с функционированием виртуальных цифровых сетей, претерпевает ряд существенных изменений, и есть основания говорить о «технополитическом» характере общественного развития. Сегодня цифровые сети играют всё более заметную роль в таких сферах, как реализация властных и управленческих функций, конструирование публичной политики, организация электорального процесса, формирование новых моделей политического участия и т. д. Большинство традиционных институтов политической системы продублированы цифросетевыми аватарами, на которые возлагается выполнение виртуализированной части их функций. По мнению С. Н. Пшизовой, в наши дни цифровые каналы сетевой коммуникации не просто являются техническим инструментом политики, но приобретают в ней формообразующую функцию и служат организационной базой для нового этапа массовой политической мобилизации [18, с. 757–763].

Следует заметить, что в современных общественных науках не выработано единой дефиниции для такого понятия, как «политические отношения». Различные области гуманитарного знания, предлагая его толкование, делают акцент на нюансах, релевантных с точки зрения их собственного предметного поля. Между трактовками политических отношений наблюдаются и существенные расхождения, в частности, в «традиционных» определениях, сформулированных без учёта специфики постмодернового общества, как правило, подчёркивается классовая природа этих отношений [19, с. 358]. Кроме того, каждая из трактовок может быть оспорена по целому ряду критериев, включая конкретные виды и содержание политических отношений, характеристики их носителей, а также их место и роль в политической жизни общества [3].

Ввиду разночтений и вариативности имеющихся формулировок, за отправную точку мы возьмём определение политических отношений, которое предложено Н. М. Сиротой и Г. А. Мохоровым: «Политические отношения – это взаимодействие между социальными общностями, группами, гражданами и институтами по поводу власти, государственного устройства и управления обществом». Политические отношения, как подчёркивают авторы, «складываются в процессе реализации политических интересов и потребностей людей, действующих в конкретных пространственно-временных измерениях», «выражают взаимосвязи между

субъектами политики через власть» и «тем или иным образом определяют все остальные общественные отношения» [20, с. 33–34].

Данное определение привлекательно тем, что в нём чётко обозначены три основных элемента политических отношений: наличие субъектов (участников) политических отношений (социальные общности, группы, граждане и общественно-политические институты), наличие предмета политических отношений (вопросы о власти, государственном устройстве и управлении) и, наконец, третий элемент – наличие взаимосвязи и взаимодействия между субъектами политических отношений относительно их предмета. Что происходит с каждым из указанных элементов в обществе цифровой сетевизации? Претерпевают ли они изменения, обусловленные спецификой цифросетевого развития?

В вопросе о субъектах политических отношений в качестве исходного может служить тезис о том, что эпоха постмодерна предполагает качественное изменение сложившихся институциональных форм и традиционных моделей человеческого сосуществования. Одним из ключевых факторов этих изменений являются процессы всеобщей сетевизации и «оцифровки» общества.

В известном смысле участников виртуальных сетевых коммуникаций (пользователей всемирной сети Интернет) можно рассматривать как членов некоей социальной общности нового типа, которая своим появлением обязана передовым цифровым технологиям. Такую идею выдвигает, в частности, С. В. Бондаренко, указывая, что виртуальные сетевые сообщества обладают многими системными признаками социальных общностей, в том числе детерминированностью материально-технического базиса, структурированностью и взаимосвязанностью элементов, наличием внутренних иерархий, способностью к саморегулированию и стремлением сохранить свою целостность. Социальная общность киберпространства в целом носит глобальный и наднациональный характер, при этом составляющие её макросоциальные и микросоциальные виртуальные сообщества могут иметь национальную специфику и отражать особенности политических режимов своих стран [2].

С другой стороны, трактуя цифросетевые реалии как один из аспектов социальных трансформаций постсовременности, нельзя не учитывать, что постмодерн, в котором отвергается единообразие и господствуют плюралистичность, мозаичность и фрагментарность материальных и нематериальных форм бытия [5, с. 4], постепенно нивелирует роль признаков, определяющих принадлежность человека к большим общественным группам (классовым, этническим, социально-демографическим). Одновременно в нём возрастает значение таких индивидуализированных показателей социального и гражданского статуса, как совокупность персональных взглядов, предпочтений и жизненных установок, которые формируют стиль жизни человека и его отношение к ней. Многообразие идентичностей не в последнюю очередь связано с взрывным развитием технологий цифровой коммуникации, чрезвычайно эффективных в работе с локализованными адресными группами и отдельными интернет-пользователями, благодаря специфике принципа действия, который носит таргетизированный и персонализированный характер. Эта их особенность используется, в частности, в политическом маркетинге, построенном на анализе больших данных.

Надо заметить, что в наши дни в политических взаимодействиях, завязанных в виртуальной среде интернета, всё более востребованным становится такое порождение научного и технологического прогресса, как искусственный интеллект. Компьютерные программы, созданные по принципу нейронных сетей, которые имитируют деятельность человеческого мозга, активно используются для мониторинга интернет-контента и продвижения в виртуальной цифровой среде разнообразных политических идей, смыслов и установок. Так, например, разработанные специалистами центра цифровых технологий "SkyDigital" (г. Санкт-Петербург) нейронные модели способны анализировать политические взгляды пользователей социальной сети «ВКонтакте», а также строить электоральные прогнозы (достоверность которых подтверждена практикой) по различным городам и регионам России [16]. Известно также, что роботизированные программы-боты используются провластными и оппозиционными акторами для политически окрашенных информационно-сетевых вбросов. В частности, зафиксирован факт резкой активизации интернет-троллей («кремлеботов») в социальной сети Youtube, который имел место в ходе обсуждения проекта повышения пенсионного возраста в России. На пике активности пенсионную реформу упоминали в день около 58 тыс. раз (больше, чем события ЧМ по футболу), при этом основные тезисы комментариев полностью совпадали с доводами правительства [10].

Применение искусственного интеллекта не просто позволяет перерабатывать колоссальные объёмы сетевой информации, с которыми невозможно справиться традиционными

методами. Нейросети обучаемы, они обладают способностью усваивать полученный опыт и выполнять всё более сложные задачи. Компьютерные программы анализируют поведение пользователей и подбирают для них релевантный контент, тем самым формируя взгляды и предпочтения миллионов людей в интернете. Алгоритмы поисковых систем приобретают роль социального и политического регулятора. В цифровом пространстве искусственный интеллект подменяет функции человека, генерируя медийную информацию и выступая в качестве виртуального участника дискуссий. Он может распознавать пользователей по заданным программой признакам, проводить селекцию и определять целевые аудитории для оказания влияния и реализации пропагандистских задач. Как правило, подобного рода деятельность бывает особенно эффективной и политически окупаемой в периоды избирательных кампаний.

Разумеется, искусственный интеллект управляем и поддаётся (пока) человеческому контролю, однако потенциал этого технологического феномена не настолько предсказуем, чтобы продолжать считать его одним из инструментов на службе политики, и не более того. Нельзя игнорировать факт, что роботизация цифровых сетей может иметь весьма существенные и лишь условно прогнозируемые социально-политические эффекты, которые способны проявиться в ближайшем будущем. К тому же одной из главных тенденций постсовременности является вступление в активную политическую жизнь поколения «цифровых аборигенов» – молодых людей, «выросших и сформировавшихся в новом социокультурном и технологическом контексте» [21, с. 82], которые не мыслят свою жизнь без гаджета с доступом в социальную сеть и изначально встроены в модель сосуществования с машинным разумом.

Таким образом, цифровая модель политики подразумевает не просто рост удельного веса виртуального пространства в политической жизни общества, но и все большую роботизацию политического процесса. В свете сказанного идея о том, что искусственный интеллект можно причислить к субъектам политических отношений современного нам общества, уже сейчас имеет право на существование и не кажется совершенно фантастичной.

Вопрос о предмете политических отношений в специфическом цифросетевом контексте требует рассмотрения того, каким образом элементы виртуального социума позиционируют себя относительно проблем власти, государственного устройства и управления и как это сказывается на целостной картине общественно-политического развития, включая её онлайн- (цифровые) и офлайн- (физические) аспекты. В этой связи следует подчеркнуть, что виртуальный сетевой социум является неотъемлемой частью общего политического пространства и в глобальном, и в национально-государственном измерениях. Он вовлечён во взаимодействие по всему спектру политической повестки, как в пределах собственно цифровой среды, так и на её пересечениях с миром физической политической реальности. При этом цифросетевой социум одновременно выступает и как проекция общественно-политических реалий физического мира, и как источник обратного действия на сферу офлайн-политики, т. е. как один из важнейших факторов политических изменений. Проецирование в данном случае не равнозначно зеркальному отображению, поскольку онлайн-политическая среда, будучи в целом синхронизированной с офлайн-общественным развитием, обладает и собственной динамикой. В этом смысле показательна эволюция политического пространства Рунета.

Исторически сложилось так, что на первоначальных этапах российский сегмент интернета опережающими темпами осваивался пользователями, ориентированными на прозападно-либеральные идеи и ценности. В течение некоторого времени российские социальные медиа, да и Рунет в целом, считались зоной, свободной от государственного контроля. Именно тогда возникло расхожее выражение «партия интернета», которая противопоставлялась «партии телевизора», т. е. той части граждан, чьи взгляды, по мнению их оппонентов, формировались в узких рамках, очерченных властно-государственной пропагандой [14].

Однако вскоре произошла перегруппировка сил, и руководство страны перешло к полномасштабному использованию медийного и коммуникативного потенциала интернет-пространства, в полной мере оценив его перспективность с точки зрения реализации массового политического влияния. Хронологическими маркерами этого перелома считаются массовые оппозиционные акции 2011–2012 гг., а также знаковые события международной жизни, которые затронули ближнее зарубежье и обозначили новый уровень глобального противостояния, что, в свою очередь, вызвало заметные сдвиги в общественных настроениях россиян [9, с. 453–456]. Можно констатировать тот факт, что рост и усиление влияния провластно-патриотического сегмента Рунета и «делиберализация» онлайн-политической повестки

иллюстрируют собой консервативный дрейф, которым отмечено общественное развитие России последнего времени.

Сегодня российский цифровой социум ценностно и политически вполне тождествен физическому общественному пространству и достаточно адекватно отражает расстановку политических сил в стране, что подтверждается эмпирическими данными. Согласно уже упоминавшимся исследованиям "SkyDigital", процентное соотношение консерваторов и либералов в социальных сетях Рунета в целом соответствует данным, которые получены традиционными социологическими методами (примерно 20 % – либералы, 79 % – консерваторы в небольших городах России и 30 против 70 % – в её столицах) [4, с. 16]. Помимо прочего, это означает, что ценностный раскол, который разделяет российское общество на два взаимно оппонирующих лагеря, не ограничивается физическим социумом и проходит по фронтам виртуальной цифросетевой среды. Причём в цифровом политическом пространстве это противостояние принимает едва ли не наиболее ожесточённый и непримиримый характер. Виртуализация политической борьбы имеет своим следствием радикализацию её проявлений и характера. Адепты обоих лагерей не только конструируют свой особый «политически правильный» виртуальный мир, но и переносят его черты на мир физический, воспринимая всё происходящее в нём исключительно сквозь призму собственных взглядов [11, с. 119–120].

Достаточно распространённым является мнение, что цифровые социальные сети служат катализатором революционных выступлений и гражданских протестов, хотя в основе подобных социальных катаклизмов, безусловно, лежат факторы гораздо более фундаментального и объективного характера. Однако не исключено, что механизм идейной и политической поляризации социума непосредственным образом связан с характером сетевых взаимодействий, если воспринимать их как низовой (микро-) уровень общественно-политической жизни.

Межличностные политические взаимодействия в сетях обладают рядом особенностей, о чём, в частности, свидетельствует исследование американских социологов С. Коуэн и Д. Балдассарри. Как правило, в желании сохранить сетевые контакты, люди, общаясь друг с другом, стремятся не выходить за рамки тем, которые не вызывают радикальных разногласий. Они скрывают свои истинные взгляды от тех, с кем не согласны, в попытке избежать конфликта. В результате отдельные сетевые сообщества приобретают относительную идейную гомогенность, которая служит ограничителем политического дискурса. Обсуждению подлежат лишь незначительные, второстепенные вопросы повседневной повестки, тогда как проблемы, принципиальные для общественной жизни в целом, обходятся молчанием. Такая избирательность сетевого общения, вызванная стремлением минимизировать конфликты на политическом микроуровне, парадоксальным образом приводит к тому, что усугубляются коммуникативный вакуум и идейно-ценностное размежевание на макроуровне политики, повышая градус конфликтности в масштабах всего общества [24].

Кроме того, говоря о факторах, которые определяют видение ключевых политических вопросов в цифровых сетях, нельзя не упомянуть, что оно несвободно от целенаправленного воздействия со стороны не только национальных, но и глобальных игроков (центров и групп влияния), преследующих собственные интересы [17, с. 82–83]. Технологической базой такого воздействия являются программы сбора, обработки и анализа больших данных, а также программные продукты, которые обеспечивают внедрение в онлайн-среду политически ангажированного смыслового контента. Цифровой след, оставляемый каждым пользователем в сети, делает его легкодоступным объектом для манипулирования в рамках сценариев пропаганды и контрпропаганды, которые вписаны в общую картину мирового информационного противоборства. В этих условиях становится возможным эксплуатировать политическое многообразие национального цифросетевого пространства, продвигая заданные извне модели восприятия общественно-политических реалий. Контроль над ресурсами интернета позволяет глобальным акторам осуществлять перепрошивку идейно-ценностных координат граждан-потребителей сетевой информации, подменяя эндемичные смысловые политические установки экзогенными, и формировать альтернативную физическому миру национальной политики цифровую информационную повестку [6].

Изучение сетевого социума в подобном ракурсе приводит нас к вопросу о трансформации характера политических взаимодействий в цифросетевом контексте. Об особенностях таких взаимодействии между субъектами политических отношений можно говорить, принимая во внимание фактор гибридизации восприятия людьми политической реальности. Последняя

объясняется пересечением и взаимным наложением виртуального и физического, которым сопровождается повседневная жизнь и определяется сознание человека в условиях усложняющейся, турбулентной социальности. По словам С. А. Кравченко, современный социум «стал сложным, нелинейно развивающимся; для него норма – резкое увеличение неопределённости и парадоксов во всех сферах общественной жизни» [12, с. 6].

Гибридность, дуальность социальных актов и проявлений, как подчёркивает З. Бауман, служит доминантной характеристикой существования человека в эпоху постсовременности. Он пребывает в двух реальностях одновременно – онлайн-овой (виртуально-цифровой) и офлайн-овой (физической), причём онлайн-овое существование для него есть способ укрыться от проблем офлайн-ового мира. Однако это бегство несёт в себе новую угрозу – дегуманизацию человеческих связей в силу поверхностного, инструментального, символического характера общения в цифровых сетях, исчезновения его содержательной глубины, что ведёт за собой эрозию и утрату социальных навыков и кризис общественного взаимопонимания [15, с. 170–171].

Социальная и политическая коммуникация в наши дни разворачивается в контексте постфактичности, когда роль и влияние объективных фактов в общественном мнении минимизированы и полностью вторичны по отношению к информационному продукту – их предлагаемым интерпретациям. А. В. Глухова указывает на наличие в политическом мире симптомов «постфактической демократии», при которой «залогом политического успеха становится игнорирование фактов». В такой модели демократии не существует объективной базы для дебатов, политический ландшафт и формирование мнений отдаются на откуп цифровым и сетевым онлайн-медиа, а политическую повестку определяют большие холдинги – каналы и онлайн-платформы, игнорирующие правила профессионального фактчекинга (перепроверки фактов) [7, с. 71–72].

Невостребованность правды и смысловое обесценивание общественного дискурса, упакованного в «новояз» виртуальной сетевой среды, по мысли С. В. Чугрова, приводят к появлению «качественно нового феномена – искривленного политического информационного пространства», что, в свою очередь, чревато окончательной потерей доверия к ценностям, процедурам и институтам демократической системы, вплоть до «саморазрушения либеральной демократии». Одним из рисков подобной деформации является стирание грани между рациональным и иррациональным, виртуальным и реальным в политических практиках и в нарративе, что делает общественное развитие все менее предсказуемым [22, с. 54–55].

Заслуживает упоминания ещё один момент. «Текучесть» общества, о которой говорит Бауман, обусловлена ослаблением социальных связей, что вызывает «непрерывное и необратимое» изменение взаимного расположения общественных элементов. Неустойчивость, ситуативность межлических контактов ведёт к тому, что дислокация людей в глобальном социуме перестаёт быть константой. Если современность, по словам учёного, заключалась в «разукоренении» людей и их «избавлении от обязательств» перед «доставшимися им в наследство» общественными структурами, то постсовременность лишает «разукоренённого» человека не только его связей с «корневым» субстратом, но и перспектив последующего прочного «переукоренения» на новом социальном поле [15, с. 163].

Подобное «разукоренение» индивидов в глобальном пространстве цифровых сетей ряд исследователей обозначает термином «цифровой номадизм» («цифровое кочевничество»), уподобляя сетевую модель социального контактирования наших современников образу жизни степных кочевников прошлого. При этом подчёркивается, что номады новейшего времени, подобно их гипотетическим предшественникам, исповедуют принцип экстерриториальности и не признают границ между национальными государствами и локальными общностями [23]. Парадигма сетевого кочевничества, с одной стороны, антагонистична властным иерархиям, с другой – акцентирует вопрос о взаимосвязи людей с социокультурным и политическим контекстом, который формирует сетевое окружение и воздействует на них ментально и идеологически. Сегодня стоит задуматься над тем, действительно ли цифровая мобильность человека подразумевает потерю его связей с «корневым» социальным укладом и политико-культурной средой, созданной поколениями его предков. Также имеет смысл подискутировать на тему об обоснованности представления о цифровых номадах как о носителях некоей новообразованной, свободной от истоков и корней, универсалистской идейно-ценностной идентичности.

Вписать этот и другие социальные феномены, характеризующие модель человеческого существования в сетевом обществе постмодерна, в обновленный каркас общественно-политических взаимодействий является вызовом для политической социологии наших дней.

Вышеизложенное задаёт определённые рамки изысканий, с помощью которых можно было бы преодолеть имеющиеся лакуны в анализе качественно новых явлений эпохи цифровой сетевизации. В этой связи первостепенная исследовательская задача видится в том, чтобы актуализировать вопрос о социальном измерении технологического прогресса. Не вызывает сомнения, что политология и политическая социология должны органически участвовать в формировании социальной оценки техники и научно-технического прогресса – принципиально новой междисциплинарной отрасли научного знания, необходимость которой обосновывает в своих трудах В. Г. Горохов [8], и оценивать последствия технологических эволюций и революций с учётом критериев, значимых для их предметного пространства.

Темпы и масштабы техносоциального развития опережают возможности общественных наук по осмыслению и концептуализации его многообразных социально-политических эффектов, не говоря уже о выработке механизмов практического вмешательства и регулирования сферы цифровых сетей. Отталкиваясь от представления о политическом в его традиционной, «доцифровой» трактовке, мы должны всесторонне оценить трансформационные риски и переосмыслить накопленные знания с учетом специфики и новизны цифросетевой реальности.

Список литературы

1. Баранов, Н. А. Влияние современных социальных трансформаций на формирование политической повестки дня / Н. А. Баранов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2016. – Вып. 4. – С. 15–22.
2. Бондаренко, С. В. Социальная система киберпространства как новая социальная общность / С. В. Бондаренко // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2002. – № 12 (38). – С. 32–39.
3. Борисенков, А. А. О политических отношениях и их видах / А. А. Борисенков // Социодинамика. – 2013. – № 7. – С. 141–167.
4. Бызов, Л. Г. Идеиные расколы и президентские выборы 2018 года (по результатам исследований ИС РАН И ВЦИОМ) / Л. Г. Бызов // Россия XXI. – 2018. – № 3. – С. 6–21.
5. Волков, В. Н. Постмодерн и его основные характеристики / В. Н. Волков // Культурное наследие России. – 2014. – № 5 (2). – С. 3–8.
6. Володенков, С. В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления / С. В. Володенков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2017. – Т. 13, № 3. – С. 57–69.
7. Глухова, А. В. Постфактичность как она есть: кто защитит реальность? / А. В. Глухова // Политика постправды в современном мире / под ред. О. В. Поповой. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2017. – 282 с.
8. Горохов, В. Г. Оценка техники как прикладная философия техники и новая научно-техническая дисциплина / В. Г. Горохов // Гений Шухова и современная эпоха. – Москва: Московский гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана, 2015. – С. 241–249.
9. Интернет и идеологические движения в России / под ред. Г. Никопорец-Такигава и Э. Паина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 480 с.
10. Интернет-тролли начали хвалить пенсионную реформу. – Режим доступа: <https://thebell.io/internet-trolli-nachali-hvalit-pensionnuu-reformu/?ref=journal.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ. (Дата обращения: 10.06.2019).
11. Информационно-технологическое проектирование политических ценностей в российском сегменте интернет-пространства: материалы круглого стола / С. В. Володенков [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2014. – № 5. – С. 113–135.
12. Кравченко, С. А. К итогам X конференции ЕСА / С. А. Кравченко // Социологические исследования. – 2012. – № 3 (335). – С. 6–13.
13. Кравченко, С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции / С. А. Кравченко // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 3–10.
14. Крашенинников, Ф. Партии интернета больше нет / Ф. Крашенинников // Ведомости. – 2014. – № 132 (3636).
15. Кристалл, Э. Когда обрываются связи: интервью с Зигмунтом Бауманом / Э. Кристалл, А. Де Бовер, О. А. Оберемко // Социологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 156–176.
16. Математическая модель электоральных предпочтений в социальных сетях. – Режим доступа: <https://skydigital.pro/sociology>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения 10.06.2019).
17. Михайленок, О. М. Политические эффекты социальных сетей в России / О. М. Михайленок, Г. А. Малышева // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 78–87.
18. Пшизова, С. Н. Дигитально-опосредованное политическое участие в сравнительной перспективе / С. Н. Пшизова // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. – Москва: Университетская книга, 2019. – С. 757–763.
19. Российская социологическая энциклопедия / под общ. Ред. Г. В. Осипова. – Москва: Норма-Инфра, 1998. – 672 с.
20. Сирота, Н. М. Основы политической науки / Н. М. Сирота, Г. А. Мохоров. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2018. – 213 с.

21. Соловей, В. Д. Особенности политической пропаганды в цифровой среде / В. Д. Соловей // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2018. – № 1. – С. 81–87.
22. Чугров, С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С. В. Чугров // ПОЛИС. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42–59.
23. Шляков, А. В. Номадизм сетевого общества постмодерна / Шляков А. В. // Общество: социология, психология, педагогика. – 2015. – № 6. – С. 28–30.
24. Cowan, S. "It could turn ugly": Selective Disclosure of Political Views and Biased Network Perception / S. Cowan, D. Baldassarri // *Social Networks*. – 2018. – Vol. 52. – P. 1–17.
25. Turkle, S. Alone together: why we expect more from technology and less from each other / S. Turkle. – New York : Basic Books, 2011. – 384 p.

References

1. Baranov N. A. Vliyanie sovremennykh sotsialnykh transformatsiy na formirovanie politicheskoy povestki dnya [Influence of modern social transformations on formation of the political agenda]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6 "Political science. International relations"], 2016, iss. 4, pp. 15–22.
2. Bondarenko S. V. Sotsialnaya sistema kiberprostranstva kak novaya sotsialnaya obshchnost [Social system of cyberspace as a new social community]. *Nauchnaya mysl Kavkaza. Prilozhenie* [Scientific Thought of Caucasus. Supplement], 2002, no. 12 (38), pp. 32–39.
3. Borisenkov A. A. O politicheskikh otnosheniyyakh i ikh vidakh [On political relations and their types]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2013, no. 7, pp. 141–167.
4. Byzov L.G. Ideynye raskoly i prezidentskie vybory 2018 goda (po rezultatam issledovaniy IS RAN i VTsiOM) [Ideological splits and presidential elections of 2018 (based on the results of research of ISRAS and VCIOM)]. *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2018, no. 3, pp. 6–21.
5. Volkov V. N. Postmodern i ego osnovnye kharakteristiki [Postmodern and its basic characteristics]. *Kulturnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia], 2014, no. 5 (2), pp. 3–8.
6. Volodencov S. V. Tekhnologii manipulirovaniya obshchestvennym soznaniem v internet-prostranstve kak instrument politicheskogo upravleniya [Technology manipulation of public consciousness in the internet space as a tool of political control]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEX* [Political Expertise: POLITEX], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 57–69.
7. Glukhova A. V. Postfaktichnost kak ona est: kto zashchitit realnost? [Post-truth politics in the modern world]. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2017, 282 p.
8. Gorokhov V. G. Otsenka tekhniki kak prikladnaya filosofiya tekhniki i novaya nauchno-tekhnicheskaya distsiplina [Evaluation of technology as an applied philosophy of technology and a new scientific and technical discipline]. *Geniy Shukhova i sovremennaya epokha* [The genius of Shukhov and the modern era]. Moscow, Bauman Moscow State Technical University Publ., 2015, pp. 241–249.
9. *Internet i ideologicheskie dvizheniya v Rossii* [Internet and ideological movements in Russia]. Ed. by G. Nikiporets-Takigava, E. Pain. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, 480 p.
10. *Internet-trolli nachali khvalit pensionnyuyu reform* [Internet trolls began to praise the pension reform]. Available at: <https://thebell.io/internet-trolli-nachali-hvalit-pensionnyuyu-reformu/?ref=tjournal.ru> (Accessed: 10.06.2019).
11. Informatsionno-tekhnologicheskoe proektirovanie politicheskikh tsennostey v rossiyskom segmente internet-prostranstva: materialy kruglogo stola [The Information-Technology Design of Political Values in the Russian Segment of Internet Space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskije nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12 "Political Science"], 2014, no. 5, pp. 113–135.
12. Kravchenko S. A. K itogam X konferentsii ESA [To the results of the X ESA conference]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 3 (335), pp. 6–13.
13. Kravchenko S. A. "Normalnaya anomiya": kontury kontsepcii ["Normal anomie": outline of the concept]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, no. 8, pp. 3–10.
14. Krashenninikov F. Partii interneta bolshe net [Internet party is no more]. *Vedomosti* [Vedomosti], 2014, no. 132 (3636).
15. Kristall Ye., De Bover A., Oberemko O.A. Kogda obryvayutsya svyazi: Intervyu s Zigmuntom Baumanom [Disconnecting acts: an interview with Zygmunt Bauman]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2017, no. 1, pp. 156–176.
16. *Matematicheskaya model elektoralnykh predpochteniy v sotsialnykh setyakh* [Mathematical model of electoral preferences in social networks]. Available at: <https://skydigital.pro/sociology> (Accessed: 10.06.2019).
17. Mikhaylenok O. M., Malysheva G. A. Politicheskije efekty sotsialnykh setey v Rossii [Political effects of social networks in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2019, no. 2, pp. 78–87.
18. Pshizova S. N. Digitalno-oposredovannoe politicheskoe uchastie v sravnitelnoy perspective [Digitally-mediated political participation in a comparative perspective]. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossiyskoy Federatsii: vyzovy i perspektivy* [Public administration of the Russian Federation: challenges and prospects]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2019, pp. 757–763.
19. *Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian sociological encyclopedia]. Ed. by G. V. Osipov. Moscow, Norma-Infra Publ., 1998, 672 p.
20. Sirota N. M., Mohorov G. A. Osnovy politicheskoy nauki [Fundamentals of political science]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation Publ., 2018, 213 p.

21. Solovey V. D. Osobennosti politicheskoy propagandy v tsifrovoy srede [Features of political propaganda on digital platforms]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2018, no. 1, pp. 81–87.

22. Chugrov S. V. Post-truth: transformatsiya politicheskoy realnosti ili samorazrushenie liberalnoy demokrati? [Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy?]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2017, no. 2, pp. 42–59.

23. Shlyakov A. V. Nomadizm setevogo obshchestva postmoderna [The nomadism of network society of the postmodernity]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2015, no. 6, pp. 28–30.

24. Cowan S., Baldassarri D. "It could turn ugly": Selective Disclosure of Political Views and Biased Network Perception. *Social Networks*, 2018, vol. 52, pp. 1–17.

25. Turkle S. Alone together: why we expect more from technology and less from each other. New York, Basic Books, 2011, 384 p.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Нечай Владислав Николаевич, аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, к. 4

E-mail: well95well@rambler.ru

Вопросам исследования категорий «пространство» и «территория» посвящено достаточно большое количество научных работ и учебных дисциплин. Особое значение при изучении понятия пространственного развития играет мультидисциплинарный подход в рамках гуманитарных наук. Так, рассматриваемым категориям уделено внимание в регионалистике, экономике, географии, страноведении, этнографии и других смежных науках. Отдельную значимость при изучении подходов к исследованию пространства представляет политологический анализ, при помощи которого представляется возможность проанализировать и сравнить существующие стратегии и методы теоретического осмысления пространственного развития. Цель статьи – рассмотрение ключевых работ и авторов, связанных с изучением вопросов пространственного развития России в период с конца XIX по XX в.

Ключевые слова: пространство, территория, развитие, социально-экономический, план, стратегия, география, производство, хозяйство, территориальный принцип

AN ISSUE OF RESEARCHING AND FORMING TERRITORIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Nechay Vladislav N., postgraduate student

Lomonosov Moscow State University

build. 4, 27, Lomonosovskiy Ave., Moscow, 119192, Russian Federation

E-mail: well95well@rambler.ru

There is a number of scientific publications and studies, which are dedicated to categories such as "state space" and "territory". Multidisciplinary approach in a framework of human sciences plays another significant role in researching territorial development. Hence, these categories can be researched within regional studies, economy, geography, regional geography, ethnography and other similar studies. Political analysis gives an opportunity to investigate features of territorial development, which makes possible to analyze and compare recurrent strategies and methods of researching territorial development. The goal of this article is to find out the main content of scientific publications of Russian scientists, which concern an issue of territorial development of Russia in the end of XIX–XX centuries.

Keywords: state space, territory, development, social and economic, plan, strategy, geography, industry, household, territorial principle

Особая специфика изучения территориального развития России конца XIX в. во многом основывалась на принципах пространственной экономики и описательных методов. По большей мере на это влияло следующее: а) экономическое районирование, включая природно-географические характеристики, при помощи которых можно было выявить предварительный экономический потенциал; б) государственная мотивированность исследования территорий, стремление выявить причины и механизмы воздействия для формирования идеальных условий для освоения пространства; в) преобладание практических исследований, фрагментарность теоретических знаний и дефицит систематики, а также слабая развитость национальных исследовательских школ.

Значительное влияние на становление российской исследовательской школы оказал сам характер научной деятельности. Если в англосаксонской системе исследования проводились в университетах, то в отечественной – усилиями Императорской Академии наук. Здесь

прослеживается и ключевое отличие – все исследования проводились по государственному заказу, таким образом решая задачи прикладного характера для государственного устройства.

Большая часть территорий Российской империи была слабо изучена для того, чтобы организовать хозяйственно-экономическую деятельность. При освоении и исследовании новых территорий возникала необходимость в описании ресурсов, инфраструктурного и хозяйственного потенциалов, при помощи которых можно было оценить возможности для дальнейшего экономического развития территорий. Все подобные исследования проводились в соответствии с теоретическими наработками, которые могли быть получены во многом благодаря описательно-экспедиционным методам.

Одни из первых экспедиций, которые проводились ещё в XVIII в. с участием И. И. Лепехина, С. П. Паласа, Р. К. Маака, А. Ф. Мидендорфа и др., были нацелены на расширение географических представлений и развитие торговых сообщений с целью дальнейшего приобщения России к региональной и мировой торговле [29, с. 52]. Подобные задачи стали частью программ по формированию территориальной структуры России, которая бы стала каркасом для формирования широкой хозяйственно-экономической системы.

К XIX в. к изучению пространственного развития и территорий подключились правительственные ведомства и учреждения, а именно Статистическое отделение МВД и Министерство государственных имуществ. Фиксация статистических показателей экономических характеристик и условий развития территорий Российской империи и позже в СССР велась непрерывно, тем самым формируя эмпирические данные о потенциале городов и регионов. Таким образом, статистика стала ключевым инструментом в пространственной экономике и экономической географии в описании территорий, учёта характеристик и показателей. По этому вопросу писала Б. А. Вальская о том, что статистика объединяла информацию, которая приходила от экономической географии, т. е. данные о распределении ресурсов и рабочей силы, их соотношении и районировании [9].

Параллельно с пространственной экономикой и экономической географией, которые были сосредоточены на изучении хозяйственно-экономических показателей территорий, возник термин «коммерческая география». Предположительно термин возник в результате спроса на профессию коммерсанта, которая стала востребована государством. Однако, уже к первой четверти XX в. данный термин утратил популярность. Серьёзным прорывом в эволюции теоретических представлений о территориальных исследованиях стало открытие в Санкт-Петербурге кафедры экономической географии, которой заведовал В. Э. Дэн. Данное событие способствовало систематизации эмпирических данных, выстраиванию последовательности и преемственности в изучении территориального развития, появлению ряда научных работ, которые объединяли перечисленные ранее науки и подчёркивали их причастность к экономике и географии.

Проблемы, посвященные экономической географии, освещались в работах Д. Д. Морева, М. Н. Соболева, А. И. Чевакинского [21]. Так, Д. Д. Морев в своём учебнике по экономической географии, вышедшем в 1888 г., описывал, что коммерческая география, которая охватывает вопросы торгово-экономических отношений между разными странами, представлена гораздо шире. Согласно его мнению, наука рассматривала следующие вопросы: а) продуктовый бартер; б) инфраструктура и торговые пути; в) способы и виды добычи и обработки ресурсов. В более широком понимании, Д. Д. Морев предлагал расширить данную науку и именовать как «хозяйственная география», предметом изучения которой было бы народное хозяйство. Важным аргументом, который приводил учёный в пользу хозяйственной географии, является то, что она находится в предметном поле географии и привязана к понятию территориальности, в то время как политическая экономия, которой занимался Д. Д. Морев, являлась ответвлением экономической науки.

М. Н. Соболев предложил использовать понятие хозяйственной географии и статистики, которая изучала объёмы и характер хозяйственных показателей [27, с. 29]. Также в область новой науки входило исследование соотношений человеческих ресурсов и произведённых товаров, а также их транспортировка и средства для этого. Данные области исследования должны были объединить показатели развития тех или иных экономических районов, т. е. отобразить характер процесса районирования. Аналогично сравнениям Д. Д. Морева, М. Н. Соболев сопоставлял хозяйственную географию и статистику с политической экономией, где первая придерживается описательно-наблюдательных методик и исследования конкретных хозяйственных единиц в той или иной стране, а политическая экономия охватывала общие закономерности экономического развития.

Отдельный вклад в развитие теоретической основы пространственного развития внёс А. И. Чевакинский, который также писал о коммерческой географии. Погружаясь в дисциплину, учёный указывал на отличие коммерческой географии от других родственных наук: он подчёркивал, что география является основополагающей в организации торговли, для которой необходимо учитывать природные, этнографические и территориальные особенности страны [30, с. 113]. Отдельно А. И. Чевакинский рассматривал экономическую географию, которая, согласно его наблюдениям, анализировала особенности торгово-хозяйственной деятельности страны и её населения, а также природные факторы. Параллельно с этим учёный указывал на тесную связь экономической географии с географическими и экономическими науками и политической экономией.

На практике данную связь подтверждал В. Э. Ден, который читал курс экономической географии, связывая науку с политической экономией. Её целью В. Э. Ден ставил изучение условий и состояний видов хозяйственной деятельности в географическом разрезе, т. е. акцентировал внимание на взаимосвязь физических и культурных особенностей территорий с распределением и организацией хозяйственной деятельности. Также можно отметить эволюцию взглядов учёного, который в начале XX в. причислял экономическую географию к экономике, а уже в начале 20-х гг. того же столетия отнёс эту науку к географии. При этом предметом ведения экономической географии оставалось изучение характера и объёма хозяйственной деятельности в привязке к пространственному фактору. В тот период учёный опубликовал ряд работ, посвящённых проблемам развития экономической географии и её привязке к территориальному признаку. Важно понимать, что на подобное преобразование взглядов могли оказать и споры, существовавшие в тот период по поводу подходов к изучению пространственных особенностей страны. Большая часть дискуссий происходила между сторонниками статистического метода и метода районирования.

Камеральная статистика, пришедшая из немецкой школы, коммерческая география и политическая экономия, согласно мнению Н. Н. Баранского, являлись основными предшествующими дисциплинами экономической географии XX столетия [4]. Так, географ отмечал, что все предшествующие дисциплины, имеющие экономическую и географическую основу, являются лишь теоретической основой для формирования экономической географии. Таким образом, Н. Н. Баранский подчёркивал несостоятельность методов и их неполномерность в камеральной статистике и коммерческой географии, т. к. науки затрагивали очень узкий спектр хозяйственно-экономических процессов, которые можно было изучать и при помощи обычного наблюдения и вычислений. Более существенное влияние на формирование современной на тот период экономической географии оказало страноведение, которое требовало не только описательно-наблюдательных методов, но и исследования взаимосвязей между территориальными и природными условиями и способами организации хозяйства в тех или иных регионах страны.

Тем не менее, преобладающее количество научных разработок и учебной литературы в период начала XX в. выполнялось в отраслево-статистическом ключе. Несколько ранее складывается направление региональной географии, которая была тесно связана со страноведением и до этого – с описательным государствоведением. Основателем региональной географии традиционно считается П. П. Семёнов-Тян-Шанский, который ранее в течение долгого периода являлся руководителем Статистического комитета Российской империи. Ещё до начала XX в. географ предлагает комплексную схему экономического районирования России. В своём труде «Статистика поземельной собственности и населённых мест Европейской России» П. П. Семенов-Тян-Шанский предложил 19 экономических районов, которые выделил при учёте специфики хозяйств, природных условий, этнического соотношения, физических характеристик территорий и их исторического прошлого [25]. Также учёный являлся редактором издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» и к 1914 г. было выпущено 11 томов, в которых рассматривались территориальные особенности и районирование европейской части России, Западной Сибири, Киргизского края и Туркестана [26].

Особое значение в развитии географической науки и расширении представлений о пространственном развитии сыграла Первая мировая война, Октябрьская революция и гражданская война в России, в результате которых система территориальных и экономических связей была нарушена, что послужило причиной для переосмысления подходов и методов к изучению пространства. В этот же период географические науки как совокупность теоретических представлений о территории и развитии пространства стали больше концентрироваться на реальных

физико-географических особенностях страны, а не на «государственных заказах по описанию территорий и административному делению». По этому поводу в 1915 г. писал Л. С. Берг, что география и все смежные дисциплины являются естественнонаучными, а описание регионов, которые были созданы по политико-административным соображениям, не несёт в себе научного характера.

Тем не менее, реальные политико-территориальные изменения не могли не повлиять на методологию науки. Более ясное представление о задачах, которые появлялись у советской географической науки, формировалось благодаря проектной деятельности, которая была предложена советским партийным руководством. В первую очередь прикладной характер науки был необходим для работы ГОЭЛРО. В работе комиссии приняли участие ученые и партийные деятели, тем самым закладывая основы советской школы географии. Среди них можно отметить труды Г. О. Графтио, В. Н. Книповича, Е. П. Шульгина, Л. Л. Никитина, И. Г. Александрова [12]. На следующих этапах работы плановой комиссии в её деятельности приняли участие Г. Н. Черданцев, В. Ф. Васютин, В. И. Лавров, В. М. Четыркин и Н. Н. Колосовский. Примечательным является то, что некоторые представители по своему образованию не являлись географами, но за счёт своей практической деятельности и занимаемых должностей сумели сформировать структуру советской географии как отдельной науки. В итоге в период работы ГОЭЛРО деятелями науки и практиками были сформированы ключевые принципы территориальной организации хозяйства, выявлены условия неравномерного развития территорий и предложены планы по выравниванию развития пространства. Важно понимать, что подобные стратегии были рассчитаны на работу в рамках плановой советской экономики.

Другим, не менее важным импульсом в развитии теоретической базы и представлений о территориях страны, стало создание Комиссии по изучению естественных производственных сил (КЕПС) в 1915 г. В рамках работы комиссии функционировал отдел промышленно-географического изучения России [17]. При учреждении самой комиссии основные направления деятельности были сформулированы В. И. Вернадским, где он предложил задействовать специалистов как можно большего круга научных направлений с целью комплексного изучения природных ресурсов и их взаимосвязи с освоением территорий. Уже к концу 1915 г. в КЕПС работало свыше 100 человек. Одним из наиболее результативных методов работы комиссии был экспедиционный способ. Только в 1916 г. состоялось 14 экспедиций, в которых принимали участие В. И. Вернадский и А. Е. Ферман. П. А. Землячченский, Г. Г. Уразов,

Отдельного внимания заслуживает издательская деятельность КЕПС, которая осуществлялась при помощи редакционного комитета по изданию трудов комиссии. Среди наиболее значимых трудов следует отметить «Материалы для изучения естественных сил России» и «Отчёты о деятельности КЕПС» [22]. В данных работах были отражены наиболее важные труды и выступления учёных того времени: В. И. Вернадский «Об изучении естественных производственных сил России»; А. С. Фамицын «О первых мероприятиях по созданию КЕПС и перспективах её развития»; другие труды учёных разных областей знаний – А. Е. Фермана, В. Л. Комарова, В. Г. Хлопина [23, с. 78].

Одним из главных результатов работы редакционного комитета была публикация сборника «Естественные производственные силы России», состоящего из шести томов, в котором предполагалось сформировать полную картину знаний о производственных силах и территориальном развитии России.

К 1930 г. КЕПС была реструктурирована в Совет по изучению производственных сил (СОПС), в рамках которого дальнейшая исследовательская работа в сфере хозяйственно-производственных процессов была продолжена и расширена.

Дальнейшее развитие знаний о пространственном развитии в большей степени было продолжено в рамках географических наук. Так, в 1920-е гг. география, по-прежнему, сталкивалась с методологическим кризисом, где учёные спорили о предметном поле самой науки. Согласно идеям Л. С. Берга, география затрагивала ландшафтные характеристики России, от которых зависела организация хозяйственной деятельности на освоенных и осваиваемых территориях, что в значительной степени уменьшало предметное поле науки. По убеждению С. В. Бернштейна-Когана география включает в себя и экономическое страноведение, где её теоретической единицей является экономический район с учётом природно-физических, демографических и ресурсных условий [20]. Данная формулировка более корректно отражала суть

изучения пространственного развития, в рамках которой работал учёный. И, по-прежнему, данное определение вступало в противоречие с генеральной линией плановой экономики.

Особое значение в развитии теории о пространственном развитии России играло марксистское направление экономической географии, где главным инструментом было районирование, одним из ярких представителей которого являлся ранее упоминаемый Н. Н. Баранский. Среди его работ следует уделить внимание труду «Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана» – первому учебнику по экономической географии, составленному в 1926 г. [5]. В нём учёный излагал идеи экономического районирования в виде синтеза хозяйственно-производственных объединений, природных факторов и зависимости расселения, торгово-транспортной сети и т. д. Благодаря такому видению была сформирована т. н. районная школа Н. Н. Баранского, что в дальнейшем сыграло немаловажную роль в эволюции подходов к территориальным исследованиям. Устоявшиеся к тому времени описательно-статистические методы были подвергнуты критике, а взамен предложена более широкая методология, которая имела прикладной характер.

В рамках первого пятилетнего плана развития 1928–1932 гг. была разработана программа социально-экономических изменений, внутри которой было предусмотрено экономическое районирование. Авторство данного раздела принадлежит Л. Л. Никитину, который разработал предварительную схему разделения труда по географическому признаку, а именно на основе районирования.

В силу комплекса факторов, уже к 1940-м гг. интерес к районному принципу организации территориального хозяйства снизился, что было отмечено учёными. Так, Н. Н. Колосовский писал, что к моменту второй пятилетки значительно снизился спрос к территориальному принципу размещения производственных сил [11]. В связи с этим, по мнению учёного, уменьшился и объём теоретических разработок в сфере экономико-географического пространства.

Параллельно с существовавшей проблемой теоретической стагнации выходили труды, опровергавшие или критиковавшие теоретические подходы западной идеологии. В тот период выходят работы, посвящённые размещению и развитию энергетической промышленности. Среди них важно отметить монографию «Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР», написанную в 1939 г. А. Е. Пробстом. Вместе с этим продолжали выходить работы очевидно «районного подхода» – Г. Н. Черданцева, М. И. Помуса, Н. Н. Баранского.

В период Великой Отечественной войны все разработки и методики географических наук были сконцентрированы на военных нуждах государства. Большая часть хозяйства и промышленности была централизована и возможность экономического и отраслевого районирования была сведена к минимуму. В годы войны формировалось поколение географов-практиков, которые становились таковыми благодаря своей трудовой деятельности. Среди них отметим А. Н. Лаврищева, работавшего ещё в довоенные годы в Госплане СССР; ранее упоминаемый Н. Н. Колосовский и его труд «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» [16]; В. Ф. Васютина, также работавшего в Госплане, под чьим руководством был разработан фундаментальный сборник с информацией о военно-географических данных территорий Советского Союза.

Близкими по содержанию оказались и труды других учёных, которые занимались исследованием и систематизацией теоретических и практических представлений о территории России. Так, можно отметить работы М. С. Розина, К. М. Попова, Л. Л. Никитина, которые в значительной степени способствовали разработке методологического аппарата географической науки. Ранее упоминаемый Л. Л. Никитин был причастен к разведывательно-экспедиционной работе Совета по исследованию производственных сил, а позже работал в Институте географии АН СССР. Также существенное влияние на развитие идей и представлений о территории России оказали учёные-географы, которые непосредственно являлись участниками боевых действий, – Д. И. Богорад, И. Ф. Мукомель, Л. Я. Зиман, В. В. Покишевский, В. Г. Давидович, Ю. Г. Саушкин, А. М. Колотиевский и др. [7, с. 295]. Важно отметить, что многие представители науки, занимавшиеся изучением проблем пространственного развития в предвоенные годы, а также в период войны, были в основном практиками и не все имели географическое образование, однако и род профессиональной деятельности способствовал формированию научной школы, а, следовательно, наработке объёма теоретического материала.

В послевоенный период произошло переосмысление идей о пространстве и территориальном принципе разделения труда. Н. А. Вознесенский подверг анализу структуру распределения отраслевого производства. В своей работе «Военная экономика СССР в период Отечественной

войны» учёный изложил основные тенденции организации производства и взаимозависимых хозяйственных сфер, соотнёс темпы развития и территориальные аспекты промышленности.

Особые усилия в развитии советской географической школы прилагали представители Института экономики РАН СССР. Я. Г. Фейгин в своей работе «Размещение производственных сил СССР» затронул проблему централизационного принципа организации производства. Под его руководством была разработана схема развития и освоения Дальнего Востока. В 1954 г. Я. Г. Фейгин издаёт ещё один труд – «Размещение производства при капитализме и социализме», который в дальнейшем широко обсуждался и являлся основанием для дальнейших научных изысканий [28]. Позже учёный обобщает свои идеи в работе «Особенности и факторы размещения отраслей народного хозяйства СССР», где он проводит анализ характера размещения отраслей промышленности в зависимости от экономических районов и прочих условий.

Схожую работу проводил П. Н. Степанов, который также уделял внимание территориальному принципу организации производства. Так, в 1961 г. выходит его труд «География тяжелой промышленности СССР». Параллельно выходит работа А. Е. Пробста «Размещение социалистической промышленности», в то время как автор являлся сотрудником СОПСа на протяжении долгого времени [24]. Подобный синтез теории и практики сыграл важную роль в организации и развитии пространства Советской России. Книга учёного стала фундаментальным основанием для проведения исследований в сфере экономического и энергетического районирования, территориальных принципов организации производства, инфраструктуры и торговых сообщений.

К 60-м гг. XX в. закладываются основы городской географии и географии населения. В данном направлении широкое распространение получили работы, посвящённые принципам и теоретическим основаниям градостроительства и развития инфраструктуры. Таким образом, к представлениям о пространственном развитии добавляются наработки в сфере городской и транспортной модернизации. Здесь можно отметить труды Р. М. Кабо, К. И. Спидченко и Л. Е. Иофа [13–15]. В этот же период в работах В. В. Локишевского, В. Г. Давидовича, Н. И. Ляликова активно проводятся исследования по вопросам миграции и расселения народов в зависимости от территориального распределения производства.

К середине 60-х – началу 70-х гг. советское правительство предприняло попытку диверсифицировать управление хозяйством, учитывая территориальный критерий и схему экономических районов. В связи с этим академическое сообщество было активизировано «сверху», целью чего являлось теоретическое обоснование принимаемых решений. Так, в очередной раз проблематике районирования и территориального развития были посвящены работы П. М. Алампиева, В. В. Кистанова, Л. Н. Телепко, В. М. Четыркина, Э. Б. Алаева и др. [1]. Тем не менее, реализация идеи экономического районирования не заручилась успехом, а централизация управления народным хозяйством лишь укрепилась, в связи с чем все теоретические объяснения остались востребованными лишь в академических кругах. Параллельно с этим развивалось направление территориального планирования, которое касалось в первую очередь организации народного хозяйства. Данный вопрос уже имел скорее мультидисциплинарный характер, однако наибольшее внимание к нему концентрировалось в географических и экономических науках. Среди исследователей, посвятивших свои работы вопросу территориального принципа распределения производства, можно отметить М. Б. Мазанову, В. Ф. Павленко, Е. Г. Анимица, В. В. Кистанова, М. Д. Шарыгина, О. А. Кибальчича [19]. Учёные отмечали, что темпы развития территорий напрямую и косвенно могут зависеть от качества организации территориального планирования и распределения отраслевого производства.

Сложившееся направление ещё в послевоенные годы по изучению территориально-производственного комплекса вновь приобрело популярность в академических и административных кругах. Вопросами теоретико-методологического обоснования занимались М. К. Бандман, Е. Д. Силаев, М. Д. Шарыгин и др. [3]. Благодаря широкому распространению теоретических представлений, ТПК имел практическое применение при территориальном планировании.

Одним из других важнейших направлений исследования пространства и территориального развития в 70–80-е гг. XX в. было изучение территориального принципа организации производства. Данным вопросом занимался А. Т. Хрущев, который писал о том, что территориально-производственный способ организации промышленности закономерен и проявляется в виде создания и функционирования промышленных групп и комплексов.

Для выявления основных тенденций истории изучения пространственного развития в советский период необходимо упомянуть и об эволюции подходов в исследовании транспортной

составляющей страны. Транспортное направление территориального развития и экономического районирования являлось объектом исследования И. И. Белоусова и И. В. Никольского, В. С. Варламова, Н. Н. Казанского и др. [6]. Исследователи писали о концепции единой транспортной системы, при помощи которой можно было бы оценить возможности производства и доступность к разным территориям. Данная концепция должна была предложить равносильное и равномерно распределённое развитие транспортной инфраструктуры по всей территории страны.

К 80-м гг. XX в. расширение географо-экономического направления позволило охватить более широкий круг вопросов, связанный с пространственным развитием. К этому периоду формируются география населения и обслуживания (В. В. Покшишевский), география городов и планирования (В. Г. Давидович), социально-экономическая география как науки, сумма которых позволяла комплексно подойти к изучению пространства и тенденций его развития в России.

Заключительным, но не последним по значению, направлением в изучении пространственного развития России в советский период является исследования в сфере освоения целины. Особая актуальность в изучении и освоении целинных земель появилась ещё в 50-е гг. XX в., когда в послевоенное время того требовали экономические показатели. Однако по сельскохозяйственным нуждам данный вопрос поднимался намного ранее, ещё в довоенное время. Так, Н. И. Вавилов, Н. М. Тулайков активно высказывались о необходимости освоения новых земель [8]. В довоенное время основной упор в поднятии целины делался по сельскохозяйственному спросу. Тем не менее, длительные обсуждения и вычисления целесообразности затянули данный процесс, и реальные действия по освоению целины пришлось только на 1950-е гг. Но даже в это время эксперты и исследователи сталкивались с идеологическим фактором, и им приходилось «создавать» только положительные оценки освоения целинных территорий. В силу слабой прикладной проработки все исследования вынуждены были проводиться на основе документов и постановлений, принимаемых в комитетах и руководящих органах. Первые работы по изучению территорий были посвящены Казахстану и Алтаю, практически отсутствовали научные наблюдения по южноуральским землям.

Одним из первых, кто затронул проблему освоения целины не только с точки зрения АПК, но и с позиций культурно-бытового приспособления целинников, а также увеличения доступности к освоенным территориям, был Ю. В. Арутюнян [2, с. 55]. К подобным заключениям присоединился и И. Г. Ткаченко, который писал о проблемах приспособления целинников. Одной из главных проблем освоения целинных земель учёный называл отсутствие должных условий для закрепления на новых землях первого поколения целинников.

К концу 1970-х г. формируется новый круг проблем, который и способствует появлению новой волны исследовательских работ по освоению целины. Среди них можно отметить В. И. Куликова, который в своих работах описывал ключевые проблемы освоения новых территорий, причиной которых являлись социально-культурные, а также административные сложности.

Актуализация проблем освоения целинных и залежных земель осуществлялась скачкообразно. Определённая часть работ посвящалась проблемам организации совхозов, инфраструктур, а также экономической целесообразности поднятия целины [18].

Политические и экономические аспекты освоения целины, а точнее – их анализ, проводится в работе И. Е. Зеленина, которая была посвящена аграрной политике периода «оттепели». Также автор рассматривал реализацию постановлений и директив, принимаемых на высших уровнях.

Изучение проблем освоения целины можно поделить на две группы: социально-бытовые проблемы целинников и политико-хозяйственные вопросы и последствия освоения целины. По второй группе проблем большая часть работ выходила в 1980-е гг., когда вопрос целины был менее идеологизирован, что позволяло авторам и экспертам оценить целесообразность и последствия. Например, под руководством В. И. Гончарова выходит коллективный труд, в котором автор указывает на серьёзную экономическую проблему Центрального региона России из-за того, что все силы государства брошены на поднятие целины [10, с. 132]. В ряде других работ того же времени внимание акцентируется на проблемах реальной эффективности проводимой политики на целинных землях, а также экологических последствиях, вызванных опустошительной сельскохозяйственной деятельностью.

Подводя итог, отметим, что большая часть исследований по пространственному развитию России конца XIX–XX вв. опирается на географические и экономические науки, которые могли объяснить процессы того времени. Вместе с этим, постоянные методологические изменения вынуждали учёных пересматривать и своё понимание к определению понятия

пространства. Тем не менее, большая часть работ была посвящена развитию промышленно-производственного кластера экономики, за которой уже следовало изучение остальных факторов развития территорий. Ко второй половине XX в. подход был расширен, в изучение проблем развития пространства добавились параллельные параметры изучения, которые могли и не находиться в прямой зависимости друг от друга. Теоретико-методологические представления о пространственном развитии России в период Советского Союза и после его распада сохранили свою актуальность, но требовали значительного пересмотра.

Список литературы

1. Алампиев, П. М. Экономическое районирование СССР / П. М. Алампиев. – Москва : Госпланиздат, 1959.
2. Арутюнян, Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг.: формирование кадров массовой квалификации / Ю. В. Арутюнян. – Москва : Академия наук СССР, 1960. – 341 с.
3. Бандман, М. К. Подход и основные этапы решения задачи специализации формирования территориально-производственных комплексов / М. К. Бандман. – Новосибирск : Ин-т экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, 1971. – 338 с.
4. Баранский, Н. Н. Экономическая география СССР / Н. Н. Баранский. – Москва : Просвещение, 1965. – 663 с.
5. Баранский, Н. Н. Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана / Н. Н. Баранский. – Москва, 1926.
6. Белоусов, И. И. Основы изучения об экономическом районировании / И. И. Белоусов. – Москва : Московский гос. ун-т, 1976. – 320 с.
7. Богорад, Д. И. Конструктивная география района / Д. И. Богорад. – Москва : Мысль, 1965. – 407 с.
8. Вавилов, Н. И. Организация сельскохозяйственной науки в СССР: избранные статьи и выступления / Н. И. Вавилов. – Москва : Агропромиздат, 1987. – 384 с.
9. Вальская, Б. А. Об экономико-географическом изучении России статистическим отделением Министерства внутренних дел в 1835–1852 гг. / Б. А. Вальская // Вопросы географии. Экономическая география. – 1951. – № 27. – С. 294–317.
10. Гончаров, В. И. Нечерноземная целина России / В. И. Гончаров. – Москва : Просвещение, 1977. – 191 с.
11. Демьяненко, А. Н. Краткий очерк жизни и творчества Н. Н. Колосовского / А. Н. Демьяненко // Пространственная экономика. – 2009. – № 1. – С. 124–133.
12. Заорская-Александрова, В. В. Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв. / В. В. Заорская-Александрова, Л. Л. Никитин. – Москва : Просвещение, 1957.
13. Кабо, Р. М. Города Западной Сибири / Р. М. Кабо. – Москва : Географическая литература, 1949. – 217 с.
14. Спидченко, К. И. Города Кузбасса. Экономико-географический очерк / К. И. Спидченко. – Москва : Географгиз, 1947. – 148 с.
15. Иоф, Л. Е. Города Урала / Л. Е. Иоф. – Москва : Географгиз, 1951. – 422 с.
16. Колосовский, Н. Н. Избранные труды / Н. Н. Колосовский. – Смоленск : Ойкумена, 2006. – 336 с.
17. Кольцов, А. В. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914–1918 гг. / А. В. Кольцов // Вопросы истории естествознания и техники. – 1999. – № 2. – С. 128–139.
18. Кузнецова, О. В. Историографический анализ проблем повседневной истории целины / О. В. Кузнецова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 69–74.
19. Мазанова, М. Б. Территориальные пропорции народного хозяйства СССР / М. Б. Мазанова. – Москва : Наука, 1974. – 206 с.
20. Меерович, М. Г. Градостроительная доктрина России. Исторические предпосылки / М. Г. Меерович // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2003. – № 1. – С. 116–123.
21. Морев, Д. Д. Очерк коммерческой географии и хозяйственной статистики России сравнительно с другими государствами / Д. Д. Морев. – 7-е изд., испр., доп. Санкт-Петербург, 1910. – 326 с.
22. Носкова, О. Л. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России под руководством в. И. Вернадского / О. Л. Носкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – № 3. – С. 33–36.
23. Плисецкий, Е. Л. Региональная экономика / Е. Л. Плисецкий, И. Л. Черкасов. – Москва, 2014. – 583 с.
24. Пробст, А. Е. Размещение социалистической промышленности / А. Е. Пробст. – Москва : Экономиздат, 1962. – 340 с.
25. Семенов-Тянь-Шанский, П. П. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России / П. П. Семенов-Тянь-Шанский. – Санкт-Петербург, 1880–1884. – Вып. 1, 2, 4, 5.
26. Семенов-Тянь-Шанский, П. П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / П. П. Семенов-Тянь-Шанский. – Санкт-Петербург, 1914.
27. Соболев, М. Н. Коммерческая география России. Очерк хозяйственной статистики России сравнительно с иностранными государствами / М. Н. Соболев. – Москва, 1913. – 226 с.
28. Фейгин, Я. Г. Размещение производства при капитализме и социализме / Я. Г. Фейгин. – Москва : Госполитиздат, 1954. – 552 с.
29. Фрадкин, Н. Г. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. / Н. Г. Фрадкин. – Москва : Географгиз, 1953. – 226 с.
30. Чевакинский, А. И. Коммерческая география России: сравнительное обозрение с главнейшими государствами мира / А. И. Чевакинский. – Санкт-Петербург, 1909. – 198 с.

References

1. Alampiev P. M. *Ekonomicheskoe rayonirovanie SSSR* [Economic zoning of USSR]. Moscow, Gosplanizdat Publ., 1959.
2. Arutyunyan Yu. V. *Mekhanizatory selskogo khozyaystva SSSR v 1929–1957 gg.: formirovanie kadrov massovoy kvalifikatsii* [Machinists of USSR's agriculture in 1929–1957: forming of mass qualification for staff]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1960, 341 p.
3. Bandman M. K. *Podkhod i osnovnye etapy resheniya zadachi spetsializatsii formirovaniya territorialno-proizvodstvennykh kompleksov* [Main approaches and periods of solving tasks for specialization of forming territorial production complex]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS Publ., 1971, 338 p.
4. Baranskiy N. N. *Ekonomicheskaya geografiya SSSR* [Economic geography of USSR]. Moscow, Prosveshenie Publ., 1965, 663 p.
5. Baranskiy N. N. *Ekonomicheskaya geografiya SSSR. Obzor po oblastyam Gosplana* [Economic geography of USSR. Particular review of the Gosplan]. Moscow, 1926.
6. Belousov I. I. *Osnovy izucheniya ob ekonomicheskoy rayonirovani* [Basics of researching economic zoning]. Moscow, Moscow State University Publ., 1976, 320 p.
7. Bogorad D. I. *Konstruktivnaya geografiya rayona* [Constructive geography of district]. Moscow, Misl, 1965, 407 p.
8. Vavilov N. I. *Organizatsiya selskokhozyaystvennoy nauki v SSSR: izbrannye stati i vystupleniya* [Organization of agricultural science in USSR: selected publications and public speeches]. Moscow, Agropromizdat Publ., 1987, 384 p.
9. Valskaya B. A. *Ob ekonomiko-geograficheskoy izucheni Rossii statisticheskimi otdeleniyami Ministerstva vnutrennykh del v 1835–1852 gg.* [To an issue of economic and geographical investigation of Russia by the Ministry of Inner Affairs in 1835–1852 years]. *Voprosy geografii. Ekonomicheskaya geografiya* [Geography Issues. Economic Geography], 1951, no. 27, pp. 294–317.
10. Goncharov V. I. *Nechernozemnaya tselina Rossii* [Non-black soil virgin lands of Russia]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, 191 p.
11. Demyanenko A. N. *Kratkiy ocherk zhizni i tvorchestva N. N. Kolosovskogo* [N. N. Kolosovskiy brief biography essay]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Territorial economy], 2009, no. 1, pp. 124–133.
12. Zaorskaya-Aleksandrova V. V., Nikitin L. L. *Otechestvennye ekonomiko-geografy XVIII–XX vv.* [National economic geographers of XVIII–XX cc.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1957.
13. Kabo R. M. *Goroda Zapadnoy Sibiri* [Cities of Western Siberia]. Moscow, Geograficheskaya literatura Publ., 1949, 217 p.
14. Spidchenko K. I. *Goroda Kuzbassa. Ekonomiko-geograficheskiy ocherk* [Cities of Kuzbass. Economic and geographic description]. Moscow, Geographgiz Publ., 1947, 148 p.
15. Iof L. E. *Goroda Urala* [Cities of Ural]. Moscow, Geographgiz Publ., 1951, 422 p.
16. Kolosovskiy N. N. *Izbrannye trudy* [Selected publications]. Smolensk, Oykumena Publ., 2006, 336 p.
17. Koltsov A. V. *Deyatelnost komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditelnykh sil Rossii: 1914–1918 gg.* [Activity of essential production labor research commission in Russia in 1914–1918 yy.]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [History of natural science and techniques], 1999, no. 2, pp. 128–139.
18. Kuznetsova O. V. *Istoriograficheskiy analiz problem povsednevnoy istorii tseliny* [Historiographic analysis of daily history of virgin lands]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Tomsk State University], 2012, no. 356, pp. 69–74.
19. Mazanova M. B. *Territorialnye proporsii narodnogo khozyaystva SSSR* [Territorial proportions of USSR people's household]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 206 p.
20. Meerovich M. G. *Gradostroitel'naya doktrina Rossii. Istoricheskie predposylki* [Town-planning doctrine of Russia. Historic premises]. *Vestnik irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Herald of Irkutsk State Technical University], 2003, no. 1, pp. 116–123.
21. Morev D. D. *Ocherk kommercheskoy geografii i khozyaystvennoy statistiki Rossii sravnitelno s drugimi gosudarstvami* [Essay of commercial geography and household statistics of Russia in comparing with other countries]. St. Petersburg, 1910, 7th ed., 326 p.
22. Noskova O. L. *Deyatelnost komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditelnykh sil Rossii pod rukovodstvom V. I. Vernadskogo* [Activity of essential production labor research commission under V.I. Vernadskiy]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Samara Science Center of Russian Science Academy Papers], 2013, no. 3, pp. 33–36.
23. Plisetskiy E. L., Cherkasov I. L. *Regional'naya ekonomika* [Regional Economy]. Moscow, 2014, 583 p.
24. Probst A. E. *Razmeshchenie sotsialisticheskoy promyshlennosti* [Location of socialistic industry]. Moscow, Ekonomizdat Publ., 1962, 340 p.
25. Semenov-Tyan-Shanskiy P. P. *Statistika pozemelnoy sobstvennosti i naselennykh mest Evropeyskoy Rossii* [Statistics of land property and inhabited areas of European Russia]. St. Petersburg, 1885, iss. 1, 2, 4, 5.
26. Semenov-Tyan-Shanskiy P. P. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisaniye nashego Otechestva* [Russia. Full geographic description of our homeland]. St. Petersburg, 1914.
27. Sobolev M. N. *Kommercheskaya geografiya Rossii. Ocherk khozyaystvennoy statistiki Rossii sravnitelno s inostrannymi gosudarstvami* [Russia Commercial geography. Household statistics of Russia comparing to other countries]. Moscow, 1913, 226 p.

28. Feygin Ya. G. *Razmeshchenie proizvodstva pri kapitalizme i sotsializme* [Location of socialistic and capitalistic industry]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954, 552 p.

29. Fradkin N. G. *Akademik I. I. Lepekhin i ego puteshestviya po Rossii v 1768–1773 gg.* [Academician Lepehin and his journeys across Russia in 1768–1773 yy.]. Moscow, Geographiz Publ., 1953, 226 p.

30. Chevakinskiy A.I. *Kommercheskaya geografiya Rossii: sravnitelnoe obozrenie s glavneyshimi gosudarstvami mira* [Commercial geography of Russia: comparative overlook with main world states]. St. Petersburg, 1909, 198 p.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРИЧИНЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ⁷

Негров Евгений Олегович, кандидат политических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
E-mail: negrov2001@mail.ru

Проведён анализ трансформации дискурса европейской идентичности на протяжении второй половины XX – начала XXI в. Поиск общих закономерностей данного процесса может помочь построить соответствующие модели, применимые к политическим условиям Российской Федерации. В качестве эмпирического материала выбрана ситуация в европейском сообществе, преимущественно в рамках Европейского союза, в настоящее время объединяющего 28 стран. Поскольку идентичность, в том числе и европейская, – не только конструкт, формируемый с разной степенью успешности, но и реальность, объективная данность, выступающая как совокупность характеристик, отличающих в данном конкретном случае европейцев от других, постольку данная тема является не только предметом изучения академического дискурса, но и важной темой, формирующей реальную политическую повестку дня.

Ключевые слова: дискурс, трансформация дискурса, политическая идентичность, европейская идентичность, гражданское общество, электорально значимое большинство, социальный конструктивизм, политические элиты, европейская интеграция, Европейский союз

TRANSFORMATION OF DISCOURSE OF EUROPEAN IDENTITY: CAUSES, PROSPECTS AND LESSONS FOR RUSSIA

Negrov Evgenii O., Ph. D. (Policy), Associate Professor
St. Petersburg State University
build. 1/3, Smolnogo St., St. Petersburg, 191124, Russian Federation
E-mail: negrov2001@mail.ru

The article deals with the analysis of the transformation of the discourse of European identity during the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries. A search for general patterns of this process can help build appropriate models applicable to the political conditions of the Russian Federation. The situation in the European community was chosen as the empirical material, mainly within the framework of the European Union, currently uniting 28 countries. Since identity, including European one, is not only a construct formed with varying degrees of success, but also an objective reality, acting as a set of characteristics that distinguish Europeans from others in this particular case, this topic is not only a subject of study of academic discourse, but also an important topic forming a real political agenda.

Keywords: discourse, transformation of discourse, political identity, European identity, civil society, electorally significant majority, social constructivism, political elites, European integration, European Union

Проведён анализ трансформации дискурса европейской идентичности и поиску общих закономерностей данного процесса, которые могут помочь построить соответствующие модели, применимые к политическим условиям Российской Федерации. Анализ трансформации дискурса об идентичности, могли бы, с нашей точки зрения, быть достаточно полезными и для лиц, принимающих решения в сфере культурной политики (как на уровне законодательной власти, так и на уровне исполнительной, в рамках работы Федерального агентства по делам национальностей) в нашем Отечестве.

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете. (The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund and the Autonomous Non-Profit Organization of Electronic Information Technologies within the framework of the implementation of the scientific project No. 19-011-31616 "State policy in the field of identity formation: conceptual foundations, technologies and prospects" at St. Petersburg State University.)

Надо отметить, что категория политической и гражданской идентичности достаточно хорошо разработана в зарубежной и отечественной науке. В рамках опоры на основные русскоязычные материалы по теме, вышедшие уже в XXI в., следует выделить из новейших исследований труды С. Ю. Белоконова, В. В. Титова и З. Р. Усманова [3], Е. В. Шишкиной, Е. В. Викторова и О. В. Алексеевой [18], а из более ранних, но сохраняющих свою актуальность и релевантность сегодняшней политической обстановке, – С. В. Арапиной [2], М. В. Берендеева [4], О. Ю. Малиновой [8], П. В. Панова [10], В. И. Пантина [11], О. В. Поповой [14; 15], Л. В. Сморгунова [16] и И. Н. Тимофеева [17], а также весьма информативный и содержательный сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции ИМЭМО РАН «Идентичность как предмет политического анализа» [7], изданный в 2010 г., и двухтомник «Политическая идентичность и политика идентичности» [12; 13], вышедший в свет в 2012 г.

Поскольку идентичность, в том числе и европейская, – не только конструкт, формируемый с разной степенью успешности, но и реальность, объективная данность, выступающая как совокупность характеристик, отличающих в данном конкретном случае европейцев от других, постольку данная тема является не только предметом изучения академического дискурса, но и важной темой, формирующей реальную политическую повестку дня. Критерии самих различий самые разные – традиции, культура, образ жизни, система ценностей, общая история, картина мира и т. д. Причём рассматривать всё это следует не в дихотомическом ключе «или – или», а в плане поиска и выявления приоритетов в иерархической системе превалирования тех или иных ценностей.

При всём этом важно зафиксировать разрыв между теорией вопроса об идентичности и его реальным наполнением. Вопрос выработки единых критериев весьма важен, т. к. в публичном пространстве существуют абсолютно разные политические, социальные, экономические, мировоззренческие представления о европейской идентичности. Так, один из архитекторов единого европейского пространства, французский государственный деятель и политик Робер Шуман (1886–1963) считал, что процесс интеграции и создания новой Европы будет долгим и поэтапным мероприятием, на каждом из этапов которого можно будет фиксировать повышение общеевропейской солидарности [20, с. 5]. Очевидно, что процесс реальной интеграции пошёл быстрее, чем предполагали отцы-основатели единого европейского пространства, и по примеру Монголии, которая по известной шутке из феодализма пыталась сразу попасть в социализм, европейская идентичность понимается по разному едва ли не в каждом из 28 государств-членов ЕС.

Не следует забывать, что в основе любого дискурсивного конструкта лежит идеальный концепт, в нашем конкретном случае речь следует вести о концепте единой Европы с точки зрения её идеального устройства. Любая декларация такого рода, будь то официальный общеевропейский документ или манифест конкретной политической силы, отталкивается именно от образа желаемой реальности, а не грубой «прозы жизни». Но здесь кроется парадокс, который и привёл к достаточно ощутимому «поправению» публичной политики и выбора электро-значимого большинства во многих отдельных странах европейского сообщества и, к примеру, на выборах в Европарламент, прошедших в мае 2019 г. В основе идеального будущего лежит представление об идеальных носителях такого будущего и его строителях, т. е. здесь во весь рост встаёт вопрос о «воображаемом сообществе» в его классическом понимании, впервые предложенным Б. Андерсоном (1936–2015) [1].

На практике это означает, что в рамках одного подхода рядовой избиратель на вопрос об истинных ценностях европейца сразу декларирует свободу личности, либеральную экономику, правовое сознание, мультикультурализм и толерантность, в рамках другого – преобладание идеи конкуренции («каждый сам за себя!»), «бремя белого человека», интеллектуальный и экономический снобизм, региональный протекционизм и т. д., в рамках третьего – неприятие идеи государства и наднациональных институтов как таковых, а четвертого и последующих демонстрирует сочетание разных факторов из разных подходов, с точки зрения теории слабо сочетающихся друг с другом или даже взаимоисключающих, но на практике вполне присущих одному сознанию⁸. И точно так же, как и в Библии, можно найти ссылки на противоречащие друг другу нормы жизни, в европейской истории можно найти подтверждение взаимоисключающим и антагонистическим дискурсам. При этом некоторые исследователи, занимающиеся вопросами идентичности,

⁸ Ср., к примеру, с феноменом декларирующих одновременно приверженность коммунистической идеологии и религиозность в нашем Отечестве.

считают, что нет какой-то отдельной, привязанной к географической локации, идентичности, и указывают, что «то, что мы называем европейской, американской или азиатской идентичностью, есть [лишь] порождение дискурса» [4, с. 72].

Как было показано выше, само понятие европейской идентичности амбивалентно, и у неё нет чётко очерченных и консенсусных временных и пространственных критериев, до сих пор существуют разные подходы к самому понятию. Существует точка зрения, согласно которой европейские ценности преобладают там, где большинство населения их разделяет, и сам по себе этот феномен не имеет чёткой географической и пространственной привязки. Поэтому, к примеру, Япония или Ботсвана в политическом смысле может быть намного ближе к европейской идентичности, чем, к примеру, Албания или Румыния. Согласно такому подходу, европейская идентичность, в принципе, может быть не локализована границами, будь то границы «зоны евро», Шенгенского соглашения, Евросоюза или даже европейского субконтинента, а выходить за их рамки по принципу античного афоризма о шатре и Риме, который «всегда с тобой».

При этом следует помнить, что ключевое понятие в реальной идентичности (в отличие от её манифестирования) состоит в следовании (а не в симуляции или имитации) институциональной составляющей «европейскости», а не каким-то внешним маркером, типа моды, архитектуры или уровня потребления. При этом существует чёткое понимание того факта, что, если раньше сам европейский конструкт практически совпадал с ареалом распространения западной версии христианства, то теперь он существенно цивилизационно и пространственно расширился. При этом налицо факт трансформации подходов к концепциям европейской идентичности, в большинстве которых акцент смещается с дискурса единого культурного и цивилизационного пространства на дискурс необходимости быстрого реагирования на внешние стимулы, подчас несущие существенную угрозу самому существованию единого европейского пространства: миграция, Брексит, экономический кризис, организованная преступность, коррупция, фактор крупных государств, идеологически или функционально оппонирующих политике Евросоюза, – Иран, Россия, Турция.

Есть мнение, что институциональная проблема сегодня мешает развитию европейской идентичности, загоняет её в тупик, делая её всё более категорией политического дискурса, нежели практикой. «Для большинства европейских граждан ЕС ничего, кроме абстрактной концепции, не представляет. Многие люди не считают, что система управления ЕС является частью их повседневной жизни, хотя арены вмешательства и политические полномочия ЕС постоянно расширяются» [4, с. 75].

Для того чтобы европейцы ощущали общеевропейскую идентичность, институты Евросоюза должны стать более значимыми и легитимными в глазах рядовых граждан ЕС⁹. Очевидно, что люди не могут искренне участвовать в системе, к которой не чувствуют себя принадлежащими.

Нельзя, на наш взгляд, говорить о европейском самосознании вне осознания носителя такой идентичности собственной принадлежности к Европе, причём не только в географическом, но и социокультурном смысле. Отрицать тот факт, что традиционная идентичность размывается, бессмысленно. Есть объективный процесс перехода одной из форм идентичности в плоскость европейских институтов (Брюсселя), а другой – в средне- и микрорегиональный уровни (Эльзас, Каталония, Швабия, Балтийский регион и т. д.), впоследствии обуславливающих новые связи регионов непосредственно с институтами Евросоюза, минуя национальные правительства.

Трансформация новой идентичности протекает достаточно противоречиво и зачастую парадоксально. В ряде случаев мы можем зафиксировать как усиление национальных и даже националистических движений и практик («Альтернатива» для Германии в ФРГ, «Лига Севера» в Италии, «Фламандский интерес» в Бельгии, «Йоббик» в Венгрии и т. д.), так и стремление части общества к общеевропейской идентификации (Каталония, Шотландия).

Политики, стоящие у истоков создания Евросоюза, не считали задачу формирования общеевропейской идентичности сверхважной и первоочередной. Они считали, как уже отмечалось, что сам процесс создания объединённой Европы будет долгим процессом, состоящим из нескольких этапов, на каждом из которых будут последовательно решаться вопросы создания новой идентичности. На тот момент (середина XX в.) было очевидно, что в рамках одного европейского пространства сосуществуют абсолютно разные исторические, политические, социальные

⁹ Именно в недостатке ощущения такой связи кроется, на наш взгляд, причины феномена Д. Трампа в Соединённых Штатах Америки, В. Зеленского – в Украине, П. Грилло – в Италии и т. п.

и нормативные ценности и подходы и, как следствие, представления о европейской идентичности. Причём изначально одной из фундаментальных основ европейского проекта был тезис идентичности, основанный на отрицании только своей национальной принадлежности.

У тех, кто формировал первоначальный дискурс общеевропейской идентичности, была изначально уверенность в том, что возможно создать универсальную европейскую идентичность, которая будет выше и, в конечном счёте, заменит национальную идентичность. Данные представления сильно коррелируют с представлениями идеологов в нашем Отечестве в начале организации и становления Советского Союза и, шире, формирования понятия «советский народ» параллельно с процессами по созданию и культивированию национально-культурных автономий. Можно выделить два основных тренда в этом вопросе – апеллирование к универсальности европейской цивилизации на всем протяжении ее тысячелетней истории или общность политических принципов и институтов, которые можно создать в рамках одного – двух поколений (китайцы в Сингапуре, две Кореи и т. д.).

Также нельзя не принимать во внимание тот факт, что приоритеты внутри иерархии факторов идентичности трансформируются не только у носителей этой идентичности, адресатов формируемого дискурса, но и адресантов, тех, кто определяет политическую повестку дня. Так, с началом институционально оформляемых интеграционных процессов на первый план вышли экономические и политические факторы, а историко-культурные и цивилизационные стали вторичными. Один из видных сторонников такого подхода, итальянский политолог Фурио Черутти сформулировал это следующим образом: «Политическая идентичность – ансамбль политических ценностей и принципов, которые мы признаём в качестве базиса нашей политической группы... Это акт признания или идентификации объединяет нас в единое Мы» [19].

В европейском публичном дискурсе мейнстримом считается положение о том, что идентичность представляет собой социальный конструкт, тесно связанный с интеграционными процессами. Известнейшие философы и лидеры общественного мнения француз Жак Деррида (1930–2004) и немец Юрген Хабермас (р. 1929) ещё в 2003 г. опубликовали манифест «После войны: возрождение Европы», где писали следующее: «Сегодня нам известно, что многие политические традиции, претендующие на авторитетность под предлогом своей естественности, на самом деле “изобретены”. В противоположность им, та европейская идентичность, что смогла бы возникнуть при свете публичности, была бы сконструированной с самого начала» [6].

Из анализа исторических процессов видно, как именно конструировалась европейская идентичность. Первая Декларация европейской идентичности была подписана девятью первыми странами-членами Евросоюза¹⁰ в декабре 1973 г. Там было зафиксировано, что «несмотря на вражду и конфликты в прошлом, европейские страны имеют общие цели и интересы. Это должно способствовать объединению Европы и созданию общеевропейских институтов. Основными принципами институтов должны быть верховенство прав человека, соблюдение законов и демократия» [Декларация]. Летом 1984 г. на саммите в Фонтенбло (Франция) руководители десяти стран-членов (девять стран, подписавших Декларацию идентичности, и присоединившаяся в 1981 г. Греция) официально провозгласили необходимость усиления европейской идентичности и санкционировали создание рабочей группы, которая должна была разработать дорожную карту по форсированию европейской идентичности и формированию единого внутреннего пространства Европы. Данный проект получил название «Народная Европа» (альтернативный перевод – «Европа народов»). В рамках реализации этой программы были приняты такие конкретные меры, как взаимное признание всеми государствами-членами ЕС дипломов о высшем образовании (1985), введение единого паспорта (1986), принятие единых символов – гимна и флага (1986), то, без чего сегодня невозможно представить единое европейское пространство.

Уже в XXI в. акцент стал делаться на микрополитику. Так, в рамках программы «Европа для граждан» особое внимание уделяется трём направлениям: налаживанию сотрудничества между муниципалитетами европейских стран, поддержке гражданских инициатив и организаций гражданского общества и проведению специальных объединяющих мероприятий – конференций, праздников, событий и т. д.

¹⁰ Первыми шестью странами, стоящими у истоков создания Европейского объединения угля и стали, были Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды и Франция, затем присоединились ещё три страны – Великобритания, Дания и Ирландия.

Крупнейшая европейская социологическая служба «Евробарометр» регулярно проводит и публикует данные опросов населения стран-членов Евросоюза, в том числе по вопросам приоритета их идентичности. К примеру, в 2013 г. только для 32 % респондентов европейская идентичность стояла на первом месте по сравнению с национальной, притом, что 74 % считали себя европейцами и 94 % ставили свою национальную идентичность на первый план [2].

С одной стороны, этнокультурные факторы идентичности (национальность, язык, религиозная принадлежность), представленные в настоящее время в рамках всего пространства Евросоюза, настолько многообразны, что строить европейскую идентичность на их основе невозможно. Скорее верно обратное – этнический фактор деконструирует потенциальное единство, является важным фактором известной дискурсивной дихотомии «Европа наций» против «Единой Европы». Так, несмотря на несомненный примат английского языка как языка международного общения в рамках европейского (да и мирового) пространства, языковая проблема сама по себе никуда не ушла и является важным фактором политической борьбы. Язык занимает существенное место в ходе политической борьбы, т. к. он является весьма и весьма важным фактором идентичности, иногда превалирующим над всеми остальными¹¹. И здесь важную роль играет использование политических и политологических дискурсивных практик в противовес практикам, апеллирующим к цивилизационным и культурным основаниям. Несмотря на то, что политический институциональный дизайн стран-членов Евросоюза весьма разнообразен (президентские и парламентские республики, а также конституционные монархии с разными избирательными системами), и собирание их в единое унифицированное целое представляется утопической и бессмысленной задачей, политическое единство манифестируется не через идеал политической организации того или иного общества в рамках Евросоюза, а идеальными политическими практиками. При этом не стоит забывать, что с момента подписания Договора о создании Евросоюза, в нём до сих пор не решён вопрос легитимности наднациональных структур и их связи с гражданами каждой из стран. Это обстоятельство усиливает позиции евроскептиков, как участвующих «в долгих» (см. кейс того же Брексита – процесса выхода Великобритании из Евросоюза в результате референдума 23 июня 2016 г.), так и более конъюнктурных (направленных на конкретную избирательную кампанию) процессах.

Заканчивая исследование, заметим, что, на наш взгляд, пока на данный момент европейская идентичность в контексте выборов в Европарламент не выходит за рамки дискурса и политической риторики и слабо связана с контекстом реальной повести дня современного мира. Несомненно, что европейская идентичность представляет собой социальный конструкт и формируется с помощью различных государственных и надгосударственных механизмов, основными из которых являются символическая политика, наднациональное гражданство, открытые границы и беспрепятственное передвижение граждан, образовательная и экономическая интеграция. Очевидно, что мы присутствуем в начале долгого процесса, который приведёт к тем или иным последствиям в зависимости от судьбы европейского интеграционного процесса и последствий принимаемых решений. Данный процесс сам по себе может и должен быть весьма поучительным для принимаемых решений в данной сфере в нашем Отечестве, т. к. Россия – государство федеративное и многонациональное – также остро нуждается в закреплении позитивной идентичности, объединяющей страну и поиске консенсусного дискурса на основе компромиссных критериев.

Список литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – Москва : Кучково поле, 2016.
2. Арапина, С. В. Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты) / С. В. Арапина // Алтайская школа политических исследований. – 2013. – Режим доступа: <https://www.ashpi.asu.ru/ic/?p=2232>, свободный. – Заглави с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 24.06.2019).
3. Белоконов, С. Ю. Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века / С. Ю. Белоконов, В. В. Титов, З. Р. Усманов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2019. – № 1, вып. 21. – С. 90–98.
4. Берендеев М. В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? / М. В. Берендеев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Вып. 6. – С. 70–79.

¹¹ См., к примеру, «языковые войны» на территории стран бывшего Советского Союза, где политическая и культурная элита форсирует отказ от русского языка как языка межнационального общения и «языка повседневности», а электорально значимое большинство пассивно сопротивляется этому.

5. Declaration European Identity (Copenhagen, 14 December 1973). – Режим доступа: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf, свободный. – Заглави с экрана. – Яз. англ. (Дата обращения: 27.06.2019).
6. Деррида, Ж. Наше обновление после войны: второе рождение после Европы [манифест] / Ж. Деррида, Ю. Хабермас. – Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2003/6/nashe-obnovlenie-posle-voyny-vtoroe-rozhdenie-evropy#s*, свободный. – Заглави с экрана. – Яз. англ. (Дата доступа: 27.06.2019).
7. Идентичность как предмет политического анализа / редкол.: И. С. Семенов, Л. А. Фадеева, В. В. Лапкин, П. В. Панов. – Москва : Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН, 2011.
8. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // ПОЛИС. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
9. Негров, Е. О. Идеологическая идентичность петербуржцев первого десятилетия XXI века: коллективный портрет / Е. О. Негров // Политэкс. – 2001. – № 2, т. 7. – С. 62–86.
10. Панов, П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка / П. В. Панов. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 230 с.
11. Пантин, В. И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России / В. И. Пантин // Политэкс. – 2011. – № 2, т. 7. – С. 42–51.
12. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. – Москва : РОССПЭН, 2012. – Т. 1. Идентичность как категория политической науки. – 208 с.
13. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. – Москва : РОССПЭН, 2012. – Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – 471 с.
14. Попова, О. В. Европейская vs общегражданская идентичность: противостояние существует? / О. В. Попова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. – 2012. – Вып. 1. – С. 78–84.
15. Попова, О. В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы / О. В. Попова // ПОЛИС. Политические исследования. – 2009. – № 1. – С. 143–157.
16. Сморгун, Л. В. Политическая идентичность и понятие политического. Размышления над прочитанным / Л. В. Сморгун // ПОЛИС. Политические исследования. – 2012. – № 6. – СС. 178–185.
17. Тимофеев, И. Н. Российская политическая идентичность сквозь призму истории / И. Н. Тимофеев // Вестник Московского государственного института международных отношений. – 2010. – № 3. – С. 49–56.
18. Шишкина, Е. В. Интеграционные процессы в ЕС и европейская идентичность / Е. В. Шишкина, Е. В. Викторова, О. В. Алексеева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. экономический ун-т, 2018. – 66 с.
19. Cerutti, F. Towards the Political Identity of the Europeans: An Introduction / F. Cerutti // A Soul for Europe. On the Political and Cultural Identity of the Europeans / ed. by F. Cerutti and E. Rudolph. – Leuven, 2001. – Vol. 1.
20. White, T. R. European Integration, Identity, and National Self Interest: The Enduring Nature of National Identity / T. R. White. – Режим доступа: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=poliscitheses>, свободный. – Заглави с экрана. – Яз. англ. (Дата обращения: 04.07.2019).

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016.
2. Arapina S. V. *Evropeiskaya identichnost': teoriya i praktika (nekotoryye aspekty)* [European identity: theory and practice (some aspects)]. *Altayskaya shkola politicheskikh issledovaniy* [Altai school of political research]. Available at: <http://www.ashpi.asu.ru/ici/?p=2232> (Accessed: 24.06.2019).
3. Belokonev S. Yu, Titov V. V., & Usmanov, Z. R. *Rossiiskaya natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' perez vyzovami 21 veka* [Russian national and state identity in front of challenges of 21st century]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [Herald of Peoples' Friendship University of Russia], 2019, no. 1 (21), iss. 21, pp. 90–98.
4. Berendejev, M. V. "Evropeiskaya identichnost'" segodnya: kategoriya politicheskoy praktiki ili diskursa? ["European identity" today: category of political practice or discourse?]. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta* [Herald of the Baltic University named after I. Kant], 2012, iss. 6, pp. 71–77.
5. Declaration on European Identity. Available at: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (Accessed: 27.06.2019).
6. Derrida J., Habermas Yu. *Nashe obnovenie posle voyny: vtoroe rozhdenie posle Evropy* [Our updating after the war: the second birth after Europe]. Available at: http://www.strana-oz.ru/2003/6/nashe-obnovlenie-posle-voyny-vtoroe-rozhdenie-evropy#s* (Accessed: 27.06.2019).
7. *Identichnost kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a subject of political analysis]. Ed. by I. S. Semenov, L. A. Fadeeva, V. V. Lapkin, P. V. Panov. Moscow, Institute of World Economy and International Relations, RAS Publ., 2011.
8. Malinova, O. Yu. *Simvolicheskaya politika v konstruirvanie makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoy Rossii* [Symbolic policy and constructing of macro political identity in post-Soviet Russia]. *POLIS. Politicheskije issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2010, no. 3, pp. 90–105.
9. Negrov E. O. *Ideologicheskaya identichnost peterburzhcev pervogo desyatiletiya 21 veka* [Ideological identity of Petersburgers of the first decade of the 21st century: collective portrait] *Politeks* [Politeks], 2001, no. 2, vol. 7, pp. 62–86.
10. Panov P. V. *Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poryadka* [Institutes, identities, practices: theoretical model of political order]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011.

11. Pantin V. I. Natsionalno-tsivilizatsionnaya identichnost: spetsifika Rossii [National and civilization identity: specificity of Russia]. *Politeks* [Politeks], 2011, no. 2, vol. 7, pp. 42–51.
12. *Politicheskaya identichnost i politika identichnosti: v 2 tomakh* [Political identity and politics of identity: in 2 vol.]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, vol. 1.
13. *Politicheskaya identichnost i politika identichnosti: v 2 tomakh* [Political identity and politics of identity: in 2 vol.]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, vol. 2.
14. Popova O. V. Evropeyskaya vs obshchegrazdanskaya identichnost: protivostoyaniye sushchestvuet? [European vs civil identity: is there a confrontation?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6* [St. Petersburg State University Herald. Series 6], 2012, iss. 1, pp. 78–84.
15. Popova, O. V. Osobennosti politicheskoy identichnosti v Rossii i stranakh Evropy [Particular qualities of political identity in Russia and countries of Europe]. *POLIS. Politicheskije issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2009, no. 1, pp. 143–157.
16. Smorgunov, L. V. Politicheskaya identichnost' i razmyshleniya nad pročitennym [Political identity and notions of political. Reflections on the read]. *POLIS. Politicheskije issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2012, no. 6, pp. 178–185.
17. Timofeev I. N. Rossiiskaya politicheskaya identichnost cherez prizmu istorii [Russian political identity through prism of history]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnosheniy* [Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations], 2010, no. 3, pp. 49–56.
18. Shishkina E. V., Viktorova E. V., Alekseeva O. V. *Integratsionnye protsessy v ES i evropeiskaya identichnost* [Integration processes on EU and European identity]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2018.
19. Cerutti F. Towards the Political Identity of the Europeans: An Introduction. *A Soul for Europe. On the Political and Cultural Identity of the Europeans*. Ed. by F. Cerutti, E. Rudolph. Leuven, 2001, vol. 1.
20. White T. R. *European Integration, Identity, and National Self Interest: The Enduring Nature of National Identity*. Available at: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=poliscitheses> (Accessed: 04.07.2019).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ ПО ВЫРАБОТКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ¹²

Коргунюк Юрий Григорьевич, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 15/2
E-mail: partinform@mail.ru

Рассмотрен вклад Организации американских государств (ОАГ) в разработку международных избирательных стандартов. Рассматривается деятельность Департамента сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ОАГ по наблюдению за выборами и выработке на его основе соответствующих рекомендаций; созданию на основе этих рекомендаций подробных руководств, касающихся различных аспектов наблюдения за выборами; разработке и регистрации официального Международного избирательного стандарта TS 17582. Проанализированы также характер дискуссии, возникшей в ходе работы над этим стандартом; работа Департамента сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ОАГ по международной аккредитации избирательных органов; проекты ОАГ по содействию странам-участницам в развитии электронных технологий в избирательном процессе и систем регистрации избирателей и т. п. Сделан вывод, что деятельность ОАГ в сфере организации выборов и наблюдения за ними позволяет с полным правом называть ОАГ лабораторией по выработке и обкатке международных стандартов в соответствующей сфере.

Ключевые слова: выборы, подготовка и организация выборов, наблюдение за выборами, избирательные стандарты, стандарт TS 17582, электоральные органы, Организация американских государств, международная аккредитация избирательных органов, регистрация избирателей, электронные технологии в избирательном процессе

ORGANIZATION OF AMERICAN STATES: CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ELECTION STANDARDS

Korgunyuk Yury G., D. Sc. (Policy), Leading Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS
15/2 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation
E-mail: partinform@mail.ru

The article analyses the contribution of the Organization of American States to the development of international electoral standards. It reviews activity of the Department of Electoral Cooperation and Observation (DECO / OAS) in the field of electoral observation and making recommendations on this basis; creating detailed manuals on the basis of these recommendations; development and registration of the official International Electoral Standard TS 17582. The article inspects the character of the discussion during the work on the standard; activity of DECO in the field of international accreditation of electoral bodies; its technical cooperation projects related to electoral registration and electoral technologies. It is concluded that the activity of OAS in the field of electoral cooperation and observation allows to call it the real laboratory for the development and running-in of international electoral standards.

Keywords: elections, preparation and organization of elections, electoral observation, electoral standards, standard TS 17582, electoral bodies, Organization of American States, international electoral accreditation, electoral registration, electoral technology, electronic technologies in the electoral process

Выборы – неотъемлемый элемент демократии. Вместе с тем выработка стандартов их проведения – дело долгое и трудное. Они вырабатываются на протяжении десятилетий и даже столетий, учитывая в том числе негативный опыт, в ходе которого правителям и бизнес-элитам заставляли электоральные институты работать не на благо общества, а в угоду своим узким интересам.

В России в силу понятных причин больше принято ориентироваться на европейский опыт, однако существует ещё один регион, успевший стать своеобразной лабораторией по выработке и обкатке стандартов подготовки и проведения выборов. Речь идёт прежде всего об американском континенте, а ещё точнее – о странах, объединённых в рамках Организации американских государств (ОАГ). Создание этой старейшей в мире региональной неправительственной организации восходит к I Международной конференции американских государств

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00484. (The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of a scientific project. No. 19-011-00484.)

(Вашингтон, США, октябрь 1889 – апрель 1890 г.), но в нынешнем виде она существует с момента подписания устава ОАГ (Богота, Колумбия, 1948). В настоящий момент в организацию входит 35 государств. Её целью заявлено обеспечение мира и справедливости в отношениях между американскими государствами, укрепление их сотрудничества, защита суверенитета, независимости и территориальной целостности [3].

С начала 1960-х гг. в составе руководящих органов ОАГ действует Департамент сотрудничества и наблюдения в сфере выборов (DECO – Department of Electoral Cooperation and Observation). Начиная с 1962 г. он провёл наблюдения на 246 выборах в 27 государствах, задействовав более десятка тысяч международных наблюдателей [6]. Причём начиная с 2016 г. наблюдения за выборами проводятся и в Соединённых Штатах Америки¹³. И здесь наблюдателям ОАГ нашлось что порекомендовать: всего по итогам ноябрьских выборов в США выработано 10 рекомендаций, пять из которых касались организации выборов (создать механизмы по совершенствованию методов досрочного голосования; сделать день выборов выходным в каждом из штатов; увеличить число участков для голосования во избежание долгих очередей; подчинить голосование граждан США, проживающих за рубежом, правилам, действующим на территории «родных» для них штатов; унифицировать правила регистрации избирателей в различных штатах); три – политической и правовой системы (унифицировать систему коллегий выборщиков в разных штатах; передать полномочия по разграничению электоральных округов независимым комиссиям; отменить действующие в ряде штатов ограничения прав избирателей), по одной – гендерных и финансовых аспектов избирательного процесса (предпринять меры по увеличению числа женщин среди кандидатов на выборные должности и выработать законы, повышающие прозрачность финансирования избирательных кампаний кандидатов из внешних источников) [8].

На основе опыта подобных рекомендаций Департамент сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ОАГ разработал семь подробных руководств, касающихся различных аспектов наблюдения за выборами: системы правосудия в электоральной сфере (2006) [18]; методологии наблюдения за выборами (2007) [15], использования избирательных технологий (2010) [20], мониторинга масс-медиа (2011) [14], политического финансирования выборов (2012) [19], внедрения гендерных принципов в деятельность наблюдательных миссий ОАГ (2013) [11], участия в выборах населения коренного и африканского происхождения¹⁴ (2015) [13]. В общий ряд встраивается и руководство, касающееся всех аспектов наблюдения за выборами (2008) [12]. Все эти документы отличает скрупулёзность и стремление к максимальной точности. Они близки по структуре, хотя содержат и ряд отличий. Практически каждое руководство начинается с изложения концепции и методологии, а также описания источников информации, используемых в соответствующей сфере. Часто имеются подробные глоссарии и библиография, а также обширные приложения. Практически все руководства снабжены краткими, но ёмкими заключениями.

В качестве образца рассмотрим структуру руководства «Методы наблюдения за выборами» [15]. Оно начинается с краткого вступления, в котором издание обосновывается в том числе необходимостью институционализации и стандартизации практики наблюдения за выборами [15, р. 6]. Далее идёт глава, излагающая концепцию демократических выборов как одного из воплощений фундаментальных прав человека [15, р. 7–9]. В следующей главе рассматриваются основные источники информации, используемые наблюдательными миссиями для измерения степени демократичности выборов, – анкеты, заполняемые на избирательных участках в день голосования, и лист индикаторов избирательного процесса. Оба документа должны заполняться заранее подготовленными специалистами [15, р. 10–11].

В четвёртой главе приводится и комментируется анкета для заполнения на избирательных участках в день голосования, а также подробно расписываются процесс подготовки к соответствующим действиям наблюдателей и сотрудников информационного и компьютерного центров, равно как процесс введения данных, их обработки и презентации [15, р. 12–19].

Пятая глава содержит руководство по сбору информации для проставления индикаторов, излагает обязанности специалиста, ответственного за оценку этих индикаторов, а также основные этапы его работы [15, р. 20–25].

¹³ До этого США и Канада выступали исключительно в качестве организаторов и спонсоров мероприятий по наблюдению и сотрудничеству в сфере выборов.

¹⁴ Разработку последнего документа Департамент сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ставит себе в особую заслугу [5].

В кратком заключении резюмируется, что изложенная в руководстве методология отвечает требованию ст. 24 Межамериканской демократической хартии (2011) об объективном, беспристрастном и прозрачном характере деятельности миссий ОАГ по наблюдению за выборами; что она направлена на систематизацию практики наблюдения за выборами и стандартизацию информации, собираемой миссиями; что эта методология обеспечивает количественные и качественные результаты, которые позволяют формировать итоговые отчёты, основанные на информации из первых рук и при этом ставящие своей целью систематизировать и стандартизировать работу наблюдательных миссий. «Другими словами, – делается вывод, – эти результаты создают надёжную базу для всесторонней оценки избирательного процесса, выявления сильных и слабых его сторон и выработки соответствующих рекомендаций. В общем и целом рассматриваемые в руководстве методы направлены на профессионализацию и стандартизацию наблюдения за выборами и повышение доверия к работе ОАГ в этой сфере» [15, р. 26].

Руководство включает также три приложения. Первое из них излагает критерии (точнее – нормы основополагающих документов ОАГ), которыми должны руководствоваться наблюдательные миссии [15, р. 27–29]; второе – список задач специалиста, ответственного за заполнение анкеты на избирательных участках в день голосования [15, р. 30–31]; третье – глоссарий [15, р. 32–36].

Ещё одним результатом работы по стандартизации рекомендаций наблюдательных миссий стала разработка и регистрация официального Международного избирательного стандарта TS 17582:2014 [21]. Дело в том, что международные избирательные стандарты не могут носить обязательного характера, в лучшем случае – рекомендательный. Обычно они оформляются как рекомендации ООН, но Организация американских государств в сотрудничестве с Венецианской комиссией Совета Европы (официально – Европейская комиссия за демократию через право) решила пойти другим путём и оформить свои рекомендации в виде Международного организационного стандарта, зарегистрированного Международной организацией по стандартизации (International Organization for Standardization, ISO).

Международные организационные стандарты также не имеют обязательного характера, но являются своего рода знаком качества: следование им призвано свидетельствовать о высочайшем уровне требовательности к качеству управления. Как было написано в пресс-релизе ОАГ по итогам утверждения TS 17582:2014, электоральные органы, взявшие обязательство руководствоваться стандартом, получают массу преимуществ, поскольку он «обеспечивает высокие стандарты организации, эффективности и управления на протяжении всего избирательного цикла», равно как «гибкую структуру, поощряющую постоянное совершенствование электорального управления с целью адекватного реагирования на различные вызовы, связанные с организацией выборов». Сертифицируясь в соответствии со стандартом, говорилось в пресс-релизе, «электоральные органы публично заявляют о своей приверженности принципу прозрачности выборов, укрепляя тем самым общественное доверие к себе и своей деятельности» [17].

Международные организационные стандарты являются своего рода интеллектуальной собственностью ИСО, они предоставляются в пользование только за деньги, причём только юридическим лицам. Вместе с тем, стандарт TS 17582:2014 можно обнаружить в свободном доступе на сайте Европейского центра поддержки выборов (<http://www.eces.eu>), заплатившим, по всей видимости, Международной организации по стандартизации за такую возможность.

Стандарт определяет требования к восьми стадиям (аспектам) избирательного процесса: 1) регистрация избирателей; 2) регистрация политических организаций и кандидатов; 3) «электоральная логистика»; 4) голосование на избирательном участке; 5) подсчёт голосов и объявление результатов; 6) электоральное образование; 7) надзор за финансированием избирательной кампании; 8) разрешение избирательных споров.

Стандарт TS 17582:2014 предусматривает систему сертификации электоральных органов (в политической науке их обычно называют Electoral Management Body, EMB), соответствующих требованиям, которые изложены в указанных пунктах. Кроме того, в стандарте приведён подробный словарь терминов, связанных с организацией и проведением выборов, в том числе с качеством систем электорального управления, электоральной инфраструктурой и логистикой и собственно голосованием избирателей [17, с. 3–6].

Согласование документа шло трудно и сопровождалось затяжными спорами и дискуссиями. Хроника этого процесса подробно описана в информационной записке Венецианской комиссии [2].

Всех этих споров, вероятно, можно было бы избежать, не обратись Организация американских государств в начале 2013 г. с предложением о сотрудничестве к европейским государствам, в частности, к Венецианской комиссии. Но ОАГ, судя по всему, очень важно было заручиться авторитетом европейского сообщества, чей голос в вопросах, связанных с соблюдением принципов демократии в электоральных процессах, звучит гораздо весомее, чем его собственный.

Своим представителем в международной рабочей группе экспертов по разработке стандарта TS 17582 Венецианская комиссия назначила председателя Федерального избирательного суда Мексики Марию дель Кармен Аланис Фигуэйра. На рабочем заседании в Доминиканской Республике в апреле 2013 г. группа обсудила и одобрила 162 замечания к проекту документа, разослав их всем заинтересованным сторонам. Чтобы быть принятым как международный стандарт, доработанный проект должен был быть одобрен 75 % членов (электоральных органов), участвующих в обсуждении. Однако в ходе голосования 2 ноября 2013 г. он заручился поддержкой только 68 %. На собрании 6–7 ноября 2013 г. в Порто (Португалия) рабочая группа большинством в две трети голосов рекомендовала в течение 30 дней провести голосование по одобрению проекта как технической спецификации, обсудив 242 замечания, выдвинутые проголосовавшими против, и одно, выдвинутое Венецианской комиссией [2, р. 1, 3].

Позиция Венецианской комиссии заключалась, в частности, в необходимости провести более четкое разделение между органами, занимающимися подготовкой и проведением выборов, и органами, занимающимися разрешением споров, возникающих в ходе выборов. Кроме того, она настаивала на обязательной законной силе решений, принимаемых по итогам этих споров [2, р. 2]. Против введения разграничения между двумя видами электоральных органов – административных и разрешающих споры – выступали, в частности, США и Германия. США и Нидерланды, кроме того, выступали за исключение из стандарта норм о надзоре за финансированием избирательных кампаний [2, р. 4].

В ходе голосования 19 января 2014 г. из 72 стран проект стандарта поддержали 42 участника, против высказались 16, воздержались – 13. Среди европейских стран, проголосовавших против, были Австрия, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Норвегия, Словения, Швейцария, Великобритания; к ним присоединились Аргентина, Бразилия, Австралия, Израиль, Новая Зеландия и ЮАР. Среди воздержавшихся Европу представляли Бельгия, Чехия, Ирландия, Португалия, Румыния, Испания, Турция; с ними солидаризовались Ботсвана, Китай, Иран, Маврикий, Сингапур и США [2, р. 5]. Как видим, не поддержали проект только три страны ОАГ – Аргентина, Бразилия и США.

В ходе обсуждения проекта основная оппозиция исходила от европейских стран, главными причинами беспокойства которых были угроза конфликта документа с устоявшимися в этих государствах практиками и вообще несоответствие уже существующему законодательству [2, р. 5].

Поскольку в информационной записке Венецианской комиссии не прописаны подробно пункты разногласий между участниками обсуждения (ясно лишь, что среди них были вопрос о разделении электоральных органов на административные и разрешающие споры, а также о надзоре за финансированием избирательных кампаний), о содержании большинства из них остаётся только догадываться. Но можно предположить, что главными противостоящими сторонами были страны Европы и Латинской Америки.

В Европе электоральные органы складывались исторически, на протяжении столетий, и более-менее успешно справлялись со своими задачами даже в условиях монархий. В странах Латинской Америки, которые с момента объявления независимости провозгласили себя республиками (исключение составила Бразилия, которая в 1822–1889 гг. существовала в форме империи), электоральные органы с самого начала были подмяты властными и бизнес-элитами и выражали волю скорее последних, чем избирателей. Поэтому для них задача детальной регламентации деятельности избирательных комиссий была гораздо более актуальной, чем для европейских стран: таким образом страны Латинской Америки пытались решить проблему обеспечения честного и свободного характера выборов.

Не отрицая пользы подобной регламентации, необходимо вместе с тем признать, что её эффективность отнюдь не безгранична. Как отмечено в литературе, регламентация деятельности избирательных комиссий – лишь один из факторов обеспечения качества выборов, не меньшую роль играет характер политического режима, поскольку авторитарной власти вполне под силу подчинить своей воле любой электоральный орган, сколь регламентированной ни была бы его деятельность [16].

Мало помогает здесь и предоставление избирательным органам независимого от всех трёх ветвей власти статуса. Подобная модель стала сейчас едва ли не обязательной для новых демократий, но отнюдь не является самой популярной в странах «старой» демократии. Как отмечает Н. В. Гришин, никаких доказательств эффективности этой модели до сих пор не предоставлено: «Она применяется почти во всех авторитарных странах и способствует не столько улучшению качества выборов, сколько их легитимации. Едва ли она улучшит избирательный процесс в странах западной демократии, которым она на современном этапе навязывается» [1, с. 43]. Можно согласиться с Н. Керром, призывающим различать формальную автономию и реальную институциональную дееспособность (capacity) избирательных органов [9] (последняя может быть в наличии и при отсутствии первой, равно как и наоборот).

Так или иначе, 14 февраля 2014 г. стандарт TS 17582 был опубликован, и практически сразу несколько латиноамериканских стран, в первую очередь Эквадор и Перу, приступили к приведению своего законодательства в соответствие с ним [2, р. 6].

15 мая 2014 г. Генеральный секретариат Организации американских государств издал указ о создании в рамках Департамента сотрудничества и наблюдения в сфере выборов специального органа – Бюро международной аккредитации избирательных органов (International Electoral Accreditation Body, IEAB), в обязанности которому было поставлена выдача электоральным органам стран-членов ОАГ сертификатов об их соответствии требованиям международных организационных стандартов, т. е. прежде всего TS 17582 [3].

Любой избирательный орган стран-членов ОАГ может пройти сертификацию, подав заявку на сайте IEAB (<https://www.oas-ieab.org/index.php>). Сертификация осуществляется органами оценки соответствия (conformance assessment bodies, CAB), которые, в свою очередь, наделяются соответствующими правами в Бюро международной аккредитации [3, с. 4].

Работа по аккредитации идёт, правда, не слишком быстро. На сегодня, как следует из размещённой на сайте IEAB информации, «органы оценки соответствия» зарегистрированы в четырёх странах – Мексике, Перу, Колумбии и Доминиканской Республике, а количество сертифицированных избирательных органов достигло пяти: два из них аккредитованы в Перу (один из них – Национальное управление по избирательным процессам – успело пройти эту процедуру дважды, поскольку сертификат выдается лишь на три года), по одному в Эквадоре, Мексике и Доминиканской Республике.

Помимо этого Департаментом сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ОАГ осуществлён ряд проектов по содействию странам-участницам в развитии электронных технологий в избирательном процессе и систем регистрации избирателей. В частности, программы по аудиту и обновлению систем регистрации избирателей были реализованы в Сальвадоре (сентябрь 2007 – сентябрь 2008 г.; октябрь – декабрь 2013 г.), Боливии (ноябрь – декабрь 2008 г.; июнь – декабрь 2009 г.; декабрь 2014 – февраль 2015 г.), Гватемале (август – октябрь 2010 г.; март – май 2014 г.), Парагвае (апрель – июль 2010 г.), Доминиканской Республике (февраль – апрель 2012 г.), Гренаде (январь – февраль 2013 г.), Аргентине (апрель 2015 г.).

Программы по внедрению электронных технологий в избирательные процессы осуществлены в Перу (июнь 2010 – декабрь 2011 г.), Мексике (июнь – июль 2011 г.; август 2015 г.), Парагвае (декабрь 2012 – апрель 2013 г.), Гондурасе (апрель – май 2013 г.), Коста-Рике (июль 2013 – февраль 2014 г.), Уругвае (февраль – октябрь 2014 г.).

В большинстве случаев спонсорами программ выступали Канада и США, иногда и другие страны (Италия, Бразилия) [4].

Кроме того, Департамент сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ОАГ ежегодно издаёт на испанском или английском языках (иногда на том и другом одновременно) обзоры различных сторон электоральной деятельности – юридической, финансовой, связанной с избирательными технологиями и т. п. – в Латинской Америке, а также подробные отчёты о проведённых департаментом мероприятиях (конгрессах, семинарах и пр.) [5].

Обширная и многообразная деятельность Организации американских государств в сфере организации выборов и наблюдения за ними позволяет с полным правом называть её лабораторией по выработке и обкатке международных стандартов в соответствующей области. Возможно, эта сторона деятельности ОАГ ещё не получила надлежащей оценки со стороны международного сообщества и исследователей, но можно не сомневаться, что рано или поздно подобная оценка будет дана. Благо Департамент сотрудничества и наблюдения в сфере выборов ОАГ отнюдь не планирует сворачивать свою деятельность и его новые достижения в этой области, будем надеяться, ещё впереди.

Список литературы

1. Гришин, Н. В. Развитие международных избирательных стандартов: Что дальше? / Н. В. Гришин // Политическая наука. – 2019. – № 1. – С. 33–47.
2. Briefing Note ISO/TS 17582 – Electoral Assurance. November 21, 2014. – Режим доступа: <http://www.venice.coe.int/files/141120%20Briefing%20Note%20ISO-OEA%20v3.doc>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
3. Charter of the Organization of American States. Signed in Bogotá in 1948 and amended by the Protocol of Buenos Aires in 1967, by the Protocol of Cartagena de Indias in 1985, by the Protocol of Washington in 1992, and by the Protocol of Managua in 1993. – Режим доступа: http://www.oas.org/en/sla/dil/docs/inter_american_treaties_A-41_charter_OAS.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
4. Creation of the Office of the International Electoral Accreditation Body. Executive Order No. 14-01 of the General Secretariat of the Organization of American States. May 15, 2014. – Режим доступа: <http://www.oas.org/legal/english/gensec/EXOR1401.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
5. DECO and its Achievements. – Режим доступа: <http://www.oas.org/en/spa/deco/ACERCA.ASP>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
6. Department of Electoral Cooperation and Observation Publications. – Режим доступа: <http://www.oas.org/en/spa/deco/Publicaciones.asp>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
7. Department of Electoral Cooperation and Observation. Technical Cooperation – Implemented Projects. – Режим доступа: http://www.oas.org/en/spa/deco/Coop_Tecnica_proyectos.asp, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
8. Electoral Observation Missions and Recommendations Database. – Режим доступа: <http://www.oas.org/eomdatabase/recommsS.aspx?lang=en>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
9. Kerr, N. Perceptions versus Reality: Assessing Popular Evaluations of Election Quality in Africa / N. Kerr. – Режим доступа: <http://www.files.ethz.ch/isn/134591/AfropaperNo137.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
10. Lührmann, A. United Nations electoral assistance: More than a fig leaf? / A. Lührmann // International Political Science Review. – 2019. – Vol. 40 (2). – P. 181–196.
11. Manual for Incorporating a Gender Perspective into OAS/EOMs. General Secretariat of the Organization of American States, 2013. – Режим доступа: http://www.oas.org/es/sap/deco/pubs/manuales/Manual_gender_e.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
12. Manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2008. – Режим доступа: http://www.oas.org/en/spa/docs/Manual_Misiones_publicado_en.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
13. Manual to Observe the Participation of Indigenous and Afro-Descendant Populations in Electoral Processes. General Secretariat of the Organization of American States, 2015. – Режим доступа: http://www.oas.org/es/sap/deco/pubs/Metodologias/OAS_Metodologia_Indig_Afro_Print_E.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
14. Methodology for Media Observation during Elections: A Manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2011. – Режим доступа: http://www.oas.org/es/sap/docs/deco/ManualMedia_WEB.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
15. Methods for Electoral Observation: A Manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2007. – Режим доступа: <http://www.oas.org/en/spa/docs/Methods%20manual.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
16. Norris P., Martinez i Coma F. What Citizens Want from Elections: Understanding the Roots of Electoral Legitimacy. Paper for the ECPR Joint Workshops session on 'What citizens want from democracy: Popular attitudes to existing political processes and their alternatives', University of Warsaw, Warsaw, 29 March – 2 April 2015. – Режим доступа: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/0bd44836-c264-4515-8185-92759сес3b73.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
17. OAS-led Quality Management Standard on Electoral Processes Officially Approved by ISO. February 19, 2014. – Режим доступа: http://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-053/14, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
18. Observing electoral justice systems: a manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2006. – Режим доступа: <http://www.oas.org/es/sap/deco/Pubs/Manuales/Observing-Electoral-Justice-Systems-a-Manual-for-OAS-Electoral-Observation--Missions.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
19. Observing Political-Electoral Financing Systems: A Manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2012. – Режим доступа: http://www.oas.org/es/sap/deco/pubs/manuales/MOE_Manual_e.PDF, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
20. Observing the Use of Electoral Technologies: A Manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2010. – Режим доступа: <http://www.oas.org/es/sap/docs/Technology%20English-FINAL-4-27-10.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
21. Technical specification ISO/TS 17582. First edition 2014-02-15. Quality management systems – Particular requirements for the application of ISO 9001:2008 for electoral organizations at all levels of government. – Режим доступа: [http://www.eces.eu/template/ISO_TS_17582_2014_\(EN\).pdf](http://www.eces.eu/template/ISO_TS_17582_2014_(EN).pdf), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

References

1. Grishin N. V. Razvitiye mezhdunarodnykh izbiratelnykhstandartov: Chto dalshe? [Development of International Electoral Standards: What Next?]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2019, no. 1, pp. 33–47.
2. Briefing Note ISO/TS 17582 – Electoral Assurance. November 21, 2014. Available at: <http://www.venice.coe.int/files/141120%20Briefing%20Note%20ISO-OEA%20v3.doc>.
3. Charter of the Organization of American States. Signed in Bogotá in 1948 and amended by the Protocol of Buenos Aires in 1967, by the Protocol of Cartagena de Indias in 1985, by the Protocol of Washington in 1992, and by the Protocol of Managua in 1993. Available at: http://www.oas.org/en/sla/dil/docs/inter_american_treaties_A-41_charter_OAS.pdf.
4. Creation of the Office of the International Electoral Accreditation Body. Executive Order No. 14-01 of the General Secretariat of the Organization of American States. May 15, 2014. Available at: <http://www.oas.org/legal/english/gensec/EXOR1401.pdf>.
5. DECO and its Achievements. Available at: <http://www.oas.org/en/spa/deco/ACERCA.ASP>.
6. Department of Electoral Cooperation and Observation Publications. Available at: <http://www.oas.org/en/spa/deco/Publicaciones.asp>.
7. Department of Electoral Cooperation and Observation. Technical Cooperation – Implemented Projects. Available at: http://www.oas.org/en/spa/deco/Coop_Tecnica_proyectos.asp.
8. Electoral Observation Missions and Recommendations Database. Режим доступа: <http://www.oas.org/eomdatabase/recommsS.aspx?lang=en>.
9. Kerr, N. Perceptions versus Reality: Assessing Popular Evaluations of Election Quality in Africa. Available at: <http://www.files.ethz.ch/isn/134591/AfropaperNo137.pdf>.
10. Lührmann A. United Nations electoralassistance: More than a fig leaf? *International Political Science Review*, 2019, vol. 40 (2), pp. 181–196.
11. Manual for Incorporating a Gender Perspective into OAS/EOMs. General Secretariat of the Organization of American States, 2013. Available at: http://www.oas.org/es/sap/deco/pubs/manuales/Manual_gender_e.pdf.
12. Manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2008. Available at: http://www.oas.org/en/spa/docs/Manual_Misiones_publicado_en.pdf.
13. Manual to Observe the Participation of Indigenous and Afro-Descendant Populations in Electoral Processes. General Secretariat of the Organization of American States, 2015. Available at: http://www.oas.org/es/sap/deco/pubs/Metodologias/OAS_Metodologia_Indig_Afro_Print_E.pdf.
14. Methodology for Media Observation during Elections: A Manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2011. Available at: http://www.oas.org/es/sap/docs/deco/ManualMedia_WEB.pdf.
15. Methods for Electoral Observation: A Manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2007. Available at: <http://www.oas.org/en/spa/docs/Methods%20manual.pdf>.
16. Norris P., Martinez i Coma F. What Citizens Want from Elections: Understanding the Roots of Electoral Legitimacy. Paper for the ECPR Joint Workshops session on 'What citizens want from democracy: Popular attitudes to existing political processes and their alternatives', University of Warsaw, Warsaw, 29 March – 2 April 2015. Available at: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/0bd44836-c264-4515-8185-92759cec3b73.pdf>.
17. OAS-led Quality Management Standard on Electoral Processes Officially Approved by ISO. February 19, 2014. Available at: http://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-053/14.
18. Observing electoral justice systems: a manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2006. Available at: <http://www.oas.org/es/sap/deco/Pubs/Manuales/Observing-Electoral-Justice-Systems-a-Manual-for-OAS-Electoral-Observation-Missions.pdf>.
19. Observing Political-Electoral Financing Systems: A Manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2012. Available at: http://www.oas.org/es/sap/deco/pubs/manuales/MOE_Manual_e.PDF.
20. Observing the Use of Electoral Technologies: A Manual for OAS Electoral Observation Missions. General Secretariat of the Organization of American States, 2010. Available at: <http://www.oas.org/es/sap/docs/Technology%20English-FINAL-4-27-10.pdf>.
21. Technical specification ISO/TS 17582. First edition 2014-02-15. Quality management systems – Particular requirements for the application of ISO 9001:2008 for electoral organizations at all levels of government. Available at: [http://www.eces.eu/template/ISO_TS_17582_2014_\(EN\).pdf](http://www.eces.eu/template/ISO_TS_17582_2014_(EN).pdf).

**ВЫБОРЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ КОНФЛИКТЫ:
ПРИЧИНЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹⁵**

Евстифеев Роман Владимирович, доктор политических наук
Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Российская Федерация, 600017, г. Владимир, ул. Горького, 59А
E-mail: roman_66@list.ru

Рассмотрена новая концепция спорных выборов (contentious election) с точки зрения возможностей международного наблюдения и контроля над выборами. На основе анализа научной литературы сформулировано определение спорных выборов, как выборов, связанных с серьезными вызовами легитимности субъектов, процедур или их результатов. Сделан вывод о том, что спорные выборы происходят там, где существуют глубокие конфликты в обществе, ставящие под сомнение легитимность органов власти, есть сомнения в избирательных процедурах и в результатах выборов. На основе анализа существующих режимных и институциональных факторов регулирования выборов обозначены возможности международного регулирования спорных выборов, такие как корректировка концепции суверенитета по примеру Европейского союза, формирование общих представлений о законности и честности выборов, постоянный диалог, создание и развитию на этой основе международных независимых организаций, осуществляющих наблюдение за выборами.

Ключевые слова: «спорные выборы», международный контроль над выборами, суверенитет

**CONTENTIOUS ELECTIONS:
REASONS, RESULTS, OPPORTUNITIES FOR INTERNATIONAL REGULATION**

Evstifeev Roman V., D. Sc. (Policy)
Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
59A Gorkogo St., Vladimir, 600017, Russian Federation
E-mail: roman_66@list.ru

The article considers a new concept of contentious elections from the point of view of the possibilities of international observation and control over elections. Based on the analysis of the scientific literature, the definition of contentious elections is formulated as elections involving serious challenges to the legitimacy of subjects, procedures, or their results. It was concluded that the contentious elections are taking place where, there are deep conflicts in the society, calling into question the legitimacy of the authorities, there are doubts in the electoral procedures and the election results. Based on the analysis of existing regime and institutional factors of electoral regulation, the article outlines the possibilities of international regulation of contentious elections such as: adjusting the concept of sovereignty following the example of the European Union, forming general ideas about the legality and fairness of elections, constant dialogue, creating and developing on this basis international independent election observation organizations.

Keywords: contentious election, international election control, sovereignty

Выборы являются неотъемлемой частью современных демократических политических систем. Однако после известного несостоявшегося «конца истории» и так называемой «Третьей волны демократизации» исследователи фиксируют рост количества выборов, вызывающих конфликты и протесты, т. е. проводимых с нарушениями, в том числе и с применением насилия. Ценность таких выборов для демократического развития справедливо вызывает большие сомнения: конфликтные выборы усиливают социальную напряжённость в нестабильных государствах, увеличивая неопределённости и риски для инвесторов, ставя под угрозу рост и развитие в странах с низким уровнем дохода [3, с. 34].

Наиболее впечатляющим примером таких выборов принято считать выборы 2007 г. в Кении, которые вызвали глубокую озабоченность международного сообщества. Принуждение граждан к голосованию, организованное конкурирующими группами, привело к масштабным столкновениям с тысячами раненых, более тысячи человек было убито. К сожалению, кенийские выборы 2007 г. не стали единичным явлением. По данным исследований около 12 % всех выборов во всём мире сопровождались бойкотом оппозиции, 17 % – беспорядками или протестами, в 18 % случаев при проведении выборов зафиксировано применение насилия, повлекшее гибель людей [5].

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00484 по теме «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса». (The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of a scientific project. No. 19-011-00484 on the topic "The international level of governance in the field of the electoral process.")

Очевидно, что конфликтные выборы требуют к себе особого внимания со стороны как политической науки, так и мирового сообщества.

Цель данной статьи – рассмотреть теоретические подходы к концепции «спорные выборы» и возможностям их регулирования, в том числе и на международном уровне.

Изучению конфликтов в политике посвящена значительная литература, начиная с основополагающих работ Чарльза Тилли, Дуга МакАдама, Сиднея Тэрроу и др. [7; 10]. В рамках данного направления исследователи изучали общественные движения, коллективные действия, этнорелигиозные конфликты, политические забастовки, гражданские войны, гражданское неповиновение, сопротивление, терроризм, геноцид, восстание и революции. Однако необходимо отметить, что в литературе по социальным движениям и протестам выборы не находятся в центре внимания ученых.

Следует также учитывать, что конфликты во время выборов – совсем не новое явление. Можно привести немало примеров таких выборов в истории почти во всех странах мира, где имеется сколько-нибудь долгая электоральная история. Однако научное изучение этой категории выборов только начинается. С этой точки зрения ценной представляется концепция спорных выборов, предложенная Пиппой Норрис, Ричардом Франком и Ферраном Кома [4, с. 1–21].

Под спорными выборами понимаются выборы, связанные с серьезными вызовами легитимности субъектов, процедур или результатов выборов. Такая концептуализация позволяет авторам сделать вывод о том, что спорные выборы происходят там, где:

во-первых, существуют глубокие конфликты в обществе, которые ставят под сомнение легитимность органов власти со стороны участников выборов (например, обеспокоенность по поводу отсутствия беспристрастности органов власти, отсутствие авторитета и независимости органов по управлению выборами);

во-вторых, под сомнения ставятся избирательные процедуры (включая разногласия по поводу правил игры, используемых для регистрации избирателей, кандидатов и партий, распределения избранных мест, регулирования финансирования избирательных кампаний и доступа к средствам массовой информации, правила голосования и т. д.);

в-третьих, сомнения вызывают результаты выборов и, таким образом, легитимность тех сил и кандидатов, которые выигрывает выборы.

Таким образом, спорные выборы отражают принципиальные разногласия относительно легитимности выборов. В общепринятом смысле концепция легитимности означает, что в обществе существует широкое принятие основных правил игры, так что все участники добровольно соглашаются на авторитет органов власти без необходимости применения силы. Так, по мнению американского политолога Сеймура Мартина Липсета, легитимность «включает в себя способность политической системы порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты являются наиболее подходящими и надлежащими для общества» [6, с. 64].

Широкою известность получила концепция Макса Вебера об источниках законной власти, среди которых немецкий социолог называл традиционный авторитет (например, обычные родовые отношения для лидеров и элит или убеждение, что монарх поставлен божественно санкционирован править в теократии), харизматический авторитет (благодаря личной популярности лидера) и рационально-правовой авторитет (когда авторитет вытекает из институциональной власти, закреплённой верховенством закона и конституционными принципами).

Глобальное распространение выборов в современных государствах означает, что в большинстве стран сегодня органы власти формируются на основе выборов, проводимых в соответствии с формальными конституционными принципами и законами о выборах. Сегодня это справедливо не только для давно установившихся демократий, но и даже для режимов, близких к авторитарным. Политические выборы проводятся сегодня в большинстве независимых национальных государств по всему миру, за исключением нескольких стран (абсолютные монархии, однопартийные режимы, военные хунты). При этом кризисы легитимности могут возникать в государствах по разным причинам (коррупционные скандалы с политиками, серьезные провалы в проведении государственной политики, неоправданное применение государственного насилия к гражданам и т. д.). Таким образом, кризис легитимности в результате спорных выборов является ещё одним дополнительным риском.

В идеале выборы на основе консенсуса являются действенным механизмом урегулирования споров о законной власти мирным, демократическим законным путём. Такие выборы

могут согласовать или, по крайней мере, перевести в законное русло конфликты и конкуренцию между политическими лидерами и политическими партиями путём обеспечения согласия по основным правилам игры. Легитимность, обеспеченная законным и равным голосованием, является одним из наиболее эффективных и действенных механизмов обеспечения признания гражданами законности власти избранных ими органов власти. Напротив, отсутствие легитимности выборов приводит к тому, что правящие элиты стремятся к управлению с помощью альтернативных недемократических механизмов, в том числе через популистские призывы к своим сторонникам, с одной стороны, и с помощью угроз или применения силы и принуждения к своим противникам – с другой [9]. Стоит отметить, что спорные выборы обычно являются источником проблем для стабильности режима, поскольку они вызывают сомнения относительно законного авторитета органов управления, действующих лиц и правил игры. Такие проблемы по своей природе не могут быть легко решены с помощью стандартных избирательных механизмов.

Сообщения о нарушениях в процессе выборов и последующих протестах сегодня сопровождают значительную часть проходящих избирательных кампаний. В последние годы такие выборы, например, были зафиксированы в разных странах: Малайзии, Венесуэле, Мозамбике, Камеруне, Уганде, Замбии, Камбодже, Таиланде, Бангладеше и Пакистане и многих других. Однако все эти случаи отличаются крайним разнообразием. В некоторых странах протесты после выборов быстро исчезли, а судебные дела были прекращены. В других же, напротив, массовое недовольство вызвало жёсткую реакцию властей, социальную нестабильность, приведшие к кровавым столкновениям. По всей видимости, чрезвычайное разнообразие таких случаев предполагают широкий спектр разногласий, что делает концепцию спорных выборов трудной для измерения с какой-либо степенью ясности и точности.

Можно выделить, по крайней мере, три эмпирических признака, по которым можно выявить и зафиксировать спорные выборы:

1. Крайне низкое и снижающееся доверие к выборам со стороны граждан и элиты.
2. Выборы, порождающие мирные массовые демонстрации, бойкоты оппозиции или судебные процессы.
3. Случаи применения насилия в ходе выборов, во время или после дня голосования, применение или угроза применения принуждения.

В настоящее время в политической науке происходит накопление эмпирических данных и их осмысление, что делает концепцию спорных выборов всё более релевантной для описания целого ряда случаев.

Как отмечают исследования, большой проблемой является сами способы фиксации и последующего понимания спорных выборов. Дело в том, что выборы, вызывающие споры и конфликты, рассматриваются внутри страны через спектр противоборствующих и вовлечённых в конфликт сил. В результате информационная картина таких выборов оказывается весьма противоречивой и искажённой.

Как правило, одним из главных источников данных о спорных выборах являются отчёты международных организаций, осуществляющих наблюдение за выборами. Однако, как отмечает Н. Гришин, ситуация в наиболее продвинутом в этом отношении Европейском союзе «отличается исключительной высокой степенью децентрализации и наличием множества субъектов» [1, с. 151]. Ни один из существующих в Европе наднациональных органов не может быть признан в качестве основного, в наибольшей степени влияющего на процесс регулирования выборов.

Очевидно, что снижение рисков спорных выборов требует от государства повышения качества управления выборами, дальнейшей институализации органов управления выборами на национальном и региональном уровнях, развития гражданского образования. Исследования показывают, что существует множество мер, направленных на уменьшение конфликтов во время выборов. Однако пока не найдено единого мнения относительно баланса между уровнем и формами обеспечения безопасности на выборах, с одной стороны, и обеспечением права на мирные демонстрации и протесты населения – с другой. Вместе с тем, главной проблемой, на наш взгляд, остается нерешённый вопрос с балансированием между государственным суверенитетом и формами контроля и влияния международных организаций на внутреннюю политику, включая выборы [2, с. 132].

В мировой политической науке сегодня доминируют представления о том, что наибольшее влияние на выборы оказывает тип политического режима. При этом принято выделять страны так называемой «старой демократии» (преимущественно богатые и экономически

развитие страны Европы и Северной Америки), страны недемократические и авторитарные и страны с так называемыми гибридными режимами.

По мнению ряда исследователей именно гибридные режимы (или электоральные автократии, конкурентные авторитарные государства) более подвержены рискам социального раскола и даже вооружённого противостояния, чем диктатуры и демократии. Считается, что на начальных этапах перехода от автократии к демократизации существенно возрастают угрозы применения насилия и последующей нестабильности. Статистические данные также подтверждают, что риски насилия на выборах обычно относительно низки в большинстве авторитарных государств, однако они увеличиваются в промежуточных гибридных режимах электоральной автократии [8, с. 112]. Однако проблема в том, что именно в этих гибридных режимах велик запрос наразличного рода обоснования собственной идентичности и, соответственно, крайне чувствительное отношение к суверенитету со стороны политической элиты и граждан.

Таким образом, представляется, что перспективы международного регулирования спорных выборов могут быть связаны в первую очередь с корректировкой концепции суверенитета по примеру Европейского союза. При этом, как показывает практика, совсем необязательным является создание суперинститутов, концентрирующих в своих руках серьёзные полномочия и выносящих единственно верные вердикты. Главное, скорее, в том, чтобы страны стремились к формированию общих представлений о законности и честности выборов, вели бы постоянный диалог об этом, способствовали бы созданию и развитию на этой основе международных независимых организаций, осуществляющих наблюдение за выборами.

Список литературы

1. Гришин, Н. В. Наднациональный уровень управления в сфере избирательного процесса: опыт Европейского союза / Н. В. Гришин // Политика развития, государство и мировой порядок / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 620 с.
2. Евстифеев, Р. В. После глобализации? Политико-административные преобразования в России в XXI веке / Р. В. Евстифеев. – Владимир : Владимирский филиал Российской акад. народного хоз-ва и гос. службы, Транзит X, 2011. – 240 с.
3. Collier, P. Wars, Guns and Votes: Democracy in Dangerous Places / P. Collier. – New York : Harper Collins, 2009.
4. Contentious elections. From ballots to barricades / ed. by P. Norris, R. W. Frank, F. Martinez i Coma. Routledge, 2015.
5. Hyde, S. Codebook for National Elections across Democracy and Autocracy / Hyde, S., Marinov T. – Режим доступа: http://go.mail.ru/redirect?src=980be0&via_page=1&type=sr&redir=eJzLKcKpKlS1y9KLU5NLErO0MvLtbLSCwqSyxK0UtnKdUvKE3KyUxOLMnMzyvWT08tccvMSdVLLC6osPdMsTU3N2RgMDQ1NzAyN7O0MGFgTlwsq3DrAcc92_DLdVx5LwBFNiEm&user_type=38, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
6. Lipset, S. Political Man: The Social Bases of Politics / S. Lipset. – 2nd ed. – London : Heinemann, 1983.
7. McAdam, D. Dynamics of Contention / D. McAdam, S. Tarrow, Ch. Tilly. New York : Cambridge University Press, 2001.
8. Norris, P. Why Electoral Integrity Matters / P. Norris. – New York : Cambridge University Press, 2014.
9. Svobik, M. The Politics of Authoritarian Rule / M. Svobik. – New York : Cambridge University Press, 2012.
10. Tilly, Ch. From Mobilization to Revolution / Ch. Tilly. – Reading : Addison-Wesley, 1979.

References

1. Grishin N. V. Nadnatsionalny uroven upravleniya v sfere izbiratel'nogo protsesssa: opyt Evropeyskogo soyuza [The supranational level of governance in the field of the electoral process: the experience of the European Union]. *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy porjadok* [Development Policy, State and World Order]. Ed. by O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva. Moscow, Aspekt Press Publ., 2018, 620 p.
2. Evstifeev R. V. *Posle globalizatsii? Politiko-administrativnye preobrazovaniya v Rossii v XXI veke* [After globalization? Political and administrative transformations in Russia in the XXI century]. Vladimir, Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration Publ., Tranzit X Publ., 2011, 240 p.
3. Collier P. *Wars, Guns and Votes: Democracy in Dangerous Places*. New York, Harper Collins Publ., 2009.
4. *Contentious elections. From ballots to barricades*. Ed. by P. Norris, R. W. Frank, F. Martinez i Coma. Routledge, 2015.
5. Hyde S., Marinov T. *Codebook for National Elections across Democracy and Autocracy*. Available at: http://go.mail.ru/redirect?src=980be0&via_page=1&type=sr&redir=eJzLKcKpKlS1y9KLU5NLErO0MvLtbLSCwqSyxK0UtnKdUvKE3KyUxOLMnMzyvWT08tccvMSdVLLC6osPdMsTU3N2RgMDQ1NzAyN7O0MGFgTlwsq3DrAcc92_DLdVx5LwBFNiEm&user_type=38.
6. Lipset S. *Political Man: The Social Bases of Politics*. London, Heinemann Publ., 1983, 2nd ed.
7. McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. *Dynamics of Contention*. New York. Cambridge University Press, 2001.
8. Norris P. *Why Electoral Integrity Matters*. New York, Cambridge University Press, 2014.
9. Svobik M. *The Politics of Authoritarian Rule*. New York, Cambridge University Press, 2012.
10. Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. Reading, Addison-Wesley Publ., 1979.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ НА БОЛЬШОМ КАВКАЗЕ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(НА ДАННЫМ BGRI, THE GLOBAL ECONOMY И CREDENDO GROUP)¹⁶**

Горюшина Евгения Михайловна, научный сотрудник
Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН
Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, 41
E-mail: esherder@gmail.com

Проанализированы американо-грузинские отношения на фоне высокой геополитической динамики в регионе Большого Кавказа с учётом войны 2008 г. Рассматривается взаимодействие НАТО и Грузии в Чёрном море. Используются данные аналитических агентств по политическим рискам Black Rock Investment Institute, Credendo Group и Marsh с целью описания военных рисков для Грузии, Азербайджана и Армении за период 2014–2018 гг. Сделан вывод о том, что, несмотря на видимые идеологические разногласия между Москвой и Организацией Североатлантического договора, а также активизации блока в акватории Чёрного моря в военных учениях совместно с Грузией, политический (и военный) риск столкновения между оппонентами сравнительно низкий.

Ключевые слова: США, Грузия, конфликт, Чёрное море, военный риск, политический риск, Кавказ, НАТО, Россия, российско-грузинская война

**POLITICAL RISKS ON THE GREAT CAUCASUS
IN THE CONTEXT OF MODERN U.S.-GEORGIA RELATIONS
(BASED ON BGRI, THE GLOBAL ECONOMY & CREDENDO GROUP)**

Goryushina Evgeniya M., Researcher
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the RAS
41 Chekhova Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation
E-mail: esherder@gmail.com

The article analyzes the U.S.-Georgian relations against the background of high geopolitical dynamics in the Greater Caucasus region taking in view of the 2008 war. The interaction of NATO and Georgia in the Black Sea is being considered. Political risk analysis by Black Rock Investment Institute, Credendo Group and Marsh are used to describe the war risks for Georgia, Azerbaijan and Armenia for the period 2014-2018. It is concluded that, despite the apparent ideological differences between Moscow and the North Atlantic Treaty Organization, as well as the bloc activities in the Black Sea area in joint military exercises with Georgia, the political risk (and war risk) of clashes between opponents is relatively low.

Keywords: USA, Georgia, conflict, Black Sea, war risk, political risk, Caucasus, NATO, Russia, Russian-Georgian war

Термин «Большой Кавказ» стал активно вводиться в научный оборот вскоре после обострения грузино-российских отношений в 2008 г. В частности, заместитель директора программы «Россия и Евразия» американского аналитического центра «Центр стратегических и международных исследований» (CSIS) Дж. Манкофф подчеркнул значимость геополитической динамики Большого Кавказа благодаря растущей активности Ирана и Турции [1, с. 2].

К началу «пятидневной войны»¹⁷ Грузия не располагала геополитическим активом даже на региональном уровне. Она начала его приобретать после завершения военных действий, когда ей была предложена перспективная позиция в Организации Североатлантического договора (НАТО) при условии соблюдения всех требований. Активизация НАТО (особенно посредством кооперации с Грузией) на Большом Кавказе вызывает опасения у официальной Москвы, которая расценивает действия альянса как угрозу на южных границах.

Цель статьи – проанализировать последствия войны 2008 г. с учётом современных американо-грузинских отношений и конфликта по линии Россия – НАТО; выявить политические и военные риски на Большом Кавказе на основе данных ведущих агентств по определению политических рисков.

¹⁶ Статья была основана на ранее опубликованном экспертном материале для Российского совета по международным делам (РСМД) в августе 2018 г. Расширенная версия статьи подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190185-9. (The article was based on previously published expert material for the Russian Council on International Affairs (INF) in August 2018. An expanded version of the article was prepared as part of the implementation GZ JUNC RAS, № gr. Project АААА-А19-119011190185-9.)

¹⁷ Российская спецоперация «по принуждению к миру в зоне ответственности миротворцев», осуществлённая на территории Грузии и частично признанных республик Абхазии и Южной Осетии в период с 8 по 12 августа 2008 г.

Политические риски на Большом Кавказе сравнительно слабо представлены в российской политической науке. Данная проблематика требует регулярного мониторинга российско-грузинских отношений анализа действий НАТО в акватории Чёрного моря. Ряд экспертных материалов с учётом интересов США в регионе был специально подготовлен нами для Российского совета по международным делам (РСМД).

Исследование опирается на тезис, согласно которому 2008 г. стал ключевой точкой не только в отношениях России и Грузии, но и оценки политических рисков в регионе. Малые (немасштабные) войны способны разрушить устоявшуюся систему международных отношений.

Оценка последствий войны 2008 г. до сих пор вызывает споры и разногласия в экспертном сообществе. Одни полагают, что альянс встал на сторону Грузии в войне с Россией, объяснив данный шаг тем, что Москва нарушила суверенитет Грузии. Логическим продолжением этой линии стал саммит НАТО в Южном Уэльсе (2014 г.), предопределивший дальнейшую поддержку Грузии со стороны альянса, обусловленную «действиями России против Украины» [17].

Другие специалисты настаивают на том, что августовская война показала обратное: блок НАТО утратил волю к борьбе за влияние в регионе. Несмотря на прозападную политику М. Саакашвили и его стремление сделать Грузию членом Североатлантического альянса, НАТО фактически не оказывала помощь во время войны с Россией. «Бездействие НАТО во время грузино-российского конфликта 2008 года и украинского кризиса 2014 года дала понять, как балтийской, так и польской общественно-политической элите, что членство в НАТО вряд ли спасёт их в случае российской агрессии» [6]. Вероятно, ветераны альянса (в первую очередь США) могут позволить себе игнорировать запросы «малых» государств, желающих присоединиться к этой организации.

Сторонники третьей точки зрения полагают, что Россия вышла победителем из «пятидневной войны»: прекращение военных действий официальной Москвой изменило стратегическую ситуацию на Кавказе в ущерб США¹⁸. Выгоды для России заключались в основном: Москва получила контроль над территориями непризнанных тогда республик, отодвинула на неопределённое время вступление Грузии в НАТО. Победу России можно интерпретировать также и в качестве символического предупреждения против западных устремлений Украины, что подтвердилось событиями 2013–2014 гг. в Крыму.

Кратковременная августовская операция сопровождалась значительными экономическими потерями (участие России в «пятидневной войне» обошлось в 16,1 млрд долл. [10]; Грузии – в 1 млрд долл., что составило 8 % от национального ВВП 2008 г. [12]), предвосхитила войну следующего десятилетия на юго-востоке Украины, окончательно поставив в тупик отношения между Россией и НАТО.

Ключевыми потерями для Грузии стали её репутационные издержки безопасного для инвестирования страны, равно как и надёжного (альтернативного России), маршрута транспортировки энергоносителей. К тому же «пятидневная война» привела Грузию к выходу из Содружества Независимых Государств (СНГ) и разрыву всех дипломатических связей с Москвой. Полный разрыв дипломатических отношений произошёл и по линии «США – Россия» до прихода к власти Б. Обамы в начале 2009 г.

Учитывая экономический и репутационный ущерб, в той или иной степени нанесённый России и Грузии в результате «пятидневной войны» 2008 г., следует обратиться к оценке политических рисков. В частности, к Black Rock Global Risk Indicator (BGR I)¹⁹, иллюстрирующему внимание финансового рынка и его реакций на события геополитического характера. Чем выше этот индекс, тем чаще финансовые аналитики и СМИ обращаются к геополитике для корректировки своих дальнейших действий.

Методологически BGR I представляет собой индикатор, основанный на постоянном мониторинге относительной частоты аналитических отчётов, финансовых новостей и твитов, связанных с геополитическими рисками. В качестве источников базы были использованы данные Thomson Reuters Broker Report и Dow Jones Global News wire наряду с миллионами наиболее популярных еженедельных твитов, верифицированных Twitter. Выборка осуществлялась по частоте слов, имеющих непосредственное отношение к событиям геополитического характера. Отбор происходил по ключевым словам или опорным фразам, специфичным для риска

¹⁸ Хейсбург Ф. специальный советник Фонда стратегических исследований в Париже (цит. по: [20]).

¹⁹ Разработан в американской инвестиционной компании Black Rock Investment Institute (г. Нью-Йорк).

(например, «НАТО», «конфликт») и связанным лексическим единицам («Чёрное море», «военные учения»). Кросс-функциональная группа портфельных менеджеров, риск-менеджеров и экспертов по геополитике, как правило, согласовывают выборку ключевых слов для каждого риска и проверяют результирующие исторические (динамические) изменения по каждому выявленному индикатору.

Важным компонентом BGRI выступает оценка внимания со стороны рынка к происходящим геополитическим изменениям, т. е. насколько мировой рынок ориентируется и реагирует на геополитическую динамику. Затем специалисты выявляют, отражает ли язык позитивные или негативные настроения, и присваивают оценку. Нулевая оценка представляет средний уровень BGRI за период с 2003 г. до настоящего момента. Один балл означает, что уровень BGRI на одно стандартное значение выше среднего.

Сценарность риска BGRI (конечный результат в виде гистограммы) описан исключительно в иллюстративных целях, поскольку сами специалисты Black Rock Investment Institute делают справедливую оговорку по поводу того, что геополитические риски подвержены постоянной динамике. Однако индикатор BGRI способен продемонстрировать важность «пятнадцатидневной войны» 2008 г. и её последствий для взаимоотношений по линии Россия-НАТО в перспективе.

Анализ рисунка 1 демонстрирует перманентное негативное настроение (напряжённость) рынка вплоть до непосредственной открытой фазы вооружённого столкновения между Россией и Грузией в августе 2008 г. Очевидно, что на тот период отношения между Москвой и НАТО испытывали открытую фазу кризиса.

Далее, в 2009 г., отмечается пик в три единицы, затем в том же году следует резкий спад, который в 2010 г. сменяется умеренно позитивной реакцией мирового рынка на взаимоотношения России и Североатлантического альянса. Максимальный всплеск негативного отношения и повышенного внимания к геополитическим трансформациям в Чёрном море между Москвой и Брюсселем фиксировался в 2014 г., который был расценён Западом в качестве аннексии Крыма.

Спустя год после крымских событий мировой рынок постепенно стабилизировался и, несмотря на речь Д. Трампа в штаб-квартире НАТО в Брюсселе 25 мая 2017 г., в которой президент США критически высказался о том, что «Соединённые Штаты несут несправедливое бремя» [4] в виде расходов на альянс, ситуация оставалась стабильной. Означает ли это, что на фоне более значимых проявлений геополитической конфронтации (в т. ч. на Ближнем Востоке) Чёрное море и Кавказ перестали представлять интерес для политической администрации США?

Рис. 1. Конфликт Россия – НАТО (Black Rock Investment Institute, индекс BGRI)

Напротив, Вашингтон вовсе не утратил своего влияния в регионе, он активно стал принимать участие в военных учениях в Чёрном море под эгидой НАТО и содействии Грузии. Тем не менее, отношения между НАТО и Кремлём после Крыма (и это демонстрирует BGRI) достигли опасной абразивной стадии, поскольку существующие механизмы снижения угрозы военного столкновения и методы укрепления доверия с Россией не работают. Россия и НАТО говорят друг о друге, зачастую прибегая к риторике о военной агрессии с каждой из сторон,

но в нынешних условиях полноценный диалог фактически невозможен. По существу, активность в отношениях между альянсом и Москвой нивелирована. Это вовсе не вызвано срывом диалога с Кремлём вообще, так как давно существующая проблема с самим диалогом требует единственного решения – изменить его содержание [1].

Тупиковые отношения между Россией и НАТО в регионе находят отражение в отсутствии эффективного диалога между Москвой и Тбилиси. Спустя десять лет после проведения грузинского референдума о вступлении в НАТО (проходившего одновременно с президентскими выборами в Грузии, на котором 77 % избирателей выступили за евроатлантический курс страны) вопрос о вступлении Грузии в альянс практически не сдвинулся с места. 12 июля 2018 г. Д. Трамп дал понять: «Шанс появится, но не сейчас» [11], что означает игнорирование запроса грузинского правительства и создание пространства для дальнейших политических манёвров Вашингтона на Кавказе.

Саммит показал, что в американо-грузинском диалоге большую заинтересованность проявляет грузинская сторона с её желанием вступить в НАТО и удовлетворить требования по возвращению территорий Абхазии и Южной Осетии. На июльской встрече с Д. Трампом бывший президент Грузии Г. Маргвелашвили неоднократно подчёркивал преданность партнёрским взаимоотношениям с США. Однако американского президента интересовали монетизация услуг НАТО, повышение расходов на оборону членами альянса и замещение российского газа в Европе.

Для того чтобы Грузия не свернула с намеченного пути вечного аспиранта НАТО, США демонстративно наращивает военную помощь своим политическим сателлитам в Восточной Европе и на Кавказе. В январе 2018 г. Грузией получены противотанковые системы «Джавелин» (FGM-148) американского производства, которые уже были опробованы в военных конфликтах в Ираке и Сирии и показали своё превосходство среди переносных противотанковых ракетных комплексов в мире. Спустя несколько месяцев – в апреле 2018 г. – «Джавелин» были переданы в Украине, но с запретом их использования на линии соприкосновения на Донбассе. С оговоркой о снятии этого запрета в любой момент.

Наращивание военной помощи со стороны Вашингтона происходит на фоне не менее важного процесса сокращения расходов внутри Госдепа. С приходом к власти Д. Трампа смета департамента (куда включены расходы USAID и иностранная помощь) значительно изменилась – доля совокупной иностранной помощи в 2018 г. снизилась более чем на 31 %. При этом план финансирования данной сферы на 2019 г. включает 490 млн долл. для поддержки Украины и других стран Европы и Евразии, что на 830 млн долл. (63 %) меньше по сравнению с аналогичными показателями за 2017 г. США будут неизменно помогать двум ключевым реципиентам в ближайшем окружении России – Украине и Грузии, которые с помощью этих средств должны противодействовать «российскому влиянию и агрессии».

С приходом к власти в декабре 2018 г. С. Зурабишвили вектор американо-грузинских взаимоотношений едва изменился. Новый президент подчеркнула неизменное желание углубить связи с НАТО, конкретно – в области безопасности в Черноморском регионе. Зурабишвили продемонстрировала готовность разместить в Грузии совместный тренировочный оценочный центр (JFTC) в попытке «справиться с региональной напряжённостью, о чём свидетельствует захват Россией в прошлом году трёх украинских военных кораблей в соседнем Азовском море» [9]. Однако напряжённость в этом регионе была воспринята официальной Москвой несколько иначе. В начале 2019 г. американский ракетный эсминец «Дональд Кук» (USS Donald Cook (DDG 75) неоднократно заходил в акваторию Чёрного моря. В течение пяти дней он находился в грузинском порту Батуми, принял участие в совместных учениях с кораблями службы береговой охраны Грузии.

Подобная активизация судов вблизи российских границ расценивается Москвой крайне настороженно, но довольно сдержанно. Военная доктрина РФ рассматривает присутствие НАТО вблизи своих границ в качестве основной иностранной военной угрозы для безопасности страны. Некоторые государства-члены альянса (Германия и Франция) считают, что расширение НАТО увеличит риск (военной) конфронтации с Россией. Взаимный обмен активными действиями, связанными с перемещениями в акватории Чёрного моря, происходит поочередно. В качестве ответной меры на инцидент в Керченском проливе 2018 г. НАТО вновь обратилось к риторике об «аннексии Крыма» и необходимости освобождения кораблей ВМС Украины вместе с их экипажами.

Для закрепления [риторики] Грузия поспешила в марте 2019 г. провести командно-штабные учения «НАТО – Грузия 2019» (NATO – GEO EXERCISE 2019) в Чёрном море, в которых приняли участие 24 страны (21 союзных государств-членов, 3 государства-партнера) и 350 военнослужащих. Для сравнения: в предыдущих учениях 2016 г. участвовало только 14 стран. Ещё одно существенное отличие учений 2019 г. заключается в том, что грузинская сторона впервые руководила процессом от фазы планирования до полной реализации «НАТО – Грузия 2019».

Демонстративное наращивание военной кооперации между США и Грузией не может не тревожить Россию, несмотря на заявление министра обороны Грузии Л. Изория о том, что эти учения не были направлены против третьих стран и призваны показать, что Грузия готова стать полноправным членом альянса [Interfax, 18.03.2019]. МИД России подверг жёсткой критике прошлые совместные военные учения «НАТО – Грузия» как противоречащие «региональной безопасности и стабильности» [9]. Можно сделать допущение о том, что столь масштабные учения по соседству с Россией должны были восстановить нарушенный баланс (нарушенный явно не в пользу США) не только после инцидента в Керченском проливе, но в большей степени после крымских событий 2014 г. (пиковая точка на гистограмме BGRI).

Логическим продолжением этих действий стало подтверждение Й. Столтенбергом на апрельском заседании, посвящённом 70-летию НАТО, «об увеличении присутствия кораблей альянса в Чёрном море, посещении ими портов в Украине и Грузии, более интенсивными тренингами морских пограничников этих двух стран, а также совместных учениях и усиленном обмене информацией» [13]. При таком раскладе Юг России представляет собой большой регион, ограниченный двумя конфликтными зонами – Донбассом и чередой законсервированных (или даже вялотекущих) конфликтов, связанных с Абхазией и Южной Осетией. В этой связи следует обратиться к тезису американского политолога В. Р. Мида [3] о главном недостатке внешнеполитического курса США с 1991 по 2014 г. – дефиците должного внимания к геополитическим вопросам.

С точки зрения В. Р. Мида, Вашингтон в это время пребывал в идеологической мечтаниях о мировом господстве [8]. Фактически геополитическая доминанта США в течение последних ста лет справедливо расценивается американскими политологами в качестве важнейшего достижения Вашингтона. Поэтому можно говорить о восполнении этого внимания посредством настоящих действий США (в т. ч. с участием НАТО): происходит активное вовлечение в разнообразные геополитические споры. Недавнее обострение отношений между администрациями Трампа и Турции (по причине внешнеполитического просчёта), связанное с покупкой российских систем С-400, тому свидетельство [5]. Фокус постепенно смещается с Ближнего Востока на линию традиционного соперничества Турции, Ирана и России, оставляя в тени тяжёлое противостояние между двумя настоящими экономическими гигантами – США и Китаем. На этом фоне неубедительными выглядят попытки нынешнего президента Грузии С. Зурабишвили вмешаться в диалог между Москвой и Вашингтоном [2]. По её словам, Грузии было интересно узнать больше о последствиях переговоров между Д. Трампом и В. Путиным после прошлогоднего саммита в Хельсинки [9]. Следует также признать, что Грузия не является внешнеполитическим приоритетом для администрации Трампа, который (вероятно) не станет вступать из-за неё в открытую конфронтацию с Россией, учитывая, что в регионе по-прежнему сохраняются неурегулированные конфликты с сопутствующими спорными территориями, что препятствует вступлению Грузии в НАТО.

С другой стороны, одним из ключевых условий вступления в альянс является наличие вооружения, удовлетворяющего стандартам военно-политического блока. Будучи зажатой между двумя условиями, предъявляемыми НАТО, Грузии необходимо регулярно подтверждать свои атлантические устремления, даже в том случае, где членство откладывается из года в год.

Поскольку Грузия считается партнёром США, она вызывает интерес не только перманентными опасениями российской военной агрессии и наращиванием военной мощи со стороны Вашингтона. Её важным преимуществом является выход к Чёрному морю, а, значит, выход в Персидский залив и Индийский океан.

Для США присутствие на Кавказе принципиально важно – Тбилиси обеспечивает Вашингтону прямой выход не только на Россию, но и на Иран. Заявление Д. Трампа о выходе из соглашения по иранской ядерной программе и восстановлении всех санкций против этого государства,

в том числе вторичных (против тех, кто ведёт бизнес с Ираном), очертило контуры ключевой стратегической проблемы. Для США ею был не режим Б. Асада в Сирии, а его сосед – Иран.

Снятие экономических санкций против Ирана в начале 2016 г. означало для официального Тбилиси увеличение объёма иранских инвестиций и восстановление денежных транзакций. При этом не стоит переоценивать вклад Ирана в грузинскую экономику. С 2014 г. инвестиции оттуда шли, в основном, в три сектора: обрабатывающую промышленность, недвижимость, сельское хозяйство и рыболовство. Иранские компании действуют в Грузии около 20–25 лет, их количество достигает 500, однако только 10 % от их числа являются крупными предприятиями.

Усугубляют и без того неприятную для США перспективу три дополнительных фактора в регионе Большого Кавказа с выходом на Ближний Восток:

1. Довольно успешная попытка взаимодействия России с Ираном в Сирии. Несмотря на определённые разногласия между Турцией и Ираном, турецкая сторона обозначила возможность проведения совместных (с Россией и Ираном) военных операций против джихадистов [21].

2. Угроза Ирана перекрыть Ормузский пролив, через который проходит 20 % всего мирового нефтяного экспорта, в том случае, если страну лишат возможности экспорта нефти через Персидский залив. Это приведёт к ещё большему кризису, чем «нефтяное эмбарго» 1973 г.

3. Третий фактор стал полной неожиданностью для администрации Трампа – уже упомянутое желание Анкары приобрести российские комплексы С-400.

Каково положение дел относительно военных рисков для Грузии с учётом вышеперечисленных факторов? В этом случае следует обратиться к аналитическим данным The Global Economy [16] (рекомендованному Американской экономической ассоциацией онлайн-ресурсу) и Credendo Group [14] (одной из крупнейших групп кредитных страховщиков в Европе). По индикатору военных рисков Грузии были собраны аналитические данные за 2014–2018 гг. (рис. 2). Среднее значение по Грузии за этот период составило пять индексных пунктов, минимум – пять индексных пунктов в 2014 г. и максимум пять индексных пунктов в том же году.

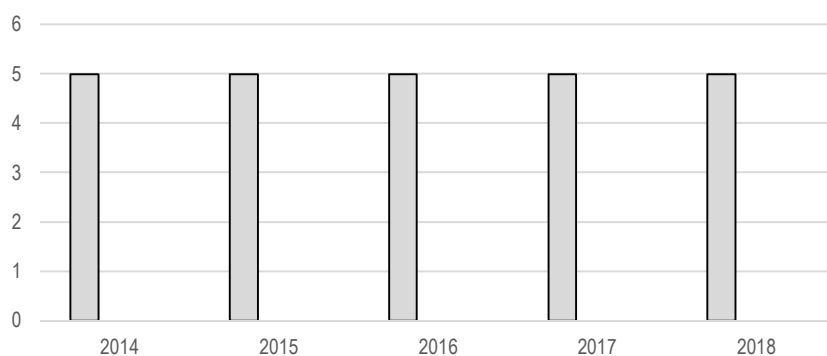

Рис. 2. Грузия: военный риск (по данным The Global Economy, Credendo Group)

Следует прояснить, что военный риск охватывает риски внешних конфликтов вкуче с рисками внутривнутриполитического насилия. В свою очередь, внутривнутриполитическое насилие включает терроризм, гражданские беспорядки, социально-экономические конфликты, расовую и этническую напряжённость и крайний случай гражданской войны. Страны подразделяются на семь категорий (от минимального риска в один пункт до наивысшего – в семь пунктов), что отражает интенсивность военного риска. Таким образом, можно говорить о перманентном сохранении среднего военного риска для Грузии на протяжении последних пяти лет.

Для сравнения следует привести данные по Азербайджану (рис. 3). Среднее значение для этого государства за аналогичный период составило четыре индексных пункта с минимумом в четыре индексных пункта в 2014 г., впоследствии показатель достиг максимума в пять пунктов в 2017 г. и сохранился до 2018 г.

В случае с военными рисками для Армении специалисты Credendo Group описывают идентичную ситуацию с Грузией. За пятилетний период (2014–2018 гг.) индикаторный показатель военных рисков для этого государства был выше среднего и составлял пять пунктов. Данная оценка Credendo Group не является исчерпывающей и требует сопоставления ряда дополнительных данных, предоставляющих вероятностное развитие события.

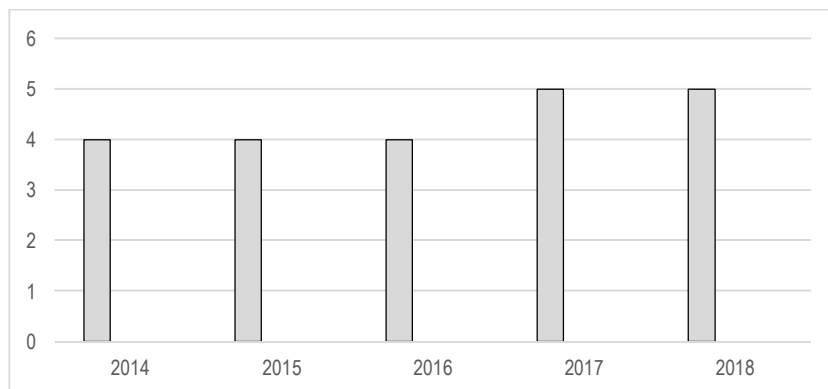

Рис. 3. Азербайджан: военный риск (по данным The Global Economy, Credendo Group)

Специалисты другого аналитического агентства по политическим рискам, мирового лидера в области управления рисками Marsh, описывают наступивший 2019 г. как год повышенной геополитической конфронтации (фактические приходят к более чем очевидному выводу). В случае с Грузией они подчёркивают, что отсутствие у этого государства контроля над спорными территориями является серьёзным препятствием для оценки долгосрочного индекса политического риска (54,9), поэтому можно говорить о неоднозначности оценки военных рисков в целом. Немаловажным выводом специалистов Marsh является их прогноз относительно закавказского государства, согласно которому желание Грузии вступить в НАТО и ЕС вряд ли будет достигнуто, учитывая твёрдую оппозицию России и её готовность использовать военную силу для сохранения сферы своего влияния на бывшей советской территории [15].

Таким образом, для американо-грузинских отношений характерно поступательное развитие с сохранением возможности вступления в НАТО. Традиционно Грузия выполняет функцию удобного проводника на Кавказе, в регионе, имеющем возрастающее геополитическое значение. Оно обусловлено не только нефтегазовыми маршрутами, но и близостью к «полумесяцу» государств Центральной Азии и Ближнего Востока. Благодаря своей роли в производстве и экспорте углеводородов Каспийского моря закавказские государства (Грузия в том числе) могли бы получить значительное экономическое развитие. Однако этого не происходит в силу многих взаимосвязанных причин. Речь идёт и о том, что пока демонстративно наращивается военная мощь государства, проводятся военные реформы (реализации «Существенного пакета НАТО – Грузия»), внутренние социально-экономические проблемы отходят на второй план.

На этом фоне действия НАТО в акватории Чёрного моря воспринимаются Россией довольно сдержанно, но в качестве традиционной угрозы. Риск открытой военной конфронтации между альянсом и Москвой в данном регионе относительно низкий, сохранение неурегулированных конфликтов на территории Кавказа затрудняет оценку политических рисков, требуя мониторинга американо-грузинских отношений и кооперации Грузии и НАТО.

Список литературы

1. Boulègue M. Russia and NATO: A Dialogue of Differences. Chatham House Expert Comment. – Режим доступа: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/russia-and-nato-dialogue-differ-en-ces?utm_source=Chatham%20House&utm_medium=email&utm_campaign=10502125_Publication%20Alert%20Mathieu%20Boulegue%20EC%2025042019&dm_i=1S3M,693HP,O7Z6H8,ONH22,1#, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
2. Georgian president asks for meeting with Trump before he meets with Putin. – Режим доступа: <http://agenda.ge/en/news/2019/270>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
3. Goryushina, E. M. Geopolitical Risks in the Caucasus / E. M. Goryushina // European Researcher. Series A. – 2016. – Vol. (112), iss. 11. – P. 541.
4. In NATO Speech, Trump Is Vague About Mutual Defense Pledge. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/05/25/world/europe/donald-trump-eu-nato.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
5. Inhofe, J. A U.S. Fighter Jet or a Russian Missile System. NotBoth / J. Inhofe, J. Reed, J. Risch, B. Menendez. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2019/04/09/opinion/turkey-united-states-f35conflict.html?fbclid=IwAR3yvhQNFhMmtKOWazHChReVKKbykR-f451438tv3hBVtIuz9ZnuNvLPAvM>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
6. Khramchikhin? A. Rethinking the Danger of Escalation: The Russia-NATO Military Balance / A. Khramchikhin. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2018/01/25/rethinking-danger-of-escalation-russia-nato-military-balance-pub-75346>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

7. Mankoff, J. Center for strategic and international studies (Washington, DC). *The Big Caucasus: Between Fragmentation and Integration* / J. Mankoff. – Washington, DC : Center for Strategic and International Studies, 2012. – 44 p.
8. Mead, W. R. *Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers* / W. R. Mead. – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/141211/walter-russell-mead/thereturn-of-geopolitics>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
9. Peel, M. *Georgia's president aims to deepen NATO ties on Black Sea security* / M. Peel, H. Foy. – Режим-доступа: <https://www.ft.com/content/58432dc0-1f3f-11e9-b126-46fc3ad87c65>, свободный. – Заглавиесэкрана. – Яз. англ.
10. *The Financial Crisis in Russia*. – Режим доступа: <https://worldview.stratfor.com/article/financial-crisis-russia>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
11. Дональд Трамп: Грузия может вступить в НАТО, но не сейчас. – Режим доступа: <https://www.newsgeorgia.ge/donald-tramp-gruziya-mozhet-vstupit-v-nato-no-ne-sejchas/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Какачиа, К. Энергетическая безопасность в свете российско-грузинской войны: последствия для Центрального Кавказа / К. Какачиа. – Режим доступа: https://ca-c.org/c-g/2009/journal_rus/c-g-4/06.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. НАТО согласовала меры поддержки Грузии и Украины в Черном море. – Режим доступа: <https://p.dw.com/p/3GGcC>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Официальный сайт Credendo Group. – Режим доступа: <https://www.credendo.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
15. Официальный сайт Marsh. – Режим доступа: <https://www.marsh.com/nz/campaigns/political-risk-mar-2019.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
16. Официальный сайт The Global Economy. – Режим доступа: <http://theglobaleconomy.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
17. Саммит НАТО в Уэльсе: основная информация. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_112107.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
18. Трамп все же знает, где Грузия. – Режим доступа: <https://sptnkne.ws/gABE>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. Учения «NATO-GEO EXERCISE 2019» начнутся в Грузии. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/654579>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
20. R. Marquand. *Russia's big Caucasus win*. Режим доступа: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2008/0814/p01s01-woeu.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
21. Цель – Идлиб: Сердюков возглавил российские войска в Сирии. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/army/2019/04/12/12297775.shtml?utm_source=push, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Boulègue M. *Russia and NATO: A Dialogue of Differences*. *Chatham House Expert Comment*. Available at: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/russia-and-nato-dialogue-differ-en-ces?utm_source=Chatham%20House&utm_medium=email&utm_campaign=10502125_Publication%20Alert%20Mathieu%20Boulegue%20EC%2025042019&dm_i=1S3M,693HP,07Z6H8,ONHZ2,1#.
2. *Georgian president asks for meeting with Trump before he meets with Putin*. Available at: <http://agenda.ge/en/news/2019/270>.
3. Goryushina E. M. *Geopolitical Risks in the Caucasus*. *European Researcher. Series A*, 2016, vol. 112, no. 11, p. 541.
4. *In NATO Speech, Trump Is Vague About Mutual Defense Pledge*. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/05/25/world/europe/donald-trump-eu-nato.html>.
5. Inhofe J., Reed J., Risch J., Menendez B. *A U.S. Fighter Jet or a Russian Missile System. Not Both*. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/04/09/opinion/turkey-united-states-f35conflict.html?fbclid=IwAR3yvhQNFhMmtKOWazHChReVKKbykR-f451438tv3hBVTIuz9ZnuNLPavM>.
6. Khranchikhin A. *Rethinking the Danger of Escalation: The Russia-NATO Military Balance*. Available at: <https://carnegieendowment.org/2018/01/25/rethinking-danger-of-escalation-russia-nato-military-balance-pub-75346>.
7. Mankoff J. *Center for strategic and international studies (Washington, DC). The Big Caucasus: Between Fragmentation and Integration*. Washington, DC, Center for Strategic and International Studies Publ., 2012. 44 p.
8. Mead W. R. *Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers*. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/141211/walter-russell-mead/thereturn-of-geopolitics>.
9. Peel M., Foy H. *Georgia's president aims to deepen NATO ties on Black Sea security*. Available at: <https://www.ft.com/content/58432dc0-1f3f-11e9-b126-46fc3ad87c65>.
10. *The Financial Crisis in Russia*. Available at: <https://worldview.stratfor.com/article/financial-crisis-russia>.
11. *Donald Trump: Грузия может вступить в НАТО, но не сейчас* [Donald Trump: Georgia may join NATO, but not now]. Available at: <https://www.newsgeorgia.ge/donald-tramp-gruziya-mozhet-vstupit-v-nato-no-ne-sejchas/>.
12. Kakachia K. *Energeticheskaya bezopasnost v svete rossiysko-gruzinskoy voyny: posledstviya dlya Tsentralnogo Kavkaza* [Energy security in the light of the Russian-Georgian war: implications for the Central Caucasus]. Available at: https://ca-c.org/c-g/2009/journal_rus/c-g-4/06.shtml.
13. *NATO soglasovala меры podderzhki Gruzii i Ukrainy v Chernom more* [NATO has agreed to support measures for Georgia and Ukraine in the Black Sea]. Available at: <https://p.dw.com/p/3GGcC>.
14. *The official website of Credendo Group*. Available at: <https://www.credendo.com>.

15. The official website of Marsh. Available at: <https://www.marsh.com/nz/campaigns/political-risk-map-2019.html>.
16. The official website of The Global Economy. Available at: <http://theglobaleconomy.com>.
17. *Sammit NATO v Uelse: osnovnaya informatsiya* [NATO Summit in Wales: basic information]. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_112107.htm.
18. *Tramp vse zhe znaet, gde Gruzija* [Trump does know where Georgia is]. Available at: <https://sptnkne.ws/gABE>.
19. *Ucheniya "NATO-GEO EXERCISE 2019" nachnuty v Gruzii* [The NATO-GEO EXERCISE 2019 will begin in Georgia]. Available at: <https://www.interfax.ru/world/654579>.
20. *R. Marquand. Russia's big Caucasus win*. Available at: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2008/0814/p01s01-woeu.html>.
21. *Tsel – Idlib: Serdyukov vozglavil rossijskie voyska v Sirii* [Purpose – Idlib: Serdyukov led the Russian troops in Syria] Available at: https://www.gazeta.ru/army/2019/04/12/12297775.shtml?utm_source=push.

РОЛЬ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА В РЕГУЛИРОВАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА КОНТИНЕНТЕ²⁰

Морозова Оксана Сергеевна, кандидат политических наук, доцент
Рязанский государственный радиотехнический университет им. В. Ф. Уткина
Российская Федерация, 390005, г. Рязань, ул. Гагарина, 59/1
E-mail: osmorozova80@mail.ru

Рассмотрена роль Африканского союза в регулировании избирательного процесса в странах-членах. Рассмотрена нормативно-правовая основа участия Африканского союза в наблюдении на выборах и изменении избирательного права и процесса на континенте. Проанализированы институциональные особенности регулирования избирательного процесса в Африке. Показаны роль и значение Африканской хартии демократии, выборов и управления для организации голосования в странах-членах Африканского союза. Поднимается вопрос об участии международных институтов в выборах. Подробно описана деятельность краткосрочных и долгосрочных миссий наблюдателей в процессе подготовки и проведения выборов, на примере Демократической Республики Конго. Проанализированы тенденции развития Африканского союза, включения в африканскую повестку Нового партнерства в интересах развития Африки (НЕПАД) и Африканского механизма коллегиального обзора (АМКО). Показаны особенности взаимодействия Африканского союза с другими международными организациями по вопросам проведения голосования, в том числе ООН, участие в проекте BRIDGE. Приведён критический анализ современного состояния Африканского союза, его значения для африканских стран и мирового сообщества.

Ключевые слова: международный уровень управления в сфере избирательного процесса, Африка, наблюдение, выборы, Африканский союз, Африканская Хартия демократии, выборов и управления

THE ROLE OF THE AFRICAN UNION IN THE REGULATING THE ELECTION PROCESS

Morozova Oksana S., Ph. D. (Policy), Assistant Professor
Ryazan State Radioengineering University
59/1 Gaqarina St., Ryazan, 390005, Russian Federation
E-mail: osmorozova80@mail.ru

The article deals with the role of the African Union in the regulation of the electoral process in the member States. The legal and regulatory framework for the participation of the African Union in the observation of elections and changes in the electoral law and process on the continent is considered. The institutional features of regulation of the electoral process in Africa are analyzed. The article shows the role and importance of the African Charter of democracy, elections and governance for the organization of voting in the member States of the African Union. The question of the participation of international institutions in the elections is raised. The article describes in detail the activities of short-and long-term observer missions in the preparation and conduct of elections, on the example of the Democratic Republic of the Congo. Trends in the development of the African Union, the inclusion of the New partnership for Africa's development (NEPAD) and the African peer review mechanism (APRM) in the African agenda were analysed. Features of interaction of the African Union with other international organizations concerning carrying out vote are shown. The article provides a critical analysis of the current state of the African Union, its importance for African countries and the world community.

Keywords: international level of governance in the electoral process, Africa, observation, elections, African Union, African Charter for democracy, elections and governance

²⁰ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №19-011-00484 «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса». (This article was financially supported by the Russian Federal Property Fund in the framework of project No. 19-011-00484 "The international level of governance in the field of the electoral process.")

Тематика, связанная с избирательным процессом, анализировалась учёными и специалистами-практиками в разные исторические периоды. На африканском континенте эти вопросы стали актуальны после окончания Второй мировой войны, когда большинство африканских стран получили независимость от колониальных держав. Этот интерес возник из-за предположения о том, что избирательные процессы и выборы, в частности, являются индикаторами перехода к демократии и ее консолидации [22, с. 12].

Одним из наиболее ярких явлений 1990-х гг. стало, по мнению Дж. Энглина, возникновение «международной индустрии мониторинга выборов» [3, с. 471]. Прежде чем достичь своего современного состояния, она развивалась вначале в Африке, затем распространилась в Центральной Америке, Восточной Европе и Центральной Азии и, в меньшей степени, на Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии. Объяснение этому можно найти в драматических изменениях политической обстановки как внутри стран, так и в мире. То, что наблюдение на выборах охватило африканские государства, свидетельствует о воспринимаемой стратегической важности Африки для внешнего мира.

Исследования избирательных процессов в африканских странах затрагивают прежде всего вопрос о том, укоренились ли выборы как основа демократии или же они являются лишь периодическими ритуалами [4, с. 67].

Другая сфера научных работ касается честности и прозрачности подготовки и проведения голосования, поскольку с тех пор как большинство африканских стран получили политическую независимость, итоги многих избирательных кампаний были оспорены. Более того, пример Королевства Эсватини (Свазиленда) показывает, что стал возможным полный отказ от политических партий и превращение парламента в совещательный орган [12, с. 20], в то время как в мировой науке обсуждается рост электорального потенциала политических партий [20, с. 26].

Наименее изученным остается вопрос об участии международных институтов в регулировании избирательного процесса на континенте [22, с. 13]. Из международных организаций, объединяющих исключительно африканские страны, наиболее активную роль в настоящее время играет Африканский союз (АС).

1963 г., когда была создана Организация африканского единства (ОАЕ), был отмечен как исторический год благодаря консенсусу в отношении принятия африканских общих ценностей. Он также рассматривается в качестве отправной точки для анализа тенденций в области управления на Африканском континенте. В 2000 г. был принят учредительный акт о создании Африканского союза, который, начав работу в 2002 г. стал правопреемником ОАЕ, объединив к настоящему времени 55 стран [2].

К числу основных инструментов поощрения конституционализма и верховенства права в Африканском союзе относятся: Африканская хартия прав человека и народов; протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке; Африканская хартия демократии, выборов и управления; Декларация о демократии, политическом, экономическом и корпоративном управлении и Африканская хартия ценностей и принципов государственной службы, и управления [1].

Африканская хартия демократии, выборов и управления (далее – хартия) была принята в 2007 г., в частности, из-за обеспокоенности по поводу того, что «неконституционная смена правительств стала одной из основных причин нестабильности, насильственных конфликтов, отсутствия безопасности в Африке». Поэтому в хартии подчеркивается решимость государств-членов поощрять и укреплять благое управление путём углубления и упрочения верховенства права, а также укрепления политической культуры смены власти на основе проведения регулярных, свободных, справедливых и транспарентных выборов [9].

В соответствии с этой хартией, государства-члены обязуются выполнять следующие задачи: поощрение демократии и уважения прав человека; поощрение и укрепление верховенства права; содействие проведению регулярных, свободных и справедливых выборов; запрещение, отклонение и осуждение неконституционных изменений в правительстве в государствах-членах; содействие борьбе с коррупцией; содействие участию граждан в управлении и подотчётности в управлении государственными делами; содействие обеспечению гендерного баланса и равенства; поощрение передовой практики в области управления выборами; укрепление сотрудничества между АС, региональными сообществами, государствами-участниками и международным сообществом в области демократии, выборов и управления [9].

Что касается управления выборами, то хартия требует, чтобы государства-участники придерживались декларации Союза о принципах, регулирующих выборы в Африке 2002 г. (Декларация о выборах), которая направлена на укрепление роли Союза в наблюдении за выборами и продвижении процесса демократизации.

В 2003 г. было учреждено Новое партнерство в интересах развития Африки (НЕПАД), которое в июле 2008 г. было включено в АС. Эта новая и важная инициатива направлена на экономическое, социальное и политическое обновление Африки. Стратегия разработана, возглавляется и управляется африканцами. Она основана на тесной взаимосвязи между эффективным управлением и развитием. Особое значение в ней уделено партнерству между Африкой и международным сообществом, прежде всего между африканскими правительствами и гражданским обществом в их странах [16].

Программа, созданная в рамках НЕПАД в 2003 г., – Африканский механизм коллегиального обзора (АМКО) – нацелена прежде всего на поддержание эффективного управления в Африке. Его деятельность способствует пропаганде согласованных ценностей, кодексов и стандартов политического, экономического и корпоративного управления. Те, кто принимает участие в этой программе, согласились предоставить на обозрение внутренние методы работы своего правительства. Четыре страны – Гана, Кения, Руанда и Уганда – изъявили желание быть первыми, кто подвергнется такому обзору. В случае обнаружения недостатков, соседи по континенту предлагают рекомендации по улучшению политики и практики в целях укрепления политической стабильности и поощрения экономического роста. Этот механизм, который отражает приверженность Африки подотчетности, эффективному управлению и демократии, уникален: ни один другой регион мира не имеет таких всесторонних средств самоконтроля [16].

После принятия Ассамблеей АС решения об интеграции АМКО в структуры АС её полномочия были расширены в 2017 г. Ассамблея Африканского союза приняла инициативу по активизации и переориентации АМКО в качестве секретариата НЕПАД [11].

На уровне государств-членов были проведены конституционные реформы, касающиеся инициатив по демократизации, которые привели к значительной политической либерализации и плюрализму в африканских странах. Основные достижения этих инициатив включают: восстановление многопартийной политики; утверждение президентских сроков; проведение регулярных и конкурентных выборов в законодательные палаты и на президентские должности; восстановление законодательных и надзорных функций в законодательных органах; обеспечение независимости судебной власти; появление и рост частных СМИ и других институтов гражданского общества [11].

В настоящее время АС в составе своих подразделений имеет Департамент по политическим вопросам, возглавляемый комиссаром по политическим отношениям, который отвечает за содействие, координацию и поощрение демократических принципов и верховенства закона, уважения прав человека, участия гражданского общества в процессе развития континента и достижения долговременных решений для решения гуманитарных кризисов. Непосредственно избирательными процессами занимается отдел «Демократия, управление, права человека и выборы». Кроме того, АС учредил Фонд помощи в проведении выборов (ФПВ) для предоставления финансовых ресурсов государствам-членам, если они не в состоянии полностью финансировать свои выборы [2].

АС наблюдает за проведением выборов в государствах-членах в рамках своей ответственности за обеспечение осуществления положений хартии и Декларации о принципах, регулирующих демократические выборы в Африке.

Руководящие принципы АС для миссий по наблюдению за выборами 2002 г. требуют, чтобы АС не только наблюдал за выборами (т. е. собирал информацию и информировал), но и контролировал выборы (т. е. АС должен наблюдать за избирательным процессом и вмешиваться, если нарушаются соответствующие законы или стандартные процедуры).

Почти через два года после принятия Учредительного акта АС расширил свои полномочия по применению силы в государствах-членах для предотвращения военных преступлений, геноцида и преступлений против человечества [8, с. 795]. Естественно, что при наличии такого возможного рычага давления, как применение военной силы, реализация функций наблюдения на выборах и подготовки рекомендаций по корректировке избирательного законодательства происходит успешнее.

АС первоначально рассматривал наблюдение за выборами как механизм превентивной дипломатии, т. е. как инструмент предотвращения возможной вспышки конфликтов. В настоящее время АС всё чаще рассматривает наблюдение за выборами в долгосрочной перспективе и охватывает все этапы выборов – предварительное голосование, голосование в день выборов и подведение итогов. Поэтому процесс наблюдения за выборами предполагает рассмотрение таких вопросов, как формирование избирательных округов, регистрация избирателей и кандидатов, а также урегулирование споров после завершения голосования [13].

Миссии наблюдателей готовят рекомендации, которые государства-члены, как ожидается, выполнят до своих следующих выборов. АС разработал стратегию для усиления этих рекомендаций, которая должна быть использована для пропаганды и проведения институциональных реформ избирательной системы в государствах-членах. Однако уровень принятия рекомендаций миссий, а также самой сути хартии остается крайне неравномерным, что является одной из ключевых проблем в сфере регулирования избирательных процессов [17, с. 4]. Из 55 стран-членов Африканского союза хартию подписали 46 государств, а ратифицировали только 33. Такие страны, как Марокко, Египет, Ливия, Ботсвана, Танзания, Эритрея, до настоящего времени не предприняли никаких шагов для подписания хартии.

Механизм направления миссий наблюдателей можно проиллюстрировать на примере одних из последних выборов в Африке. В связи с проведением президентских выборов, а также выборов в национальные и провинциальные законодательные органы Демократической Республики Конго, проходивших в декабре 2018 г., председатель комиссии Африканского союза сформировал Миссию по наблюдению за выборами для наблюдения и объективной оценки выборных мероприятий в ДРК.

Возглавляемая государственным секретарём (бывшим председателем Республики Мали), миссия прибыла в ДРК 28 ноября 2018 г. В её состав вошли 80 краткосрочных и долгосрочных наблюдателей. Последние представляли панафриканский парламент, органы управления выборами и общественные организации.

В рамках реализации своей цели миссия провела серию встреч и переговоров со сторонами, участвующими в избирательном процессе, в частности, с правительством, Национальной независимой избирательной комиссией, кандидатами, Высшим советом по телевидению, радиовещанию и рекламе, общественными организациями, а также с представителями международного сообщества.

В соответствии со своими задачами, миссия организовала собрание, посвящённое информации о социально-политической обстановке в ДРК, а также использованию планшетов для электронного сбора и передачи данных, полученных на местах.

В день выборов были сформированы 23 группы для работы в 13 провинциях страны. Эти группы посетили 317 пунктов голосования и подсчёта, из которых 281 пункт находился в городах и 36 – в сельской местности.

Всеобщие выборы дважды откладывались (в том числе из-за пожара, произошедшего на центральном пункте национального избиркома в назначенный день выборов – 23 декабря), но в конечном итоге были проведены 30 декабря 2018 г. По итогам работы миссия готовит краткий и подробный отчёты о выборах в стране [1].

Миссии АС и региональных сообществ обычно достигают консенсуса с другими неправительственными организациями и неафриканскими межправительственными группами, наблюдающими за практикой голосования на континенте [17, с. 6].

Помощь Африканскому союзу в проведении выборов традиционно оказывает Организация Объединённых Наций. Кроме того, в последние годы ООН увеличивает объём технической помощи и число связанных с выборами консультаций, предоставляемых в рамках посреднических усилий при урегулировании возникших в связи с выборами кризисов на континенте. ООН тесно сотрудничает с группой по оказанию помощи в проведении демократических выборов комиссии АС. Помимо прочего, увеличилось число поступающих из ООН в адрес группы приглашений принять участие в проводимых обучающих курсах и семинарах, в том числе по гендерным вопросам и проблеме насилия в связи с проведением выборов [23].

Департамент по политическим вопросам Африканского союза разрабатывает стандарты избирательного процесса, которые также включают в себя проведение предвыборных тренингов BRIDGE по различным аспектам управления выборами для избирательных комиссий на континенте. Проект BRIDGE представляет собой уникальную инициативу, в которой пять

ведущих организаций в области демократии и управления (Австралийская избирательная комиссия (АЕС), International IDEA, Международный фонд избирательных систем (IFES), Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Отдел по оказанию помощи в проведении выборов (UNEAD)) совместно взяли на себя обязательства по разработке, внедрению и поддержанию ресурсов в области демократии, управления и выборов. Это модульная программа профессионального развития с особым акцентом на избирательные процессы [6].

Несмотря на определённые успехи и достижения, само руководство АС в Докладе 2019 г. признаёт, что Африканский союз столкнулся с несколькими серьёзными проблемами:

- АС сильно фрагментирован и имеет слишком большое количество сфер интересов;
- сложная структура АС и ограниченный управленческий потенциал приводят к неэффективным методам работы, проблемам в принятии решений и отсутствию подотчётности;
- АС не является ни финансово независимым, ни самокупаемым – вместо этого полагается на партнерское финансирование;
- координация между АС и региональными сообществами ограничена [14].

Как отмечают аналитики, заметной дипломатической инновацией, после создания НЕПАД и принятия хартии, должна была стать АМКО, задача которой состояла в измерении прогресса на национальном уровне, с тем, чтобы партнеры лучше понимали внутренние проблемы друг друга, таким образом обеспечивая более реалистическую основу для взаимопомощи, устойчивого сотрудничества и возможной региональной интеграции. Но на практике этот процесс осуществляется исключительно между правительствами мало или вообще не принимает во внимание мнения и интересы гражданского общества Африки или общественное мнение [8, с. 821].

После обзора исследований, а также консультаций с государствами-членами и различными заинтересованными сторонами консультативная группа по реформам пришла к выводу, что для реализации амбиций повестки дня на период до 2063 г. и обеспечения действенного и эффективного выполнения своих полномочий АС необходимо изменить своё положение и обеспечить его необходимым институциональным потенциалом и возможностями с учётом меняющихся экономических, политических и социальных потребностей континента.

Президент Руанды П. Кагаме, который был уполномочен Ассамблеей глав государств в июле 2016 г. руководить этим процессом, сформировал панафриканскую консультативную группу в составе девяти экспертов, сделав основной упор на решение экономических, а не политических проблем [16].

Как пишет Дж. Б. Н. Айитти, президент Фонда «Свободная Африка», функционирование АС с самого начала было затруднено из-за его проблемного структурного дизайна, который был слишком централизован и слишком слаб. Столь же ошибочным, по его мнению, является возможность любой африканской страны вступить в АС, в отличие от стран ЕС, которые должны были соответствовать определённым политическим и экономическим критериям для членства [5].

В 2003 г. президент Южной Африки Табо Мбеки, председатель АС в этот период, признал, что НЕПАД подвергается серьёзной опасности провала, поскольку большинство африканских стран не способны эффективно использовать инвестиции в масштабах, предусмотренных партнерством. Им просто не хватало возможностей. Африка должна перестать слепо копировать Запад и искать модели своего политического устройства в своём коренном наследии. Вместо централизованной, но слабой организации, такой как АС, Африке нужен более свободный стиль конфедерации, который позволяет национальным субъектам координировать решения друг с другом, а не навязывать им выбор. Такая конфедерация должна также иметь строгие требования к членству, чтобы обеспечить достаточную общую почву для политической и экономической координации и общего видения будущего [5].

Главная проблема, стоящая сегодня перед Африкой, – это бедность, а экономическая зависимость от западных стран также подразумевает и политическую зависимость.

За последние полвека большинство стран Африки экспериментировали с демократией в границах плохо приспособленных постколониальных государств, где войны и нищета были изнурительными и широко распространёнными. С 1970 г. в Африке произошло более 30 войн, подавляющее большинство из них внутригосударственного характера [8, с. 795].

Вооружённые конфликты, предположительно, будут продолжать угрожать демократии континента, но эти конфликты почти всегда были внутри и не между африканскими государствами, и существуют прогнозы того, что они могут ослабевать [8, с. 799]. Последствия этих

конфликтов серьезно подорвали усилия Африки по обеспечению долгосрочной стабильности, процветания и мира для своих народов.

Африка слишком культурно разнообразна, территориально фрагментирована и не имеет ресурсов для создания единства сверху, одним лидером или сильной коалицией. Структурирование территориальной дифференциации, согласно определению этого понятия [21, с. 90], слишком велико.

Несмотря на то, что ряд исследователей [4, с. 80] приводит в своих работах данные о том, что 84 % голосующих в Африке ассоциируют себя со свободными и справедливыми выборами, в том числе, в Тунисе, Южной Африке, Гане, Сенегале и Алжире, Нигерии, Лесото и Ботсване, демократия на континенте, как и везде, переживает своего рода кризис.

Ожидания начала 1990-х гг. оказались чрезмерно завышенными и оправдались лишь частично. Даже зафиксированные в те годы в Бенине, Мали и Замбии успехи в демократическом строительстве не были сохранены [3, с. 490]. Это вызвало возвращение к вопросу оценки роли выборов в укреплении демократии и, в связи с этим, вклада в этот процесс наблюдателей из других стран Африки и из-за рубежа.

Вероятность устойчивой демократии может возрасти, если формирование выборных органов осуществляется в свете международного, заслуживающего доверия, беспристрастного внешнего наблюдения. Легитимные выборы сегодня широко признаны необходимым шагом на пути к развитию, по выражению Д. Комбьени, «более политически дееспособных государств» [7, с. 47].

Несмотря на сложности, с которыми столкнулся Африканский союз в своей деятельности и завышенные ожидания относительно возможности объединения по образцу Европейского союза, этот международный институт продемонстрировал очевидные успехи в деле регулирования избирательного процесса на континенте и точки дальнейшего роста.

Список литературы

1. African Commission on Human and Peoples' Rights. – Режим доступа: http://www.achpr.org/files/instruments/au-constitutive-act/au_act_2000_eng.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
2. African Union Declaration on the Principles Governing Democratic Elections in Africa, AHG/Decl. 1 (XXXVIII), 2002. – Режим доступа: https://www2.ohchr.org/english/law/compilation_democracy/ahg.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
3. Anglin, D. G. International Election Monitoring: The African Experience / D.G. Anglin // African Affairs. – 1998. – № 97. – P. 471–495.
4. Asamoah, J. K. The concept of agency theory in electoral democracy / J. K. Asamoah // Journal of African Elections. – 2018. – № 4. – P. 66–82.
5. Ayitey, G. B. N. Disband the African Union / G. B. N. Ayitey. – Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2016/07/10/disband-the-african-union>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
6. Bridge-project. – Режим доступа: <https://www.bridge-project.org/overview/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
7. Kombieni, D. American federalism as storehouse experience for a federated Africa / D. Kombieni // Journal de la Recherche Scientifique de l'Université de Lomé. – 2016. – № 4. – P. 44–48.
8. Levitt, J. Pro-democracy intervention in Africa / J. Levitt // Wisconsin International Law Journal. – 2010. – № 24 (3). – P. 785–833.
9. OAU/AU Treaties, Conventions, Protocols & Charters. – Режим доступа: <https://au.int/en/treaties/status>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
10. Ojo, E. O. Nigeria's 2007 General Elections and Succession Crisis: Implications for the Nascent Democracy / E. O. Ojo. – Режим доступа: <https://www.eisa.org.za/pdf/JAE6.2Ojo2.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
11. Over view of Institutional Reforms. – Режим доступа: <https://au.int/en/aureforms/overview>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
12. Simelane, H. S. The evolution of the Swazi electoral process: Ideological Contradictions. 1978–2015 / H. S. Simelane // Journal of African Elections. – 2017. – № 1. – P. 1–23.
13. Special Issue Open Access: The African Charter on Democracy, Elections and Governance at Ten. – Режим доступа: <http://www.aga-platform.org/node/204>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
14. The Africa governance report: Promoting African Union Shared Values, 2019. – Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/documents/36418-doc-eng_the_africa_governance_report_2019_final-1.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
15. The evolving role of intergovernmental organizations in election monitoring: a training seminar for the organization of African unity sponsored by the african american institute and the national democratic institute for international affairs. – 1996. – 576 p.
16. Unleashing Africa's Inner Strengths: Institutions, policies and champions – Report on AU Reforms by President Paul Kagame. – Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/au_reforms_article_by_kagame_brookings_institute_.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

17. Wiebusch, M. Introduction: The African Charter on Democracy, Elections and Governance at 10 / M. Wiebusch, C. C. Aniekwe, L. Oette, S. Vandeginste // *Journal of African Law*. – 2019. – № 63. – P. 3–7.
18. Гамбари, И. А. Помощь Африке стала возрастать / И. А. Гамбари. – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2005-05-25/6_pomoshch.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. Гришин, Н. В. Избирательный Кодекс как проект оптимизации избирательной системы России / Н. В. Гришин, Е. П. Мармилова // *Человек. Сообщество. Управление*. – 2013. – № 4. – С. 53–63.
20. Гришин, Н. В. Партии как привилегированный субъект избирательного процесса: результаты институционального эксперимента / Н. В. Гришин // *Политическая наука*. – 2015. – № 1. – С. 12–29.
21. Гришин, Н. В. Биполярная модель структурирования геоэлекторального пространства России / Н. В. Гришин // *Власть*. – 2009. – № 4. – С. 86–90.
22. Морозова, О. С. Политика Содружества наций в сфере организации и проведения выборов / О. С. Морозова // *Выборы: теория и практика*. – 2019. – № 1. – С. 12–21.
23. Политические вопросы и вопросы миростроительства ООН. – Режим доступа: <https://dpra.un.org/ru/african-union>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. *African Commission on Human and Peoples' Rights*. Available at: http://www.achpr.org/files/instruments/au-constitutive-act/au_act_2000_eng.pdf.
2. *African Union Declaration on the Principles Governing Democratic Elections in Africa, AHG/Decl.1 (XXXVIII), 2002*. Available at: https://www2.ohchr.org/english/law/compilation_democracy/ahg.htm.
3. Anglin D. G. International Election Monitoring: The African Experience. *African Affairs*, 1998, no. 97, pp. 471–495.
4. Asamoah J. K. The concept of agency theory in electoral democracy. *Journal of African Elections*, 2018, no. 4, pp. 66–82.
5. Ayitey G. B. N. *Disband the African Union*. Available at: <http://foreignpolicy.com/2016/07/10/disband-the-african-union/>
6. *Bridge-project*. Available at: <https://www.bridge-project.org/overview>.
7. Kombieni D. American federalism as storehouse experience for a federated Africa. *Journal de la Recherche Scientifique de l'Université de Lomé*, 2016, no. 4, pp. 44–48.
8. Levitt J. Pro-democracy intervention in Africa. *Wisconsin International Law Journal*, 2010, no. 24 (3), pp. 785–833.
9. *OAU/AU Treaties, Conventions, Protocols & Charters*. Available at: <https://au.int/en/treaties/status>.
10. Ojo E. O. *Nigeria's 2007 General Elections and Succession Crisis: Implications for the Nascent Democracy*. Available at: <https://www.eisa.org.za/pdf/JAE6.2Ojo2.pdf>.
11. *Overview of Institutional Reforms*. Available at: <https://au.int/en/aureforms/overview>.
12. Simelane H. S. The evolution of the Swazi electoral process: Ideological Contradictions. 1978–2015. *Journal of African Elections*, 2017, no. 1, pp. 1–23.
13. *Special Issue Open Access: The African Charter on Democracy, Elections and Governance at Ten*. Available at: <http://www.aga-platform.org/nodel/204>.
14. *The Africa governance report: Promoting African Union Shared Values, 2019*. Available at: https://au.int/sites/default/files/documents/36418-doc-eng_the_africa_governance_report_2019_final-1.pdf.
15. *The evolving role of intergovernmental organizations in election monitoring: a training seminar for the organization of African unity sponsored by the African American institute and the national democratic institute for international affairs*. 1996. 576 p.
16. *Unleashing Africa's Inner Strengths: Institutions, policies and champions – Report on AU Reforms by President Paul Kagame*. Available at: https://au.int/sites/default/files/au_reforms_article_by_kagame_brookings_institute_.pdf.
17. Wiebusch M., Aniekwe C. C., Oette L., Vandeginste S. Introduction: The African Charter on Democracy, Elections and Governance at 10. *Journal of African Law*, 2019, no. 63, pp. 3–7.
18. Gambari I. A. *Pomoshch Afrike stala vozrastat* [Aid to Africa has increased]. Available at: http://www.ng.ru/world/2005-05-25/6_pomoshch.html.
19. Grishin N. V., Marmilova E. P. *Izбирательny Kodeks kak proekt optimizatsii izbiratelnoy sistemy Rossii* [The electoral Code as a project to optimize the electoral system of Russia]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Man. Community. Management], 2013, no. 4, pp. 53–63.
20. Grishin N. V. *Partii kak privilegirovanny subekt izbiratel'nogo protsessa: rezultaty institutsional'nogo eksperimenta* [Parties as a privileged subject of the electoral process: the results of the institutional experiment]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2015, no. 1, pp. 12–29.
21. Grishin N. V. *Bipolyarnaya model strukturirovaniya geoelektoralnogo prostranstva Rossii* [A bipolar model of structuring geoelectrical space of Russia]. *Vlast* [Power], 2009, no. 4, pp. 86–90.
22. Morozova O. S. *Politika Sodruzhestva natsiy v sfere organizatsii i provedeniya vyborov* [The policy of the Commonwealth in the organization and conduct of elections]. *Vybory: teoriya i praktika* [Elections: theory and practice], 2019, no. 1, pp. 12–21.
23. *Politicheskie voprosy i voprosy mirostroitelstva OON* [Political and peace-building issues of the United Nations]. Available at: <https://dpra.un.org/ru/african-union>.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ КАК КУЛЬТУРНАЯ НОРМА: 100-ЛЕТИЕ АСТРАХАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ В ОТРАЖЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СТРАНЫ, РЕГИОНА, ГОРОДА

Марисова Наталья Дмитриевна, кандидат педагогических наук, доцент,
председатель регионального отделения Всероссийской ассоциации искусствоведов
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: natalia.marisova@mail.ru

Статья прослеживает историю создания и функционирования Астраханской государственной картинной галереи с момента идеи передачи частного художественного собрания городу и открытия первого на Юге России художественного музея до настоящего времени. Анализ трансформации музейных экспозиционно-выставочных доминант, связанных с идеологическими, историко-культурными процессами времени в контексте историко-художественных событий, происходивших и происходящих в стране, выявляет причинно-следственные связи в трансформационных процессах экспозиционной, хранительской, выставочной и музейно-педагогической деятельности времени расположения музея в частном доме основателя П. М. Догадина до функционирования картинной галереи как головного музея, в состав которого входят Гравюрный кабинет (отдел зарубежного искусства) и филиалы: «Дом-музей Б. М. Кустодиева», «Дом-музей Велимира Хлебникова», музейно-культурный центр «Дом купца Г. В. Тетюшинова». Особое место уделяется нами формированию публикационно-библиографического массива, сопровождающего деятельность художественного музея: каталогов выставок, научных публикаций сотрудников с результатами изыскательской работы по уточнению провенанса каждого музейного экспоната, его участия в международном, отечественном и региональном выставочном процессах. Рассмотрены вопросы взаимодействия государственного художественного музея и Всероссийской общественной организации «Ассоциация искусствоведов», сопровождающей публикационную, исследовательскую деятельность научных сотрудников музея, а также поддерживающей инициативные проекты молодых исследователей-культурологов.

Ключевые слова: музей, экспозиция, музейный проект, даритель, собиратель-коллекционер, хранитель, культурная норма, генезис музея, художественно-мемориальный музей, культурное пространство

REGIONAL MUSEUM AS A CULTURAL NORM: THE 100TH ANNIVERSARY OF THE ASTRAKHAN STATE PICTURE GALLERY IN THE REFLECTION OF THE HISTORICAL PROCESSES OF A COUNTRY, REGION, CITY

Marisova Natalia D., Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor,
Chairman of the regional branch of the All-Russian Association of Art Historians
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: natalia.marsova@mail.ru

The article traces the history of the creation and functioning of the Astrakhan state art gallery from the moment of the idea of transferring the private art collection to the city and opening the first art Museum in the South of Russia to the present time. Analysis of the transformation of Museum exhibition dominants associated with the ideological, historical and cultural processes of time in the context of historical and artistic events that took place and are taking place in the country reveals the cause-and-effect relationships in the transformation processes of exposition, storage, exhibition and Museum-pedagogical activities of the time of the Museum location in the private house of the founder P. M. Dogadin before the functioning of the Art gallery as the head Museum, which includes the Engraving office (Department of foreign art), and branches "House-Museum of B. M. Kustodiev", "House-Museum of VelimirKhlebnikov", Museum and cultural center "House of merchant G. V. Tetyushinov". A special place in the article is given to the formation of the publication-bibliographic array accompanying the activities of the art Museum: exhibition catalogues, scientific publications of employees with the results of the survey work to clarify the provenance of each Museum exhibit, its participation in international, domestic and regional exhibition processes. The author addresses the issues of interaction between the state art Museum and the all-Russian public organization "Association of art historians", which accompanies the publication, research activities of the Museum's researchers, as well as supporting the initiative projects of young researchers-cultural scientists.

Keywords: Museum, exhibition, Museum project, the donor, the collector, collector, curator, cultural norm, the Genesis of the Museum, art memorial Museum, a cultural space

Культурная норма как «стандарт культурной деятельности, регулирующий поведение людей, свидетельствующий об их принадлежности к конкретным социальным и культурным группам и выражающий их представление о должном, желательном» [5, с. 101] является

инструментом организации деятельности практически всех государственных и общественных образований. Музей как социокультурный институт в этом случае не является исключением: учреждение, миссией которого является хранение, изучение и презентация историко-культурного наследия, организует свою деятельность в правовом и морально-этическом пространстве, ограниченном принятыми стандартами, традициями, актуальными социокультурными задачами общества. Нормотворчество в музейном деле непреложно связано с государственными требованиями, изучением культурной динамики, позволяющей одному из значимых культурных институтов быть востребованным обществом, актуальным по видам и формам деятельности, интегративным по видам профильной коммуникации.

Интересным, на наш взгляд, представляется проведение анализа не только кардинальных в деятельности музея изменений, связанных с эпохальными историческими событиями (смена общественно-исторической формации, революционные или военные действия, глобальные стихийные бедствия и проч.), но и «мирных» изменений в организации деятельности и презентации коллекций музея с учётом вызовов историко-культурной среды, особенностей основных направлений государственной политики, социально-экономического и культурно-эстетического окружения музея.

Российские региональные музеи, рождённые после октябрьских событий 1917 г., в большинстве своём приняли на учёт предметы, реквизируемые у хозяев имений, усадеб, дворцов. Не ориентирующиеся в мире антиквариата, культурного наследия, не способные определить степень аутентичности и эксклюзивности, сотрудники таких музеев выполняли в основном обязанности хранителей, зрителей. Интерпретация же коллекций имела явно идеологический характер, подчёркивая роскошь художественных предметов или утилитарных, но искусно выполненных вещей, как привилегию избранных, достигающих возможность приобретения дорогих коллекций ценой жестокой эксплуатации рабочих и крестьян. Однако нередки были случаи, когда именно владельцы, воспитанные в атмосфере распространённого во второй половине XIX в. меценатства, становились инициаторами обобществления своих личных коллекций, получая, таким образом, возможность остаться рядом с тщательно подобранными в единое логичное собрание предметами внутри привычных или специально в своё время организованных для собрания интерьеров. Дело сохранения культурного наследия ставилось многими русскими интеллигентами выше политических притязаний – такова была культурная норма первых постреволюционных лет. Такое поведение может быть объяснено, на наш взгляд, событиями рубежа веков, которые сформировали устоявшиеся принципы экскурсионного сопровождения. Н. П. Анциферов, А. В. Бакушинский, И. М. Гревс, Н. А. Гейнике и др., в 1910-е гг. размышлявшие над теоретическими и методическими проблемами экскурсионного дела, после революции способствовали становлению краеведческого движения в стране, что было так же популярно, как феномен публичного музея, имевшего тесную связь с трудовой политехнической школой [8, с. 128–129].

Процесс, в результате которого к октябрю 1917 г. в крупных городах сформировались экскурсионные корпуса, начался после Февральской революции, когда дворцовые музеи и коллекции были национализированы и объявлены национальной собственностью. Художественно-исторические комиссии, принимавшие, каталогизировавшие собрания, не только обучали экскурсионному сопровождению тех, кому было доверено хранить, изучать и презентовать собрания, но и сформировали принципы организации музейного дела, в том числе принципы экскурсоведения. Поскольку в состав комиссии входили крупнейшие отечественные искусствоведы и музеологи (В. А. Верещагин, Г. К. Лукомский, П. П. Вейнер и др.), настолько авторитетно сформулировавшие принципы музейного дела, что те были переняты советскими музеями и сохранены до настоящего времени. Это признанный канон культурной нормы для музея как институции.

Что касается судеб дореволюционных коллекционеров, то они сложились по-разному: одни были разлучены со своими коллекциями, ставшими государственными, другие продолжали хранить и презентовать их в новом качестве. Так, известный собиратель древнерусских предметов религиозный философ Павел Флоренский стал хранителем ризницы Троице-Сергиевой лавры; собиратель одной из лучших российских коллекций картин импрессионистов Д. И. Шукин работал помощником хранителя Музея зарубежной живописи, основанного на его

собственном дореволюционном собрании; коллекции мецената А. В. Морозова были национализированы, но хранились у прежнего владельца, которому была выдана охранная грамота (затем он станет пожизненным хранителем собраний в ставшем уже государственным Музее-выставке русской художественной старины). Собиратель театральных костюмов и реквизита А. А. Бахрушин до конца своей жизни являлся директором основанного им в 1894 г. (тогда частного, но открытого для свободного посещения) Театрального музея.

21 октября 1918 г. астраханским инженером из известной в городе купеческой семьи было собственноручно написано дарительное заявление: «В Астраханский Губернский Совет Профессиональных Союзов. Павла Михайловича Догадина Заявление. В интересах создания Художественного музея в Астрахани и с целью тем самым способствовать поднятию культурного уровня рабочего населения г. Астрахани, я предлагаю Астраханскому губернскому Совету Профессиональных Союзов в собственность своё собрание картин, рисунков и автографов, подробно перечисленных в прилагаемом при сём списке, с тем, чтобы это дело ширилось и росло и послужило основанием большому художественному музею. Я же со своей стороны по мере своих сил и возможностей приложу старания к расширению и процветанию дома. Пав. Догадин. Астрахань, 21 октября 1918г. 3-й участок Набережной Кутума, участок Чесноковского ерика, собств. дом» [4, с. 1025].

Галерея и Музей советов профессиональных союзов Астраханского края имени основателя П. М. Догадина, открывшие свои двери 15 декабря 1918 г. в усадьбе по набережной городской реки Кутум, расположившиеся в просторном одноэтажном доме с четырёхскатной черепичной крышей и мезонином-пристроением в стиле провинциального ампира, содержала уникальные по художественному мастерству произведения искусства.

Велимир Хлебников, работавший в это время корреспондентом местной газеты «Красный воин», опубликовал по случаю открытия в Астрахани художественного музея статью «Открытие художественной галереи». В ней с присущей поэту-будетлянину оригинальностью охарактеризована представленная коллекция: «Составленное с большим вкусом собрание охватывает многие течения русской живописи, впрочем, не левее “Мира искусства”. Здесь и маститый Шишкин [...], и дерзкий красочный мятежник Малявин [...], И. Репин [...], Бенуа [...]. Нужно отметить увядающие “Розы” Сапунова и “Камни” Рериха. Нестерову принадлежит большая прекрасная вещь “За Волгой”, полная красоты гордого молчаливого увядания. Другая его вещь “Видение отрока Варфоломея”, где мальчик в лаптях, с пастушеским бичом и золотым сиянием кругом русых волос, очарованный стоит перед своим видением – пришедшим с того света старцем, опёршимся на дерево призраком, в клобуке инок. Эта вещь – жемчужина всего собрания. Сурикову принадлежит голова стрельца, набросок к его “Стеньке Разину”. Несколькими вещами представлен Серов с его “кровным”, сильным мазком, и Сомов, владелец утончённой кисти “горожанина”. Великий Врубель представлен наброском к “Царевне-Лебеди”. Врубель, этот Мицкевич живописи, и алое бешенство Малявина, тихое отречение и уход от жизни Нестерова и неодолимая суровость Сурикова вносит свою струну языческой сказки и цветовой гордости. Астраханские художественные силы, собранные теперь в общину художников, представлены красочным Кустодиевым, Мальцевым и Котовым. “Верочка” Котова, освещённая солнцем и утопающая в цветах, – крупная надежда» [11, с. 617–619].

Директорство П. М. Догадина, которое даритель совмещал с обязанностями хранителя, продлилось 1 год и 14 дней. 29 декабря 1919 г. он скончался в возрасте 43 лет от брюшного тифа, свирепствовавшего тогда на Нижней Волге. К этому времени художественное собрание галереи увеличилось вдвое и пополнилось работами М. Сарьяна, М. Сабашниковой, П. Кузнецова, С. Малютина. В библиотеке галереи появились общедоступные для чтения журналы «Мир искусства», «Свободные часы», монографии о художниках.

Последнее, как и поступление в коллекцию Астраханской картинной галереи полотен произведений русского авангарда (работ К. Малевича, В. Кандинского, А. Родченко, В. Ходасевич и др.), стало возможным при активной деятельности соратника П. М. Догадина –

В. А. Эйфорта, человека с удивительной судьбой, вобравшей в себя блистательную карьеру²¹ и трагедию сталинского режима, пережитую многими этническими советскими немцами. Во время Великой Отечественной войны в 1941 г. Эйфорт был сослан в Карагандинскую область, где работал учетчиком горючего, сторожем, школьным учителем, бухгалтером в сельпо, затем художником в клубе. Лишь недавно сотрудниками Карагандинского художественного музея было обнаружено захоронение искусствоведа [5]. Благодаря стараниям В. А. Эйфорта галерея приобрела несколько десятков высокохудожественных произведений, которые не только украсили коллекцию, но и принесли ей мировую славу: Эйфорт расположил к астраханскому художественному собранию Василия Кандинского, выдающегося мастера, возглавлявшего на тот момент художественную коллегия Отдела ИЗО Наркомпроса и лично участвовавшего в сборе произведений новых, авангардистских течений для картинной галереи на Нижней Волге. Так, в коллекцию Астраханской картинной галереи им. П. М. Догадина вошли полотна Василия Кандинского, Казимира Малевича, Марка Шагала, Николая Рериха, Ольги Розановой, Ивана Клыуна, Валентины Ходасевич, Александра Родченко [7, с. 144].

Обратим при этом внимание на культурный код сталинских времен: с одной стороны, в 1921 г. догадинские коллекции обрели новое место расположения – просторный особняк гласного Астраханской городской думы, а затем городского головы И. Н. Плотникова; с другой – в 1922 г. галерея утрачивает имя «деклассированного элемента». В 1958 г. она обретает имя выдающегося художника, астраханца по рождению, Б. М. Кустодиева, признанного в мире как «певца русских красавиц-купчих», а в СССР – как автора полотен «Большевик», «Портрет Федора Шаляпина», «Октябрь 1917 года в Петрограде».

Поскольку в 2002 г. в Астрахани был открыт филиал АГКГ «Дом-музей Б. М. Кустодиева», стало возможным вернуть основному собранию картинной галереи прежнее имя. Официальное решение вопроса было принято в 2006 г. [6, с. 7].

Возвращаясь к судьбе обобщественного художественного собрания П. М. Догадина после его смерти, директором и хранителем картинной галереи становятся Н. П. Протасов, а затем П. И. Волков, возглавлявший музей в довоенное время.

«Культурной нормой» в СССР 30–50-х гг. стало такое явление, как репрессии людей, смевших трактовать и анализировать процессы, происходившие в это время в стране не «по указке партии». Подверглась этому и О. М. Рындина, петербурженка, родившаяся в дворянской семье. Получив историко-филологическое образование на Высших женских (Бестужевских) курсах, искусствovedческое – в Институте истории искусства, она работала научным сотрудником в секции экскурсий музейного отдела Эрмитажа, заведовала экскурсионным отделом Ленинградского университета, проводила экскурсии по Русскому музею, музею Академии художеств, по Ленинграду и его пригородам. В марте 1935 г. по предписанию НКВД искусствoved была выслана в Астрахань «как социально опасный элемент». Любопытной чертой дуальности культурной нормы названного времени является то, что в Астрахани ссыльная, неблагонадежная Рындина «занималась преподаванием иностранных языков: немецкого – группе партактива ВЛКСМ (!) при управлении Нижне-Волжского пароходства; английского – преподавателям и студентам рыбного института. Директор Астраханской картинной галереи Н. П. Протасов предложил ей участвовать в жизни музея. Она вошла в совет при картинной галереи и стала знакомиться с художественными традициями и художниками города. В 1944 г. за обзоры художественных выставок, подготовку листовок о художниках города, чтение лекций широкой публике, публикацию статей Ольгу Михайловну Рындину приняли в Астраханское отделение Союза художников СССР в качестве искусствovedа. Начиная с 1956 г. и до конца жизни она занималась популяризацией изобразительного искусства на радио, телевидении, в местной печати, опубликовала более пятидесяти статей, каталогов, буклетов об искусстве, творчестве астраханских художников. О. М. Рындина является автором монографии о Павле Алексеевиче Власове, которая вышла в 1965 г. в издательстве «Художник РСФСР» в Ленинграде [3].

²¹ Покинув Астрахань, В. А. Эйфорт работал учёным секретарём Наркомпроса, заместителем директора Третьяковской галереи, возглавлял Музей изобразительных искусств имени Пушкина в Москве, являлся торговым представителем и экспертом по антиквариату в Берлине, Париже.

В годы Великой Отечественной войны здание Астраханской картинной галереи было полностью переоборудовано под военный эвакогоспиталь 3267 (3801) НКО. Культурным кодом времени определяется положение художественной коллекции в состоянии консервации.

По окончании Сталинградской битвы (1943 г.) в здании развернул работу госпиталь НКВД для военнопленных № 5762. Назначенный директором галереи, А. М. Токарев вместе со своим учеником и последователем Н. Н. Скоковым составляет новые книги описи музейных предметов, под светом керосиновой лампы, в холодном, неотопляемом помещении, готовя коллекцию к открытию экспозиции. Открытие музея состоялось в январе 1944 г., что усилило веру жителей прифронтового города в скорую победу. Культурная норма этих лет была содержательно направлена на идеологически оправданный оптимизм – веру в скорую победу советского народа над фашистской Германией.

Послевоенные годы галереи – это активная созидательная деятельность коллектива сотрудников под руководством А. М. Токарева (до 1947 г.), О. П. Кулагиной (до 1949 г.), С. Г. Масленникова (до 1964 г.), А. П. Типисева (до 1971 г.), Н. Н. Скокова (до 1975 г.). Затем, уже утвердившаяся мирная жизнь ставит перед музеями педагогические задачи, на решение которых будут направлять сотрудников галереи директора Л. И. Ильина (до 2005 г.), Н. Д. Марисова (до конца 2010 г.). В указанные годы картинная галерея принимала активное участие в международном выставочном процессе²². В помещениях был проведён капитальный ремонт с обновлением систем безопасности, оборудованиём хранилищ, компьютеризацией деятельности сотрудников; открыты Гравюрный кабинет, музейно-культурный центр «Дом купца Г. В. Тетюшинова»; начат выпуск музейной газеты «Догадинка»; стартовал проект «Музейный дворик» с проведением бесед, встреч, концертов; начато освоение прогулочного кораблика с экскурсиями по набережной реки Кутум; становятся системными занятия юных любителей живописного искусства. Всё это становится отражением культурной нормы 2005–2010 гг., определяющей музейную задачу открытости для всех возрастных стран населения, демократизации взаимодействия с посетителем, досуговой и креативно-творческой составляющей.

В настоящее время, поставившее перед руководством музеями владение менеджментом, музеем руководит опытный организатор культурно-массовых проектов И. И. Перова. И. И. Перова стала инициатором системных «живых музейных уроков», обновления дизайна и оборудования музейных помещений; реставрации музейных предметов силами высококлассных специалистов ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря (Москва), работой с людьми с ограниченными по состоянию здоровья возможностями.

В пандан с активизацией процессов взаимодействия с коллекционерами, меценатами, краеведами, сформировавшимися в деятельности галереи советского и постсоветского пространства, в настоящее время активно входят в музейную практику творческие инновации, привносимые молодыми дипломированными специалистами-культурологами; сохраняются традиции, заложенные легендарными музейщиками и друзьями галереи – А. А. Перовым, П. И. Котовым, Е. И. Нешмониной, О. П. Недорезовой, К. М. Чернышовой, Г. Н. Петровой, А. И. Камкиным, И. В. Анохиной, Т. Я. Слободских, М. В. Лукиной, Г. А. Машаровой – и продолженные современными галеристами и исследователями проблем искусства – Р. А. Захаровой, А. А. Мамаевым, В. П. Ватаман, Т. К. Кустодиевой, А. С. Марковым, А. П. Минаевым и др.

Культурной нормой современности стало возрождение исторической памяти. В рамках деятельности художественного музея – это реконструкция исторических событий и имён. Однако имя основателя здесь не забывалось. В 1980 г. была выпущена книга сотрудника картинной галереи И. Анохиной «Высокий дар», рассказывающая о жизни П. М. Догадина и его собирательской деятельности [1, с. 132]. Плодом ещё одной серьёзной исследовательской работы, проведённой Т. Я. Слободских, стал каталог коллекции П. М. Догадина [9, с. 178].

В результате архивных исследований Р. А. Захаровой была составлена историческая записка к проекту реставрации дома П. М. Догадина, где в 1918 г. был открыт Художественный музей. Творческими коллективами музейщиков издан обновленный альбом «Астраханская картинная галерея» [2, с. 192]. Портрет основателя галереи все эти годы встречает посетителя перед входом в экспозиционные залы, а в музейном сообществе галерею почтительно

²² Данный процесс стал возможным при смене социально-политической формации в нашей стране. Культурная норма времени определила курс на интегративность российского художественного наследия в мировое сообщество поклонников изобразительного искусства.

называют Догадинкой. Вероятно, это стало аргументом в пользу того, что культурной нормой современных музейщиков была воспринята необходимость издания научного каталога.

При участии регионального отделения Всероссийской ассоциации искусствоведов и расположения к музейному сообществу астраханского издателя Р. В. Сорокина в июне 2019 г. напряжённый академический труд научных сотрудников галереи И. В. Страшко, М. Ш. Такташева, В. В. Харламова издан каталог «Коллекция произведений П. М. Догадина в собрании Астраханской картинной галереи» [10]. Кроме того, по ходатайству регионального отделения Всероссийской ассоциации искусствоведов были материально поддержаны профессиональные проекты научных сотрудников галереи В. В. Харламова, В. П. Ватаман, Н. Д. Марисовой, О. О. Кузовлевой, А. А. Мамаева, И. В. Страшко, исследователя астраханской исторической архитектуры Н. И. Бондаревой, калмыцкого художника, друга АГКГ С. К. Ботиева.

Каковы будут культурные нормы и как они отразятся в следующем столетии регионального художественного музея – покажет время.

Список литературы

1. Анохина, И. Высокий дар / И. Анохина. – Волгоград : Нижневолжское книж. изд-во, 1980. – 132 с.
2. Астраханская государственная картинная галерея имени П. М. Догадина / авт.-сост.: И. И. Перова, М. В. Емелина, Р. А. Захарова, Т. Н. Макарова, Н. В. Мартынова, И. В. Страшко, С. В. Сухова, Р. А. Таркова, В. В. Харламов. – Астрахань, 2013. – 192 с.
3. Выставка одной картины. Титов А. К. Портрет искусствоведа О. М. Рындиной (к 140-летию со дня рождения). – Режим доступа: http://agkg.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=274296, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Догадин, П. М. Дарительное заявление. Документ / П. М. Догадин // Государственный архив Астраханской области. – Р-1025.
5. Культурология. XX век : в 2 т. / гл. ред. С. Я. Левит. – Санкт-Петербург : Университетская книга ; Алетейя, 1998. – Т. 2. – С. 101.
6. Астраханская государственная картинная галерея имени П. М. Догадина / Н. Д. Марисова, Р. А. Захарова, Г. А. Машарова, С. В. Сухова, А. С. Смолина, А. А. Мамаев. – Астрахань : Волга, 2008. – 144 с.
7. Машнина, А. Мы же не город со стертой памятью / А. Машнина. – Режим доступа: <http://nv.kz/2017/09/22/172434/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. – 3-е издание. – Москва : ВК-Кодекс, 2010.
9. Слободских, Т. Коллекция Павла Догадина / Т. Слободских. – Астрахань, 2007. – 178 с.
10. Страшко, И. В. Коллекция произведений П. М. Догадина в собрании Астраханской картинной галереи / И. В. Страшко, М. Ш. Такташев, В. В. Харламов. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2019. – 132 с.
11. Хлебников Велимир. Творения. – Москва, 1986. – С. 617–619.

References

1. Anokhina I. *Vysokiy dar* [High gift]. Volgograd, Lower Volga books Publ., 1980, 132 p.
2. Perova I. I., Yemelina M. V., Zakharova R. A., Makarova T. N., Martynova N. V., Strashko I. V., Sukhova S. V., Tarkova R. A., Kharlamov V. V. *Astrakhanskaya gosudarstvennaya kartinnaya galereya imeni P. M. Dogadina* [Astrakhan State Art Gallery named after P. M. Dogadin]. Astrakhan, 2013, 192 p.
3. *Vystavka odnoy kartiny. Titov A. K. Portret iskusstvoveda O. M. Ryndinoy (k 140-letiyu so dnya rozhdeniya)* [An exhibition of one picture. Titov A.K. Portrait of an art critic O. M. Ryndina (on the 140th birthday)]. Available at: http://agkg.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=274296.
4. Dogadin P. M. Daritelnoe zayavlenie. Dokument [Donation statement. Document]. *State Archive of the Astrakhan Region*, R-1025.
5. *Kulturologiya. XX vek: v 2 tomakh* [Culturology. XX century: in 2 vol.]. Ed. by S. Ya. Levit. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., Aleteyya Publ., 1998, vol. 2, p. 101.
6. Marisova N. D., Zakharova R. A., Masharova G. A., Sukhova S. V., Smolina A. S., Mamaev A. A. *Astrakhanskaya gosudarstvennaya kartinnaya galereya imeni P. M. Dogadina* [Astrakhan State Picture Gallery named after P. M. Dogadin]. Astrakhan, Volga Publ., 2008, 144 p.
7. Mashnina A. *My zhe ne gorod so stertoy pamyatyu* [We are not a city with an erased memory]. Available at: <http://nv.kz/2017/09/22/172434/>.
8. *Muzeynoe delo Rossii* [Museum business of Russia]. Ed. by M. Ye. Kaulen, I. M. Kossova, A. A. Sundieva. Moscow, VK-Kodeks Publ., 2010, 3rd ed.
9. Slobodskikh T. *Kollektsiya Pavla Dogadina* [Collection of Pavel Dogadin]. Astrakhan, 2007, 178 p.
10. Strashko I. V., Taktashev M. Sh., Kharlamov V. V. *Kollektsiya proizvedeniy P. M. Dogadina v sobranii Astrakhanskoy kartinnoy galerei* [Collection of works by P. M. Dogadin in the collection of the Astrakhan Picture Gallery]. Astrakhan, Publisher Sorokin Roman Vasilevich, 2019, 132 p.
11. *Khlebnikov Velimir. Tvoreniya* [Khlebnikov Velimir. Creations]. Moscow, 1986, pp. 617–619.

ТЕХНОИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ТЕХНОГЕННОГО²³

Кашкаров Алексей Михайлович, аспирант
Астраханский государственный университет
Астрахань, ул. Татищева 20а,
E-mail: leshik333@bk.ru

Рассмотрена проблема формирования техноидеологии современного общества, которая выступает своего рода социокультурным фактором и играет существенную роль в формировании человека техногенного. При этом обосновывается, что техноидеология выступает закономерным результатом развития современного общества, поскольку данный концепт, преломляя актуальные потребности и желания нового «социального организма» сквозь призму собственного видения, находит отклик и возможности для их реализации. Кроме того, предпринимается попытка доказательства того, что пространство современной социальной реальности таково, что технологизация и виртуализация определяются как сущностные характеристики современного общества. Человек, преодолевая границы реальности, перемещается в виртуальную технореальность, действует по её законам, превращаясь в единый мировой механизм, в котором всё управляется заданными технологиями, а также контролируется новой техноидеологией. В заключении делается вывод о том, в данном контексте, важнейшей задачей современного общества является поиск путей к гармоничному развитию техносферы с антропосферой, где базовой ценностью становится техноидеология, формирующая новый формат отношений, позволяющей сохранить человечеству свою антропогенную уникальность.

Ключевые слова: техноидеология, современное общество, идеология, технологизация, виртуализация, виртуальная реальность, технообщество, техночеловек

TECHNO IDEOLOGY OF MODERN SOCIETY
AS A SOCIO-CULTURAL FACTOR IN THE FORMATION OF HUMAN CAUSED

Kashkarov Alexey M., postgraduate student
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: leshik333@bk.ru

The article deals with the problem of formation of technoideology of modern society, which is a kind of socio-cultural factor and plays an important role in the formation of man-made. At the same time, it is proved that technoideology is a natural result of the development of modern society, since this concept, refracting the actual needs and desires of a new "social organism" through the prism of its own vision, finds a response and opportunities for their implementation. In addition, an attempt is made to prove that the space of modern social reality is such that technogization and virtualization are defined as the essential characteristics of modern society. Man overcoming the boundaries of reality, moves in the virtual technorealism, operates according to its laws, turning into a single global mechanism, in which all are governed by the defined technologies, and also controlled the new technologies. In conclusion, it is concluded that, in this context, the most important task of modern society is to find ways to the harmonious development of the technosphere with the anthroposphere, where the basic value becomes technoideology, forming a new format of relations that allows humanity to preserve its anthropogenic uniqueness.

Keywords: techno-ideology, society, ideology, tennisace, virtualization, virtual reality, techno-society, techno-people

Идеология выступает имманентным фактор общественной жизни, корнями уходящим в момент формирования человеческой цивилизации. Ещё в трудах крупнейших мыслителей Древнего мира рассматривалась идеология как базовая ценность и идеал, на основе которой строится государство и регулируется общественная жизнь.

В 1801 г. французский философ и экономист А. Д. де Траси в своих работах «Этюд о способности мыслить» и «Элементы идеологии» впервые обосновал особую науку об идеях. Он ввёл термин «идеология» и обозначил им науку об идеях, которая способствовала установлению твёрдых интеллектуальных основ для политики и общественной жизни.

Многие учёные в своих исследованиях подчёркивали важность изучения идеологии в социально-культурном и политическом контексте. Так, К. Поппер подчёркивал, что «идеи, особенно моральные и религиозные, обладают такой силой, которую можно сравнить по меньшей мере с силой в физике» [4]. Л. Козер придавал идеологии «коллективную ориентацию, как всякому движению, которое укрепляет социальные общности и делает борьбу людей це-

²³ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Человек техногенный: когнитивный, социокультурный, виртуальный аспекты формирования», № 18-011-00095 А. (The article was prepared as part of the RFBR research project "Man-made: cognitive, sociocultural, virtual aspects of formation. No. 18-011-00095 A.)

ленаправленной» [14]. Я. Барион считал, что «идеология даёт человеку общую ориентацию в жизни, цели и задачи, приготавливает его к осуществлению этих целей, задает систему ценностей и норм его поведения» [14]. При этом необходимо отметить, что изучение феномена идеологии в настоящее время является актуальным, поскольку он всё ещё не получил всестороннего научного исследования и однозначного концептуального понимания.

Пространство современной социальной реальности таково, что технологизация и виртуализация определяют как сущностные характеристики современного общества. Человек, преодолевая границы реальности, перемещается в виртуальную технореальность, действует по её законам, превращаясь в единый мировой механизм, в котором всё управляется заданными технологиями, а также и контролируется новой техноидеологией.

Таким образом, в современной реальности происходит реинтерпретация понятия «идеология», его наполнение новым коннотативным содержанием. В контексте глобального пространства, пронизанного процессами технологизации и виртуализации, идеология имманентно интегрируется в современную социокультурную сферу, демонстрируя при этом собственную эвристичность.

Сегодня наука располагает множеством разнообразных подходов к определению понятия «идеология». В рамках нашей работы нам наиболее близко следующее: «Идеология – это система социальных идей, оценок, требований конкретного класса, социально значимых групп, опирающихся на определённые теоретические установки, выражающие общественное положение интересы и программные цели данного класса, социальной группы, играющие практическую роль в функционировании политической системы» [13]. Таким образом, согласно данному определению, мы можем понимать идеологию как некий идентификатор, как неотъемлемую и имманентную часть современного общества.

Общество представляет собой бытийное динамическое единство, задающее цель и направление всех векторов социального развития. Выступая особым образом организованной системой взаимодействий между социальными событиями, общество развивается, выстраивая свою сущность согласно реалии и создавая свой собственный индивидуальный способ бытия.

Технологии определяют общую картину мира настоящего и будущего. Большая часть трансформаций, которые переживает современный мир, связана с процессами технологизации и виртуализации, которые, в свою очередь, играют роль генератора всех цивилизационных процессов. И именно эти процессы инициируют конструирование новой виртуальной технореальности, функционирующей по собственным законам, постепенно превращаясь в единый мировой механизм, в котором всё управляется заданными технологиями, а также и контролируется новой техноидеологией [27].

Техноидеология представляет собой «многослойную структуру, смысловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора работы с кодами различного уровня», при этом виртуальное восприятие реальности является сознательным и служит интересам современного общества. В содержательном плане концепт техноидеология содержит в себе три ключевых пласта, каждый из которых фиксирует в себе обособленные, различающиеся по структуре концептуально-семантические звенья: физический (техноидеология как «виртуальное сознание», «виртуальное представление действительности»); психологический (техноидеология как определённый механизм воздействия с целью достижения определённых целей); семантический (техноидеология как идентификатор) [23]. Смысловое поле каждого такого пласта неизбежно меняется под влиянием взаимообусловленного техногенеза вследствие изменения внутренних кодифицирующих программ, «обеспечивающих формирование и сохранение взаимной анротехнической деятельности, которая с каждым годом распространяется все шире во всем мире, приобретая глобалистическую направленность» [11]. Таким образом, в пространстве современной реальности происходит формирование нового техногенного типа социальности, который базируется на детище техногенной эры – техноидеологии.

Закономерным результатом подобных процессов является выкристаллизовывание новейших мировоззренческих принципов, создание иных коммуникативных связей между индивидами, трансформация самовосприятия и самоопределения в современном бытийном пространстве. Иными словами, в современном пространстве общество предстаёт в виде уникального организма, функционирующего в особом динамически-развивающемся вакууме. Уникальный общественный организм содержит в себе самые разнообразные общественные практики, способные задавать новые направления векторам социокультурного развития с расширенными

возможностями и условиями, необходимыми для прогрессивного существования нового техно-человека, с особой техноорганизацией быта, досуга и др.

«Техноидеология как своего рода особое мировоззрение, влияющая на социокультурные процессы и одновременно выступающая идентификатором уже свершившихся трансформаций реалий, создаёт, таким образом, способ существования в технологизированном, виртуальном пространстве» [11]. Она определяет картину мира настоящего и будущего и те трансформации, которые сегодня коснулись пространства современной социальной реальности, связаны прежде всего с технопрогрессом. Именно техноидеология инициирует технологику всех трансформаций современной социальной реальности и определяют векторы, по которым развивается социум. Таким образом, одним из главных векторов развития современного общества является его всеобщая виртуализация, перемещение всех основных видов деятельности в виртуальное пространство. Значимую роль в этом перемещении играет техноидеология, которая обеспечивает возможность осуществления этих процессов. При этом необходимо отметить, что техноидеология «закладывает фундамент новой социальной целостности, транслирует новые желания и потребности социального организма, выступая обновленной нервной системы техно-социальности» [5].

Техноидеология выступает атрибутивной сферой современного социума. Она непосредственно связана с жизнью каждого индивида, поскольку современный индивид уже не может обойтись без определённого уровня адаптации, без общей социализации в усложняющемся и всё более динамичном виртуальном бытийном пространстве. Техноидеология неразрывно связана с глубинными культурными слоями, освоенными как каждым отдельным индивидом, так и обществом в целом. Л. Г. Сандакова отмечает: «Новому типу общественного устройства необходим человек нового склада – креативный, высокоорганизованный, не только в смысле организации труда, но и, в большей степени, высокой духовной организации» [15].

Ситуация нарастания техноорганизации и виртуализации приводит к социальному противоречию: между высокой динамикой социальных процессов, реформ, инноваций и необходимостью сохранить социокультурные основы, интеллектуальный потенциал социума, фундаментальные традиции и принципы всесторонней адаптации новых поколений к жизни в усложняющемся технообществе. Исходя из данного противоречия, возникает системная проблема определения социокультурных традиций, оптимальных антропосоциальных основ и возможных путей их сохранения в условиях нарастания изменений в современном мире, связанных с техноорганизацией и виртуализацией.

В связи с отмеченной проблемой, актуализируется вопрос чёткого определения сущности и специфики современной технокультуры, которая ложится в основание формирования человека техногенного.

В нашем понимании технокультура представляет собой подсистему общей культуры, ту её часть, которая обеспечивает оптимальность социальных взаимодействий, устойчивость и упорядоченность социальных связей и отношений во всех сферах современной общественной жизни [25]. В качестве подсистемы общей культуры технокультура также представляет собой сложную многоуровневую открытую саморазвивающуюся систему, которая через многообразные имманентные связи связана с общей культурой. Выполняя одну из своих важнейших функций – адаптивную, технокультура обеспечивает безопасность, комфорт и свободу в контексте виртуальной реальности. «Поскольку действительность наполнена ежедневной жизненной суетой, стрессами, заботами, виртуальный мир технокультуры становится некой альтернативой реальному миру, при этом выступая в качестве самого мира. Иными словами, фактически виртуальная реальность как автономная реальность развивается самостоятельно, формируя собственный технический суверенитет, всё больше и больше подчиняя индивидов собственной воле. Подобно тому, как когда-то действовал биологический эволюционный процесс благодаря естественному отбору и внутренней силе, так и техноэволюция движется вперед, заметно опережая естественно-природные возможности человека» [11].

Таким образом, полем функционирования технокультуры в символической системе общей культуры является вся совокупность общественных отношений, всех материальных и духовных ценностей, а также сам индивид. Технокультура оказывается имманентной частью и системообразующим ядром общей культуры. Благодаря комплексу таких качественных характеристик, как гуманность, интегративность, прогрессивный характер, креативная природа, чёткость и системность, она является источником обретения и удержания целостности

личности в кризисном социокультурном пространстве современного общества. В целом мы видим, что в период всеобщей виртуализации особенно возрастают темпы формирования технокультуры и общей всесторонней технологизации личности на этой основе.

Субъектом культуры всегда является личность, деятельность которого ведёт к развитию общества, поэтому все социальные, антропологические, цивилизационные и иные характеристики индивида влияют на исторический процесс, прежде всего, через соответствующие культурные модели и структуры идентичности (система самоопределения, формирующая социальную организацию и структурирующая культурное пространство в целом). Поскольку формирование техночеловека выражает зависимость «человек – техномир», а отношение человека к современному социокультурному пространству определено моделью, созданной технокультурой и способом идентификации, постольку необходимо проанализировать и выявить сущность техночеловека, характер взаимодействия технокультуры и техночеловека. «Культура, – пишет А. Турен, – является смыслом, совокупностью средств и моделей, которыми действующие лица стремятся управлять».

Сущностные свойства техночеловека трансформируются на общем уровне макросоциального и на уровне единичного. По словам М. Вебера, «эмпирическая реальность является для нас культурной потому, что мы соотносим её с ценностными идеями (и в той мере, в какой мы это делаем); культура охватывает те и только те компоненты действительности, которые в силу отнесения к ценности становятся значимыми для нас» [3].

Формирующаяся технокультура является моделью ценностно-идеологической структуры человека техногенного. «Действующее лицо, – отмечает А. Турен, – имеет единство и способно регулировать и организовывать формы своей деятельности лишь в той мере, в какой оно лично проживает историчность, то есть способно освободиться от форм и норм воспроизводства поведения и потребления, чтобы участвовать в производстве культурных моделей» [20]. Различные аспекты технокультуры соответствуют определённым сущностным характеристикам человека техногенного. Техноидеология решает задачу интеграции технообщества, тождества с социумом при условии, «если культурные ценности значимой части социума и культурные ценности эпохи пересекаются по своему содержанию, прежде всего эмоциональному» [19].

Можно выделить следующие базовые характеристики человека техногенного, раскрывающие сущность этого уникального социокультурного типа личности, которые находятся в органической взаимосвязи: в контексте отношения личности к индивидуальному бытию – техногенез личности, утверждавшей подлинное, реальное бытие индивида; в контексте отношения личности к межличностному бытию – смена ценностных ориентаций в самосознании и образе жизни нового типа людей будущего. Таким образом, трансформация общесоциальной и личностной принадлежности индивида приводит к формированию новой структуры его личностных интересов, их качественно нового баланса, где инструментальное наполнение дополняется ценностным и приводит к замене устаревших парадигм на актуальные.

Радикальные изменения в жизни нового технообщества приводят к утрате прежних идентификаций, побуждают к восстановлению целостного образа мира, формированию новых ценностно-идентификационных концептов человека техногенного.

Виртуализация и технологизация – эпифеномены техноидеологического конструирования технореальности современного человека. По мнению М. Вебера, «идеальный тип определённого общественного состояния, сконструированный посредством абстрагирования ряда характерных социальных явлений эпохи, может... представляться современникам практическим идеалом, к которому надлежит стремиться или, во всяком случае, максимумом, регулирующей определённые социальные связи» [28].

Техноидеологический дискурс, направленный на формирование сущности человека техногенного сводится к множественным задачам: к усвоению личностью основного содержания идеологии современного технoproстранства; к сохранению человеческой личности как биосоциальной структуры с сохранением базовых ценностей, сознания, идентичности др.

Остановимся подробнее на проблеме идентичности человека в современном технoproстранстве. Исследователи сходятся во мнении, что трудности идентичности, с которыми сталкивается человек сегодня, напрямую связаны со скоростью и масштабом процессов виртуализации и технологизации, которые превзошли все мыслимые параметры. Возникновение новейших способов передачи и сохранения информации, формирование инновационных средств коммуникации в совокупность со стремительной скоростью технологических преобразований

пошатнуло внутреннюю и внешнюю связь личности с окружающим миром. Все эти преобразования «затрудняют возможность существования устойчивых моделей идентичности» [7].

В настоящее время проблема идентичности активно разрабатывается российскими учёными в разных областях гуманитарного знания. В философской антропологии тема идентичности звучала у В. В. Бибикина [1], П. С. Гуревича [2], Э. А. Орловой [12]; в рамках эпистемологии современные аспекты идентичности исследовались Е. И. Труфановой [18]; в социологии в контексте процессов глобализации идентичность рассматривалась Н. Н. Федотовой [22], в изучении специфики этнокультурной идентичности Ю. П. Зинченко [9], Г. У. Солдатовой [16], Т. Г. Стефаненко [17], в рамках философии культуры и культурологии – Х. Г. Тхагапсоевым [21] и др.

Существует множество определений идентичности, которые формируют широкий спектр интерпретаций этого феномена. В контексте рассматриваемой проблемы, идентичность приобретает экзистенциальный, внутриличностный характер. Идентичность включает в себя попытку определения личности собственной принадлежности к той или иной социальной группе, культуре, среде и т. д. Обретение человеком своей идентичности является важнейшим аспектом личностного самоопределения и самосознания человека.

Качественный и количественный прорыв в информационной индустрии, а также в других высокотехнологичных сферах в значительной степени оказывает непосредственное влияние на способность индивида к определению самоидентичности сквозь призму современной технокультуры. Мирощущение как конкретной личности, так и общества в целом не может оставаться прежним в мире, где технологии формируют новую реальность, где границы идентичности размываются, а человек становится изменчивым. Исследователи выделяют следующие характерные черты мировоззрения современного техночеловека: фрагментарность, децентрация, изменчивость, контекстуальность, неопределённость, ирония, симуляция [8]. С их помощью исследователи описывают специфику трансформаций личности на пути к формированию техночеловека. Так, «насаждение» специфических черт мировоззрения человека техногенного является важной составляющей техноидеологии [26], а в эмоциональном плане составляет её основу, как некий эмоциональный мост между биосоциальным и технологическим. Подобная специфическая доминанта сыграла центральную роль в формировании культуры человека техногенного, стала фундаментальной основой формирования специфических параметров новой личности:

- высокой информационной ёмкости;
- активности в широчайшем диапазоне мотиваций;
- недостоверности самоидентификации;
- неустойчивости самосознания;
- высокой степени изменчивости личностных качеств;
- лживости (принципиальную имитационность виртуального бытия) и др. [10].

Группа российских и зарубежных исследователей (К. М. Гуревич, А. В. Чистяков, E. Aboijaoude, P. Plantec) создали профиль виртуальной личности. Новый тип личности характеризуется:

- подвижностью морально-этических правил;
- новой социально-политической (сетевой) идеологией;
- новой культурой повседневности, определяемой степенью осетвления;
- совокупностью новых привычек, систем жизнеобеспечения, образования, труда, общения, отдыха [10].

Таким образом, техноидеология современного общества выступает социокультурным фактором и играет существенную роль в формировании человека техногенного [24]. При этом «формирование и функционирование техноидеологии выступает своего рода закономерным результатом развития современного социума, так как сквозь призму видения данного концепта новые потребности и желания “социального организма” находят отклик и возможности к самореализации» [11]. «Техноидеология обретёт статус ключевого звена в определении векторов развития технообщества. Именно с его помощью происходит осмысление и принятие трансформационных процессов социальности, а также фиксируются новые формы, принимаемые обществом» [11]. В данном контексте, важнейшей задачей современного общества является поиск путей к гармоничному развитию техносферы с антропосферой, где базовой ценностью становится техноидеология, формирующая новый формат отношений, позволяющей сохранить человечеству свою антропогенную уникальность.

Список литературы

1. Бибихин, В. В. Узнай себя / В. В. Бибихин. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – 578 с.
2. Гуревич, П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии / П. С. Гуревич // Вопросы социальной теории. Человек в поисках идентичности. – 2010. – Т. 4. – С. 63–87.
3. Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 345–416.
4. Гюев, Г. В. Идеология как атрибут корпоративной культуры / Г. В. Гюев, А. В. Казаков. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2014/10/38764>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 25.03.2019).
5. Грибов, Д. Е. Социальные ожидания как регулятор социального поведения личности: теоретические проблемы исследования / Д. Е. Грибов // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 19, № 3. – С. 182–189.
6. Гуревич, П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии / П. С. Гуревич // Вопросы социальной теории. Человек в поисках идентичности. – 2010. – Т. 4. – С. 63–87.
7. Гучетль, А. Р. Идентичность: интердисциплинарный анализ / А. Р. Гучетль // Новые технологии. – 2017. – № 1. – С. 283–286.
8. Емелин, В. А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии / В. А. Емелин. – Москва, 1999. – 164 с.
9. Зинченко, Ю. П. Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России : в 2 т. / Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгерова ; под ред. Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгеровой. – Москва, 2016.
10. Лопатинская, Т. Д. Человек-техногенный в виртуальном пространстве социальных сетей / Т. Д. Лопатинская // Философия и культура. – 2018. – № 6. – С. 68.
11. Лопатинская, Т. Д. Техноидеология: понятие и формы проявления в современном обществе / Т. Д. Лопатинская, А. М. Кашкаров // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы / отв. ред. О. Б. Истомина. – Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 2019.
12. Орлова, Э. А. Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании / Э. А. Орлова // Вопросы социальной теории. – Москва, 2010. – Т. 4. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю. М. Резника, М. В. Тлостановой. – С. 87–111.
13. Политологический словарь / под ред. В. Ф. Халилова. – Москва, 1995. – С. 58.
14. Савеленок, Е. А. Краткая история понятия «идеология» в период с начала XIX века / Е. А. Савеленок. – Режим доступа: <http://www.ideology.ru/app/rs/ide/savelenok.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 25.03.2019).
15. Сандакова, Л. Г. Информационно-технологическая парадигма образования: гуманистическая сущность и концептуальные основы / Л. Г. Сандакова. – Улан-Удэ : Башкирский гос. ун-т, 2003. – 325 с.
16. Солдатова, Г. У. Содержание этнической идентичности: стереотипы и ценности / Г. У. Солдатова // Психологическое обозрение. – 1997. – № 2 (5). – С. 22–26.
17. Стефаненко, Т. Г. Компоненты этнической идентичности: когнитивный, аффективный, поведенческий / Т. Г. Стефаненко // Мир психологии. – 2004. – № 3 (39). – С. 38–43.
18. Труфанова, Е. И. Человек в лабиринте идентичностей / Е. И. Труфанова // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 13–22.
19. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – Москва : Научный мир, 1998.
20. Турен, А. Социология без общества / А. Турен // Социологические исследования. – 2004. – № 7.
21. Тхагапсоев, Х. Г. Проблема идентичности в культурологии / Х. Г. Тхагапсоев // Мир культуры и культурологии. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 23–36.
22. Федотова, Н. Н. Кризис идентичности в условиях глобализации / Н. Н. Федотова // Человек. – 2003. – № 6. – С. 50–58.
23. Храпов, С. А. Проблемы идентификации человека в социокультурном контексте техногенной цивилизации / С. А. Храпов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 3. – С. 133–139.
24. Храпов, С. А. Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации / С. А. Храпов // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С. 88–95.
25. Храпов, С. А. Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации / С. А. Храпов // Вопросы философии. – 2014. – № 9. – С. 66–75.
26. Храпов, С. А. Человек в техногенном обществе: философско-исторический анализ / С. А. Храпов, А. М. Кашкаров // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 1. – С. 158–163.
27. Юдин, Б. Г. Технонаука и «улучшение» человека / Б. Г. Юдин // Эпистемология и философия науки. – 2016. – № 2 (48). – С. 18–27.
28. Burger, T. Theory of Concept Formation: History, Laws, and Ideal Types / T. Burger, M. Veber. – Durham, 1976.

References

1. Bibikhin V. V. *Uznay sebya* [Recognize yourself]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, 578 p.
2. Gurevich P. S. *Problema identichnosti cheloveka v filosofskoy antropologii* [The problem of human identity in philosophical anthropology]. *Voprosy sotsialnoy teorii. Chelovek v poiskakh identichnosti* [Questions of social theory. Man in Search of Identity], 2010, vol. 4, pp. 63–87.
3. Veber M. "Obektivnost" sotsialno-nauchnogo i sotsialno-politicheskogo poznaniya ["Objectivity" of socio-scientific and socio-political knowledge]. *Veber M. Izbrannye proizvedeniya* [Weber M. Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 345–416.

4. Gioev G. V., Kazakov A. V. *Ideologiya kak atribut korporativnoy kultury* [Ideology as an attribute of corporate culture]. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2014/10/38764> (Accessed: 25.03.2019).
5. Gribov D. Ye. *Sotsialnye ozhidaniya kak regulatory sotsialnogo povedeniya lichnosti: teoreticheskie problemy issledovaniya* [Social expectations as a regulator of social behavior of a person: theoretical problems of research]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2016, vol. 19, no. 3, pp. 182–189.
6. Gurevich P. S. *Problema identichnosti cheloveka v filosofskoy antropologii* [The problem of human identity in philosophical anthropology]. *Voprosy sotsialnoy teorii. Chelovek v poiskakh identichnosti* [Questions of social theory. Man in Search of Identity], 2010, vol. 4, pp. 63–87.
7. Guchetl A. R. *Identichnost: interdisciplinarnyy analiz* [Identity: interdisciplinary analysis]. *Novye tekhnologii* [New Technologies], 2017, no. 1, pp. 283–286.
8. Yemelin V. A. *Informatsionnye tekhnologii v kontekste postmodernistskoy filosofii* [Information technology in the context of postmodern philosophy]. Moscow, 1999, 164 p.
9. Zinchenko Yu. P., Shaygerova L. A. *Etnokulturnaya identichnost kak faktor sotsialnoy stabilnosti v sovremennoy Rossii: v 2 tomakh* [Ethnocultural identity as a factor of social stability in modern Russia: in 2 volumes]. Ed. by Yu. P. Zinchenko, L. A. Shaygerova. Moscow, 2016.
10. Lopatinskaya T. D. *Chelovek-tekhnogenny v virtualnom prostranstve sotsialnykh setey* [Man-technogenic in the virtual space of social networks]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture], 2018, no. 6, p. 68.
11. Lopatinskaya T. D., Kashkarov A. M. *Tekhnoidologiya: ponyatie i formy proyavleniya v sovremennom obshchestve* [Technoideology: the concept and forms of manifestation in modern society]. *Sotsialnye protsessy v sovremennoy rossii'skom obshchestve: problemy i perspektivy* [Social processes in modern Russian society: problems and prospects]. Ed. by O. B. Istomin. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2019.
12. Orlova E. A. *Kontseptsii identichnosti / identifikatsii v sotsialno-nauchnom znanii* [Concepts of identity / identification in social and scientific knowledge]. *Voprosy sotsialnoy teorii* [Questions of social theory]. Moscow, 2010, vol. 4, pp. 87–111.
13. *Politologicheskii slovar* [Political science dictionary]. Ed. by V. F. Khalilov. Moscow, 1995, p. 58.
14. Savelenok Ye. A. *Kratkaya istoriya ponyatiya "ideologiya" v period s nachala XIX veka* [A brief history of the concept of "ideology" in the period from the beginning of the XIX century]. Available at: <http://www.ideology.ru/apps/rs/ide/savelenok.htm> (Accessed: 25.03.2019).
15. Sandakova L. G. *Informatsionno-tekhnologicheskaya paradigma obrazovaniya: gumanisticheskaya sushchnost i kontseptualnye osnovy* [The information technology paradigm of education: a humanistic essence and conceptual foundations]. Ulan-Ude, Bashkir State University Publ., 2003, 325 p.
16. Soldatova G. U. *Soderzhanie etnicheskoy identichnosti: stereotipy i tsennosti* [Content of ethnic identity: stereotypes and values]. *Psikhologicheskoe obozrenie* [Psychological Review], 1997, no. 2 (5), pp. 22–26.
17. Stefanenko T. G. *Komponenty etnicheskoy identichnosti: kognitivnyy, affektivnyy, povedencheskiy* [Components of ethnic identity: cognitive, affective, behavioral]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2004, no. 3 (39), pp. 38–43.
18. Trufanova Ye. I. *Chelovek v labirinte identichnostey* [Man in the labyrinth of identities]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2010, no. 2, pp. 13–22.
19. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [Return of the person acting. Essay on Sociology]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 1998.
20. Turen A. *Sotsiologiya bez obshchestva* [Sociology without society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2004, no. 7.
21. Tkhagapsoev Kh. G. *Problema identichnosti v kulturologii* [The problem of identity in cultural studies]. *Mir kultury i kulturologii* [World of Culture and Cultural Studies]. St. Petersburg, 2011, pp. 23–36.
22. Fedotova N. N. *Krizis identichnosti v usloviyakh globalizatsii* [Crisis of identity in the context of globalization]. *Chelovek* [Man], 2003, no. 6, pp. 50–58.
23. Khrapov S. A. *Problemy identifikatsii cheloveka v sotsiokulturnom kontekste tekhnogennoy tsivilizatsii* [Problems of human identification in the sociocultural context of anthropogenic civilization]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2018, no. 3, pp. 133–139.
24. Khrapov S. A. *Krizis soznaniya: "kognitivnyy otvet" tekhnogennoy tsivilizatsii* [Crisis of consciousness: the "cognitive response" of anthropogenic civilization]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2019, no. 1, pp. 88–95.
25. Khrapov S. A. *Tekhnogenny chelovek: problemy sotsiokulturnoy ontologizatsii* [Technogenic man: problems of sociocultural ontologization]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2014, no. 9, pp. 66–75.
26. Khrapov S. A., Kashkarov A. M. *Chelovek v tekhnogenom obshchestve: filosofsko-istoricheskiy analiz* [Man in a technogenic society: philosophical and historical analysis]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University], 2017, no. 1, pp. 158–163.
27. Yudin B. G. *Tekhnounauka i "uluchshenie" cheloveka* [Technoscience and the "improvement" of man]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2016, no. 2 (48), pp. 18–27.
28. Burger T., Veber M. *Theory of Concept Formation: History, Laws, and Ideal Types*. Durham, 1976.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ²⁴

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Исследовано формирование православного ландшафта в странах Дальнего Востока, с которыми у России начиная с XIX в. были активные межкультурные коммуникации как на торговом, так и на дипломатическом уровне. Дан анализ основных характеристик его формирования. Для сравнения взяты Китай, Монголия, Япония, Корея – страны, где миссионерская деятельность Русской православной церкви оставила значительный след в общем религиозном ландшафте. В диахронном аспекте рассмотрена история формирования православного ландшафта на исследуемой территории, география и основные религиозные центры. Проанализирована роль фронтирменов от православия – ведущих миссионеров в формировании православного ландшафта в каждой из этих стран. Показано влияние личности миссионеров на специфику православного ландшафта. Проанализированы основные локации ландшафта в каждой из этих стран. Исследование позволяет выделить основные тенденции в его формировании.

Ключевые слова: православный ландшафт, Дальний Восток, христианизация, Китай, Корея, Япония, Монголия

ORTHODOX LANDSCAPE OF THE FAR EAST: COMPARATIVE ANALYSIS

Topchiev Mikhail S., Ph. D. (Policy)
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

The article is devoted to the study of the formation of the Orthodox landscape in the Far East countries, with which Russia since the nineteenth century was in an active cross-cultural communication on trade and diplomatic level. Main purpose of the article is a comparative analysis of the main characteristics of its formation. For comparison were taken China, Mongolia, Japan, Korea – countries where the missionary activity of the Russian Orthodox Church has left a significant mark in the overall religious landscape. The article deals with the history of its formation in the study area, geography and the main religious centers in the diachronic aspect. The role of frontiersmen from Orthodoxy – leading missionaries in the formation of the Orthodox landscape in each of these countries is analyzed. The influence of the personality of missionaries on the specificity of the Orthodox landscape is shown. The main locations of the landscape in each of these countries are analyzed. The study allows us to identify the main trends in its formation.

Keywords: Orthodox landscape, far East, Christianization, China, Korea, Japan, Mongolia

Территория Дальнего Востока включает в себя целый комплекс восточных стран, часть из них непосредственно граничит с Россией. Эти территории можно назвать фронтирными, поскольку они испокон веков являются площадкой наиболее интенсивных межкультурных коммуникаций. Естественно, что именно там шёл активный обмен информацией, фронтирмены прокладывали торговые пути, основывали поселения на близлежащих к границам «чужих» территориях. Да и само понятие границ было в определённой степени весьма условным. Российские торговые поселения на приграничных территориях нуждались в институтах веры, «религиозном окормлении». Религиозные верования дальневосточных государств (буддизм, конфуцианство, синтоизм) кардинально отличались от православия, поэтому потребность в институтах собственной веры у российских фронтирменов была достаточно высока. В местах наибольшего скопления соотечественников строились торговые фактории, основывались консульства, строились церкви, наезжали окормлять паству священнослужители, а потом возникали православные миссии. По словам нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (Гундяева), «целенаправленной заграничной православной миссионерской деятельности вРПЦ не существовало – имело место естественное движение Церкви вместе с русскими землепроходцами» [3, с. 72].

Фронтирность территорий и специфика миссионерской деятельности РПЦ определили первоначальное естественное формирование *православного ландшафта*. Оно было сначала

²⁴ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации» (The article was made with the support of the Russian Foundation for Basic Research 17-33-01069 "Meeting with an Alien: Russian and Far Eastern Experience of Intercultural Communication".)

обусловлено торговыми делами, а затем дипломатическими нуждами. Позднее, в XX в., в формирование православного ландшафта добавился белоэмигрантский вектор. У этого процесса были общие черты, но были и свои особенности.

Мы попытаемся провести сравнительный анализ формирования православного ландшафта на территориях нескольких дальневосточных государств, прежде всего, входящих в понятие дальневосточного фронта. Исследованию становления православия на территориях дальневосточных государств было посвящено достаточное количество работ, прежде всего российских исследователей. Однако практически нет работ, посвящённых именно формированию религиозного ландшафта, даже в русле одной страны Дальнего Востока. Понятие «религиозный ландшафт» определяется как «религиозная ситуация, складывающаяся на определённой территории в различные исторические периоды, характеризующаяся распространением представлений о существовании высших сил, влияющих на судьбу и жизнь людей, с которыми они пытаются установить диалог путём совершения определённых ритуальных практик и созданием соответствующих институтов» [2, с. 79].

Мы рассматриваем конфессиональный (религиозный) ландшафт, в данном случае мы будем употреблять эти понятия синонимично, не только как феномен, но и как процесс, в рамках которого происходит формирование религиозного и, возможно, иного вида самосознания. Данный феномен не только становится отражением социальных отношений, но и участвует в формировании их организации и понимании окружающего мира. Религиозный ландшафт подвижен и подвержен постоянным изменениям. Конфессиональный ландшафт той или иной страны представляет собой пространственно-временную характеристику существования, распространения и влияния совокупности конфессий на описываемой территории либо какой-то отдельной конфессии. Причём в понятие ландшафта мы включаем не только концентрацию (поселение) людей определённой конфессии, но и соответствующие культовые сооружения и институты. Мы сравним религиозный ландшафт Китая, Кореи, Монголии, Японии, стран, где он имеет свою историю.

Хронология. Православный ландшафт формируется на территории дальневосточных стран двумя путями: через фронтальное проникновение, переселение / эмиграцию русского населения, и через обращение местного населения в православие.

Первые локации православного ландшафта на Дальнем Востоке возникли в Китае, в Пекине, в связи с появлением русских пленников из разрушенного в 1685 г. китайскими войсками острога Албазин, расположенном на острове на р. Аргунь. Император Кан Си сформировал из них особую императорскую роту, выделил землю и отдал им и сопровождавшему их священнику Максиму Леонтьеву для молитв ламаистский храм. В дальнейшем религиозный и культурный синкретизм будет характерен для некоторых элементов православного ландшафта Китая, как, впрочем, и для ландшафта других христианских конфессий. Потомки албазинцев будут проживать впоследствии и на территории Трёхречья [8, с. 77]. Российская духовная миссия в Китае учреждена Петром I в 1712 г. [10, с. 165] на территории Пекина.

В других анализируемых нами странах православный ландшафт возник позднее, в XIX в. В Японии российская община существовала в 50-е гг. XIX в., активная прозелетическая деятельность начинается с приходом в 1860 г. Николая Касаткина. Православная община Японии очень долго, вплоть до 1947 г., находилась под полузапретом. В данном случае мы не будем касаться христианизации айнов [7, с. 17], хотя, по словам специалистов, она проходила в начале XVIII в., поскольку юрисдикция территорий весьма спорна. Но поскольку мы исследуем православный ландшафт, привязка к территории для нас важна.

В Монголии первые шаги также были заложены русскими купцами. Возникшие торговые поселения повлекли за собой открытие русского консульства в Урге (ныне Улан-Батор) в 1861 г. Для общины был приглашён священник и построена церковь. В 1864 г была отслужена первая служба, что стало точкой отсчёта формирования Троицкого прихода в Урге. В связи с получением автономии в составе Китая приток русских увеличивается, появляются ещё локации – в г. Кобдо и в районе оз. Хубсугул, где были открыты миссионерские станы.

В Корею толчок для распространения православия дали не русские, а корейские фронтирмены. В конце XIX в. они начали массово переселяться на территорию Российской империи, где принимали православие. Часть из них возвращалась обратно, транслируя православие на корейской территории. Поскольку в Сеуле на конец XIX – начало XX в. проживала

русская колония и часть группы православных корейцев [9, с. 179], для их духовных нужд был построен собор.

Позднее всего, в XX в., православный приход возник во Вьетнаме, хотя русские специалисты проживали там и ранее. В связи с этим в нашем сравнительном анализе эту страну мы практически не затрагиваем.

Фронтирмены от православия. Большую роль в становлении православного ландшафта играли фронтирмены, только в ряде случаев они практически остались безымянными, но в некоторых ситуациях их имена стали символическими. Своеобразным православным «брендом» стало имя миссионера Николая Касаткина (1836–1912), на долгое время ставшего главой японской православной церкви, названного впоследствии Николаем Японским. Русские путешественники XX в. не раз отмечали, что имя Николай в Японии стало нарицательным.

Православный храм назывался «Николай», место Русской духовной миссии – «Николай», само православие также именовалось «Николай». 24 марта 1906 г. Святейший Синод возвёл Николая Касаткина в сан архиепископа Николая Японского [15, с. 135]. Святитель Николай не просто вёл активные межкультурные контакты с японцами, он попытался проникнуться культурой этой страны: в совершенстве овладев японским языком, изучив историю и литературу, он практически стал «японцем для японцев» [12, с. 30]. Значительное место в его межкультурном диалоге занимала переводческая деятельность. Перевод как форма межкультурной коммуникации – это отдельная тема исследования.

Культурный диалог возможен при наличии достойного перевода текстов, ключевых для понимания культуры другого народа. Именно Николай Японский занимался переводами, в первую очередь – священных текстов. Он был озабочен красотой слога и понятностью самого текста. Обращение в православие, с его позиции, должно быть осмыслено самими обращёнными. «В Японии же, при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым, прежде всего, нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и красиво, и дёшево изданную» [13, с. 36–37]. Им был создан православный богословский словарь на японском языке.

В истории становления православного ландшафта в Китае есть заслуга многих российских миссионеров. Первую Духовную миссию возглавил архимандрит Илларион Лежайский (1657–1717). Он хорошо владел китайским языком и больше занимался исследованиями, а не христианизацией местного населения. Формирование православного ландшафта в Китае, так же как и в Японии, требовало больших переводческих работ, в том числе перевода на китайский богослужебных книг, создания словарей. Эта работа была начата под руководством начальника тринадцатой и пятнадцатой Миссий архимандрита Палладия Кафарова (1817–1878), а затем продолжена главой восемнадцатой Миссии архимандритом Иннокентием Фигуровским (1863–1931). Однако ни один из них не стал символом православия в окормляемой стране. Особое место занимает Иоанн Шанхайский, явившийся ярким светилем не только в Шанхайском или Китайском православном ландшафте, но и в общемировом.

На корейской территории миссионерскую деятельность начинает архимандрит Хрисанф (1837–1894), отслуживший первую православную Божественную литургию на корейской земле в одной из комнат резиденции российского поверенного в делах в Сеуле [1, с. 66]. Как руководитель миссии он осуществляет ряд необходимых действий по формированию православного ландшафта. За время пребывания Хрисанфа в должности были построены новые храмы и приходы, открыты школы для корейцев. Была предпринята попытка перевода богословских текстов на корейский язык. Помимо этого Хрисанф пытался распространять знания о Корее среди российского населения, преимущественно среди дальневосточников, путём публикации своих впечатлений в журналах. Эта работа в первом составе миссии продолжалась до начала русско-японской войны (1904–1905), которая оказала серьёзное негативное влияние на деятельность миссии.

В Монголии наиболее знаковым лицом среди сменяющихся миссионеров-резидентов и временных служителей церкви был священник Федор Парняков, клирик Иркутской епархии, ставший настоятелем Ургинской консульской церкви в 1914 г. и известный своими либеральными взглядами. Свою главную задачу он видел в совершенствовании морального облика своих прихожан, который он находил весьма неудовлетворительным. Большое внимание он уделял налаживанию коммуникаций как внутри русской диаспоры, так и между народами. В рамках попечительства Ф. Парняков читал публичные лекции о войне, об истории Монголии,

об эпидемических болезнях, гигиене и санитарии в Урге, о русской торговле в Монголии, о религиозных и эстетических задачах Ургинского попечительства [4, с. 201]. В 1921 г. после захвата столицы Монголии бароном Р. Ф. фон Унгерн-Штернбергом, он был казнен за связь с коммунистами и левые взгляды. Практически все православные миссионеры внесли свой вклад в дальнейшее формирование православного ландшафта Дальнего Востока.

Локализация православного ландшафта. Естественно, что в большинстве исследуемых нами дальневосточных государств православный ландшафт не замыкается на столице, хотя она в большинстве случаев играет определяющую роль, поскольку именно там открывается православная миссия при посольстве или консульстве. Наиболее сложный рельеф православного ландшафта можно отметить в Китае. Начиная со столицы, он охватил ряд пограничных территорий на севере и юге. Первым в диахронном аспекте пространством православного ландшафта является территория Пекина, где исторически был создан приход, построена первая в Китае православная церковь, а потом открыта миссия. Второй хронологически и наиболее значимой в первой половине XX в. точкой распространения православия является г. Харбин (Манчжурия, настоящее время провинция Хэйлуцзян). Сам Харбин в то время являлся некой гетеротопией на китайской земле. Православные соборы и стоявший на вокзале памятник св. Николаю почитался всеми жителями города: «Передним при отъезде ставили свечи не только русские, но и китайцы, называвшие его "старика – вокзала"» [5, с. 26]. Третьей локацией православного ландшафта Китая стали Синьцзян и Внутренняя Монголия, где основная масса русских православных были представителями крестьянства, купечества и казачьего сословия. Здесь также формировался русский культурный ландшафт – появились консульство, архитектура в русском стиле, бытовые элементы. Ещё одним центром притяжения православных в первой половине XX в. был Шанхай. Русская диаспора появляется там немногим ранее в связи с торговлей чаем, в 1986 г. появляется русское консульство. Шанхай стал важным белоэмигрантским центром, в силу чего там создавалась церковная инфраструктура. Церковь иконы Божьей Матери «Споручница грешных», основанной Иоанном Шанхайским, сохранилась до сих пор. Гораздо позднее возникли работающие в настоящее время приходы в Гонконге, Макао и Тайване, в то время как постоянно действующего православного храма на исторических местах возникновения православия в Китае на данный момент нет. Во всём Китае насчитывается около 15 тыс. верующих, дисперсно рассредоточенных преимущественно в точках основной исторической локализации.

Миссионерская деятельность среди корейцев началась на территории Российской империи, поскольку туда мигрировало большое количество корейцев. На территории российского Дальнего Востока к 1913 г. находилось 10 миссионерских станций с корейским населением, численность которого к 1920 г. достигла 300 тыс. человек [11]. Часть из них возвратилась в Корею, оставаясь православными. Центром православного ландшафта Кореи становится Сеул после создания там миссии и постройки церкви.

Институционально Корейская миссия несколько раз меняла свою юрисдикцию. До 1908 г. Корейская миссия находилась в ведении Санкт-Петербургской епархии, с 1921 г. – Владивостокской епархии, по 1944 г. – Токийской епархии, с 1944 г. – Харбинской и Восточно-Азиатской епархии. Позднее миссионерский стан открывается в Мунсане. После Портсмутского мира во времена японского протектората православие в Корею перешло на полулегальный режим. До 1917 г. российская колония в Сеуле ограничивалась консульством, миссионерским персоналом и несколькими торговцами. Тем не менее, архимандритом Павлом был продолжен перевод богослужебных книг, создан церковный хор, открыто пять миссионерских станций и четыре молитвенных дома (в городах Кёхе, Каругай, Сончон, Ильсан) [9, с. 221, 240]. После 1917 г. положение Корейской миссии значительно ухудшилось, поскольку местные власти всеми способами ограничивали общение русских с корейцами, запрещая им приезжать из провинций в миссию для посещения богослужений в храме. Таким образом, внешние препятствия мешали развитию православного ландшафта. После раздела Кореи на Южную и Северную, православие локализуется в Южной Корее и только в 2006 г. появляется храм в честь Живоначальной Троицы в Пхеньяне.

В Монголии локализация ландшафта сосредоточена была в Урге. Рядом со зданием консульства к 1875 г. был построен и обустроен иркутскими мастерами деревянный храм. «Рисунок, напоминающий славянские цветные кружева, придаёт всему иконостасу несколько своеобразный, как бы русский, народный оттенок» [4, с. 204]. В настоящее время православный

ландшафт локализуется в Улан-Баторе вокруг Троицкого прихода и действующей от его лица небольшой православной общины в г. Эрдэнэте.

С появлением в Японии русского консульства в 1858 г. открылся первый православный храм на о. Хоккайдо, в г. Хакодате. В 1860 г. в Японии появляется знаковая для местного православия фигура – уже упомянутый нами выше святитель Николай. После его официальной хиротонии в 1880 г. в Токио начал строиться Токийский Воскресенский собор – главная достопримечательность японского православного ландшафта, известный как «Николай-до» («Храм Николая») [14, с. 29]. Он способствует строительству в Сэндае нового православного храма, открытого в 1892 г. Она была самой большой из деревянных построек этого периода. К 1903 г. возводится церковь Благовещения в Киото. Итогом деятельности святителя стали: один собор, восемь храмов, 175 церквей, 276 приходов [6]. По сравнению со всеми дальневосточными странами, именно японский православный ландшафт самый протяжённый. Японская православная церковь на современном этапе насчитывает более 30 000 человек, три епархии и 150 приходов охватывают практически всю территорию Японии.

Таким образом, формирование православного ландшафта в подавляющем большинстве исследуемых нами дальневосточных стран приходится на середину – конец XIX в. Первоначальным основанием для этого послужили миграционные процессы на фронтальных территориях: миграция представителей дальневосточных стран в Россию, как в случае с Кореей, либо активные миграционные процессы из России, как в Китае. Иногда это была дипломатическая деятельность, сопровождаемая миссионерской, как в Японии. В целом создание православного ландшафта шло по двум траекториям: первая – это формирование российской православной диаспоры вокруг торговых факторий или дипмиссий; вторая – это прозелитизм. Причём вторая траектория становится наиболее долговременной, поскольку русские эмигранты преимущественно ассимилируются или уезжают в Европу и Америку. Православный ландшафт продолжает существовать за счёт крещёного местного населения. Постепенно формируется этнический клир, прошедший обучение в России. Большую роль в формировании ландшафта играют миссионеры – фронтирмены. Наличие харизмы и интенции позволяет сформировать особое отношение к вере и её институтам, а также расширить географию «территории православия».

Список литературы

1. Волков, М. Г. Православная Церковь в Корее / М. Г. Волков // *Азия и Африка сегодня*. – 2009. – № 4. – С. 66–70.
2. Главацкая, Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования / Е. М. Главацкая // *Уральский исторический вестник*. – 2008. – № 4 (21). – С. 76–82.
3. Гундяев, К. Религия и дипломатия. Взаимодействие Отдела внешних церковных связей Московского патриархата с Министерством иностранных дел России / К. Гундяев // *Церковь и время*. – 2001. – № 3 (16). – С. 70–85.
4. Корниенко, Н. «А святую ту церковь построить»: из истории возведения и деятельности Свято-Троицкого храма в Урге / Н. Корниенко // *Христианское чтение*. – 2017. – № 5. – С. 198–208.
5. Крузенштерн-Петерец, Ю. Воспоминания / Ю. Крузенштерн-Петерец // *Россияне в Азии*. – 1998. – № 5.
6. Манохин, С. Православие в Японии / С. Манохин. – Режим доступа: <http://tobolsk-eparhia-press.ru/prosvetitel/number.php?dat=2011.04&st=4>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Осипова, М. В. Христианизация айнов как способ распространения российского влияния на Курильских островах / М. В. Осипова // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. – 2012. – № 1. – С. 15–22.
8. Павлов, Г. Казаки-албазинцы в Китае / Г. Павлов // *Разведчик*. – Санкт-Петербург, 1901. – № 550.
9. Перевалов, Ф. Российская Духовная Миссия в Корее (1900—1925 гг.) / Ф. Перевалов // *История Российской Духовной Миссии в Корее*. – Москва, 1999.
10. Поздняев, Д. Православие в Китае (1900–1997) / Д. Поздняев. – Москва : Свято-Владимирское Братство, 1998.
11. Сагитова, И. О. Евангелизация корейского населения российского Дальнего Востока (1864–1917) / И. О. Сагитова, Г. В. Прозорова. – Режим доступа: <https://koryo-saram.ru/sagitova-i-o-evangelizatsiya-korejskogo-naseleniya-rossijskogo-dal-nego-vostoka-1864-1917/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Яблонская, О. В. Николай Японский о трудностях православной миссии в Японии / О. В. Яблонская, Д. В. Яковлев // *Актуальные вопросы и тенденции развития в современной науке*. – Махачкала, 2015. – С. 28–35.
13. Японский, Н. Краткое жизнеописание, дневники 1870–1911 гг. / Н. Японский. – Санкт-Петербург : Библиополис, 2007. – 760 с.
14. Яроцкая, Ю. А. Влияние православия на религиозную культуру Японии / Ю. А. Яроцкая // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*. – 2015. – № 1 (23). – С. 27–33.
15. Яроцкая, Ю. А. Православие в религиозной культуре Японии / Ю. А. Яроцкая // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки*. – 2013. – № 15. – С. 134–137.

References

1. Volkov M. G. Pravoslavnaya Tserkov v Koree [The Orthodox Church in Korea]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2009, no. 4, pp. 66–70.
2. Glavatskaya Ye. M. Religioznyy landshaft Urala: fenomen, problemy rekonstruktsii, metody issledovaniya [Religious landscape of the Urals: a phenomenon, problems of reconstruction, research methods]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2008, no. 4 (21), pp. 76–82.
3. Gundyayev K. Religiya i diplomatiya. Vzaimodeystvie Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo patriarkhata s Ministerstvom inostrannykh del Rossii [Religion and diplomacy. Interaction of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate with the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. *Tserkov i vremya* [Church and Time], 2001, no. 3 (16), pp. 70–85.
4. Kornienko N. "A svyatuyu tu tserkov postroit": iz istorii vozvedeniya i deyatelnosti Svyato-Troitskogo khrama v Urge ["And build a holy church": from the history of the construction and activity of the Holy Trinity Church in Uрга]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2017, no. 5, pp. 198–208.
5. Kruzenshtern-Peterets, Yu. Vospominaniya [Memoirs]. *Rossiyanе v Azii* [Russians in Asia], 1998, no. 5.
6. Manokhin S. *Pravoslaviе v Yaponii* [Orthodoxy in Japan]. Available at: <http://tobolsk-eparhia-press.ru/prosvetitel/number.php?dat=2011.04&st=4>.
7. Osipova M. V. Khristianizatsiya aynov kak sposob rasprostraneniya rossiyskogo vliyaniya na Kurilskikh ostrovakh [The Christianization of the Ainu as a way of spreading Russian influence in the Kuril Islands]. *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 1, pp. 15–22.
8. Pavlov G. Kazaki-albazintsy v Kitae [Cossacks-Albazinians in China]. *Razvedchik* [Scout]. St. Petersburg, 1901, no. 550.
9. Perevalov F. Rossiyskaya Dukhovnaya Missiya v Koree (1900—1925 gg.) [The Russian Ecclesiastical Mission in Korea (1900-1925)]. *Istoriya Rossiyskoy Dukhovnoy Missii v Koree* [History of the Russian Ecclesiastical Mission in Korea]. Moscow, 1999.
10. Pozdnyayev D. *Pravoslaviе v Kitae (1900–1997)* [Orthodoxy in China (1900–1997)]. Moscow, Svyato-Vladimirskoe Bratstvo Publ., 1998.
11. Sagitova I. O., Prozorova G. V. *Yevangelizatsiya koreyskogo naseleniya rossiyskogo Dalnego Vostoka (1864–1917)* [Evangelization of the Korean population of the Russian Far East (1864–1917)]. Available at: <https://koryo-saram.ru/sagitova-i-o-evangelizatsiya-korejskogo-naseleniya-rossijskogo-dal-nego-vostoka-1864-1917/>.
12. Yablonskaya O. V., Yakovlev D. V. Nikolay Yaponskiy o trudnostyakh pravoslavnoy missii v Yaponii [Nikolay Japanese on the difficulties of the Orthodox mission in Japan]. *Aktualnye voprosy i tendentsii razvitiya v sovremennoy nauke* [Actual issues and development trends in modern science]. Makhachkala, 2015, pp. 28–35.
13. Yaponskiy N. *Kratkoe zhizneopisanie, dnevniki 1870–1911 gg.* [A brief biography, diaries 1870-1911]. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 2007, 760 p.
14. Yarotskaya Yu. A. Vliyanie pravoslaviya na religioznuyu kulturu Yaponii [Influence of Orthodoxy on the religious culture of Japan]. *Vestnik Belaruskaga dzyarzhaynaga yuniversiteta kultury i mastatstvay* [Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts], 2015, no. 1 (23), pp. 27–33.
15. Yarotskaya Yu. A. *Pravoslaviе v religioznoy kulture Yaponii* [Orthodoxy in the religious culture of Japan]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ye: Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series E: Pedagogical Sciences], 2013, no. 15, pp. 134–137.

СОСТОЯНИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ОПЫТ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Моцелков Евгений Николаевич, доктор политических наук, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27/4
E-mail: enm@inbox.ru

Рассмотрена деформация миропорядка и его влияние на общемировые культурно-идеологические, духовно-религиозные и этические ценности. Особое внимание уделено дифференциации научного знания. Особый интерес представляют гуманитарные науки, которые в настоящее время переживают серьезный кризис. Объясним этот кризис тем, что в гуманитарном знании последних десятилетий преобладает недостаток исследований, а научный дискурс сведён к поверхностному упрощённому представлению действительности. Плюс к этому, размыты границы гуманитарных наук. Предложено искоренить поверхностный подход в научном знании с помощью философии, так как методы философского анализа помогают взглянуть за горизонт повседневности и выявить наиболее общие основания социальной жизни. Пусть философия и сама является синтезом социогуманитарных дисциплин, но именно в ней заложена эвристическая база для интегративных исследований. Такая стратегия позволит создать перспективы для прогнозирования политических процессов. Свою позицию автор строит, опираясь на научные традиции Московского университета начала XX в.

Ключевые слова: гуманитарные науки, кризис науки, философия, научные методы

THE STATE OF SOCIAL HUMANITARIAN KNOWLEDGE: PAST EXPERIENCE AND MODERNITY

Moshchelkov Evgeniy N., D. Sc. (Policy), Professor
Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosov Ave., Moscow, 119234, Russian Federation
E-mail: enm@inbox.ru

This article discusses the deformation of the world order and its impact on the global cultural, ideological, spiritual, religious and ethical values. The author focuses on the differentiation of scientific knowledge. Of particular interest are the humanities, which are currently experiencing a serious crisis. We will explain this crisis by the fact that the lack of research prevails in humanitarian knowledge of the last decades, and the scientific discourse is reduced to a superficial simplified view of reality. Plus, the boundaries of the humanities are blurred. To eliminate the superficial approach in scientific knowledge, the author suggests using philosophy, since the methods of philosophical analysis help to look beyond the horizon of everyday life and to reveal the most common foundations of social life. Although philosophy itself is a synthesis of social sciences and humanities, but it is in it that the heuristic basis for integrative research is laid. Such a strategy will create prospects for predicting political processes. The author builds his position based on the scientific traditions of Moscow University at the beginning of the 20th century.

Keywords: humanities, crisis of science, philosophy, scientific methods

Мир менялся всегда, но перемены бывают разными: одно дело – плавное неспешное течение событий, эволюционное развитие, которое приводит к адекватным и понятным изменениям в жизни людей, другое – революционные скачки, перемены-ломки, происходящие неожиданно, стремительно, очень болезненно. Именно в такую очередную эпоху социальных бифуркаций мы и живём, начиная с 1990-х гг.

Распад одной из самых мощных и могущественных общественных систем последних столетий – Советского Союза (бывшей Российской империи) – и, как результат, обрушение биполярного мирового порядка; череда войн и вооружённых конфликтов в Азии, Европе, Африке, которые привели к массовому потоку миграции на европейский континент, что поставило под угрозу сложившиеся устои жизни миллионов европейцев, и, наконец, деформация устойчивой системы международных отношений на основе безответственного диктата США.

В рамках нетрадиционной смены (без мировой войны) мирового порядка обвалюно рушатся непреложные нормы и правила международных отношений и международного права, многовековые устои и традиции социальной жизни целых регионов, культурно-идеологические, духовно-религиозные и этические (особенно христианские) ценности.

Констатации уже этих катастрофических перемен, которые произошли в мире в последние два – три десятилетия, достаточно, чтобы понять, что нас окружает какая-то новая и опасная мировая реальность, природу и тем более тенденции развития которой мало кто пока может объяснить. Очевидно, что все эти процессы должны стать объектом исследования и интерпретации социальных и гуманитарных наук. Но проблема заключается в том, что эти науки переживают в настоящее время серьёзный кризис.

Причина этого кризиса – в затянувшемся процессе дифференциации наук. В последние десятилетия мы стали свидетелями масштабного сотрудничества учёных из различных областей научного знания для минимизации и ликвидации возрастающих глобальных угроз существованию человечества. Вместе с тем, мы продолжаем идти по пути дифференциации наук (или сохранения неизблемости дифференцированного научного знания), не понимая, что время для этого уже прошло. По меньшей мере, уже полвека (а может быть, и больше) потребности жизни (экономики, окружающей среды, сохранения и воспроизводства человеческой жизни) и самой науки требуют не создания (отпочкования) новых обособленных областей знания, а интеграции научного знания, создания на основе синтеза различных научных дисциплин целостной картины мира, которая после античности на новом и неизмеримо более высоком витке развития человеческой цивилизации смогла бы охватить и концептуально объяснить единство природы, общества и человека, объяснить сущность этого единства, механизмы и тенденции его развития.

В конце 2016 г. в Институте всеобщей истории РАН состоялась дискуссия ведущих отечественных учёных о концепции развития гуманитарных и общественных наук, где констатировалось: «В последнее время в самой академической среде остро ощущается необходимость преодолеть жёсткие рамки сложившихся дисциплин, пусть даже каркас институтов / кафедр институционально этому сопротивляется» [6, с. 9].

Об этом же говорится и в международном научном сообществе. Авторы юбилейного (2018) доклада Римского клуба Э. Вайцзеккера и А. Вийкмана «Сомеон! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» пишут: «Фрагментация знания возникла во всех естественных и социальных науках и имела схожие последствия для каждой из дисциплин. Специализация одержала победу над интегративностью. Модели и теории играют первостепенную роль в образовании. Однако когда люди получают образование, основанное на теориях, не релевантных социальной действительности, или моделях, ошибочных в отношении окружающей действительности, то оно оказывается бесполезным»²⁵ [2, с. 90].

И ещё актуальные высказывания по данному вопросу. Академик А. В. Торкунов, выступая от экспертного совета по гуманитарному знанию при Минобрнауки РФ, приходит к следующему заключению: «В России общественный статус социально-гуманитарного знания значительно уступает естественнонаучным отраслям. Опубликованы исследования, подтверждающие нетерпимо низкий уровень общественного доверия к социальным наукам в России»²⁶ ... *Распространено мнение, что потенциал общественнозначимых результатов этого кластера наук в лучшем случае сводится к инструментам идеологически-пропагандистского обеспечения внешней и внутренней политики* [5, с. 10]. Автор статьи определяет ряд других проблем и недостатков современной социогуманитарной науки в России: низкий социальный статус, неопределённость границ, провинциализация дискурса, преобладание дескриптивных исследований, дефицит компетенций, узкое поле распространения результатов исследования [5, с. 10].

²⁵ Обращает на себя внимание то, что на Западе подобные оценки звучат довольно давно. Ещё в 1994 г. один из крупнейших современных социологов и политологов Й. Валлерстайн говорил о «размытости границ между отдельными дисциплинами социальных наук». «Традиционные категории экономики, политологии, истории, социологии и антропологии, – писал он, – во многих отношениях потеряли свои различительные черты как предметные области, как области методологии, как конкурирующие эпистемологии» (Валлерстайн Й. Письмо членам Международной социологической ассоциации // Вестник Московского государственного университета. Серия 18: Социология и политология. 1995. № 3. С. 128). Сказано 25 лет назад, но ничего не изменилось.

²⁶ Косвенным подтверждением данного вывода являются социологические исследования социального статуса гуманитарной интеллигенции в современной России. Только 9,7 % опрошенного населения считают «роль интеллигенции значительной», 21,9 % за то, что «она имеет среднее влияние на жизнь общества» (в сумме положительное мнение – 31,6 %); 23,7 % склоняются к тому, что «она играет незначительную роль», а 19,7 % – «практически не играет никакой роли» (в сумме отрицательное мнение – 43,4%). См.: Тоценко Ж. Т. Социология былой интеллигенции // НГ-Сценарии. 22 января 2019. С. 13.

Ясно, что уже нельзя бесконечно констатировать кризисные явления в развитии социальных и гуманитарных наук. Нужно предпринимать реальные шаги к преодолению этих явлений. Думается, что в этом особая и важная роль отводится философии, её современным методам и направлениям.

Наряду с развитием традиционных областей философии (метафизика, история философии, философская антропология, социальная философия, логика, этика, эстетика и др.) должна происходить и уже происходит актуализация философского анализа. Философия вынужденно поворачивается к злободневным проблемам современности, прежде всего в области политики, к анализу и интерпретации катастрофических политических процессов, которые с нарастающей силой происходят в последнее время в мировом развитии. Не в малой степени это диктуется не только недостатками и пределами дифференцированного знания, но и большим уклоном социальных наук (прежде всего политологии и социологии) в прикладные, математизированные методики и неспособностью на этой базе не только предсказать, но и даже адекватно объяснить бифуркации мировой социально-политической динамики последних десятилетий.

Такие глобальные перемены требуют своего фундаментального научного объяснения, что в нынешних условиях невозможно сделать без философской рефлексии. Именно парадигмы и методы философского анализа всегда позволяли заглянуть за горизонт повседневности, выявить наиболее общие основания социальной жизни, заглянуть в суть вещей. Это настоятельно необходимо и сейчас, в ситуации, когда мы перестаем понимать мир, в котором мы живём, тем более, куда этот мир идёт.

Более того. Философия сама по сути уже является синтезом различных социогуманитарных дисциплин. Именно в философии разработан комплекс рефлексий (рефлексия о власти, её природе, её стимулах, о сущности человека, его правах и обязанностях, о мироустройстве, о связи идеи и реальности, мысли и истории и т. д.), которые создают эвристическую базу, оболочку для интегративных исследований в социологии, истории, политологии, юриспруденции. Думается, что именно этот синтез и может пролить свет на основания и тенденции мирового переходного хаоса, который мы наблюдаем в настоящее время и из которого рано или поздно совместными усилиями нужно будет выбираться. Иначе – глобальная катастрофа, «конец истории».

Вряд ли здравомыслящих людей может устраивать такая перспектива.

Для решения проблем синтеза социогуманитарных дисциплин чрезвычайно интересным и полезным может оказаться научный опыт учёных Московского университета начала XX в.

В этой связи следует обратить внимание на реферат историка Р. Ю. Виппера²⁷ «Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн», опубликованный в 1896 г. в «Журнале народного просвещения» и виде отдельной брошюры, а также реакцию на этот реферат философа и государствововеда П. И. Новгородцева²⁸. В своём реферате Виппер обосновывает «ту мысль, что понять политические идеи можно лишь в связи со всей обстановкой жизни, среди которой они возникают, что их изучение нельзя ограничивать одной лишь логической связью абстрактных систем...» [3, с. 3]. Виппер при этом совершенно не отрицает природу политической идеи как продукта человеческого мышления, как логической абстракции, но считает, что происхождение (детерминации) этой идеи следует искать не только в голове учёного, а представлять её «как продукт некоторого сложного состояния, целой совокупности различных данных исторической жизни, сословной группировки, правительственной системы, экономических и культурных запросов, известного отношения общества к своему прошлому...» [3, с. 5]. Нетрудно заметить, что Виппер не сводит детерминационный базис философско-политической идеи только к институциональным факторам эпохи, а представляет его значительно шире, включая в него ментально-идеологические основания, традиции и т. п.

П. И. Новгородцев, в целом высоко оценивая научную значимость положений Виппера, существенно развивает и уточняет подходы к интерпретации проблемы детерминации политических идей. Он считает, что существует методологическое различие в изучении политической идеи со стороны историка и со стороны философа. По мнению Новгородцева, совершенно

²⁷ Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – выпускник историко-филологического факультета Императорского Московского университета (1880), был профессором этого университета в 1897–1922 и 1943–1950 гг.

²⁸ Новгородцев Павел Николаевич (1866–1924) – выпускник юридического факультета Императорского Московского университета (1888), был приват-доцентом, профессором этого университета в 1896–1913 гг.

очевидно, что историк ставит перед собой задачу «сблизить теорию с окружающей средой и ввести её в цепь закономерного исторического процесса» [4, с. 43], при этом историк, подчёркивает далее Новгородцев, «более объясняет действительность с помощью идей, чем идеи с помощью действительности; центр тяжести переносится на общий ход истории» [4, с. 44]. Но задача историка тем самым, по мнению Новгородцева, предопределяет некоторые пределы (границы) в интерпретации политической идеи, не позволяющие дать ответ на ряд важных вопросов, например, на такие: «Почему одну и ту же социальную действительность разные теории могут одновременно объяснять по-разному?» или «Почему во всемирной истории мы сталкиваемся с поразительной повторяемостью определённых идей, возникающих в различных социально-политических условиях?».

Философ, по убеждению Новгородцева, не отбрасывая вывод о безусловной связи идей с историческими условиями, должен изучить внутреннюю (и самостоятельную) природу политической идеи. Для философа «главная задача состоит в том, чтобы понять идею или доктрину не как отражение своей эпохи, а как важное ... логическое построение» [4, с. 64]. Идея отражает не только свою эпоху, но содержит в себе генетическую память о предыдущих эпохах. Поэтому, по мнению Новгородцева, «логический объём доктрины всегда шире тех конкретных поводов, при которых она возникает» [4, с. 62].

Итак, существуют два основных подхода в интерпретации происхождения политической идеи – исторический и философский (логический). Но между ними, по мнению Новгородцева, нет и не может существовать барьеров. «Одна задача, – пишет он, – не исключает другой; это не более как необходимое разделение научной работы, которая затем ожидает своего синтеза» [4, с. 53].

Таким образом, в гуманитарных исследованиях и преподавании профессоров Московского университета начала XX в. мы находим оригинальную модель синтеза философского и научно-политического подходов к анализу теоретических и практических проблем. Условно эту модель можно отобразить графически (рис. 1).

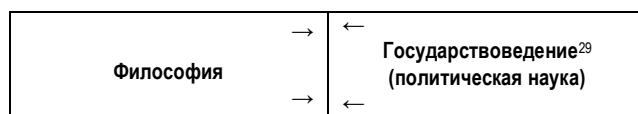

Рис. 1

Для университетских профессоров второй половины XIX – начала XX в. (Юркевич, Чичерин, Редкин, Новгородцев, Виппер) разделение гуманитарных наук на отдельные университетские дисциплины (философия, государственное / политическая наука / теоретическое правоведение, история / социология) имело условный характер, поскольку в своих построениях они исходили из двух фундаментальных принципов теоретического синтеза:

1. Объект-предметные области различных гуманитарных дисциплин, которые обособились в процессе исторической дифференциации наук, существенно пересекаются и взаимно дополняют друг друга.

2. Развитие всех гуманитарных наук подчиняется, с одной стороны, единым законам логики, а с другой – объективной детерминанте единого и целостного объекта, каковым для гуманитарных наук является исторически развивающееся человеческое сообщество. Такая интерпретация гуманитарного знания существенно расширяет и усиливает его эвристические и прогностические возможности.

К сожалению, позже, в XX в., развитие гуманитарного знания пошло по пути дальнейшей дифференциации различных дисциплин, в частности, оно привело к полному размежеванию политической науки и философии и теоретического правоведения (рис. 2).

²⁹ В корпус учебных дисциплин юридических факультетов российских Императорских университетов второй половины XIX – начала XX вв., содержащих проблематику политической науки, входили история философии права, энциклопедия права, политическая экономия и теоретические (вводные) разделы государственного (конституционного) права.

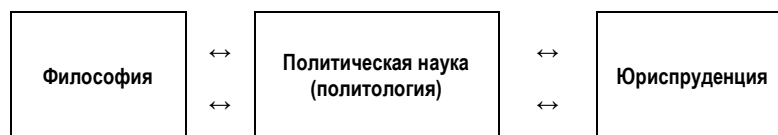

Рис. 2

Считалось, что именно на этом пути гуманитарное знание достигнет больших достижений, что отчасти и произошло. Но вместе с тем стало ясно, что дифференцированное знание имеет свои пределы для интерпретации единой и целостной действительности.

Рассмотренный выше пример интегративного знания из истории науки и образования Московского университета приводит к непреложному выводу, что одна из важнейших задач продвижения гуманитарного знания на современном этапе состоит в органичном соединении, синтезе метафизической способности философии «прозревать будущее» (Новгородцев) и «вычислительных» (прикладных) возможностей и методик, которые в последние десятилетия энергично разрабатывались в политической науке и социологии. Такая стратегия позволит социально-гуманитарной науке не только лишь более или менее удачно объяснять уже случившиеся политические события (на что она в лучшем случае на сегодня способна), но и создаст реальные перспективы научного прогнозирования развития политических процессов.

Список литературы

1. Валлерстайн, Й. Письмо членам Международной социологической ассоциации / Валлерстайн Й. // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. – 1995. – № 3.
2. Вайцеккер, Э. фон Примись за дело! Капитализм, недальновидность, население и разрушение планеты : отчет римскому клубу / Э. фон Вайцеккер, А. Вайкман. – Нью-Йорк, 2018.
3. Виппер, Р. Ю. Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн / Р. Ю. Виппер. – Санкт-Петербург, 1896.
4. Новгородцев, П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве [1902] / П. И. Новгородцев. – Санкт-Петербург, 2000. – 248 с.
5. Торкунов, А. В. Вызовы социогуманитарной науке в России / А. В. Торкунов // ПОЛИС. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 8–16.
6. Чубарьян, А. Большая история: от Большого взрыва до глобализации. О приоритетах развития гуманитарных и общественных наук в России / А. Чубарьян, А. Исэров // НГ-Наука. – 11 апреля 2018.

References

1. Wallerstein Y. Pismo chlenam Mezhdunarodnoy Sotsiologicheskoy Assotsiatsii [Letter to the members of the International Sociological Association]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow State University Series 18 "Sociology and political science"], 1995, no. 3.
2. Vyzekker E. fon, Wiykman A. *Nu zhe! Kapitalizm, kratkovremennost, naseleniye i razrusheniye planet : otchet v rimskiy klub* [Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome]. New York, 2018.
3. Vipper R. Yu. *Politicheskiye teorii vo Frantsii v epokhu religioznykh voyn* [Political theories in France in the era of religious wars]. St. Petersburg, 1896.
4. Novgorodtsev P. I. *Kant i Gegel v svoikh ucheniyakh o prave i gosudarstve* [Kant and Hegel in their teachings on law and the state] [1902]. St. Petersburg, 2000, 248 p.
5. Torkunov A. V. *Problemy sotsialnoy nauki v Rossii* [Challenges to social science in Russia]. *POLIS. Politicheskije issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2018, no. 5, pp. 8–16.
6. Chubaryan A., Iserov A. *Velikaya istoriya: ot Bol'shogo vzryva do globalizatsii. O prioritetakh razvitiya gumanitarnykh i sotsial'nykh nauk v Rossii* [The Great History: from the Big Bang to Globalization. On the priorities of the development of the humanities and social sciences in Russia]. *NG-Nauka* [NG-Science], April 11, 2018.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Верезгова Ирина Владимировна, кандидат философских наук, доцент
МИРЭА – Российский технологический университет
Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 78
E-mail: viv-vera@mail.ru

Тихонова Светлана Викторовна, кандидат философских наук, доцент
МИРЭА – Российский технологический университет
Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 78
E-mail: svetlanavt@list.ru

Исследуется феномен цифрового поколения, раскрываются основные черты и особенности обучения поколения Z, анализируется инновационная образовательная среда. Анализируется проблема нигилизма современной молодёжи. Отмечается ценностный разрыв поколений. Выделяются наиболее характерные черты поколения Z – поколения, рождённого на рубеже XX–XXI вв. Намечены пути преодоления нигилизма в современном обществе.

Ключевые слова: молодёжь, поколение, поколение Z, нигилизм, ценности, информационные технологии, образование, теория поколений, цифровое поколение, клиповое мышление

SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS OF MODERN YOUTH

Verezgova Irina V., Ph. D. (Philosophy), Associate Professor
MIREA – Russian Technological University
78 Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation
E-mail: viv-vera@mail.ru

Tikhonova Svetlana V., Ph. D. (Philosophy), Associate Professor
MIREA – Russian Technological University
78 Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation
E-mail: svetlanavt@list.ru

The article examines the phenomenon of the “digital generation”, reveals the main features and features of the training of the “generation Z”, analyzes the innovative educational environment. The problem of nihilism among young people is examined. A generational gap is identified. The salient features of Generation Z born at the turn of the 21st century are considered. Ways to overcome nihilism in modern society are outlined.

Keywords: youth, generation, generation Z, nihilism, values, Information technology, education, generation theory, digital generation, clip thinking

В настоящее время российское общество переживает процесс смены поколений. Он выражается в смене ценностных ориентаций, приоритетов, стимулов образования и профессиональной деятельности современной молодёжи. Стабильность общества в мире глобального противостояния цивилизации и варварства, распространения экстремистских течений зависит от преемственности поколений, опоры на традиционные ценности и социальные нормы, выработанные за сотни лет его существования. Однако в современном российском обществе прослеживается проблема ценностного разрыва поколений. Во многом это связано с переходом, осуществляемым большинством развитых стран к информационному обществу.

Информационное общество характеризуется широким использованием информационных технологий в процессе производства. Это общество, которое создаёт информацию. Знания являются его основным ресурсом. Это новая ступень общественного развития. Информационные технологии изменяют характер организации труда, создают возможности для передачи, хранения и обработки информации. Практически сформирована иная жизненная среда человечества, когда виртуальное пространство есть продолжение физического и социального. Бесспорно, информационные технологии оказывают воздействие на экономику, социальную структуру общества, социальные институты, в том числе на институт образования. Решение задач прогрессивного развития общества невозможно вне решения задач развития образования молодёжи.

Вместе с тем современное общество столкнулось с серьёзной проблемой – отрицанием молодыми людьми опыта и знаний, навыков и умений, накопленных предыдущими поколениями. Одной из важнейших черт современного мира становится моральный и правовой нигилизм.

Термин нигилизм (от лат. *nihil* – ничто) означает отрицание общепринятых норм, ценностей, морали, культуры. Это своеобразный вид негативного умонастроения, направленного на неприятие всего традиционного, начиная от ценностей и заканчивая моделями поведения, санкционируемыми обществом. Нигилизм имеет социальную природу и стимулирует

поведение, отрицающее устои и правила общественной жизни. Феномен нигилизма, знакомый отечественной и европейской истории, оказался удивительно устойчивым, способным к воспроизводству. С XI в., когда появляются религиозно-философские течения, отрицающие человеческую природу Христа, называемые «нигилиантскими», этот феномен становится частью мировой истории. Он существует и видоизменяется вплоть до современного нового нигилизма.

В каждый исторический период этот термин приобретает своё особое значение и наполняется новыми смыслами и акцентами. Так, во французской литературе конца XVIII – начала XIX в. он употреблялся для обозначения крайностей скептической философии (например, Прудон). В значении крайнего идеализма его употребляли немецкие философы. Так, Фридрих Генрих Якоби (1743–1819 г.) критиковал философию И. Г. Фихте и Шеллинга, усматривая в ней тенденции к пантеизму и нигилизму. В философии Ф. Ницше нигилизм приобретает культурно-историческое значение. Он использует данное понятие, чтобы охарактеризовать сущность современной ему культурно-исторической эпохи. «Что обозначает нигилизм?» – спрашивает он. И отвечает: «То, что высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос “зачем”?» [4, с. 9]. Нигилизм, по мнению Ф. Ницше, отрицает традиционно-либеральные ценности и идеалы. И в этом смысле его синонимом является пессимизм. Можно сказать, что это пассивная форма нигилизма. Однако Ницше предполагает утверждение новой ценности – ценности «сверхчеловека», что символизирует активную форму нигилизма, его позитивные последствия.

В отечественной литературе И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети» (1862) в лице студента Базарова создал обобщённый образ русского нигилиста: «образовавшегося в 50-х годах XIX века нового русского умственного типа», – как писал С. Л. Франк [7, с. 63].

Отстаивая пользу отрицания, студент Базаров критиковал общественную мораль и образ жизни, социально-политическое устройство государства. Как представитель новой морали, он отрицал «всё», ко всему относился «с критической точки зрения». «Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружён этот принцип», – устами Аркадия отмечает И. С. Тургенев [6, с. 331]. А на замечание о необходимости созидания, Базаров отвечает: «Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить» [6, с. 357].

Негативная программа нигилизма XIX в., отрицающая устои общества, общественной морали, традиционного образа жизни символизировала межпоколенный кризис, который, по сути, был лишь отражением кризиса социального. В конце XIX в. слово «нигилист» приобретает в обществе резко отрицательный смысл, становится синонимом русского радикализма. Это слово приобретает настолько негативный смысл, что в России все социальные проблемы и происшествия обыватель стал приписывать «нигилистам», синоним – «преступникам».

Однако для анализа существенных черт и специфики нигилизма потребовалось исследование его истоков. Так, в сборнике Вехи в начале XX в. русские философы проанализировали духовно-нравственные истоки нигилизма. Так, Н. А. Бердяев полагал, что нигилизм является чертой российского менталитета. Отмечая важность и даже необходимость нигилизма для России, её культурно-исторического развития, русские философы, например С. Н. Булгаков, сопоставляли его с христианством. Они отметили характерные особенности русского нигилизма – это культ служения народу, нелюбовь к чиновничеству, карьеризму, осуждение барства, «опрошение» и аскетизм и др. Неслучайно, как писал П. А. Кропоткин: «Нигилизм... был только переходным моментом к появлению “новых людей”, не менее ценивших индивидуальную свободу, но живших, вместе с тем, для великого дела» [3, с. 185].

Нигилизм как явление распространяется во времена социальных кризисов. В обществе всегда наблюдаются нигилистические тенденции. Нигилизм не уничтожим. Идеологический, религиозный, политический и др. плюрализм порождает многообразие ценностных установок, идеалов, понимания путей и способов их достижения, что у определённой части общества вызывает неприятие, отрицание.

Социальный кризис конца XX в. способствовал появлению новых тенденций отрицания в среде молодёжи. Перестройка социально-экономической и политической системы в России привела к тому, что ценности предшествующих поколений были отвергнуты, их место заняли ценности общества потребления. Социальный кризис совпал также по времени с технологической революцией и во многом был ею обусловлен. Изменение коммуникативного пространства личности привело к переосмыслению ценностных установок предшествующих поколений и породило нигилистические настроения в коллективном сознании.

Технологическая революция конца XX в. и её социальные последствия, послужили своеобразным разделом между поколениями. Мы замечаем, что поколение, которое следует за нами, весьма от нас отличается и зачастую его ценности нам не понятны. Становится очевидным, почему проблема «отцов и детей», к которой не раз обращались и философы, и писатели, не утратила своей актуальности сегодня, в современном мире быстротечных перемен и трансформаций. Теория поколений, разработанная в 1991 г. американскими учёными-демографами Нейлом Хоувом и Вильямом Штраусом, разъясняет этот феномен. В книге «Поколения» учёные попытались показать, что люди, принадлежащие одной возрастной группе, имеют примерно идентичный набор ценностных ориентаций и моделей поведения. Теория Хоува – Штрауса акцентирует внимание на том, что формирует и определяет поколение не только и не столько возраст, сколько ценности людей, которые определяются под влиянием общественных, политических, экономических, социальных, технологических факторов и воспитания в семье. Данный вывод был сделан на основе изучения большого объема фактических данных.

Проанализировав историю практически с XV в. до наших времён, Нейл Хоув и Вильям Штраус установили, что развитие поколений повторяется [8]. Учёные выделили 80-летний цикл, за который успевает смениться четыре поколения. По завершении цикла начинается повторение.

Адаптацию теории поколений для России в 2003–2004 гг. выполнила команда под руководством Евгении Шамис – координатора проекта Regenerations [9, с. 140]. По мнению сторонников «теории поколений», поколение – это группа людей, рождённых в определённый временной период, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, с похожими ценностями. Люди, родившиеся на стыке поколений (плюс – минус три года от границы поколений), представляют так называемое переходное, или эхо-поколение. Они обладают характеристиками обоих поколений.

Обратим внимание на то, что сейчас в России живут и работают представители шести поколений: поколение G1 (1900–1923 г. р.); молчаливое поколение (1923–1943 г. р.); поколение беби-бумеров (1943–1963 г. р.); поколение X (1963–1984 г. р.); поколение милениум, или Y (1984–2000 г. р.); поколение Z (с 2000 г. р.).

Особую актуальность сегодня приобретает изучение изменений, происходящих в сознании современной молодёжи – поколения Z. Про это поколение известно немного, так как ценности даже самых старших представителей поколения Z в процессе формирования.

Становление цифровых технологий обуславливает и способствует развитию принципиально иной ментальности нового поколения – поколения центениалов (англ. centennial – столетний). По образному выражению – это поколение, которое уничтожает наш тысячелетний мир. Это поколение XXI в., которое впервые в истории радикально отличается от своих предшественников. Характерными особенностями представителей поколения Z является то, что они родились в эпоху интернета и глобализации, мультимедийных технологий, цифровой среды. Они живут одновременно в реальном мире и мире информационных технологий. Почти всю информацию они получают из сети, предпочитают общение в виртуальном пространстве личному общению. Другое название поколения Z – «цифровые аборигены», поскольку они значительно лучше разбираются в технике, чем в человеческих эмоциях и поведении человека. Неограниченный доступ к информации придаёт им уверенности в своих взглядах, которые далеко не всегда правильны. Они преимущественно общаются по ICQ или в Skype, Вконтакте, Одноклассниках и др. Если встает вопрос выбора между личной встречей и ICQ (от англ. I seek you – я ищу тебя), как правило отдают предпочтение общению в виртуальном пространстве. Многие живут в сети в вымышленном мире, под вымышленными именами. Общение, построение личных и профессиональных отношений у этого поколения будут реализовываться в основном посредством социальных сетей, виртуальных миров, онлайн-игровых платформ.

«Цифровые аборигены» быстро взрослеют, занимаясь самообразованием в интернете и иначе учатся: главная мотивация поколения Z – интерес. Дети мультимедийных технологий, цифровой среды не обладают терпением и сосредоточены, главным образом, на быстротечных целях, ориентированы на потребление и индивидуалистичны. В связи с индивидуализацией претерпевает изменения и жизненное пространство. Для поколения Z, и на это обращают внимание многие исследователи, место обитания – это не какая-то географическая точка, а мир, в котором представитель Z является полноправным «творцом». Этот мир во многом формируется за счёт виртуального пространства, связывается с реальностью через множество безопасных социальных сетей и, что немаловажно, предоставляет право на инфантильность. При желании представитель поколения Z может легко оградить свой мир от вмешательства

политики, обязательных к прочтению книг, законов и формальностей, которые нужно соблюдать. Всё это как бы составляет их личную, индивидуальную реальность, в которой они существуют так, как им удобно.

Американский психолог Шерри Постник-Гудвин так характеризует цифровое поколение: «Они предпочитают текстовое сообщение разговору. Они общаются в сети – часто с друзьями, с которыми никогда не виделись. Они редко бывают на улице, если только родители не организуют их досуг. Они не представляют себе жизни без мобильных телефонов. Они никогда не видели мира, в котором не было высоких технологий или терроризма. Компьютеры они предпочитают книгам и во всём стремятся к немедленным результатам. Они выросли в эпоху экономической депрессии, и от них всеми ожидается лишь одно – быть успешными. Большинство из них очень быстро взрослеют, видя себя значительно старше своих лет» [2].

Некоторые эксперты серьёзно обеспокоены перспективой сокращения числа изобретателей и новаторов, детерминированной повсеместным развитием культуры бездумного потребления. У цифрового поколения специалисты отмечают изменения механизмов мышления, внимания, памяти, восприятия, речи. У поколения Z больше развита кратковременная память, являющаяся хранилищем небольших объёмов информации, а не долговременная. У них по-другому функционирует память: в первую очередь, запоминается не содержание какого-нибудь источника информации в сети, а место, где эта информация находится, а точнее – способ, как до неё добраться. Память становится не только неглубокой, но и короткой. Средняя продолжительность концентрации внимания по сравнению с тем, что было 10–15 лет назад, уменьшилась в десятки раз.

Одной из характерных особенностей поколения Z, наряду с индивидуализмом, инфантилизмом, сосредоточенностью на своём внутреннем мире, ответственностью только за себя и отсутствием коллективизма, ставки на собственный потенциал и свою уникальность, является клиповое мышление. То есть такое свойство мышления человека при котором человек способен или вынужден обрабатывать много разнородной обрывочной информации поверхностно, не вдумываясь, не делая глубоких выводов.

О клиповом мышлении (от англ. *to clip* – обрезать, обрывать, делать вырезки), складывающемся в цифровом пространстве жизни молодых людей, рассуждают многие современные исследователи. Так, Т. В. Семеновских пишет, что это процесс отражения множества свойств объектов без учёта связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира. Человек, обладающий клиповым мышлением, воспринимает мир не целостно, а как череду почти не связанных между собой частей, фактов, событий. Он затрудняется, а подчас не способен анализировать какую-либо ситуацию, ведь её образ не задерживается в мыслях надолго, он почти сразу исчезает, а его место тут же занимает новый [5].

К излюбленным жанрам и форматам поколения Z, как правило, относят мини-новости, твиты и статусы в социальных сетях, ограниченные 140–250 символами. Образ мыслей зачастую называют фрагментарным и поверхностным. Потребление контента, относящегося к крупным формам, для них становится серьёзным испытанием, на которое они готовы идти лишь в случае решения жизненно важных задач, при отсутствии разумных альтернатив. Правда, нельзя не обратить внимания и на имеющие первостепенное значение качества представителей поколения Z, такие как креативность и скорость принятия решений. Этим людям привлекает эпатаж, нестандартные идеи, яркие проекты, подчёркивающие их индивидуальность и уникальность.

По сути, нигилизм является характерной особенностью поколения Z. Последний связан с культом интернета, где в принципе отсутствует формальная иерархия и отношения подчинённости. Лидеры и авторитеты для представителей поколения Z нередко являются лишь условностью. Индивидуализм становится образом бытия, который защищается личностной автономией. Это поколение, прекрасно владеющее современными компьютерными технологиями, просторами интернета и не мыслящее свою жизнь без социальных сетей.

Человек XXI в. буквально живёт технологиями. В Цюрихском университете было проведено исследование, которое показало, что не только технические устройства адаптируются к потребностям человека. Сам человек также приспосабливается к тому стилю интерактивности, который ему предлагают электронные гаджеты. В результате происходят серьёзные изменения и с человеком: возникают иные привычки работы с текстами и информацией.

Для поколения Z важным становится не знать или помнить, а быстро и эффективно найти необходимые сведения в интернете.

Поколение Z в России сформировалось на основе ЕГЭ-культуры. У молодёжи развиты иные виды памяти, они привыкли действовать по шаблону. В результате возникает серьёзная проблема реализации креативности, творческих возможностей самого человека. Правильно поставить вопрос, сформулировать задачу, найти алгоритмы её решения – важнейшие навыки, которые необходимо привить в процессе получения образования. Поколение Z, как правило, алгоритмы решения будет искать в интернете. Проанализировав большие объёмы информации, они способны достаточно быстро найти или предложить свои варианты решения проблемы.

Новое поколение – поколение Z – сегодня с иронией и недоверием относится к идеалам и ценностям предшествующих поколений. Моральный и правовой нигилизм становится одной из важнейших черт отношения к действительности.

Глобализирующийся мир XXI в. породил новую форму нигилизма, построенного на отрицании правил и норм, любых авторитетов, ценностей и любой сакральности. «Новый нигилизм», т. е. нигилизм поколения Z, во многом обусловлен рассогласованием между жизненными идеалами, ценностно-нормативной системой и средствами достижения поставленных целей. Поколение Z, провозглашая свободу, утрачивает чувство ответственности. В отличие от поколения своих родителей и предшествующих поколений, они не знают, что такое необходимость и не готовы подчинять свои интересы достижению каких-либо призрачных целей. Ключевой категорией их жизни является интерес. Отрицается всё, что неинтересно. Развлечение, получение удовольствия становится важнейшей целью современного поколения. Нигилизм поколения Z является, по своей сути, поведенческой реакцией на среду, типом защитного конфликта.

В условиях трансформирующегося мира, изменяющейся системы коммуникации, построенной на возможностях интернета и социальных сетей, меняется и ценностная система. У поколения Z формируется иное восприятие возможностей достижения своих индивидуальных целей, во многом отличное от представлений предыдущих поколений, основанных на коллективном рациональном целеполагании. В настоящее время перед обществом стоит серьёзная проблема, связанная с необходимостью преодоления нигилизма в сознании молодёжи. Важно переориентировать нигилистическое сознание, т. е. отрицание всего – норм, ценностей и др., на рационально-критическое отношение, предполагающее позитивные изменения социума. Критическое отношение к социальной реальности предполагает не только изучение и осмысление противоречий целей и возможных способов их достижения, но понимание и выработку альтернатив, т. е. позитивную программу, способствующую социальному прогрессу. Преодолеть последствия нигилизма (морального, правового, этического) можно лишь развив навыки социальной адаптации, одновременно преодолевая фобии, связанные с глобализирующимся миром. Это возможно на основе укрепления общественного консенсуса по поводу социально значимых ценностей, существующих в едином пространстве социального дискурса.

Вместе с тем важной проблемой является и обнаружение различных латентных, неявных форм нигилизма. Как правило, они формируются на основе социальных сетей, стирающих коммуникационные границы, и затрагивают исключительно молодёжь, некритически воспринимающую информацию, распространяемую через всемирную сеть.

Итак, в настоящее время существует настоятельная необходимость преодоления нигилизма молодёжи. Необходимы целенаправленные действия по изменению культурного кода и преодолению настроений отрицания в коллективном сознании.

Список литературы

1. Коатс, Дж. Поколения и стили обучения / Дж. Коатс; пер. с англ. Л. Е. Колбачева. – Москва : МАПДО ; Новочеркасск : НОК, 2011. – 121 с.
2. Коровин, А. Дети в сети, или Знакомьтесь: Поколение Z / А. Коровин. — Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/deti-v-seti-ili-znakomtespokolenie-z>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Кропоткин, П. А. Записки революционера / П. А. Кропоткин. – Москва – Ленинград : Академия, 1933. – С. 185.
4. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений / Ф. Ницше. – Москва, 1910. – Т. 9. – С. 9.
5. Семеновских, Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде / Т. В. Семеновских. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Тургенев, И. С. Собрание сочинений : в 6 т. / И. С. Тургенев. – Москва : Правда, 1968. – Т. 2. – С. 331.
7. Франк, С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции / С. Л. Франк // Начала. – 1991. – № 3. – С. 63.
8. Howe, N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / N. Howe, W. Strauss. – New York : William Morrow & Company, 1991.

9. Шамис, Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс / Е. Шамис, Е. Никонов. – Москва : Университет «Синергия», 2016. – 140 с.

References

1. Koats Dzh. *Pokoleniya i stili obucheniya* [Generations and learning styles]. Moscow, MAPDO Publ.; Novochoerkassk, NOK Publ., 2011, 121 p.
2. Korovin A. *Deti v seti, ili Znakomtes: Pokolenie Z* [Children online, or Meet: Generation Z]. Available at: <http://www.pravmir.ru/deti-v-seti-ili-znakomtespokolenie-z>.
3. Kropotkin P. A. *Zapiski revolyutsionera* [Notes of the revolutionary]. Moscow, Leningrad, Akademiya Publ., 1933, p. 185.
4. Nitshe F. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, 1910, vol. 9, p. 9.
5. Semenovskikh T. V. *Fenomen "klipovogo myshleniya" v obrazovatel'noy vuzovskoy srede* [The phenomenon of "clip thinking" in the educational institution environment]. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>.
6. Turgenev I. S. *Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [Collected Works: in 6 vol.]. Moscow, Pravda Publ., 1968, vol. 2, p. 331.
7. Frank S. L. *Religiozno-istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii* [The religious and historical meaning of the Russian revolution]. *Nachala* [Beginnings], 1991, no. 3, pp. 63.
8. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Company Publ., 1991.
9. Shamis Ye., Nikonov Ye. *Teoriya pokoleniy. Neobyknovennyy Iks* [The theory of generations. Unusual X]. Moscow, University "Sinergiya", 2016, 140 p.

ЭВОЛЮЦИЯ ПАНСЛАВИСТСКИХ ВЗГЛЯДОВ В. И. ЛАМАНСКОГО В НАЧАЛЕ XX в.

Болдин Владимир Алексеевич, кандидат политических наук, ассистент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Прокудин Борис Александрович, кандидат политических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: probor@bk.ru

Эта статья – попытка показать идейно-политическую эволюцию, произошедшую во взглядах известного русского слависта, общественного деятеля и идеолога панславизма В. И. Ламанского. Авторы при помощи методов политической текстологии интерпретируют два поздних текста В. И. Ламанского, которые не становились прежде объектом политологического анализа: «Взгляд на судьбы юго-западного славянства» (1900) и «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях?» (1900). Показано, что в этих статьях, посвящённых состоянию западных славян в начале XX в. и опубликованных в венском журнале «Славянский век», Ламанский всё ещё придерживался идей культурного панславизма о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был стать русский язык. Авторами отмечается, что Ламанский, как и все славянофилы, видел славянский вопрос включённым в антагонизм двух миров – греко-славянского и романо-германского, различных по религиозному, гражданскому и нравственному характеру. Однако на рубеже XIX–XX вв. культурный панславизм Ламанского, хоть и претерпевал изменения, уже казался слишком туманным и в общественном сознании уступал место панславизму культурно-экономическому.

Ключевые слова: В. И. Ламанский, панславизм, «Славянский век», геополитика, славянофильство

**EVOLUTION OF PAN-SLAVIST VIEWS OF V. I. LAMANSKY
AT THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY**

Boldin Vladimir A., Ph. D. (Policy), Assistant
Lomonosov Moscow State University
2 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Prokudin Boris A., Ph. D. (Policy), Assistant Professor
Lomonosov Moscow State University
2 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: probor@bk.ru

This article is an attempt to analyze the ideological and political evolution that took place in the views of the famous Russian scientist, public figure and ideologist of Pan-Slavism V. I. Lamansky. In this work the authors are analyzing two later texts of V. I. Lamansky ("A Look at the Fates of South-Western Slavs" (1900) and "Is it possible to

compare Russia with Austria-Hungary in regard of nationalities?" (1900), using methods of political textology. It is shown that in these articles, devoted to the state of the Western Slavs at the beginning of the XXth century, which were published in the Viennese magazine "Slavic century", Lamansky adhered to the idea of "Cultural Pan-Slavism". According to this idea Slavs needed to accept a single literary language that the Russian language should have become. The authors note that Lamansky, like all Slavophiles, saw the "Slavic question" included in the antagonism of the «two worlds», Greco-Slavic and Romano-Germanic, which have differences in religious, civil and «moral» nature. Nevertheless, at the turn of the XIX–XXth centuries, Lamansky's "Cultural Pan-Slavism", even with changes, already seemed too vague and gave way to "Cultural and Economic Pan-Slavism".

Keywords: V. I. Lamansky, Pan-Slavism, "Slavic Century", geopolitics, Slavophilism

В. И. Ламанский – учёный, общественный деятель и публицист. Фигура выдающегося ученого-слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) является одной из наиболее самобытных в плеяде отечественных мыслителей и общественных деятелей конца XIX – начала XX в. Как отмечает М. А. Робинсон, «и до Ламанского в России были крупные слависты, но именно Ламанскому удалось создать общепризнанную школу славистов и занять почётное положение "патриарха русского славяноведения» [20, с. 136]. С именем Ламанского связана целая эпоха не только в развитии отечественного славяноведения, но и славянской идеологии в России. Ламанский занимался изучением славянской проблематики во всём её многообразии, его научные труды посвящены исследованию славянских языков, славянской истории, политики, этнографии и литературы [24, с. 315–316; 27, с. 392–393].

Несмотря на заметно возросший в последние годы интерес к наследию Ламанского, внимание исследователей в основном было сосредоточено на интерпретации геополитических взглядов, изложенных им на страницах поздней работы «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), которую М. А. Робинсон охарактеризовал как «последнее историософское сочинение славянофильского направления в русском славяноведении» [19, с. 97]. Но Ламанский занимался не только научными исследованиями и преподаванием, он также был активным общественным деятелем, принимал участие в организации Славянского съезда в Москве в 1867 г., был председателем Петербургского славянского благотворительного общества. Кроме того Ламанского знали как яркого публициста, по разным подсчётам, за годы своей творческой деятельности опубликовавшего порядка 400 работ. Публицистику, по словам Л. П. Лаптевой, он считал «важным средством пропаганды идей научных, политических, религиозных, национальных» [13, с. 128; 14, с. 47].

Именно публицистическому наследию Ламанского посвящена данная статья, в которой будут рассмотрены две его поздние работы – «Взгляд на судьбы юго-западного славянства» (1900) и «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях?» (1900), опубликованные в журнале «Славянский век» (1900–1904). Напечатанные в самом начале XX в., эти тексты больше не переиздавались и не становились объектом политологического исследования. При анализе статей Ламанского использован политико-текстологический метод³⁰, позволяющий комплексно проанализировать и осмыслить поднятые им проблемы во взаимосвязи с историческим контекстом эпохи.

Журнал «Славянский век» в контексте истории и теории панславизма. Прежде всего, стоит дать краткую справку о журнале, специально для которого Ламанским были подготовлены эти статьи. «Славянский век» издавался с 1900 по 1904 г. в Вене под редакцией одного из активных деятелей славянского движения в Австро-Венгрии – Дмитрия Николаевича Вергуна (1871–1951). Журнал позиционировал себя как новый «всеславянский орган», который «не будет и не желает быть продолжателем прежних русских славянофильских изданий», которые, по выражению редактора, часто носили официальный характер и субсидировались государством. Провозгласив себя «начинателем нового дела» и «хранителем славянофильских заветов», «Славянский век» поставил своими задачами «служить непосредственному распространению русского языка среди юго-западных славян, делу культурного единения славян путём взаимного ознакомления их на общеславянском языке и на почве практических, торговых интересов под девизом Палацкого: «Svůj k svému» («Свой к своему») [2, с. 3]. Редак-

³⁰ Под политической текстологией в данной работе понимается «прикладная политологическая дисциплина, изучающая приемы поиска и обработки информации, правила создания оригинальных социально-политических текстов; приёмы и методы анализа текстов уже созданных социально-политических произведений (теоретико-аналитических, публицистических, программных) в целях их критики (рецензии) и издания (публикации, републикации)» [25, с. 145].

ция рассчитывала с помощью журнала начать работу по популяризации славянской идеи не только среди русских читателей, но прежде всего, среди других славянских народов, в том числе и в Австро-Венгрии. Подобная деятельность не могла остаться незамеченной австрийскими властями, которые видели в распространении «славянской идеи» угрозу территориальной целостности и стабильности империи.

Кроме долгосрочной цели распространения русского языка как будущего средства межславянской коммуникации, сформированной редакцией под влиянием идей Ламанского (хотя и не все авторы журнала в дальнейшем разделяли эту точку зрения), «Славянский век» ставил перед собой и более утилитарные задачи. Например, развитие торговых отношений между Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом посредством предоставления возможности производителям и торговцам осуществлять коммуникацию при помощи журнала. Здесь прослеживается важная тенденция в эволюции взглядов русских панславистов начала XX в. – всё больший переход от концепций политической и культурной взаимности к вопросам экономической интеграции славянских земель³¹.

Эволюция взглядов Ламанского: путь от убеждённого славянофила к разочарованию в славянской идее? Прежде, чем перейти к анализу поздних статей Ламанского, нужно в общих чертах охарактеризовать, как формировались его взгляды. Дело в том, что период наибольшей активности (общественной и публицистической) Ламанского пришёлся на 1860–1870-е гг. Ближе к концу века популярность его взглядов в славяноведческой среде стала снижаться. Несмотря на то, что Ламанский создал самую большую отечественную школу славяноведения, его авторитет падал, и к началу XX в. Ламанский был почти забыт³².

Мировоззрение Ламанского было славянофильским, что определяло его подход к истории и политические взгляды. Он был сторонником самодержавия³³ и панславистом, призывая славянские народы к объединению. Как и все консерваторы, он был ещё «ностальгическим человеком», т. е. не мог удовлетвориться настоящим и искал идеал в прошлом. Сожалея о том времени, когда существовало первоначальное славянское единство, покоящееся на «началах народности», и все славяне были «одной веры». Но золотой век славянства был недолог: западные славяне пали под натиском немцев, а южные – турок. Только русским из всех славянских народов удалось отстоять свою независимость, славянскую самобытность и построить великую державу. Именно поэтому на России лежит особая миссия – объединить славянство, вернуть ему исконную культуру и долгожданную свободу.

В своем понимании панславизма русские мыслители XIX в. сразу разделились на тех, кто призывал к сближению славянских народов, в первую очередь в области культуры (культурный панславизм), и тех, кто предполагал их государственное объединение (политический панславизм). Разумеется, такую классификацию нельзя считать безупречной, по крайней мере, потому, что те сторонники славянской взаимности, которые никогда не выдвигали программы политического объединения славянских стран, а ратовали лишь за культурное сближение, в далёкой перспективе всё-таки предполагали возможность объединения славянских народов в одно государство³⁴. Одной из основных фигур, ярко характеризующих направление культурного панславизма, можно назвать Ламанского.

Как и все славянофилы, он видел славянский вопрос включённым в антагонизм двух миров – греко-славянского и романо-германского, различных по религиозному, гражданскому

³¹ Подробнее о политической программе и деятельности журнала «Славянский век» см.: [1].

³² Такая несправедливость, как полагает Л. П. Лаптева, автор книги «История славяноведения в России в XIX веке», была связана со сменой эпох, «новое поколение учёных, не исключая и учеников Ламанского, не разделяло уже его политических убеждений и научных теорий, ставших анахронизмом [15, с. 355]. Действительно, взгляды Ламанского к началу XX в. даже его ученикам (А. Л. Погодину, Г. А. Ильинскому, и др.) в некоторых аспектах, прежде всего, в политическом, казались изжившими себя.

³³ Тем не менее, в научной литературе существует и иное мнение относительно политических взглядов Ламанского. Так, А. В. Малинов, на основе анализа дневниковых записей, сделанных Ламанским в годы Крымской войны (1853–1856 гг.), ставит под сомнение точку зрения о его монархических взглядах. «Они (дневниковые записи. – авт.) ясно показывают, насколько критически относился учёный к существующей в России форме правления, и ставят под сомнение распространённое в исследовательской литературе мнение о Ламанском как об убеждённом монархисте. По крайней мере николаевское самодержавие никогда не вызывало у него симпатий» [16, с. 37].

³⁴ Иная классификация панславизма предложила в недавнем исследовании О. В. Павленко. Подробнее см.: [17, с. 3–15].

и «нравственному» характеру. И настойчивые призывы Ламанского к «скорейшему пробуждению» общеславянского сознания и культурному объединению славян было следствием убеждения, что славянам в ближайшее время предстоит вести трудную борьбу со своими «заклятыми европейскими врагами», в первую очередь, с Германией. Основным мотивом конфликта России с Германией, по его мысли, должны были стать притязания последней на территории славянских народов. К такому выводу Ламанский пришёл, проанализировав сочинения нескольких поколений германских учёных, писателей и публицистов разных школ и направлений, посвящённые славянским народам (этому вопросу, во многом, посвящена его докторская диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» [9]). Вывод Ламанского заключался в следующем: в европейском сознании, в частности, германском, насаждается представление о том, что «славянское племя есть племя низшее», не способное к самостоятельной жизни и рождённое, чтобы подчиняться. А в борьбе с «германской машиной» невозможно победить без равноценной высокоразвитой культуры.

Что же делать, если совокупная культура славян в общественном мнении «уступала» культуре романо-германских народов? «Отец панславизма» [29, р. 668; 30, р. 83], словак Ян Коллар, предлагал программу распространения во всех славянских странах четырёх обязательных языков: русского, польского, чешского и сербохорватского. По его мнению, такая мера сплотила бы славян и стимулировала у родственных народов культурный рост. Ламанскому эта идея казалась утопичной. Соглашаясь, что славяне должны проникнуться «пламенной идеей общности», он считал, что основой для этого должен стать русский язык. Только выбрав «русский» путь интеграции, мелкие части славянства могли бы стать самостоятельными частями общего организма, способного на равную борьбу с Германией. Эти взгляды были впервые высказаны Ламанским уже в ранних статьях – «Из записок о славянских землях» (1864) и «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (1864) [18, с. 119].

Размышления Ламанского о различии между понятиями народности и нации делают более понятными его требования «русификации» славян. В одной из неопубликованных работ конца 1860-х гг. «Проекты славянских федераций. Обзор» Ламанский писал: «Не каждая народность есть или может быть нацией. Никто не станет отрицать народностей самоедов, лопарей, карелов, зырян, бурят, черемис, чувашей, мордвы и т. д., но все эти народы не составляют самостоятельных наций, а принадлежат к нации русской, точно так же как баски во Франции или остатки кельтов в Англии, по народности не французы и не англичане, принадлежат к французской или английской нациям» [10, л. 2]. По мнению учёного, только при соблюдении двух условий народности достигают значения наций. Во-первых, при общем литературном языке, «органе общей образованности», и, во-вторых, при независимом политическом положении и самостоятельном государственном устройстве [10, л. 2].

Видя в России славянскую державу, находя в русской поэзии, в русском искусстве «родные славянские идеалы», защиту своих национальных интересов, все славянские народы, считал Ламанский, почувствуют потребность изучать русский язык, знакомиться с русской литературой. И тогда создание всеславянского политического союза станет реальностью [18, с. 120]. Принятию русского языка в качестве общеславянского, письменного и дипломатического, по мысли учёного может способствовать «энергичное проявление в русском обществе славянского самосознания и смелый, решительный выступ России на всемирное поприще в качестве единственной державы славянской, имевшей своим историческим призванием охрану и защиту славянства от захватов, натиска и гнета иноплеменников» [12, с. 35–36].

Смысл и направление научных поисков Ламанского, как отмечает А. А. Ширинянц, сводились к обоснованию «миродержавной роли нашего славянского племени», которая должна завоевываться не столько внешнеполитическими действиями, сколько внутри России, причём не в Петербурге и Москве, а в провинции – освоением огромных пространств, подъёмом экономической жизни и упорядочением бытовых условий, успехами самобытной, неподражательной русской образованности [3, с. 99; 23, с. 7]. Панславизм Ламанского был, прежде всего, продиктован необходимостью противостоять германской экспансии, не потерять стратегических партнеров и потенциальных союзников России – западных и южных славян.

Впрочем, известно, что к 1875–1877 гг. происходит разочарование Ламанского в панславизме и возможности славянского объединения. Об этом позволяет судить неопубликованная статья «Славянский союз», в которой прозвучала невиданная ранее для автора мысль – славяне не объединятся никогда именно потому, что они славяне. Можно сказать, что статья

«Славянский союз» характеризует жизненную драму славянофила Ламанского, осознавшего, что славяне – никакие не братские народы, а всего лишь буферные страны, находящиеся между Россией и Западом и попеременно тяготеющие то к одному, то к другому полюсу. Несмотря на то, что она так и осталась наброском, статья «Славянский союз» позволяет по-новому взглянуть на эволюцию взглядов Ламанского, хотя в опубликованных работах учёный по-прежнему отстаивал идею славянского единства. Так, к 1892 г. им был закончен трактат «Три мира Азийско-Европейского материка», который стал, по сути, творческой переработкой славянофильской философии истории и её адаптации к реалиям конца века.

В 1895 г., Ламанский предпринял попытку запустить собственное печатное издание, посвящённое проблемам славянства. Будущий журнал должен был называться «Славянский мир», а целью его должна была стать пропаганда панславистских идей. По проекту предполагалось, что журнал будет носить чисто научный характер. Однако просьба о выделении средств на издание журнала не нашла поддержки в Министерстве народного просвещения. Возможно, из-за разочарования, связанного с неудачей собственного журнала, Ламанский с большим энтузиазмом воспринял новость о появлении в Вене «Славянского века». Кроме того, в кругу авторов журнала было много старых коллег и учеников Ламанского, некоторых из которых он предполагал привлечь и к изданию «Славянского мира» [5, с. 155–159].

Сотрудничество Ламанского с журналом «Славянский век». Первая из двух статей Ламанского, написанных для венского журнала, носила название «Взгляд на судьбы юго-западного славянства», она была опубликована в сдвоенном выпуске «Славянского века» (№ 9–10, 1900 г.). Примечательно, что статья вышла на двух языках с параллельным переводом – на русском и немецком. Можно предположить, что статья Ламанского была адресована, в первую очередь, западнославянскому читателю, а точнее – славянскому населению Австро-Венгрии, где представители интеллигенции считали правилом хорошего тона говорить скорее по-немецки, нежели знать свои собственные национальные языки.

Необходимо сказать, что к началу XX в. на территории Австро-Венгрии проживало около 46 млн человек, из которых более 20 млн были представителями славянских этносов (чехи, словаки, поляки, сербы, хорваты, словенцы, русины) [22, с. 23–25]. Таким образом, славянский вопрос являлся одним из ключевых во внутренней политике империи Габсбургов. Кроме того, экономическая неоднородность территорий империи, а также отстранённость нарождающейся славянской буржуазии от основных источников капитала в Австро-Венгрии способствовала тому, что славянские политики и общественные деятели постоянно искали пути увеличения собственной национальной автономии, а также экономической независимости. Соответственно, были заинтересованы в налаживании связей с Россией, единственным независимым славянским государством, на поддержку которого они могли рассчитывать.

В своей работе Ламанский отмечает, что кроме сербов и болгар, ни один западнославянский народ не имеет своего государства. Тем не менее, и на территории указанных стран политическая борьба и конфликты ставят под вопрос их успешное процветание. По ходу статьи Ламанский пытается разобраться и дать ответ на вопрос: «В чём же причина подобного удручающего положения столь “могучей силы”, как славянство?».

Внутренние раздоры и противоречия, нежелание отказаться от национальных амбиций в пользу общего дела привели славян к упадку. Медленно, но верно славяне ассимилируются под натиском чужих культур – немецкой и турецкой. Но что же может помочь избежать плачевного сценария? Что может объединить столь разрозненное славянское племя, позволив найти компромисс и спасительный выход? Для Ламанского ответ очевиден: только русский язык как средство межславянской коммуникации способен консолидировать славян.

«Немцы, – продолжает Ламанский, – как и итальянцы когда-то, как по сие время славяне, имели несколько литературных языков, но, благодаря счастливому сочетанию разных внешних и внутренних обстоятельств, гению писателей и здравому смыслу народа, они объединились в литературе и образованности и возымили общий литературный язык. У 36 миллионов славян – 7 или 8 (если считать кашубский) литературных языков... Можно ли ожидать, чтобы немцы хотя бы одной Цислейтании выучивались всем этим языкам и понимали бы речи славянских ораторов в венском парламенте на их родных языках? И не обречено ли племя, разделённое на несколько самостоятельных народностей, постоянно уступать племенам, не бросившим обработки своих наречий, но всё же объединённым одним общим языком, обязательным для каждого образованного итальянца, немца, француза, испанца, англичанина, североамериканца?» [7, с. 6].

Но почему именно русский язык может стать основой славянской интеграции? Потому, что «ни польская, ни чешская, ни сербская речь никогда не возымеют мирового значения. Для того требуются не одни дарования и культурные успехи известного народа, но и быстрое его размножение и распространение, и обширная государственная его территория» [7, с. 7].

Отвечая на возможные выпады западнославянских патриотов, Ламанский замечает, что в корне неправильно сравнивать расчленение романских и германских народов (которые имеют несколько независимых литературных языков) с разделением внутри славянского мира. В силу исторических, политических и экономических обстоятельств, а также социально-политическому положению и экономическому развитию славянские народы не равны по своей численности крупным европейским народам (например, французам или итальянцам), и любые попытки ещё большего разделения в славянском мире по культурному и языковому признаку могут привести не к национальному возрождению, а лишь к потере собственной идентичности³⁵.

По мысли Ламанского, дополнительным аргументом в пользу русского языка является тот факт, что исторические противоречия и конфликты, раздирающие славянский мир, никогда не позволят, например, полякам признать превосходство чешской культуры или языка, а сербам принять тот факт, что их литература и история менее «блистательна и важна», нежели история хорватов или словенцев. Таким образом, только Россия остается единственным неоспоримым эталоном в культурном, политическом и экономическом плане³⁶.

Вторая статья Ламанского, написанная для журнала «Славянский век», носила название «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях?». В ней Ламанский не только продолжает развивать свою концепцию культурной интеграции славянских земель, но и касается вопросов внутренней политики Российской империи.

Прежде всего, Ламанский замечает, что «и с точки зрения историко-этнографической, и с точки зрения государственного права сильно ошибаются, когда уподобляют в вопросе народностей Россию и Австро-Венгрию» [8, с. 2]. Обострение национального вопроса ставит под сомнение политическое будущее «лоскутной империи».

Характеризуя современное состояние Российской империи, Ламанский приходит к выводу, что «при справедливо ожидаемом в будущем экономическом и культурном росте России, никакие силы в мире не могут помешать широкому, в ближайшие 50–100 лет, распространению русского литературного языка вне пределов России... К тому же русским языком в России будет говорить в то время свыше 200–300 миллионов людей, и знание его может только служить чрезвычайному развитию всякого рода сношений Западной Европы с Россией и с прилегающими к ней краями азиатскими» [8, с. 2–3]. То есть призывы Ламанского способствовать распространению русского языка в славянском мире были продиктованы не только желанием помочь славянским народам избежать «онемечивания», но и геополитическими интересами России.

Следует отметить, что тезис Ламанского о возрастании роли России в мире в начале нового столетия не кажется беспочвенным. Несмотря на то, что экономическое развитие России на рубеже веков носило скачкообразный характер, всё же за относительно короткий срок Российская империя по темпам экономического роста сумела догнать ведущие индустриальные страны, такие как Великобритания, Франция, США, Германия, а по некоторым показателям и опередить их.

³⁵ Ламанский не раз сетовал на характерную черту славянских народов, которую он называл «национальным эгоцентризмом»: «Каждое славянское племя, – писал он в статье “Славянский союз”, которую так и не опубликовал, вероятно, в силу чрезмерной резкости выводов, – хотя бы оно жило в величайшем рабстве, с каким-то отчаянным фанатизмом держится своей самой иногда жалкой особенностью, своего племенного имени, которое часто и не народное, а чужое, навязано ему завоевателями, своего особого наречия, на коем почти не напечатано ни одной книги. Без всякой союзной связи, без общего языка, без какого бы то ни было общего знамени народной торжественности, кто может признавать нас за один народ?!» [11, л. 1].

³⁶ Стоит сказать, что старый тезис Ламанского о необходимости распространении русского языка в качестве средства культурного и дипломатического общения поддерживался далеко не всеми молодыми славистами нового поколения. Так, один из постоянных авторов журнала «Славянский век», видный деятель славянского движения начала XX в. Илья Владимирович Каменский, человек уже не славянофильского мировоззрения, в своей программной статье «Тезисы панславизма» (1903) писал, что дипломатическим языком будущей славянской федерации (Славянского Союза) вполне может стать и французский язык, который позволит избежать конфликтов в славянском мире [6, с. 323–324].

Сравнивая основные внутривнутриполитические процессы, протекающие в двух империях – Австро-Венгерской и Российской, Ламанский приходит к выводу, что в России сложилась совершенно иная историческая ситуация, требующая отличного подхода для её изучения. Русский народ как главный образующий элемент находится в совершенно ином отношении к другим народностям империи, нежели элементы немецкий и мадьярский в Австрии. «Уважая одинаково всякую инородческую индивидуальность, без внимания имеет ли она свои привилегированные сословия, свою развитую старую культуру, или не имеет, главный русский элемент может и должен спокойно признавать права родных языков в их богослужениях и религиозных поучениях, в народной школе (чем культурнее народ и край, тем легче можно вводить и обязательное обучение русской грамоте и языку, а не преподавание в народной школе на русском языке), само собой, в семье, в общественных собраниях, в театрах и в литературе» [8, с. 5].

По мнению Ламанского, за исключением Финляндии, где преобладает однородное население, в России, подобно опыту Германии, Франции и США, «все средние и высшие училища, казённые или хотя бы частные, но с государственными правами могут быть только или вполне, или преимущественно русскими» [8, с. 5]. Поэтому только русская национальность и русский язык имеют «политический» характер: «Эта национальность и этот национальный язык – единственная славянская национальность и единственный в мире славянский язык с правами на значение не только общеславянского, но и мирового языка», – пишет он [8, с. 6].

Завершая рассмотрение двух работ Ламанского, относящихся к позднему этапу его творческой деятельности, следует отметить последовательную приверженность учёного концепции культурного панславизма³⁷, основанную на идее распространения русского языка как единственно возможного средства сближения славянских народов в культурном и политическом плане. Таким образом, здесь, как и в одной из первых своих статей «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении» (1864), которую Б. Ф. Егоров небезосновательно называет «первой откровенной программой русификаторского панславизма» [4, с. 100], так и в книге «Три мира Азийско-Европейского материка», Ламанский выступает отнюдь не идеологом гегемонистских и экспансионистских притязаний России. Видя славянский вопрос включённым в антагонизм двух миров – греко-славянского и романо-германского, Ламанский рассматривал идею славянского единства в первую очередь как основу самосохранения славянства и России, доказательство права славян и их культуры на существование.

Культурный панславизм перед вызовами эпохи. Однако к началу XX в., в связи с изменением исторического контекста, для идеологов славянского движения становится всё более очевидным факт, что экономическая повестка дня должна стать ключевой при выстраивании моделей взаимоотношений в славянском мире. В условиях бурного развития капиталистических отношений идеи культурного единения славян начинают казаться всё более абстрактными и всё меньше находят отклик у представителей славянской интеллигенции.

Показательна заочная дискуссия, которая развернулась на страницах «Славянского века» между Ламанским и сербским политическим деятелем, лидером «Радикальной партии», академиком Любомиром Стояновичем (1860–1930). Стоянович высказал мысль, что идея продвижения русского языка как средства общения между славянами, о которой пишут уже более пятидесяти лет, в нынешних условиях обречена на неудачу. Русские авторы укоряют в этом западных славян, но заслужили ли они эти упреки? По мнению Стояновича – нет. Он уверяет, что причина, по которой образованный славянин предпочитает французский или немецкий, до боли прозаична – экономическая выгода. Потребность в русском языке не ощущается у славян, так как все их экономические интересы сосредоточены в Германии или Австрии, а экономическое присутствие России в славянских землях минимально. «Какие связи имеет Сербия с “братской” Россией?» – спрашивает Стоянович. Торговли никакой, русские банки не работают, сообщение и инфраструктура отсутствуют, «явится какой-нибудь русский славист на 3–4 недели в Белград ради своих занятий, а внутри страны много места, где русского никогда и не видели» [21, с. 4]. Русские газеты и журналы не распространяются должным образом не только в Сербии, но и на всех Балканах. Русские книги крайне дороги для доставки, поэтому

³⁷ А. А. Ширинянец даёт следующее определение данному феномену: «“Культурный панславизм” развивал идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский язык» [26, с. 75].

и не популярны. Откуда же сербу или хорвату знать русский язык? Да и зачем, если он не понимает его полезности, кроме патетических возгласов о «братском единстве»?

Если так обстоит дело на Балканах, где Россия традиционно имеет свои интересы, то о чём тогда говорить в славянских землях Австро-Венгрии и Германии? Там славяне в повседневной жизни попросту никогда и не «сталкиваются» с Россией, только если услышать о ней из сводок немецких газет. Так что «языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а практической надобности» [21, с. 5].

В нынешних условиях, по мысли Стояновича, у славян уже нет времени создавать общий литературный язык, как об этом мечтали первые панслависты, нет времени рассуждать об отвлечённых началах. «У нас освобождение политическое должно предшествовать духовному объединению» [21, с. 6], иначе славянские народы падут под экономическим и политическим натиском западных соседей.

В условиях начала XX в. «романтические» тезисы Ламанского казались поборникам славянской независимости уже отжившими себя. Если Россия не вернёт себе экономическое влияние в регионе, то она навсегда лишится своих «братьев», а отвлечённые разговоры о философских основах греко-славянского мира и мечтания о русском языке как средстве общения так и останутся мечтами.

Письмо Стояновичу Ламанскому осталось без ответа. Но его выводы кажутся показательными: западные и южные славяне, не видя присутствия России в регионе, а наоборот, наблюдая её сотрудничество с Австрией, уже не верили в добрые намерения романтиков-славистов. Им нужны были реальные экономические шаги со стороны России, которые позволили бы занять славянским землям своё место в формирующейся мировой капиталистической системе.

Именно поэтому идеи экономической интеграции славянских земель станут ведущими в идеологических построениях панславистов начала XX в. Неудивительно, что славянская идея станет одним из элементов идеологии партии «Союз 17 октября» и «Прогрессивной партии» в русской Государственной думе, ведь именно они представляли интересы крупной русской буржуазии [28, с. 108–109].

Подобные идеи были характерны и для славянских общественных деятелей, занявших особое место в кругу авторов журнала «Славянский век», – хорвата Степана Радича (1871–1928), болгар Стефан Бобчева (1853–1940) и Стефана Цанкова (1881–1965), серба Михаила Вуича (1853–1913), поляка Маиана Здеховского (1861–1938). Все они были убеждены, что Россия должна по-новому взглянуть на славянские народы как на равноценных партнёров, заинтересованных друг в друге экономически. Именно поэтому, на наш взгляд, панславизм в начале XX в. можно охарактеризовать как *культурно-экономический*, что с одной стороны, подчёркивает его преемственность взглядам культурного панславизма, а с другой – обозначает главное отличие в идеологических построениях молодых панславистов, а именно внимание к экономике.

С одной стороны, нежелание воспринимать экономическое сотрудничество России со славянскими странами в качестве основного вопроса и отказ поступиться пунктом о роли русского языка в деле объединения славян отодвинули взгляды Ламанского на периферию. Но, с другой стороны, многие молодые деятели славянского движения, будучи учениками Ламанского, считали идеи славянофилов не изжившими себя до конца, а обладающими большим гуманистическим потенциалом, развенчавшим мифы об универсальности западной культуры и несостоятельности культуры национальной.

Список литературы

1. Болдин, В. А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / В. А. Болдин ; под общ. ред. А. А. Ширинянца. – Москва : Аквилон, 2018. – 376 с.
2. Вергун, Д. Н. От редактора! / Д. Н. Вергун // Славянский век. – 1900. – Вып. 2. – С. 3.
3. Гудков, А. Д. Политическая мысль России. Творческие портреты: Владимир Иванович Ламанский / А. Д. Гудков, А. А. Ширинянец // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2001. – № 1. – С. 94–119.
4. Егоров, Б. Ф. О национализме и панславизме славянофилов / Б. Ф. Егоров // Егоров Б. Ф. От Хомякова до Лотмана. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 23–32.
5. Егорова, К. Б. Письма Д. Н. Вергуна к П. А. Кулаковскому / К. Б. Егорова // Библиотека журнала «Русин». – 2017. – № 1. – С. 155–159.
6. Каменский, И. В. Тезисы панславизма / И. В. Каменский // Славянский век. – 1903. – Вып. 59. – С. 322–325.
7. Ламанский, В. И. Взгляд на судьбы юго-западного славянства / В. И. Ламанский // Славянский век. – 1900. – Вып. 9–10. – С. 2–15.

8. Ламанский, В. И. Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? / В. И. Ламанский // *Славянский век*. – 1900. – Вып. 11–12. – С. 2–8.
9. Ламанский, В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе / В. И. Ламанский. – Санкт-Петербург: Типография В. Н. Майкова, 1871. – 316 с.
10. Ламанский, В. И. Проекты славянских федераций. Обзор / В. И. Ламанский // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. – Ф. 35. – Оп. 2. – Д. 110. – Л. 5.
11. Ламанский, В. И. Славянский союз / В. И. Ламанский // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. – Ф. 35. – Оп. 2. – Д. 124, неполн. – Л. 7.
12. Ламанский, В. И. Чтения о славянской истории в императорском Санкт-Петербургском университете / В. И. Ламанский. – Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1867. – 38 с.
13. Лаптева, Л. П. В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков / Л. П. Лаптева // *Славянский вопрос: Вехи истории*. – Москва: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. – С. 118–129.
14. Лаптева, Л. П. Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (К столетней кончине знаменитого слависта) / Л. П. Лаптева // *Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре*. – Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 47–59.
15. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX в. / Л. П. Лаптева – Москва: Индик, 2005. – 848 с.
16. Малинов, А. В. «Славянский мир» или «русский космос»: о нереализованном издательском проекте В. И. Ламанского / А. В. Малинов // *Русский мир*. – 2011. – № 6. – С. 32–47.
17. Павленко, О. В. Панславизм и его модели / О. В. Павленко // *Новая и новейшая история*. – 2016. – № 5. – С. 3–15.
18. Прокудин, Б. А. Историческое и геополитические идеи В.И. Ламанского / Б. А. Прокудин // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. – 2013. – № 2. – С. 117–127.
19. Робинсон, М. А. В. И. Ламанский и его исторический трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» / М. А. Робинсон // *Славянский альманах 1996*. – Москва: Индик, 1997. – С. 90–106.
20. Робинсон, М. А. В. И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег / М. А. Робинсон // *Славянский альманах 2013*. – Москва: Индик, 2014. – С. 136–151.
21. Стоянович, Л. Общеславянский язык (Посвящается В. И. Ламанскому) / Л. Стоянович // *Славянский век*. – 1901. – Вып. 15. – С. 4–10.
22. Шапошников, Б. М. Мозг армии: в 3 кн. / Б. М. Шапошников. – Москва – Ленинград: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1927. – Кн. 1. – 259 с.
23. Шириняц, А. А. В.И. Ламанский — евразиец до евразийства / А. А. Шириняц // *Евразийская идея и интеграционные процессы на постсоветском пространстве*. – Кокшетау: Кокшетауский государственный университет имени Ш. Ш. Уалиханова, 2017. – С. 7–17.
24. Шириняц, А. А. ЛАМАНСКИЙ Владимир Иванович / А. А. Шириняц // *Русская философия* / под общ. ред. М. А. Маслина. – 2-е изд., дораб. и доп. – М.: Книжный клуб Книголек, 2014. – С. 315–316.
25. Шириняц, А. А. Политическая текстология в Московском университете / А. А. Шириняц // *Весник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія*. – 2019. – № 1. – С. 145–150.
26. Шириняц, А. А. Русский хранитель: политический консерватизм М. П. Погодина / А. А. Шириняц. – Москва: *Русский мир*, 2008. – 412 с.
27. Шириняц, А. А. Ламанский / А. А. Шириняц // *Энциклопедија Руске Философије* / urednik Maslin Mihail A. – Beograd; Bačka Palanka: Logos, 2009. – С. 392–393.
28. Boeckh, K. The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13 / K. Boeckh // Boeckh, K. *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory* / K. Boeckh, S. Rutar. – Palgrave: Basingstoke, 2016. – P. 105–137.
29. Levine, L. Pan-Slavism and European Politics / L. Levine // *Political Science Quarterly*. – 1914. – Vol. 29, № 4. – P. 664–686.
30. Maxwell, A. Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography / A. Maxwell // *Traditiones*. – 2011. – № 40 (2). – P. 79–95.

References

1. Boldin V. A. *Panslavistskiye politicheskiye kontseptsii: genesis i evolyutsiya* [Pan-Slavic Political Concepts: Genesis and Evolution]. Ed. by A. A. Shirinyants. Moscow, Akwilon, 2018, 376 p.
2. Vergun D. N. Ot redaktora! [From the editor!]. *Slavyanskiy vek* [Slavic Century], 1900, iss. 2, p. 3.
3. Gudkov A. D., Shirinyants A. A. *Politicheskaya mysl Rossii. Tvorcheskie portrety: Vladimir Ivanovich Lamanskiy* [Political thought of Russia. Creative portraits: Vladimir Ivanovich Lamansky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science], 2001, no. 1, pp. 94–119.
4. Egorov B. F. O natsionalizme i panslavizme slavyanofilov [About the nationalism and Pan-Slavism of the Slavophiles]. *Egorov B. F. Ot Khomyakova do Lotmana* [Egorov V. F. From Khomyakov to Lotman]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003, pp. 23–32.
5. Egorova K. B. Pisma D. N. Verguna k P. A. Kulakovskomu [Letters from D.N. Vergun to P.A. Kulakovsky]. *Biblioteka zhurnala "Rusin"* [Rusin's journal library], 2017, no. 1, pp. 155–159.

6. Kamenskiy I. V. Tezisy panslavizma [Theses of Pan-Slavism]. *Slavyanskiy vek* [Slavic Century], 1903, iss. 59, pp. 322–325.
7. Lamanskiy V. I. Mozhno li upodoblyat Rossiyu Avstro-Vengrii v voprose o narodnostyah? [Is it possible to compare Russia with Austria-Hungary in regard of nationalities?]. *Slavyanskiy vek* [Slavic Century], 1900, iss. 11–12, pp. 2–8.
8. Lamanskiy V. I. Vzgl'yad na sudbu yugo-zapadnogo slavyanstva [A Look at the Fates of South-Western Slavs]. *Slavyanskiy vek* [Slavic Century], 1900, iss. 9–10, pp. 2–15.
9. Lamanskiy V. I. *Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope* [On the historical study of the Greco-Slavic world in Europe]. St. Petersburg, Typography of V. N. Maikov, 1871, 316 p.
10. Lamanskiy V. I. Proekty slavyanskikh federatsiy. Obzor [Projects of Slavic federations. Overview]. *St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences*, found 35, inventory 2, case 110, sheet 5.
11. Lamanskiy V. I. Slavyanskiy soyuz [Slavic Union]. *St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences*, found 35, inventory 2, case 124, incomplete, sheet 7.
12. Lamanskiy V. I. *Chteniya o slavyanskoy istorii v imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete* [Readings on the Slavic history at the Imperial St. Petersburg University]. St. Petersburg, Printed by B. Golovin, 1867, 38 p.
13. Lapteva L. P. V. I. Lamanskiy i slavyanskaya tema v russkikh zhurnalakh rubezha XIX–XX vekov [V. I. Lamanskiy and the Slavic theme in Russian journals of the turn of the XIX–XX centuries]. *Slavyanskiy vopros: Vekhi istorii* [Slavic Question: Milestones of History]. Moscow, Institute of Slavonic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences, 1997, pp. 118–129.
14. Lapteva L. P. Vladimir Ivanovich Lamanskiy (1833–1914) (K stoletney konchine znamenitogo slavista) [Vladimir Ivanovich Lamanskiy (1833–1914) (To the centenary death of the famous Slavist)]. *Slavyanskiy mir v tret'm tyisyaletii: chelovek, obschestvo, narod v istorii, yazyke i kulture* [Slavic world in the third millennium: man, society, people in history, language and culture]. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2014, pp. 47–59.
15. Lapteva L. P. *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX v.* [The history of Slavic studies in Russia in the XIX century]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 848 p.
16. Malinov A. V. "Slavyanskiy mir" ili "russkiy kosmos": o nerealizovannom izdatelskom proekte V. I. Lamanskogo ["Slavic World" or "Russian Space": the unrealized publishing project of V. I. Lamanskiy]. *Russkiy mir* [Russian world], 2011, no. 6, pp. 32–47.
17. Pavlenko O. V. Panslavizm i ego modeli [Pan-Slavism and its models]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], 2016, no. 5, pp. 3–15.
18. Prokudin B. A. Istoriyosofskie i geopoliticheskie idei V. I. Lamanskogo [Historiosophical and geopolitical ideas of V. I. Lamanskiy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science], 2013, no. 2, pp. 117–127.
19. Robinson M. A. V. I. Lamanskiy i ego istoriosofskiy traktat "Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika" [V. I. Lamanskiy and his historiosophical treatise "The Three Worlds of the Asian-European Continent"]. *Slavyanskiy almanakh 1996* [Slavic Almanac 1996], Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 90–106.
20. Robinson M. A. V. I. Lamanskiy, ego vzglyady na razvitiye slavyanovedeniya, mneniya o nem uchenikov i kolleg [V. I. Lamanskiy, his views on the development of Slavic studies, the views of his pupils and colleagues]. *Slavyanskiy almanakh 2013* [Slavic Almanac 2013]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 136–151.
21. Stoyanovich, L. Obsheslavjanskiy yazyk (Posvyashchaetsya V. I. Lamanskomu) [Common Slavonic language (Dedicated to V. I. Lamanskiy)]. *Slavyanskiy vek* [Slavic Century], 1901, no. 15, pp. 4–10.
22. Shaposhnikov B. M. *Mozg armii: v 3 knigakh* [The Brain of the Army: is 3 books]. Moscow, Leningrad, Department of Military Literature of the State Publ. House, 1927, book 1, 259 p.
23. Shirinyants A. A. V. I. Lamanskiy – yevraziets do yevraziystva [V. I. Lamanskiy – Eurasian before Eurasianism]. *Yevraziyskaya ideya i integratsionnyye protsessy na postsovetskom prostranstve* [Eurasian idea and integration processes in the post-Soviet space]. Kokshetau, Kokshetau State University Publ., 2017, pp. 7–17.
24. Shirinyants A. A. *LAMANSKIY Vladimir Ivanovich* [LAMANSKY Vladimir Ivanovich]. *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya* [Russian philosophy: Encyclopedia]. Ed. by M. A. Maslin. Moscow, Knigovek Book Club Publ., 2014. 2nd ed., pp. 315–316.
25. Shirinyants A. A. Politicheskaya tekstologiya v Moskovskom universitete [Political textology at Moscow University]. *Viesnik Khrodzienskaga dzharzaunaga univiersiteta imia Yanki Kupaly. Sieryya 1. Khistoryya i archiealokhiya. Filasofiya. Palitalogiya* [Bulletin of Hrodna State University. Series 1. History and archeology. Philosophy. Political science], 2019, no. 1, pp. 145–150.
26. Shirinyants A. A. *Russkiy khranitel: politicheskii konservatizm M. P. Pogodina* [Russian custodian: political conservatism of M. Pogodin]. Moscow, Russkiy mir Publ., 2008, 412 p.
27. Shirinyants A. A. Lamanskiy [Lamanskiy]. *Yentsiklopediya Ruskie Filosofie* [Encyclopedia of Russian Philosophy]. Ed. by M. A. Maslin. Belgrade; Backa Palanka, Logos Publ., 2009, pp. 392–393.
28. Boeckh K. The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13. *Boeckh K., Rutar S. The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory*. Palgrave, Basingstoke Publ., 2016, pp. 105–137.
29. Maxwell A. Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography. *Traditiones*, 2011, no. 40 (2), pp. 79–95.
30. Levine L. Pan-Slavism and European Politics. *Political Science Quarterly*, 1914, vol. 29, no. 4, pp. 664–686.

ДЕЛИМОЕ И НЕДЕЛИМОЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ЗНАНИЙ О ГОСУДАРСТВЕ

Ильин Алексей Александрович, аспирант
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119192, г. Москва, пр-т Ломоносовский, 27/4
E-mail: korablevrr@mail.ru

Политика и право в современном образовании представлены как две абсолютно разные дисциплины, в основе которых разные области интересов и решаемый круг задач. Но, стоит отметить, что в дореволюционной истории политика и право были неделимы, и попытки дробления государственного довести до конца так и не удалось, поскольку рассматривать одно без другого было невозможно. Разграничить компетенции сумели постреволюционные учёные советской поры. Несмотря на сегодняшнее разделение научных компетенций, между политикой и правом остается много взаимозависимого. Показана возможность интеграции политики и права в единую неделимую науку, которая способна решать ряд прикладных политико-правовых задач. Проанализированы генезис и эволюция отечественного государственного, совместные и отдельные компетенции науки о государстве в университетских дисциплинах, что помогает с разных сторон рассмотреть делимое и неделимое в отечественном государственном.

Ключевые слова: государственное, политика, право, философия, статистика, наука о государстве

DIVISIBLE AND INDIVISIBLE IN THE DOMESTIC STATEHOOD. GENESIS AND EVOLUTION OF KNOWLEDGE ABOUT THE STATE

Ilyin Alexey A., graduate student
Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119192, Russian Federation
E-mail: korablevrr@mail.ru

Politics and law in modern education are presented as two completely different disciplines, based on different areas of interest and solvable range of tasks. But, it is worth noting that in pre-revolutionary history, politics and law were not divisible, and attempts to crush state science could not be completed until it was impossible to consider one without the other. The post-revolutionary scientists of the Soviet era have managed to delineate competencies. But despite today's division of scientific competencies between politics and law, there remains a lot of interdependence. The article shows the possibility of integrating politics and law into a single indivisible science, which is capable of solving a number of applied political and legal tasks. The genesis and evolution of national state science, joint and separate competencies of state science in university disciplines are analyzed, which helps to consider the divisible and indivisible in national state science from different sides.

Keywords: state science, politics, law, philosophy, statistics

Процесс познания государства в системе политических знаний начинается с момента образования государства и продолжается по сей день. О государстве как форме организации общества упоминается в трудах философов разных эпох. При этом стоит отметить, каждая эпоха делала акцент на изучении разных политических форм, вознося одни и критикуя другие.

Особое внимание к изучению государства как целостной системы начинается лишь во второй половине XVII в. одновременно в Германии и Англии: «В Германии возникло государственное, а в Англии – политическая арифметика» [2, с. 9]. Как указывает экономист В. Корнев, политическая арифметика затрагивала социально-экономические вопросы: «Само понятие "политическая арифметика" свидетельствовало о приложении математики (арифметики, счета) к политике, об измерении фактов социально-экономической жизни (слово "политика" было аналогично понятию "наука об обществе")» [2, с. 10]. Поэтому можно утверждать, что политическая арифметика лишь отдалённо рассматривает сугубо политические вопросы. В отличие от политической арифметики, объектом исследования государственного было именно государство. «В аппарат наблюдения входили чиновники, администраторы, управляющие, полицейские» [2, с. 10]. Но всё же государственное той поры в большей мере стоит относить лишь к статистике.

В России государственное со статистической позиции стало усиленно развиваться при Петре I, «было положено начало учёта сельского хозяйства, расширен и укреплен внутривладельческий учёт в помещичьих хозяйствах... издан указ об обязательной регистрации новых фабрик и заводов и была предпринята попытка организовать урожайную статистику. Кроме того, проводился систематический учёт городов, городского населения, переписи рабочих, велся статистический учёт внешней торговли и т.д.» [2, с. 32]. Но стоит отметить, что государственное

всё же не только статистика, исходя из исследований В. Чиркина, «Государствоведение представляет собой систему знаний о государственности в её различных формах, связях и опосредованиях» [12, с. 8], поэтому в систему государствоведения можно включить все гуманитарные науки.

Особое место заслуживает философия, социология, политология, экономическая теория, но ближе всех, по утверждению Чиркина, «стоит общая теория государства и права». [12, с. 8] Несмотря на то, что в теории государства и права рассматриваются наиболее общие закономерности возникновения и развития государства и структуры его деятельности, нельзя отводить менее значимую роль таким дисциплинам как философия и политология. Поскольку, философия исследует общие законы развития природы, человеческого мышления, общества, она затрагивает государство. Политология же рассматривает государство как институт взаимоотношения с обществом и с другими политическими институтами. Поэтому, куда целесообразней, государствоведение отнести к научным интересам философии политики и права.

Важно отметить, что в России институционализация государствоведения начинается с открытия Академии наук. Оформление государствоведения в обществоведение Нового времени состоялось во второй половине XVIII в. благодаря философии права, которая читалась в Московском университете (С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, Я. И. Шнейдер), в 30–60-х гг. XIX в. в Московском, Петербургском университетах, Университете св. Владимира в Киеве (К. А. Неволин, П. Г. Редькин, Б. Н. Чичерин) [9, с. 96]. Особенно активно философия политики и права, по замечанию профессора Е. Н. Моцелкова, «развивается во второй половине XIX – начале XX в. и связана с работами таких учёных и университетских профессоров, как Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьёв, Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, Е. Н. Трубецкой, П. Н. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич, В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский, С. А. Котляревский, М. М. Ковалевский, И. В. Михайловский, В. Э. Вальденберг, И. А. Ильин, Н. Н. Алексеев» [5, с. 125–126].

Особую и существенную роль в становлении государствоведения в России сыграл не философский факультет, а «полуфилософская» кафедра Московского университета. «Дело в том, что университетским уставом 1863 г. на юридических факультетах вводился курс истории философии права» [8, с. 93], который впоследствии читали юристам университета. Всплеском в развитии философии политики и права послужил устав Московского университета 1884 г., благодаря которому образуется кафедра энциклопедии права и истории философии права. Нужно иметь в виду, что энциклопедия права в то время трактовалась как «философское введение в курс юридических наук, читаемое на первом курсе юридического факультета» [4]. Этот образовательный курс в конце XIX – начале XX в. давал единственную возможность донесения до студентов философских знаний, так как сам философский факультет неоднократно расформировали и создавали вновь. «С 1850 философский факультет в Московском университете перестал существовать и был восстановлен только в декабре 1941 г.» [8, с. 220].

Несмотря на такое отношение к философии со стороны государства, нельзя сказать, что не издавались работы по государствоведению. Конечно, печатных работ было немного, но, по замечанию Е. Н. Моцелкова, «богатейшая проблематика философии права разрабатывалась в научных трудах, которые назывались "Общая теория права", "Теория права и государства" и т. п.» [5, с. 126].

При этом следует признать, что единого мнения в вопросах исследования государства не было. Как справедливо замечает Новгородцев, «Где у нас труды, подобные "Духу законов" или "Общественному договору", где классические русские труды, в которых с соответственной ясностью и силой выражалась бы и оценивалась идея права, идея законности или идея государства» [7, с. 368]. Как точно замечено Новгородцевым, таких работ в дореволюционном государствоведении не было. В работах о праве дореволюционных авторов присутствовали положения о государстве, поскольку это было необходимо потребностью познания права. Но всё же параллельно с изучением права также исследовались общие вопросы государства. Поэтому в научной практике отечественного государствоведения встречается совмещение познания государства и права вследствие действительной их общности. По замечанию исследователя Ф. В. Мусатова, «Особенностью дореволюционной юриспруденции, прежде всего её государствоведческой части, было то, что, несмотря на несомненную связь государства и политики, учёные-юристы дореволюционного времени не называли науку государственного права и тем более науку права (правоведение) *политическими науками*» [6, с. 6]. Первым, кто указал на различие между государственным правом и политикой, стал отечественный юрист дореволюционной

поры Н. К. Ренненкампф, который под политикой понимал «учение о средствах к возможно полному достижению государством своих целей» [10, с. 268].

Схожа позиция в плане разграничения политики и права Б. Н. Чичерина: «Политика есть наука о способах достижения государственных целей» [11, с. 599]. Но это были лишь попытки придать самостоятельность праву и политике. Исходя из чего, можно утверждать, что в отечественном государствоведении, которое развивалось на платформе философии права, отмечалось разнообразие воззрений на теоретические направления познания права и государства и преимущественно с философской точки зрения. Такую тенденцию Новгородцев объясняет так: «Если мы станем разыскивать исходные основания, отделяющие друг от друга эти различные эпохи, то мы увидим, что корень их различия лежит в изменяющемся отношении их к религии. Особенно ясно обнаруживается это в существенном различии между средневековой и новой философией права. В то время как все основные системы средневековой мысли всегда признают высшим авторитетом религию и церковь, совершенно преисполнены и пронизаны этим сознанием, типические учения Нового времени постоянно стараются исключить авторитет церкви, а в крайних своих проявлениях – также и религии. Переворот, осуществлённый Новым временем в области философии права, состоит прежде всего в отказе от теократического идеала, в стремлении к автономии, к самоопределению» [7, с. 369]. Исходя из этого, можно утверждать, что дореволюционное государствоведение не обладало исходными принципами познания государства, методикой проверки доказательности выводов и формулировкой научных гипотез. В дореволюционном государствоведении преимущественно использовались общенаучные методы, среди которых анализ и синтез. Правда, по замечанию В. Чиркина, «Многие из общенаучных методов применяются с определёнными особенностями и ограничениями, зачастую только в мысленной форме, ибо реальное манипулирование многими явлениями государственности невозможно (нельзя, например, искусственно создать в стране другой парламент с иным составом и правилами деятельности, чтобы в сопоставлении проверить их эффективность)» [12, с. 20]. Это говорит о том, что при формальном сопоставлении однородных явлений возможны принципиальные ошибки.

Но всё же, если не брать во внимание недочёты дореволюционного государствоведения, вклад в систему знаний о государственности в различных формах и связях достаточно существенный. Накопленные исследования отечественных философов о теории и философии права и государства, которые практически невозможно отделить друг от друга, стали прочным фундаментом для философии политики и права. Как справедливо замечает Чиркин, «государствоведение сближается с административным правом, с дисциплиной "государственное управление", но обе они, хотя и по-разному, изучают определённую сторону деятельности государства – государственное администрирование» [12, с. 11]. Поэтому справедливо отметить, что государствоведение является обобщающей дисциплиной для отрасли гуманитарного знания.

После 1917 г. такое понятие, как «государствоведение» встаёт в совершенно ином ракурсе, советские учёные сумели найти разграничения между политикой и правом и разделить компетенции наук, чего дореволюционным государствоведам довести до конца так и не удалось. Поэтому октябрьский переворот 1917 г. является точкой отсчёта советской юриспруденции, в то время как государство и право, отмечает Мусатов, «понималась как политическая наука» [6, с. 7]. Целесообразно отметить, что после Октябрьского переворота юридическая наука была предоставлена сама себе. Не было разработано каких-либо основательных курсов ни по теории права, ни по теории государства, опираться на наработки дореволюционных государствоведов советские власти не хотели, поскольку считали их идеи антиобщественными. Поэтому советская юриспруденция и политическая наука прошли солидный путь становления уже в постреволюционном государстве. В наши дни государствоведение обрело новое название – «обществознание», которое включает в себя множество разделов: политология, право, социология и т. д.

Несмотря на то, что в наши дни политика и право – абсолютно разные дисциплины, но объединяет их поиск в способности регулировать социальные отношения. Для более эффективной работы этих регуляторов политика и право должны быть взаимозависимы. Для создания гармоничных взаимоотношений внутри общества и во взаимодействии государства с обществом или иными государствами необходимо привлекать научные наработки из разных отраслей наук, уделяя существенное внимание дореволюционному государствоведению, т. к. оно незаслуженно осталось вне поля зрения советских учёных, а если и рассматривались, то с позиции жёсткой критики.

Нельзя забывать, российское государственное образование сформировалось намного позже, чем на Западе, но, правда, становление было весьма стремительным. Самостоятельное значение отечественное государственное образование приобретает во второй половине XIX в. Такое позднее формирования науки правовед и общественный деятель той поры С. А. Корф объясняет наличием «политического давления и цензурой, которые лишали исследователей русской государственности необходимой им свободы научной работы» [3, с. 8]. Несмотря на столь существенное препятствие на пути к совершенствованию государственного образования, дореволюционным исследователям всё же удалось к концу существования монархии в России добиться разделения науки на три главных направления, отмечает профессор Ю. Шульженко: «1) общее учение о государстве; 2) государственное право иностранных государств; 3) русское государственное право» [12, с. 9]. Особенно продуктивным для отечественного государственного образования можно считать период с 1905 по 1917 г. По замечанию Шульженко, «События 1905–1907 гг. во многом отвергли старые подходы к анализу институтов государственного права, инициировали новые решения. В центре внимания учёных юристов оказались проблемы теоретического, а также практического конституционализма применительно к условиям России: правовое и конституционное государство; разделение властей; сущность, форма конституции; понятие народного представительства; непосредственная демократия; понятие, классификация основных прав и свобод граждан; демократическая судебная система; роль местного самоуправления и др.» [13, с. 11].

Особенностью отечественного государственного образования в период русских революций являлась теснейшая связь с законодательной практикой, на которую наука оказывала огромное влияние. Видные учёные-государствоведы принимали активное участие в разработке и проведении в жизнь важнейших правовых актов. Значительных трудов, в которых бы анализировалось политическое положение в стране в период революций, – нет. Исключение составляли лишь небольшие брошюры со статьями в периодических изданиях. Но всё же, как обращает внимание Шульженко, «В центре внимания учёных были вопросы, связанные с подготовкой новой конституции России, созывом Учредительного собрания и, главным образом, порядком его избрания» [13, с. 13].

Присутствуют в дореволюционной литературе и критические замечания в адрес государственного образования, его упрекали в чрезмерном преклонении перед западной наукой и одностороннем применении. Так, целесообразно указать на мнение Н. А. Захарова, который писал, что российская наука государственного права, «питавшаяся и досель питающаяся западным материалом, слишком им увлеклась, и без всякой проверки, без должного сравнения исторического развития русских и западноевропейских исторических задач жизни, и психологических оснований власти признала выводы западной науки общим началом государственного права, а русский строй, как не соответствующий им исключением из общего правила» [1, с. 96].

Но какую бы критику на себе не испытало отечественное государственное образование, в наши дни дореволюционные предложения государствоведов встречаются и в современных политических и правовых трактовках, особенно в рассуждениях о формах правления, территориального устройства и разделении властей. Поэтому целесообразным является анализ политико-правовых теорий дореволюционных мыслителей на предмет актуальности их идей в наши дни, поскольку в работах государствоведов дореволюционной поры немало разработок по проблематике правового, конституционного государства, опираясь на которые, можно вынести ценные предложения для модернизации современной России.

Список литературы

1. Захаров, Н. А. Русское государственное право / Н. А. Захаров. – Москва, 1908. – Вып. 1.
2. Корнев, В. П. История статистики / В. П. Корнев. – Саратов, 2013. – 112 с.
3. Корф, С. А. Русское государственное право / С. А. Корф. – Санкт-Петербург, 1915. – Ч. 1.
4. Малый энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Москва, 1994. – Т. 4, стлб. 2150. – (Репринт изд. СПб., 1909).
5. Моцелков, Е. Н. Философия политики и права: прошлое, настоящее и будущее университетской дисциплины / Е. Н. Моцелков // Ценности и смыслы. – 2011. – № 7 (16). – С. 125–134.
6. Мусатов, Ф. В. Становление науки теории государства и права в отечественной юриспруденции / Ф. В. Мусатов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2013. – № 4. – С. 5–14.
7. Новгородцев, П. И. О своеобразных элементах русской философии права / П. И. Новгородцев // Новгородцев П. И. Сочинения. – Москва, 1995. – С. 367–387.
8. Павлов, А. Т. Философия в Московском университете / А. Т. Павлов. – Санкт-Петербург, 2010. – 288 с.
9. Пустарнаков В. Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры / В. Ф. Пустарнаков. – Санкт-Петербург, 2003. – 919 с.

10. Ренненкамф, Н. К. Очерки юридической энциклопедии : в 2 т. / Н. К. Ренненкамф. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1880. – Т. 2.
11. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки / Б. Н. Чичерин. – Москва, 1894. – Т. 3.
12. Чиркин, В. Е. Государствоведение / В. Е. Чиркин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 2000. – 382 с.
13. Шульженко, Ю. Л. Дореволюционная отечественная наука государственного права и современность / Ю. Л. Шульженко // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 3. – С. 5–41.

References

1. Zakharov N. A. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. Moscow, 1908, iss. 1.
2. Kornev V. P. *Istoriya statistiki* [History of statistics]. Saratov, 2013, 112 p.
3. Korf S. A. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. St. Petersburg, 1915, part 1.
4. Brockhaus F. A., Yefron I. A. *Malyy entsiklopedicheskiy slovar* [Small encyclopedic dictionary]. Moscow, 1994, vol. 4, column 2150. (Reprint ed. St. Petersburg, 1909).
5. Moschelkov Ye. N. *Filosofiya politiki i prava: proshloe, nastoyashchee i budushchee universitetskoy distsipliny* [Philosophy of politics and law: past, present and future of university discipline]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings], 2011, no. 7 (16), pp. 125–134.
6. Musatov F. V. *Stanovlenie nauki teorii gosudarstva i prava v otechestvennoy yurisprudentsii* [Formation of the science of the theory of state and law in Russian jurisprudence]. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu"* [Electronic Supplement to the Russian Law Journal], 2013, no. 4, pp. 5–14.
7. Novgorodtsev P. I. *O svoeobraznykh elementakh russkoy filosofii prava* [On the original elements of the Russian legal philosophy]. *Novgorodtsev P. I. Sochineniya* [Novgorodtsev P. I. Works]. Moscow, 1995, pp. 367–387.
8. Pavlov A. T. *Filosofiya v Moskovskom universitete* [Philosophy at Moscow University]. St. Petersburg, 2010, 288 p.
9. Pustarnakov V. F. *Universitetskaya filosofiya v Rossii. Idei. Personalii. Osnovnye tsenry* [University philosophy in Russia. Ideas. Personalities The main centers]. St. Petersburg, 2003, 919 p.
10. Rennenkampf N. K. *Ocherki yuridicheskoy entsiklopedii : v 2 tomakh* [Essays on the legal encyclopedia: in 2 vol.]. Moscow, 1880, 2nd ed., rev. and add., vol. 2.
11. Chicherin B. N. *Kurs gosudarstvennoy nauki* [The course of state science]. Moscow, 1894, T. 3.
12. Chirkin V. E. *Gosudarstvovedenie* [State Studies]. Moscow, 2000, 2nd ed., corr. and add., 382 p.
13. Shulzhenko Yu. L. *Dorevolyutsionnaya otechestvennaya nauka gosudarstvennogo prava i sovremennost* [Pre-revolutionary domestic science of state law and modernity]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 3, pp. 5–41.

НАСЫЩЕННЫЙ ФЕНОМЕН КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НУМИНОЗНОГО У РУДОЛЬФА ОТТО

Авдеев Иван Александрович, аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27/4
E-mail: ivan1993-43@mail.ru

Комплексно рассмотрено общего поля объектов, с которыми работают две разные философские традиции: феноменология религии и постфеноменология. Проанализированы общие ключевые точки двух подходов в их взгляде на природу религиозных переживаний и религиозных объектов. Предлагается теоретическое обоснование класса феноменов феноменологии религии Рудольфа Отто с помощью средств концепции Жан-Люка Мариона. Решение проблемы сохранения специфики религиозного феномена с помощью средств новой французской феноменологии позволяет сделать шаг к обоюдному развитию двух дисциплин. Рассматриваются новые горизонты использования усовершенствованного феноменологического метода и его применения в разных областях человеческой культуры. Проанализированы заданные новой французской феноменологией Жан-Люка Мариона типологии феноменов, а также нюансы использования методологических ходов постфеноменологии и их влияние на религию и философию.

Ключевые слова: постфеноменология, насыщенный феномен, нуминозное, феноменология религии, категории, Отто, Марион, священное, интенциональность, событие

SATURATED PHENOMENON AS A THEORETICAL EXPLANATION OF NUMINOUS BY RUDOLF OTTO

Avdeev Ivan A., postgraduate student

Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119192, Russian Federation
E-mail: ivan1993-43@mail.ru

The article is a review of a common field of objects which are used by two different philosophical traditions: phenomenology of religion and postphenomenology. The common key points of two approaches are analyzed in their view of the nature of religious experiences and religious objects. A theoretical justification of a class of phenomenology phenomena of religion by Rudolf Otto by means of the concept of Jean-Luc Marion is proposed. Solving the problem of preserving the specifics of religious phenomenon with the help of the means of the New French phenomenology makes

it possible to take a step towards the mutual development of two disciplines. New horizons for the use of an improved phenomenological method and its application in various areas of human culture are considered. The typologies of phenomena given by Jean-Luc Marion in the New French phenomenology, as well as the nuances of using the methodological approaches of postphenomenology and their influence on religion and philosophy are analyzed.

Keywords: postphenomenology, saturated phenomenon, numinous, phenomenology of religion, categories, Otto, Marion, sacred, intentionality, event

«Теологический поворот» французской феноменологии. Феноменологический проект, родоначальником которого является Гуссерль, в течение XX в. претерпел множество изменений. Известно как минимум «две волны» феноменологов, которые по-разному описывают масштабный проект, заданный отцом классической феноменологии. Изначальный вариант описания феноменов Гуссерлем через интенциональность (как способ схватывания внешнего мира) и основу смыслообразования и смыслополагания не смог стать исчерпывающим. В процессе развития этого метода обнаруживались некоторые затруднения: непроясненность термина «эпохэ» и способ работы с ним, описание «жизненного мира», проблема других сознаний и ключевое затруднение – неясность механизма работы самой интенциональности. Именно последнее становится той почвой, на которой расцветают новые феноменологии, а вместе с ними и новые способы решений и экспансии проекта. Исследованием данного затруднения занимались такие авторы, как: Морис Мерло-Понти, Поль Рикер, Мишель Анри, Эмануэль Левинас, Жан-Люк Марион. Все они, так или иначе, проблематизируя исток интенциональности, вскрывали новые нюансы её работы. Среди их интересов были такие феномены, как «время» (Мерло-Понти), «Другой» (Левинас), «плоть» (Анри), «Откровение», «Событие» (Марион) и др. Эти феномены не нашли своего раскрытия внутри классической интенциональной феноменологии Гуссерля. Постфеноменологи берут за основу вышеперечисленные явления, которые нельзя схватить с помощью работы сознания как интенциональности, тем самым определяя данные феномены как неинтенциональные.

Наша статья посвящена способу работы конкретного постфеноменологического концепта «насыщенный феномен», автором которого является французский мыслитель второй половины XX в. Жан-Люк Марион. Он является автором таких известных произведений, как «Идол и дистанция», «Будучи данным», «Перекрестья видимого» и др. Марион относится к теологической традиции в феноменологии, и одной из его задач является построение новой феноменологии, которая опиралась бы на неинтенциональные феномены типа Откровения и имела возможность обоснования религиозных феноменов [5]. Сам проект развивается в русле полемики с феноменологическим проектом Гуссерля. Принимая положение «принципа всех принципов» гуссерлевской феноменологии, который гласит: «любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания» [2, с. 80], Марион не принимает два гуссерлевских следствия: этого принципа положения о горизонте созерцания и конституирование феномена субъективным Я. Горизонт созерцания не устраивает его, поскольку, несмотря на то, что созерцание всегда испытывает нехватку и имеет определённые рамки, в которых оно является, всё же мы не можем сказать, что всё то новое, что отсылает нас к неизведанному, о котором Гуссерль говорит как о «беспределном», не является введённым им априори, не опирающимся на опыт как таковой. Получается, что условием горизонта становится массив ещё не усмотренных в опыте переживаний, и в этом смысле созерцание становится расширенным до беспределности, что само по себе устраняет горизонт. Вторым следствием гуссерлевской феноменологии, с которым спорит Марион, является конституированность или сводимость любого феномена к Я. «Феномен дан Я, дан сам из себя, и эта данность может в любой момент обернуться конституированием феномена исходя из Я и посредством Я» [5, с. 68–69], – именно так звучит данным принцип в классической феноменологии. Марион и здесь находит противоречие с «принципом всех принципов», так как, отбрасывая редукцию к Я как актуализации всякого феномена, мы освобождаем место для чистой возможности, в которой могут воплотиться доселе ещё неизвестные нам феномены. Именно такое положение становится прологом для появления концепта насыщенного феномена.

Классификация типов феноменов Мариона. Исходя из своей концепции феноменологии, Жан-Люк Марион предлагает разделить феномены на «бедные», «нормальные» и «насыщенные». Бедные феномены характеризуются отсутствием созерцания при определённости понятия, и примерами для них являются математические и логические формулы. Нормальные феномены находят отражение в нашем обычном режиме восприятия и описываются наличием понятия и нехваткой созерцания. Насыщенные феномены представляют тот искомый

исследовательский инструмент, который, возможно, не вполне оправданно, предлагает расширение феноменологии до включения в неё религиозных феноменов без потери их специфики. Для того чтобы подступиться к насыщенному феномену, Марион предлагает обратить внимание на то, каким образом даётся определение феномена у Канта. Любое явление дано нам в связи с наличием в нём вложенного рассудком понятия и ограничено формами чувственности, т. е. возможностью созерцания. Феномен становится возможным потому, что он может быть дан в созерцании: «То, что согласуется с формальными условиями опыта ..., возможно» [2, с. 215].

Таким образом, феномен, по Канту, становится возможным тогда, когда он согласован с рассудочными категориями и вписан в формы чувственности. Именно рассудочные категории станут тем «клубком Ариадны», который поможет нам понять, что же является насыщенным феноменом. Для начала вспомним, что Кант выделял четыре основных категории рассудка: количество, качество, отношение и модальность. Применение каждой из них к насыщенному феномену даст нам ответ, возможен ли он в теоретической плоскости или нет. Прежде чем начать описание, необходимо уточнить, что, говоря о феномене, мы говорим о связи понятия и созерцания. Насыщенный феномен для Мариона априори дан в созерцании и, что самое важное, дан с избытком. Теперь нам необходимо усмотреть возможность его понятийного схватывания.

По количеству насыщенный феномен нельзя интендировать, т. е. его нельзя представить в виде последовательного синтеза однородных частей и его нельзя предвидеть. Пример Мариона – удивление: оно не соотносено с другими феноменами, и синтез частей в нём является мгновенным. По качеству насыщенный феномен не представляется возможным выдержать. То есть такой феномен нельзя классифицировать и разбить на уровни. Это описывается примером узника, вышедшего из платоновской пещеры и ослеплённого истиной. Он видел её, но созерцание было настолько мощным, что не было возможности его градуировать. По отношению насыщенный феномен выступает как абсолютный, его нельзя соотносить с аналогиями в опыте. По модальности такой феномен не может быть сведен к Я [5, с. 82–93].

Своеобразное апофатическое описание того, что, по мнению Мариона, является насыщенным феноменом, через категории рассудка у Канта парадоксальным образом не является иррациональным. Происходит своего рода присвоение феноменов, которые лежали за границей описания для философов, придерживающихся позиций Гуссерля и Канта, и которые при этом были явлены субъекту. Метафорой для описания такой ситуации становится «око, лишённое взгляда»: «Что же видит око, лишённое взгляда? Оно видит избыток созерцательной данности, но не данности как таковой, а данности, замутнённой из-за того, что слишком слаба линза, слишком мала диафрагма, слишком обрезан кадр, который его воспринимает – или, точнее, который более не может его принять» [5, с. 94].

Для Мариона именно насыщенный феномен становится основой, на которой должен строиться новый проект феноменологии, в противовес нормальному феномену у Гуссерля. Он показывает, что феномен «бесконечного» у Декарта и «возвышенного» у Канта как раз является ситуацией, когда созерцание превосходит понятийную определённость, а субъект конституируется самим феноменом. Коль скоро мы имеем такого рода феномены, но принципы философии, которая определяла себя на основаниях интенциональности и повседневного опыта, не дают нам ключей к их описанию, то мы не должны отказываться от этих феноменов, тем более что они успешно работают в самых разных областях человеческого знания. Марион предлагает типологию насыщенных феноменов, где сообщаемые феномены – суть исторические события, а феномены, несущие специфический религиозный контекст, есть феномены личного откровения. Таким образом, признание насыщенного феномена и включение его в теоретический контекст даёт нам новый путь развития феноменологического метода, а также попытку особым образом говорить о религиозных феноменах, сохраняя их специфику и оставаясь в русле расширенной феноменологической теории.

Тупики феноменологии религии. Попытаемся сразу оговорить ограничения, которые накладываются на наш разговор о феноменологии религии. Здесь мы хотим описать лишь специфическую ситуацию, характерную для феноменологии религии Рудольфа Отто и его описания моментов нуминозного. Представленная им специфика религиозных феноменов наиболее точно отражает некоторую уникальную по замыслу и противоречивости ситуацию в теоретическом поле. Его взгляды изложены в фундаментальной работе 1917 г. “*Das heilige*”, которую можно перевести на русский язык как «Святое» или «Священное». В самом начале произведения, перед перечислением моментов нуминозного, Отто делает предупреждение,

которое заключается в том, что тот, кто не испытывал «момент религиозной возбужденности» [9, с. 15], может далее не читать текст. Это уже становится одним из основных затруднений, которое не позволяет нам поместить такого рода знание в интерсубъективное поле.

Далее, стараясь ограничить и указать на специфику исследуемого им предмета, Рудольф Отто отделяет нуминозного от рационального и морального. Для этого проводится своеобразная филолого-герменевтическая работа, которая нащупывает данное различие через примеры употребления слов в древних языках. Основными моментами нуминозного для него являются те, которые можно перевести на русский язык как «чувство тварности», «чувство таинственного трепета» (или «*mysterium tremendum*»), «чувство восхищения» (или «*fascinans*») и священное как «нуминозная ценность» (или «*sanctum*»). В попытке встать на путь понятийного изложения, Отто оставляет за собой возможность ссылаться на переживания моментов нуминозного, указывая, что эти чувства характерны для любого человека и народа, так как находили своё выражение в ранних религиозных системах. Однако это не мешает ему выступать, будучи теологом, с позиции христианской протестантской мысли. Таким образом, по мнению Отто, феноменология религии не может строиться без некоторой феноменологии религиозного опыта, т. е. переживания нуминозного, которое является основанием любого религиозного течения. Это вызывает дополнительное затруднение, так как мы оказываемся в ситуации, когда имеем доступ к описаниям нуминозного других религий только через наши собственные переживания в русле конкретной традиции, будь то христианство в его разных течениях, ислам, буддизм и т. д. Другим немаловажным аспектом позиции Отто является то, что он признаёт возможность понятийного разговора о религиозном / священном / нуминозном, но делает это с определёнными оговорками. Он считает, что понятия о нуминозном не имеют чёткой корреляции с переживаемым чувством, а потому для их описания необходим своего рода символизм. Мы обязаны априори признать, что у нас имеется возможность «схватывать» нуминозное чувство, но описать мы его можем только сложным путём отсылок к высшим проявлениям естественных чувств, как-то, например, переживание величия природы. Такая позиция ставит нас в неудобное положение. Отто объявляет нуминозное категорией рассудка, падая, таким образом, в неразрешимую, исходя из собственной феноменологии религии, ситуацию, в которой мы признаем наличие априорности нуминозного как особой категории в познании мира, при этом обосновывая её внешним переживанием, которое исходит от объекта, превышающего нас. Получается своеобразный круг обоснования, разорвать который возможно только путём удостоверения личным переживанием нуминозного. Но как было показано выше, это не избавляет нас от иных трудностей, тем более не даёт искомой объективности и интерсубъективности. Необходим иной ход, дабы развить учение Отто, и его, по нашему мнению, предлагает Жан-Люк Марион.

Нуминозное как насыщенный феномен. Два предыдущих раздела очерчивали два разных по времени подхода к описанию религиозных феноменов и встречи с ними субъекта, а также их способ понятийного изложения. Если Отто описал эти встречи достаточно метафорично, то подход Мариона был методологически более выверен, чтобы оставаться в рамках теоретической дискуссии. Мы предпримем попытку описать один из моментов нуминозного и посмотреть, подходит ли он под те критерии, о которых нам говорит Жан-Люк Марион, когда повествует о насыщенном феномене. Для этого проанализируем момент «*mysterium*» – «совершенно иное».

Mysterium является наиболее подходящим для описания, и если нам удастся продемонстрировать на его примере такое сравнение, то можно полагать, что и другие моменты нуминозного могут иметь схожее описание. Отто указывает, что данный момент прослеживается в чёткой сцепке с «*tremendum*» (или «ужасным»), но при том не является его непосредственно сущностной чертой и показывает себя самостоятельно, в чём мы убеждаемся, когда начинаем вчитываться в описания действия *совершенно иного*. *Tremendum* возникает как синтетический предикат, так как тайна сама по себе уже является «страшной тайной» [7, с. 46]. Чтобы вычленившийся остаток обозначается как «*mirum*» или «*mirabile*», которое может быть переведено как «чудо», «диво», «удивление», т. е. захваченность чем-либо. Удивление вообще является лишь отголоском первоначально пережитого нуминозного чувства.

Актуализация созерцания при непосредственной встрече с «чудом» происходит через ступор, так как то, что встречается нам в этом чувстве является абсолютно чуждым для нас, своего рода внемирным. То, что не является частью мира, предполагает определённую сокрытость,

спрятанность, своего рода не-кажимость. Поэтому Отто называет его «совершенно иным». Увязывание в мире чувства *совершенно иного* происходит через те предметы, которые уже несут в себе определённую загадочность и поражают взор. В качестве примера приводятся «паразитические и бросающиеся в глаза явления, процессы и вещи в природе, в мире животных и среди людей». Они не отражают непосредственно самого нуминозного переживания, но являются своеобразной ослабленной калькой с него. Плавного перехода от одной части к другой нет, чувство, которое переживается в отношении нуминозного объекта, даётся сразу и со всей интенсивностью, о чём свидетельствует и сам Отто: «Не существует никакого перехода от естественного удивления к изумлению, перед сверхъестественным объектом. Только по отношению ко второму получает свое истинное значение слово *mysterium*» [9, с. 48].

При столкновении с закрытым для взора познающего и несоизмеримо превышающим самого познающего феноменом устраняется конститутивная работа по отношению к тому, что было пережито, так как это описание всё равно остается апофатическим и указывает на то, что в той сырой наблюдаемой действительности отсутствует. Теперь после краткого описания этого момента мы можем заключить, что оно поддается восприятию, но не в режиме «последовательного синтеза». Его нельзя предусмотреть. Синтез является мгновенным. *Совершенно иное* доступно через удивление, но сама ситуация ступора качественно превосходит даже удивление и в этом смысле момент *mysterium* не может быть интендирован в последовательном синтезе суммы его частей. Далее, тайну невозможно выдержать по качеству. Она охватывает и даёт момент реальности без ограничений. В этом избытке созерцание не может предвосхитить, что будет ему дано. Точно таким же образом феномен совершенно иного дан вне какой-либо аналогии. То есть он проявляется, не включаясь в «предельно плотную сеть связей присутствия, причинности и общности», вне заданной системы координат. Совершенно иное – событийно, его не удастся связать или предсказать. Оно насыщает и дополняет горизонт многомерностью. Остаётся категория модальности. Возможность феномена задаётся в зависимости от его редукции к Я. Я не в состоянии конституировать предмет, в данном случае *mysterium*, так как он является с избытком. Он рассогласовывается с формальными условиями опыта. В этот момент ощущается неспособность какого-либо взгляда. Само Я конституируется этим феноменом, становясь конституированным.

Таким образом, мы можем сказать, что как минимум один момент нуминозного Отто может быть определён через концептуальный аппарат неинтенциональной феноменологии Мариона.

Новые горизонты. Анализ нуминозного Отто концептуальной машиной Мариона дал нам возможность теоретического обоснования религиозных феноменов в русле постфеноменологической традиции. Это не даёт нам полного и исчерпывающего описания, так как сама новая феноменология во Франции претерпевает постоянные изменения, но, по крайней мере, обнаруживает место подобным феноменам как граница феноменальности и исток интенциональности. Такая рамка обоснования ставит перед нами новый виток вопросов: «Как раскрывается непосредственно схема встречи с насыщенным феноменом?», «Каким образом мы в силах опознать эту встречу и классифицировать такой тип феномена?» [8]. Отсюда следуют и другие вопросы о способе работы субъекта различения, его интенциональности и типах взаимоотношения с объектом.

Список литературы

1. Анри, М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего / М. Анри // Постфеноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. – Москва : Академический проект, 2014. – С. 43–57.
2. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль ; пер. А. В. Михайлов. – Москва : Академический проект, 2009. – 486 с.
3. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. – Москва : Чоро, 1994. – Т. 3. – 741 с.
4. Марион, Ж.-Л. Идол и Дистанция / Ж.-Л. Марион ; пер. Г. В. Вдовиной // Символ. – № 56.
5. Марион, Ж.-Л. Насыщенный феномен / Ж.-Л. Марион // Постфеноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. – Москва : Академический проект, 2014. – С. 63–99.
6. Марион, Ж.-Л. Перекрестья видимого / Ж.-Л. Марион. – Москва : Прогресс-Традиция, 2010.
7. Марион, Ж.-Л. Метафизика и феноменология – на смену теологии / Ж.-Л. Марион ; пер. С. Шолоховой // Логос. – 2011. – № 3 (82). – С. 124–143.
8. О Даре. Дискуссия между Ж. Деррида и Ж.-Л. Марионом / пер. В. Рокитянского // Логос. – 2011. – № 3 (82).
9. Отто, Р. Священное: об иррациональном вид ее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто ; пер. с нем. А. М. Руткевича. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2008.
10. Фролов, А. В. Герменевтические подступы к «Священному» Р. Отто / А. В. Фролов // Философия религии. 2010–2011. – Москва, 2011. – С. 429–442.

References

1. Anri M. Neintentsionalnaya fenomenologiya: zadacha fenomenologii budushchego [Non-intentional phenomenology: the task of the phenomenology of the future]. *Sholokhova S. A., Yampolskaya A. V. Postfenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [Sholokhova S. A., Yampolskaya A. V. Postphenomenology: a new phenomenology in France and beyond]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2014, pp. 43–57.
2. Gusserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2009, 486 p.
3. Kant I. Kritika chistogo razuma [Criticism of pure reason]. *Kant I. Sobranie sochineniy: v 8 tomakh* [Kant I. Collected Works: in 8 vol]. Ed. by A. V. Gulyga. Moscow, Choro Publ., 1994, volT. 3, 741 p.
4. Marion Zh.-L. Idol i Distantsiya [Idol and Distance]. *Simvol* [Symbol], no. 56.
5. Marion Zh.-L. Nasyshchenny fenomen [Saturated phenomenon]. *Sholokhova S. A., Yampolskaya A. V. Postfenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [Sholokhova S. A., Yampolskaya A. V. Postphenomenology: a new phenomenology in France and beyond]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2014, pp. 63–99.
6. Marion Zh.-L. *Perekrestya vidimogo* [The crosshairs of the visible]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2010.
7. Marion Zh.-L. Metafizika i fenomenologiya – na smenu teologii [Metaphysics and phenomenology – to replace theology]. *Logos*, 2011, no. 3 (82), pp. 124–143.
8. O Dare. Diskussiya mezdu Zh. Derrida i Zh.-L. Marionom [Discussion between J. Derrida and J.-L. Marion]. *Logos*, 2011, no. 3 (82).
9. Otto R. *Svyashchennoe: ob irratsionalnom vid ee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsionalnym* [The Sacred: on the irrational view of its divine and its relationship with the rational]. St. Petersburg, St. Petersburg university, 2008.
10. Frolov A. V. Germenevicheskie podstupy k "Svyashchennomu" R. Otto [Hermeneutic approaches to the "Sacred" R. Otto]. *Filosofiya religii. 2010–2011* [The philosophy of religion. 2010–2011]. Moscow, 2011, pp. 429–442.

КВАЗИАСКЕТИЗМ КАК ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТРАЕКТОРИЙ ЖЕЛАНИЯ

Хазов Владимир Константинович, кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
E-mail: via1698@yandex.ru

Желание есть одновременно и фундаментальная характеристика человеческого существования и культурная данность, кодируемая системой знаков и преломляемая совокупностью культурных практик. Осмысление влияния желания на изменение качества человеческого бытия, а значит, и на трансформацию культуры в целом, открывает перед нами новое проблемное поле: насколько управление желанием со стороны культуры может быть конструктивным для субъекта и для самой культуры. Сделан вывод, что современное отношение к желанию строится на принципе самоограничения, квазиаскезы. В отличие от религиозной аскезы, такое самоограничение не является результатом личного выбора, целенаправленной «заботы о себе» и стремления выйти за установленные пределы социально-культурных предписаний. В данном случае, мы скорее имеем дело с механизмом самозащиты культуры, способом поддержания её энергетического тонуса. Возникшая в 1980-х гг. тенденция к девальвации желания в середине 2000-х гг. превратилась в прямую угрозу поддержанию высоких темпов роста культурного производства. Квазиаскеза стала своеобразным ответом на этот вызов. Её функция не в том, что бы ослаблять желание, а в том, что бы поддержать высокий уровень его интенсивности через культурный контроль.

Ключевые слова: желание, культура, культурные практики, квазиаскетизм, трансформация, психоанализ, траектории желания, фантазм, телесность, удовольствие, запрет

QUASIASCETISM AS A FORM OF ACTUALISATION OF CONTEMPORARY TRAJECTORIES OF DESIRE

Khazov Vladimir K., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University
29 Politekhnikeskaya St., St. Petersburg, 195251, Russian Federation
E-mail: via1698@yandex.ru

Desire is a fundamental characteristic of human existence and a cultural reality. The system of signs encodes desire and makes it available for analysis. The realization of desire takes place in the aggregate of cultural practices. Thus, the study of the influence of the desire on the change in the quality of human existence, and the study the transformation of culture as a complex system open up a new space of problem for us. New vision of the problem can be formulated as follows: to what extent the management of desire on the part of culture can be constructive for the subject and for the culture itself. The article concludes that the modern attitude to desire can be described as "quasiasceticism". Unlike religious asceticism, the new form of self-restraint is not the result of deliberate choice. It not part of the process of "taking care of yourself" and it not the way of attain free yourself from social and cultural norms.

Function of asceticism maintaining a high level of intensity of desire. This function is achieved by creating cultural phenomena that create a break between desire and its realization.

Keywords: desire, culture, cultural practices, phantasm, quasiasceticism, psychoanalysis, trajectories of desire, corporeality, pleasure, Prohibition

Желание является основанием внимания человека к самому себе. Можно сказать, что именно желание закладывает те границы и ориентиры существования, которые выступают в качестве двигателя человеческой активности. Более того, желание есть, кроме всего прочего, и фактор самоопределения, конструирования человеком проекта самого себя и переживаемой «внешней» реальности. Желание как бы насквозь пронизывает внутренние и внешние пространства человеческого бытия. Именно поэтому уже на самом раннем этапе развития философского дискурса одной из важнейших тем его стала проблема «локализации» желания.

Основные существующие на сегодняшний день варианты решения данной проблемы условно, с учётом ряда допущений и редукций, можно разделить на две группы. Теории желания, включённые нами в первую группу, в той или иной мере связаны с решением, предложенным Платоном (прежде всего, в диалоге «Пир»). Для этой группы характерно представление о желании как о стремлении к некоему объекту во внешнем относительно субъекта пространстве к тому, чего недостаёт и что отсутствует. Согласно самому Платону, например, в основе желания всегда лежит нужда. «А может быть, – спросил Сократ, – это не просто видимость, а непреложное правило, что воздержание вызывает то, чего недостаёт, а не то, в чём нет недостатка?» [1, с. 153]. К первой же группе можно отнести и теории желания, созданные в рамках фрейдизма и некоторых неопрейдистских школах психоанализа. Так, например, З. Фрейд в своих ранних работах полагал необходимость первостимулом желания. Реакция организма на неё представляет собой серию нервных импульсов, сигнализирующих о наличии физической потребности (голод, сонливость и т. д.). Спровоцированное потребностью раздражение требует выхода и, наконец, оформляется в поведенческую активность. Частью переживаемого во время или после удовлетворения потребности удовольствия является специфическое воспоминание об этом процессе. Такое воспоминание определяется в классическом психоанализе как «мнемический след». В нём сам процесс прочно проассоциирован с полученным от него удовольствием. Активность, связанную со стремлением достигнуть удовольствия в его полноте (включая желание пережить соответствующие «галлюцинаторные состояния»), З. Фрейд и называл желанием [10].

Альтернативное представление о локализации ядра желания в истории философии часто развивалось как обрамление или дополнение-уточнение ответов, входящих в первую группу. Кроме того, идеи, которые можно объединить рамками «второй группы», были манифестированы в разных культурах, носителями разных интеллектуальных традиций и в разные эпохи. Часто эти концепции не имеют между собой непосредственной преемственности и не представляют единого направления развития философской мысли. Тем не менее, в их основе лежит общее переживание сущности изучаемого нами феномена.

Для второго подхода характерно восприятие желания как базовой данности человеческого существования. В данной системе координат оно изначально заложено в человеке и обусловлено самой логикой функционирования организма, неважно, воспринимается ли человек как многомерная конгломерация частиц-дхарм или как материальный, ограниченный своей телесностью объект.

Для последователей второго подхода в основе желания лежит чистое стремление к удовольствию как таковому, стремление к переживанию приятного состояния («жажде бытия и жажде из-бытия», как это определяется в буддистских сутрах). Такое видение сущности желания можно обнаружить и в идеях ранне-буддистских Сутр («Сутта об огне», «Сутта о первом повороте колеса сансары» и др. [1]) и, например, в работах Жюль Делеза и Феликса Гваттари [2].

Весьма чётко и категорично смысловое ядро второго подхода формулирует в своём философском словаре А. Конт-Спонвиль. В статье «Желание» он пишет: «Вопреки утверждению Платона, желание – не ощущение нехватки чего-либо, но потенция – способность к наслаждению и потенциальное наслаждение. Его актуализацией является удовольствие; его судьбой – смерть. Желание – это живущая в каждом из нас движущая сила; наша способность существовать [4, с. 181].

Границы между двумя этими подходами могут показаться крайне размытыми и условными, но, тем не менее, их определение крайне важно для данного исследования. Первый подход подразумевает, что желаемый объект первичен и комплементарен субъекту желания.

Это именно он конституирует направление движения желания и регулирует всплески его активности. Нужда, нехватка естественным образом предполагает стремление заполнить / восполнить её. То есть тут мы можем говорить о внутреннем механизме, побуждающем человека искать пути обретения нового качества своего существования, обрести некоторую завершенность.

Во втором же случае первично само стремление к удовольствию. Объект желания избирается или устанавливается из «того, что было», что предписано / предоставлено культурой. Более того, конкретный объект желания в этом случае не есть собственно цель, а, скорее, повод, локус приложения абсолютной тяги к наслаждениям. В таких локусах происходит лишь разрядка энергетического потенциала человека для того, чтобы организм тут же взялся за выработку новой «порции» энергии. Сами они не имеют подлинной значимости.

Иначе говоря, если желание ориентировано на «предопределённые» ему объекты, это означает, что достижение желаемого расширяет границы человеческого существа, открывает его новые измерения. Если же нет, то желание есть только замкнутый круг стимулов-реакций и не важно, оценивается ли эта замкнутость негативно (как в раннем Буддизме) или позитивно (как полагает А. Конт-Спонвиль).

Таким образом, как это часто бывало в истории философии, за нюансами и акцентами понимания природы желания кроется напряжённое осмысление иной проблемы: способно ли желание стать стимулом для трансформации человека? Может ли оно актуализировать развитие человеческой личности, приблизить человека хоть в какой-либо мере к целостности и полноте существования или его удел только обуславливать вечное круговращение замкнутых на самих себя действий, вечное проживание одного и того же?

Платон и З. Фрейд на эти вопросы отвечали «оптимистично». Для Платона подлинное и конечное желание – в первую очередь есть желание Блага и Истины. Зигмунд Фрейд и часть его последователей, хотя и в некоторой степени профанировали идею Блага, но не отреклись от неё. Психоанализ просто переименовал «Благо» в «счастье». Однако для большинства психоаналитических школ достижение человеком желаемого есть важный шаг на пути к некоей полноте бытия (словарь по психоанализу). При этом важно отметить, что в рамках ведущих психоаналитических школ само бытие понимается, прежде всего, как материально-социальное существование, но не исключительно таким образом. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести позицию К. Г. Юнга и ранних юнгианцев.

Для раннего буддизма (который стоит в ряду приводимых концепций несколько особняком) и, скажем, для Жюль Делеза ответ категоричен и суров. Желание в этих философских системах никак не связано и не может быть связано с преодолением текущего состояния существования и раскрытием каких-либо новых его граней или уровней. Более того, само это проживание и есть сущность человеческого бытия (соответственно, преодолеваемая или непреодолимая).

Однако есть ещё один аспект проблемы желания, которое приходится иметь в виду. Если мы предположим, что у желания есть внешнее измерение, внешняя цель и некое направление движения, это будет означать, что именно за пределами субъекта будет располагаться и «центр управления» нашим желанием. Данная констатация, в свою очередь, ещё больше обостряет противоречия между теориями из первой и второй групп.

В какой-то степени попыткой снятия данного противоречия можно считать теорию желания, предложенную Жаком Лаканом. С одной стороны, в своей оценке желания Ж. Лакан следует за З. Фрейдом (а подспудно – и за Платоном): «Желание – это отношение бытия к нехватке» [5, с. 318]. Для Ж. Лакана «утраченный объект желания», «объект (малое) а» – это, во-первых, не сам объект желания, который может быть более или менее определён, а во-вторых, это и не сам объект желания вовсе. За «объектом а» не стоит того или иного актуального предмета или хотя бы ассоциированных с ним знаков именно потому, что он является исключительно психическим явлением. То, что сформировало «утраченный объект» (материнская грудь, фекалии и т. д.) когда-то воспринималось ребёнком как часть его организма, как его собственное тело. Утрата этого фрагмента телесности невосполняема, но вызывает безудержное желание хоть как-то компенсировать его. «Ручеек, где протекает желание, это не просто модулирующая означающая цепочка, а то, что стелется под ней... то, что проходит под всеми значениями, от одного означающего цепочки к другому» [6, с. 409]. Это значит, что мы можем только переживать стремления к подобию того, что могло бы заместить нашу утрату.

Таким образом, причина желания («объект а») и объект желания (тот или иной объект материального мира) сосуществуют параллельно. Получается, что нужда (в платоновском смысле) для Ж. Лакана и существует и не существует одновременно. Нет нужды в чём-то конкретном, но есть смутно ощущаемое стремление к чему-то, подобному тому, что стоит за желаемым. Такое стремление можно сравнить с «религиозно-мистической» тоской.

Но, в данном случае, для нас важен ещё один элемент системы идей Ж. Лакана. Согласно французскому исследователю, желание может быть окончательно сформировано только запретом, ограничением. Объект, по Ж. Лакану, становится объектом желания только через запрет и никак иначе. Так, субъект «меняет собственное Я на то желание, которое он видит в Другом» [5, с. 225]. Таким образом, «естественная» нужда-потребность уступает место своему «искусственному», произведённому дискурсом Власти, двойнику. В связи с этим можно вспомнить знаменитое положение другого гения постклассики – Мишеля Фуко: «Давно и хорошо известно, что человек начинается не со свободы, а с предела, с линии непреодолимого» [8, с. 168]. Эта линия устанавливается, по М. Фуко, безличной и безразличной силой властного дискурса. При этом данный тип дискурса может быть как полностью внешним относительно субъекта явлением, так и интерриторизированной структурой.

Внешний властный дискурс – это та сила, которую невозможно ни игнорировать, ни уничтожить. Как в фильме «Клетка», смерть этого интерриторизированного Деспота, этой захватившей нас и чуждой нам силы, вместе с тем и смерть нашего желания. Это означает, что наше желание не является собственно нашим. Оно нам не принадлежит. Из этого мы можем сделать вывод, что спор о локализации источника желания, после работ Ж. Лакана, утрачивает свою актуальность.

Однако не стоит торопиться с выводами. Анализ современной культурной реальности заставляет нас совершенно иначе взглянуть на данную ситуацию. Все перечисленные нами концепции исходили из предпосылок, которые, правда, долгое время отражали единственный порядок отношений «желание – Закон». До недавнего времени человеческая цивилизация развивалась по пути, который можно определить как «поддержание различия Запрета и желания». Запрет исходил из внешнего источника, после чего интерриторизировался субъектом, но относительно желания субъекта всегда был внешней окаймляющей гранью. До недавнего времени мы всегда могли чётко разграничить эти образования.

Однако культурные явления современности в корне ломают эту схему. В качестве первой иллюстрации нового отношения к желанию может быть названа программа «Нового Зелёного курса» американской конгресс-вуман Александрии Оказио-Кортес. Эта программа стала основой стратегии предвыборной компании ряда кандидатов от демократической партии США, что говорит о её значимости для американского общества. Её ключевое слово – самоограничение. Данный проект предполагает добровольный отказ от авиационного транспорта и переход на железнодорожное сообщение (для чего предлагается радикально изменить систему транспорта США), стимулирование перевода предприятий и домохозяйств на энергосберегающие технологии, запрет на содержание домашнего скота (а значит, проведение компании по стимулированию отказа граждан от молочных и мясных продуктов). Тут мы ещё можем заметить разделение Закона (государственной декларативно-властной силы) и желания, однако дистанция между ними сокращается.

Более глубокий пример – «революция» в дизайне одежды осуществленная Канью Уэстом. Кажется, что все его коллекции сделаны так, что бы выпятить и воплотить в системе моды идеи слабости, недостатка, ущербности, антисексуальности, т. е. всего того, что полагается прямой угрозой желанию. Чёрный, грязно-серый или грязно-телесный цвет, мешковатые формы, асимметрия и несвоевременность. Рваные свитера, залатанные джемперы и кажущиеся изношенными камуфляжные плащи. Модели сутулятся. Свет на подиуме приглушён.

С точки зрения традиционного отношения к производству желания – это абсурд и нонсенс. Ещё недавно казалось, что главная или, вообще, единственная задача моды – стимулирование эротизированного восприятия мира. В соответствии с концепцией Ж. Лакана дизайнер одежды будет тем более успешен, чем активнее он может внедряться в фантазмы потребителей, оживляя и направляя их, как колдун вуду тела умерших. Фантазм, подогреваемый дизайнером, существует в единственном режиме – режиме проживания / переживания ситуации удовольствия снова и снова.

От коллекций Уэста веет специфическим духом антисексуальности и какой-то квазиаскезой. Тем не менее, яркий образчик его видения моды – «Рваная коллекция» (2015 г.) – была полностью распродана всего за час. Мода, как писал Г. Зиммель, – «одна из немногих форм жизни посредством которой тенденция к социальному выравниванию соединяется с тенденцией к индивидуальному различию и изменению в единой деятельности» [9, с. 268].

Что же касается реализации скрытого в моде желания, то, как метко подметила С. Н. Иконникова, «Мода разрешает то, что человек никогда бы не стал делать в одиночку» [3, с. 57]. Получается, мы должны признать: в современном мире отрицание желания, символическое отгораживание от него стало его частью, условием его существования.

И наконец, третьим примером разрушения традиционной модели производства желания является субкультура хайпбистов. Связанные с ней субкультурные практики позволят нам понять суть той самой квазиаскезы, о которой мы уже упоминали выше. Будучи ответвлением и развитием субкультуры хипстеров, хайпбисты прямо противоположны своим предшественникам в главном – в отношении к культивируемому желанию.

Мир хипстера – это попытка сохранить и продлить существование уютного и комфортного пространства детства в мире «взрослой жизни». Главный закон, царящий там, – это желание спокойного, рассредоточенного наслаждения (часто довольно дезертизированного). Мир хипстера – тёплая («ламповая») комната полная милых «няшностей»: ненавязчивая, расслабленная коммуникация, друзья и «настолки» (настольные игры), крафтовое пиво, мягкие, часто вязаные вещи, лонгборды и барбершопы. Сама борода – символ маскулинности и сексуально-социальной зрелости в домодерновых культурах – превратилась в косплей-копию самой себя, в «хипстерскую» бороду. Это выглядит так, как если бы подросток отрастил бороду для маскировки во время вылазок во «взрослый мир».

Хайпбизм – совершенно иное по духу культурное явление. Хайпбизм (от англ. неологизма *hype* – шум, крик, гвалт) – движение, основанное на создании культа агрессивной рекламы и продвигаемых ею продуктов. Суть его субкультурных практик сводится к максимальной открытости, пространству культурно-экономических символов (символов «успешности»). Первая часть формулы данной субкультуры может быть выражена так: «желаю быть частью усреднённого и безликого коллектив-Я...». Это связано не с погружением в хоть и пронизанную эманациями «большого мира», но всё же личностную микрореальность. Это ментально-суицидальная попытка растворить свою личность в пространстве означающих, во внешней, безликой силе унифицированных знаков.

Стремление получить iPhone или кроссовки “Adidas” из ограниченной серии приводит к поистине религиозно-мистическому рвению, с которым желающие обрести такой «макграффин» готовы ограничивать себя. За вожделенными «яблочными продуктами» люди готовы стоять в очередях под открытым небом (в некоторых странах, например в России, и в холодное время года), лишая себя иных удовольствий, истязать себя мучительным ожиданием.

Чтобы продемонстрировать масштабы данного явления, отметим, что субкультура хайпбистов настолько утвердила феномен очереди в качестве актуального культурного явления в странах Запада, что компания “Wealthsimple” даже использует их (очереди) как постоянную рекламную среду. “Wealthsimple” рекламирует свои услуги в области инвестиционного консалтинга прямо в очередях за новыми лимитированными дропами (впервые эта тактика была использована в очередях за вещами бренда “Supreme” в 2015 г.).

Однако, что нового в подобном отношении к эротизированному товару? Всё это известно ещё с конца 1970-х гг. Симулякр вызывает круговые движения вокруг пустоты, а капитализм подхлестывает кнутом симулякров человеческое желание, соблазняет и развращает. Подобным образом, например, ситуацию оценивает, например, отечественный культуролог В. В. Петренко: «Обращаясь к моде, в той её ипостаси, в которой она заявляет о себе как часть постсовременного и постисторического культурного тренда, как полноценный участник социальной коммуникации эпохи позднего капитализма, трудно обойти вниманием то обстоятельство, что сама эта коммуникация решительно направляется стратегией потребления» [7, с. 111].

Однако в указанной нами выше практике хайпбистов есть и другая сторона. В тех условиях, когда её представители не могут самостоятельно приобрести некую брендовую вещь, такая вещь приобретается группой молодых людей сообща. Устанавливается (добровольно!) порядок её использования и хранения её, а также оговариваются условия и сроки передачи данной вещи друг другу. Это всё было бы более чем понятно в условиях реальной нехватки (дефицита

товаров или ограничение возможностей производства). Но перед нами добровольное самоограничение. Сам потребитель отказывается восполнить имеющуюся у него «нужду», удовлетворить свое желание иным способом (хотя легко мог бы приобрести подобный по характеристикам «ноу-нейм»-товар) и, тем самым, подстёгивает нехватку.

В отличие от «жертв» технологий манипуляции сознанием, хайпбист осознаёт результаты своего решения. Участники данной субкультуры готовы идти на «жертву» ради приобщения к живительному источнику социальности. Своим решением они ослабляют и даже останавливают потоки своего желания, противореча «логике фантазма». Объект, который воплощает и концентрирует на / в себе все истечения желания, приговаривается, отсекается и передаётся другим. Ради чего? Ради обретения благодати приобщения к социальному, приобщению к Другому. Сама собой напрашивается аналогия данной субкультурной практики и автокастрации жрецов культа Кибелы.

В целом, перед нами закичивание уже не желания, а символического акта кастрации. Цель этого – создание контроля над нуждой, но не через её устранение, а через поддержание управляемого ею режима. Хайпбист испытывает неприкрытое, сугубо мазохистское наслаждение, строя преграду, тормозящую акт проживания желания, откладывает его реализацию. Наградой же за это становится усиление, возрождение желания.

В этом смысле очень важно указать на существенный зазор между описанной нами выше моделью поведения и интерпретациями современной культуры, основанными на лакановской концепции. Так, В. В. Петренко, цитируемый нами выше, пишет: «Мода, формирующая субъективность путём табуирования переживания персональной несвободы как конечности, символически цензурирует и дискриминирует множество феноменов, болезненных для субъекта» [7, с. 112]. Таким образом, мы должны констатировать, что несоответствия между фиксируемой культурной реальностью и способом её интерпретации становятся всё более критическими.

Мы сталкиваемся с первыми проявлениями весьма необычной версии управления желанием. Анализируемые нами культурные практики в некоторых своих параметрах подобны религиозным. Однако данная ассоциация не только не позволяет прояснить суть нового явления, но и затуманивает его. В основе современных практик культивирования желания лежит не столько «запрет Закона», сколько его мутировавшая версия – «пожелание Закона» (как в случае с «Новым Зелёным курсом»). Основой пожелания становится бессознательное, внеличностное и растворённое в пространстве знаков желании продлить жизнь желанию. На этом основании субъект и Закон перестают противопоставляться и сливаются в единое целое. Действия хайпбистов или поклонников дизайн-проектов Уэста определены не табу, а его коррозией.

Современная квазиаскеза, в отличие от аскезы, применяемой в религиозных системах, не есть инструмент выхода за социокультурные рамки, а скорее, наоборот, способ укорениться в предписаниях социокультурных установок. Это способ «обжить» современную культуру. Здесь можно распознать «терпение», известное индийским йогам, буддистским и христианским подвижникам. Этот тип переживания не только не ослабляет желание, но наоборот, делает его достижение ещё желание, усиливает жажду. Перед нами уникальная ситуация управления потоками желания не через прямой внешний запрет, а через самоограничение, самоконтроль и стимулирование их привлекательности. В отличие от религиозной аскезы, квазиаскеза не имеет трансцендентальной цели. Это часть стратегий наслаждения современной культуры. Её уникальность заключается в том, что та самая сила, которая до этого толкала человечество на путь тотального истощения, теперь способствует формированию новых, «экономных» стратегий существования.

Мы можем предположить, что причиной, породившей подобные практики, является стремление поддерживать напряжение желания в условиях девальвации «запрета Закона». Выражаясь метафорически, культура, будто живой организм, столкнувшись с угрозами своему существованию (обесцениванием желания в рамках нарастания размывания границ между материальной реальностью и виртуальностью, разрушением культурно-этической определённости, нарастанием объёмов производства и потребления) в ответ запустила механизм, определяющий внутреннее сдерживание этих факторов. Однако такой взгляд на проблему опять возвращает нас к вопросу о «локализации поля желания». Перед нами чётко вырисовывается необходимость сформировать новую теорию «локализации желания», на этот раз с учётом новых знаний относительно его возможных траекторий формирования.

Список литературы

1. Андросов, В. П. Буддистская классика Древней Индии / В. П. Андросов. – Москва : Алмазный путь, 2010. – 512 с.
2. Делез, Ж. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с.
3. Иконникова, С. Н. Мода как стимул и соблазн потребления / С. Н. Иконникова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 3 (28). – С. 55–58.
4. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / А. Конт-Спонвиль ; пер. с фр. Е. В. Головиной. – Москва : Этерна, 2012. – 754 с.
5. Лакан, Ж. Семинары / Ж. Лакан ; пер. с фр. А. А. Черноглазова. – Москва : Логос, 1999. – Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа. – 520 с.
6. Лакан, Ж. Семинары / Ж. Лакан ; пер. с фр. А. А. Черноглазова. – Москва : Логос, 2006. – Кн. 7. Этика психоанализа. – 549 с.
7. Петренко, В. В. Мода и власть: модный субъект как субъект подчинения / В. В. Петренко // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 4 (20). – С. 109–114
8. Платон. Избранные диалоги / Платон ; пер. с греч. В. С. Соловьев и др. – Москва : Художественная литература, 1965. – 442 с.
9. Зиммель, Г. Избранное : в 2 т. / Г. Зиммель ; пер. с нем. А. Н. Шапошникова. – Москва : Юристъ, 1996. – Т. 2. Созерцание жизни. – 415 с.
10. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд ; пер. с нем. и текст вступ. ст. М. Г. Ярошевский. – Москва : Просвещение, 1990. – 448 с.
11. Фуко, М. Безумие, отсутствие творения / К. Г. Юнг, М. Фуко ; пер. с нем. В. Поликарпов ; пер. с фр. А. Шестаков // Юнг К. Г., Фуко М. Матрица безумия. – Москва : Алгоритм, 2013. – 304 с.

References

1. Androsov V. P. *Buddistskaya klassika Drevney Indii* [Buddhist classics of Ancient India]. Moscow, Almaznyy put Publ., 2010, 512 p.
2. Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007, 672 p.
3. Ikonnikova S. N. *Moda kak stimul i soblazn potrebleniya* [Fashion as an incentive and temptation of consumption]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of St. Petersburg State University of Culture and Art], 2016, no. 3 (28), pp. 55–58.
4. Kont-Sponvil A. *Filosofskiy slovar* [Philosophical dictionary]. Moscow, Eterna Publ., 2012, 754 p.
5. Lakan Zh. *Seminary* [Seminars]. Moscow, Logos Publ., 1999, book 2, 520 p.
6. Lakan Zh. *Seminary* [Seminars]. Moscow, Logos Publ., 2006, book 7, 549 p.
7. Petrenko V. V. *Moda i vlast: modnyy subekt kak subekt podchineniya* [Fashion and power: fashion subject as the subject of the submission]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2015, no. 4 (20), pp. 109–114.
8. Platon. *Izbrannye dialogi* [Dialogues]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965, 442 p.
9. Zimmel G. *Izbrannoe: v 2 tomakh* [Selected works: in 2 vol.]. Moscow, Yurist Publ., 1996, vol. 2, 415 p.
10. Freyd Z. *Psihologiya bessoznatelnogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990, 448 p.
11. Fuko M. *Bezumie, otsutstvie tvoreniya* [Madness: the absence of creation]. *Yung K. G., Fuko M. Matritsa bezumia* [Matrix of madness]. Moscow, Algoritm Publ., 2013, 304 p.

КОНСТАНТЫ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОЙРАТОВ³⁸

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, доцент, профессор
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Эрендженова Юлия Юрьевна, ассистент
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: yulia.er16@gmail.com

Рассмотрено влияние констант тибетского буддизма на традиционную культуру ойратов. Исследование показывает, что идеи тибетского буддизма существенным образом воздействовали на формирование картины мира ойратов. Такие константы тибетского буддизма, как единство метода и мудрости и тантра, органично вошли в мировоззрение ойратов и в значительной степени повлияли на становление их культурного кода и менталитета. Восприняв константы тибетской буддийской культуры, ойраты создали собственную систему духовных ценностей. В результате у ойратов сформировалось убеждение о существовании их особой религиозной миссии, которую они должны исполнять в роли защитников буддийского учения. С точки зрения гендерного подхода в религиоведении, данные константы тибетского буддизма подчёркивают особую роль женского начала, что способствовало формированию у ойратов уважительного отношения к женщине и повышению её социального статуса.

Ключевые слова: ойраты, тибетский буддизм, константы, ценности, арга-билиг, метод и мудрость, тантра, тезаурусный подход, гендерный подход, женское начало

CONSTANTS OF TIBETAN BUDDHISM IN THE TRADITIONAL CULTURE OF OIRATES

Ulanov Mergen S., D. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Professor
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Erendzhenova Yulia Yu., Assistant
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
E-mail: yulia.er16@gmail.com

The article is devoted to examining the influence of Tibetan Buddhist constants on the traditional culture of Oirats. The study shows that the ideas of Tibetan Buddhism significantly influenced the formation of a picture of the world of Oirats. Such constants of Tibetan Buddhism as "the unity of method and wisdom" and "tantra" organically entered the worldview of Oirats and greatly influenced the development of their cultural code and mentality. By embracing the Tibetan Buddhist culture constants, the Oirats created their own system of spiritual values. As a result, the Oirats formed a belief in the existence of their special religious mission, which they should fulfill as defenders of Buddhist teachings. From the point of view of gender approach in religious studies, these Tibetan Buddhist constants emphasize the special role of the feminine principle, which contributed to the formation of respect for a woman in Oirat society and the enhancement of her social status.

Keywords: oirats, Tibetan Buddhism, constants, values, arga-bilig, method and wisdom, tantra, thesaurus approach, gender approach, femininity

Актуальность исследования традиционных культур и религий обусловлена современной социокультурной ситуацией, которая определяется, с одной стороны, общим духовно-нравственным кризисом общества на фоне усиливающегося процесса глобализации, а с другой, возросшим интересом людей к религиозной сфере, глобальной «реставрацией» религиоз-

³⁸ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-011-00128 «Женщина в буддийской культуре: традиции и современность» (The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-011-00128 "A Woman in Buddhist Culture: Traditions and Modernity".)

ных институтов, идеологий и практик, что, по меткому выражению французского религиоведа Ж. Кепеля, можно назвать «реваншем Бога» [21]. В отличие от светских, секулярных по своему характеру XIX и XX столетий, XXI в., вероятно, станет периодом религиозного ренессанса.

В эпоху глобализации и общецивилизационного сдвига, которые меняют ценностные основы человеческого бытия, актуальным вопросом современного мира становится поиск новых аксиологических основ и парадигм развития человечества, которые бы учитывали и использовали богатый духовно-нравственный потенциал традиционных культур и религий, имеющих многовековую историю. В данном ракурсе вполне закономерным становится обращение к тибето-монгольской цивилизации, которая выработала эффективную систему духовных ценностей и включает в себя оригинальные и одновременно универсальные нормы, идеалы и образцы. Возрастающее влияние тибетской религии на духовную жизнь западного общества за счёт богатого творческого потенциала тибетской культуры вызывает стремление учёных и мыслителей к исследованию констант и универсалий данной традиции, к поиску в ней новых идей и «открытий», необходимых для устойчивого развития современной цивилизации.

В связи с этим интерес представляет и западно-монгольская этническая общность ойратов, чья культура в значительной степени связана с культурой и религией Тибета. Исследованию формирования буддийской традиции у ойратов и их потомков калмыков посвящены многие работы исторического, этнографического, филологического и даже правоведческого характера.

Анализ духовной культуры ойратов показывает, что почти все стороны их жизни были пронизаны тибето-буддийскими идеями [1; 17]. Материалы фольклора, от эпоса «Джангар» и до бытовых пословиц и поговорок, указывают на преобладание буддийских представлений о мироздании и нравственности (в частности, учение о карме). М. Е. Тюмидова, изучив особенности менталитета калмыков, пришла к выводу, что буддизм стал важнейшим средством самоидентификации этноса и точкой опоры для всей его системы ценностей [16, с. 12]. При этом неясными до сих пор являются мотивы ойратов, побудившие их к принятию буддизма. К тому же философский анализ этнического сознания ойратов, проведённый в диссертационном исследовании Б. А. Бичеева, показал особенности их мифолого-религиозного мировоззрения, включающего религиозный синкретизм ранних верований и буддизма [3]. Наряду с этим общеизвестна история ойратов, богатая военными успехами, в том числе и в составе пограничных войск Российской империи [12]. В ряде исследований, направленных на осмысление мировоззренческих установок ойратов, большой акцент делается на их воинских качествах и сохранении высокого авторитета воина в ойратской среде [2].

Все это вызывает споры о приверженности ойратов буддийским ценностям, в частности, принципу ахимсы (ненасилия), и обуславливает теории, согласно которым ойраты приняли буддизм из чисто политических соображений для внутренней консолидации своего общества, повышения авторитета на международной арене, решения экономических вопросов. Однако, на наш взгляд, упускается из виду тот факт, что буддийская традиция Тибета, последователями которой стали ойраты, имеет ряд отличительных особенностей, вызывающих искреннюю симпатию и стойкую религиозную веру у своих адептов.

В связи с этим необходимым видится анализ интеграции мировоззренческих констант тибетской буддийской традиции в этноконфессиональное сознание ойратов, что позволит определить влияние буддийских принципов на их ценностные представления о мире. Для достижения поставленной цели следует выделить смыслообразующие доминанты тибетского буддизма и проанализировать их знание, понимание и последующую реализацию в действие у ойратов.

Если рассматривать картину мира ойратов как полный систематизированный свод знаний субъекта, выступающих в качестве средства ориентации в окружающей среде, расширяющих понимание субъектом себя и мира, дающих импульсы для многообразной жизни [7], то целесообразным считаем применение тезаурусного подхода. Ключевым фактором, играющим в пользу данной методологии, является её направленность на понимание, рассматриваемое в качестве «основания социальных и культурных ориентаций, а также творческого импульса для социокультурного конструирования реальности» [6].

При исследовании интеграции определённых элементов в картину мира субъекта, иными словами – ситуации взаимодействия двух тезаурусов, важным является применение таких понятий, как *своё*, *чужое*, *чуждое*. Тезаурусный подход позволяет исследовать, насколько длительным и сложным является процесс освоения *чужого*, а также последующая его трансформация в *своё* либо *чуждое*. В рамках настоящего исследования нас в большей степени

интересует влияние одной культуры на другую, тогда как их взаимовлияние требует отдельного исследования, поэтому под *своим* понимается картина мира ойратов, в то время как *чужим* является система мировоззренческих констант и универсалий тибетской буддийской культуры, которая представляет собой комплекс религиозных идей, верований и культов, известный под термином *тибетский буддизм*.

Кроме того, при исследовании констант тибетского буддизма нами используется гендерный подход, который рассматривает существующую реальность, в том числе и её конфессиональную область, сквозь призму дихотомии мужского и женского начал [8; 13]. Известно, что гендерную двойственность можно обнаружить не только в биологической и социальной сферах, но и в основе искусства, философских учений, а также религиозных догматов и культов. Известный немецкий мыслитель Ф. Ницше в труде «Рождение трагедии из духа музыки» [9] даже разработал концепцию аполлонического и дионисийского начал, которые распространяют данную дихотомию на область эстетического. Сегодня в рамках гендерного подхода в религиоведении и феминистской теологии исследователи пытаются рассматривать категории *мужского* и *женского* в поле религиозных практик, идей и культов [18]. Гендерный подход предполагает рассмотрение гендерных стереотипов и идеалов в том виде, в каком они представлены в дискурсе традиционных конфессий и религиозной философии.

Следует отметить, что тибетский буддизм длительное время находится в центре внимания буддологов ввиду его сложности и неоднозначности. Исследователи относят буддийскую религию Тибета к традиции *Ваджраяны* (алмазной колесницы), которая опирается на тантрические практики и является частью буддизма *Махаяны* (великой колесницы). Генезис этих практик часть учёных видит в результатах тесного контакта буддизма с автохтонной религией тибетцев *бон* [15, с. 52]. Другая точка зрения заключается в том, что тибетцы переняли уже существовавшую в Индии тантрическую традицию. Так, сами тибетские буддисты указывают, что тантра – это особый метод духовной практики, в основе своей имеющий все положения аутентичного буддизма и не противоречащие базовым буддийским принципам [4, с. 121].

Анализ традиционных текстов тибетского буддизма позволяет выделить общие понятия, одинаково важные для всех последователей тибетского буддизма. К таким положениям можно отнести категории *единство метода и мудрости*, *тантра*. Под *единством метода и мудрости* в тибетском буддизме понимается целостное восприятие теории пустотности и реализации бодхичитты. Постигание пустотности бытия подразумевает осознание взаимозависимости всех явлений и соответственной пустотности их самобытия вне каких-либо причин и условий. Под бодхичиттой понимается устремление к просветлению, основанное на развитии безусловных чувств любви и сострадания, спонтанно возникающих в сознании индивида.

Суть *тантры*, *тантрической практики* заключается в особой методике преодоления двойственного субъект-объектного восприятия посредством йогической психопрактики. Считается, что достижение просветления в рамках дискурсивного подхода требует довольно длительного времени (с учётом теории реинкарнации, многие жизни), тогда как тантрическая практика даёт более быстрые результаты.

Таким образом, вышеуказанные категории можно считать теми константами тибетской буддийской культуры, которые определяют её основания. Далее, в соответствии с тезаурусной методологией, необходимо выяснить следующие вопросы: насколько эти константы были восприняты ойратами, что повлекло за собой тезаурусный щелчок, насколько актуальными были для ойратов новые знания и произошёл ли тезаурусный катарсис, способствовавший перестройке их картины мира.

Система культурных констант тезауруса ойратов складывалась в процессе их исторического развития, формирования мифолого-религиозных представлений о мире, взаимодействия с другими народами Центральной Азии. На данный момент результаты ойратоведческих исследований показывают, что ойраты создали богатую культуру, которая включает эпическое наследие, совокупность мифолого-религиозных представлений, уникальную письменность *тодо бичиг* и изложенные на ней литературные и правовые памятники, военное искусство, традиционную обрядность. При этом перед исследователями стоит проблема выделения тех категорий, которые в большей степени обусловили формирование картины мира ойратов.

С. М. Белокурова исходит из того, что константы культуры ойратов определяются традиционным монгольским религиозно-философским учением *арга-билиг* (с монг. способ и талант или действие и мудрость), которое интерпретируется как диалектическое единство

противоположностей, способствующее гармонии в мире [2, с. 9]. М. Е. Тюмидова в контексте гендерного подхода также связывает учение *арга-билиг* с китайским учением об *Инь* и *Ян*, а также западной философской идеей о диалектике тезиса и антитезиса. «Реальный мир, который чувствуется и воспринимается человеком, есть только одна из форм проявления арга-билиг или проекция в нашем материальном мире. Арга и билиг, как мужское и женское начала, существуют, вечно переходя друг в друга. Каждый момент времени есть определённое сочетание арга и билиг» [16, с. 157]. Таким образом, М. Е. Тюмидова, рассматривает учение *арга-билиг* как проявление универсальных начал, мужского и женского.

В связи с этим возникает вопрос о том, что послужило основанием для этого учения и насколько правомерно связывать это с китайским философским представлением об *Инь-Ян*. На наш взгляд, учение *арга-билиг* может иметь не только философско-диалектический, но и религиозно-философский аспект. Так, прямой перевод терминов *арга* как способ, а *билиг* как мудрость, указывает на константу тибетского буддизма *единство метода и мудрости*.

В традиции махаянских сутр, методом выступает прежде всего бодхичитта как искренняя устремлённость личности к просветлению на благо всех живых существ, чтобы, обретя просветление, стать способным помогать другим достичь состояния Будды. В основе бодхичитты лежит сильнейшее чувство сострадания, т. е. стремление освободить всех существ от страданий и их причин. Для того чтобы взрастить такое устремление, в буддизме существуют два метода. Один из методов зарождения бодхичитты – это возвращение её с помощью семи причинно-следственных размышлений. Данный метод был разработан ещё индийскими пандитами и изложен в фундаментальном труде «Ламрим ченмо» тибетского реформатора Цонкапы. В «Ламрима» подробно разъясняются этапы развития бодхичитты, в частности, восприятие всех живых существ как своих матерей, памятование об их доброте, желание воздать за их доброту, возвращение сострадания и собственно бодхичитта.

Таким образом, согласно данному методу, для того чтобы взрастить бодхичитту, необходимо опираться на предыдущие этапы, т. е. воспринимать всех живых существ как матерей. «Учитывая психотип женщины-матери, которая бескорыстно любит своего ребёнка и готова пожертвовать собой ради его блага, буддизм использует данное утверждение для культивирования бодхичитты в сотериологическом контексте. Ойраты, принявшие в качестве официальной религии буддизм Махаяны, усвоили этот постулат. Буддийский взгляд на материнскую любовь способствовал более глубокому пониманию роли женщины и сакрализации образа матери в культуре ойратов» [19, с. 137].

Мудрость в махаянском буддизме предстает как высшая запредельная мудрость, т. е. постижение пустотности, понимание того, что все феномены не существуют таким образом, как нам это кажется. Философия пустотности, изложенная в буддийских трактатах индийских философов Нагарджуны, Чандракирти и др., восходит к махаянским сутрам Праджняпарамиты, или запредельной мудрости, которая в тибетской традиции проявляется как женское божество. Её также называют матерью всех будд и высшей природой всего сущего. Сутры, связанные с Праджняпарамитой, были переведены на ойратский язык и пользовались большой популярностью в народе.

В целом, махаянское учение о методе и мудрости, ставшее универсалией тибетского буддизма, вполне согласуется с учением *арга-билиг*. Таким образом, можно предположить, что диалектическое восприятие мира, определяющее ценности для ойратов, связано прежде всего с буддийским учением.

Буддийская этика, опирающаяся на метод бодхичитты, способствовала тому, что воинственные кочевники при сохранении былого достоинства стали более мягкими, доброжелательными и терпимыми [1, с. 86]. Распространение тибетского буддизма среди ойратов способствовало улучшению положения женщин и поднятию их социального статуса.

В данном случае следует обратиться к другой константе и универсалии тибетской буддийской культуры – *тантре*, или *тантрической практике*. Буддийская тантра демонстрирует нам чёткое понимание женского и мужского начал, а также даёт пример идеальных духовных, мистических взаимоотношений между ними. В тибетской тантре существует образ дакини, который наиболее ярко выражает принцип женского начала в эзотерическом буддизме. Считается, что дакини могут проявляться как в форме обычных женщин, так и в образе божества, имеющего мирную или гневную форму. Для того чтобы вступить в творческий контакт

с позитивными женскими энергиями, тантрические йогины выполняли особого рода тайные психофизические практики (подробнее: [20]).

Тантра была разработана как особый метод йогической работы над сознанием и внутренними энергиями для достижения полного просветления во благо всех существ. Сотериологический контекст весьма важен в тантре, поскольку только альтруистическая мотивация благоприятствует духовному самосовершенствованию [4, с. 130]. Обширный тантрический культ тибетского буддизма включает гипостазированных существ мирного и устрашающего вида, магические ритуалы и рецитации заклинаний (мантр, дхарани).

Следует отметить, что тибетский тантризм начал распространяться среди ойратов и монголов довольно рано. Так, известный ойратский просветитель Нейджи-тойн в процессе распространения буддизма в разных областях Монголии нередко даровал тантрические посвящения, разьясняя мирянам смысл тибетских эзотерических практик. Вероятно, раскрывая широким массам населения секретные тантрические учения, просветитель исходил из установки, что самым главным в деле распространения буддизма является возникновение к нему стойкого интереса, который формировался посредством проведения пышных и красивых тантрических ритуалов, привлекавших значительное число людей. Вслед за Нейджи-тойном, монахи тантрической традиции проводили среди ойратов сложные тантрические ритуалы, направленные на улучшение здоровья и качества жизни, создание благоприятных условий для реализации замыслов и т. д. Именно это, на наш взгляд, могло привлечь наибольшее внимание ойратов в тот период, когда в их обществе происходили значительные преобразования.

Известно, что уже в первой половине XVII в. произошла консолидация ойратского общества, способствовавшая созданию трёх крупных государственных образований ойратов – Джунгарского, Хошутского и Калмыцкого ханств, которые занимали огромную территорию на карте Евразии. Несомненно, подъём был обусловлен рядом причин, в числе которых могла быть и трансформация картины мира ойратов за счёт их знакомства с тибетским буддизмом. Благодаря деятельности буддийских просветителей уже на съезде 1640 г. при принятии свода монголо-ойратских законов буддизм был объявлен государственной религией для всех монгольских народов, как для халха-монголов, так и для ойратов [5]. В преамбуле данных законов изложены все основные константы тибетского буддизма, а также перечислены имена наиболее почитаемых на тот момент среди ойратов буддийских иерархов Тибета. Важно отметить, что ойраты сыграли значительную роль в укреплении традиции Гелуг в Тибете. Так, ойратский правитель Гүши-хан в результате военных действий захватил трон Тибета и передал власть Далай-ламе, за что был удостоен последним титула Номин-хана (хан Учения).

В целом, ойраты восприняли ту информацию, которая была актуальна для них и, тем самым, представляла наибольший интерес. К такой информации мы относим сотериологическое учение о достижении счастья и гармонии в обществе посредством тантрической практики. Все элементы тибетского тантрического культа присутствовали в религиозной традиции ойратов: при монастырях функционировали тантрические отделения, монахи совершали ежедневные ритуалы, а изображения тантрических божеств имелись на алтаре каждой семьи.

Особым почитанием у ойратов пользовалась богиня Окон Тенгри (тиб. Палден Лхамо), которая в тибетском тантрическом буддизме позиционируется как защитница Учения. Её грозный вид (языки пламени, гневное выражение лица и т. д.) является персонификацией активной борьбы посредством использования гнева со всем тем, что препятствует достижению просветления существами, а именно, их собственное двойственное восприятие реальности и эгоцентрическая направленность сознания. Тем не менее, ойраты склонны были буквально воспринимать Окон Тенгри как воительницу и защитницу от различного рода врагов [14]. В походах ойратские воины шли под стягами, изображающими Окон Тенгри и других божествоохранителей буддийского пантеона. Окон Тенгри традиционно считается хранительницей и защитницей потомков ойратов – калмыков.

Вероятно, ойраты могли себя воспринимать как «святое» войско под руководством гневной богини. Г. Прозрителев сообщает интересные сведения со слов своего современника, ойрат-калмыцкого князя С. Тюменя, о том, что знамена с изображениями божеств имеют своей целью «стремление к победе для достижения на земле общего счастья (мира)» [12, с. 90–95]. Это наводит на мысль, что ойраты с воинской службой связывали некую религиозную миссию, в рамках которой они должны были защищать буддийское учение, используя военную силу. Это и можно считать тезаурусным катарсисом, к которому пришли ойраты в процессе понимания

мировоззренческих универсалий тибетской буддийской культуры. Осознание же себя исполнителями этой миссии способствовало усилению военной мощи ойратов.

Следует отметить, что в тибетском и ойратском буддизме женские божества пользовались большой популярностью. Пожалуй, самая известная богиня их пантеона – Тара. Считается, что она появилась из слез самого Авалокитешвары – будды сострадания. Известны двадцать одна форма богини, самые популярные из которых – Зелёная и Белая Тары. По преданию, Тара достигла просветления, будучи женщиной. Она дала обещание, что будет помогать всем живым существам в избавлении от страданий, пока колесо сансары не опустеет. Богиня Тара, являясь олицетворением сострадания и активности, призвана защищать всех просящих от напастей и невзгод. На изображениях-танках она сидит в позе полупотоса: одна нога согнута, другая – спущена вниз, таким образом, богиня Тара как бы готова в любой момент устремиться на помощь. Среди ойратов значительную популярность имели буддийские предания о женщинах, считавшихся реинкарнациями Белой Тары [10; 11]. В целом, женские божества буддийского пантеона завораживают, а их образы глубоко запечатлеваются в памяти.

Итак, исследование показывает, что идеи тибетского буддизма существенным образом повлияли на формирование картины мира ойратов. Такие константы тибетского буддизма, как *единство метода и мудрости*, *тантра* органично вошли в мировоззрение ойратов и в значительной степени повлияли на формирование их культурного кода и менталитета. Восприняв константы тибетской буддийской культуры, ойраты создали собственную систему ценностей, основанную на идее единства мудрости и метода и тантрическом мировоззрении. Последнее сформировало веру в существование их особой религиозной миссии, которую они должны выполнить в роли защитников священного учения. С точки зрения гендерного подхода в религиоведении, данные константы тибетского буддизма подчёркивают особую роль женского начала, что способствовало формированию у ойратов уважительного отношения к женщине и повышению её социального статуса.

Список литературы

1. Бадмаев, В. Н. Духовная культура калмыцкого этноса (опыт философского исследования) / В. Н. Бадмаев, Н. Ц. Манджиев, М. С. Уланов. – Элиста : Калмыцкий ун-т, 2012. – 156 с.
2. Белокурова, С. М. Мировоззренческое содержание культурных констант ойратов / С. М. Белокурова. – Барнаул, 2011. – 22 с.
3. Бичеев, Б. А. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков / Б. А. Бичеев. – Ставрополь, 2005. – 364 с.
4. Далай-лама XIV. Мир тибетского буддизма. Обзор его философии и практики / Далай-лама XIV. – Санкт-Петербург : Нартанг, 2002. – 228 с.
5. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. – 148 с.
6. Луков, Вал. А. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 1. – С. 18–35.
7. Луков, Вал. А. Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков. – Москва : Национальный ин-т бизнеса, 2008. – 784 с.
8. Максатова, Д. М. Гендерный подход в религиоведении и психологии / Д. М. Максатова // Актуальные проблемы развития вертикальной интеграции системы образования, науки и бизнеса: экономические, правовые и социальные аспекты. – Воронеж : Воронежский центр научно-технической информации, 2015. – С. 47–52.
9. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше // Малое собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Азбука – классика, 2010. – С. 7–134.
10. Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повесть о Багамай-хатун»). – Элиста : Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2013. – 248 с.
11. Повесть-наказ Цаган Дара-эхэ (Повесть о Нарану Гэрэл). – Санкт-Петербург : Институт востоковедения РАН, 2015. – 199 с.
12. Прозрителев, Г. Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года / Г. Прозрителев. – Ставрополь, 1912. – 354 с.
13. Суковатая, В. А. Религиоведение: гендерный подход / В. А. Суковатая // Высшее образование в России. – 2001. – № 6. – С. 123–129.
14. Сыртыпова, С.-Х. Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (миф, ритуал, письменные источники) / С.-Х. Сыртыпова. – Москва : Восточная литература, 2003. – 238 с.
15. Туччи, Дж. Религии Тибета / Дж. Туччи. – Санкт-Петербург : Евразия, 2005. – 448 с.
16. Тюмидова, М. Е. Менталитет калмыцкого этноса: историко-культурологический анализ / М. Е. Тюмидова. – Астрахань, 2018. – 180 с.
17. Уланов, М. С. Калмыцкий буддизм: исторический опыт и современные социальные реалии / М. С. Уланов // Народы Калмыкии: проблемы национального самосознания и толерантности. – Элиста : Калмыцкий технологический ин-т, 2008. – С. 129–136.

18. Уланов, М. С. Дионисийское и аполлоническое начала в религиозной традиции Калмыкии / М. С. Уланов // Мужское и женское: сотрудничество и конфронтация. – Санкт-Петербург : Горный университет, 2016. – С. 303–307.
19. Уланов, М. С. Образ женщины-матери в махаянской традиции буддизма (на примере буддийской культуры ойратов) / М. С. Уланов, Ю. Ю. Эрендженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4 (57). – С. 137–144.
20. Шо, М. Страстное просветление. Женщины в тантрическом буддизме / М. Шо. – Москва : Добрая книга, 2001. – 368 с.
21. Kepel, G. *Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity, and Judaism in the Modern World* / G. Kepel. – University Park : Pennsylvania State University Press, 1994. – 215 p.

References

1. Badmaev V. N., Mandzhiev N. C., Ulanov M. S. *Dukhovnaya kultura kalmytskogo etnosa (opyt filosofskogo issledovaniya)* [Spiritual culture of the Kalmyk ethnos (experience of philosophical research)]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2012, 156 p.
2. Belokurova S. M. *Mirovozzrencheskoe sodержanie kulturnykh konstant oyratov* [The worldview content of cultural constants of the Oirats]. Barnaul, 2011, 22 p.
3. Bicheev B. A. *Mifologo-religioznye osnovy formirovaniya etnicheskogo soznaniya kalmykov* [The mythological and religious foundations of the formation of the ethnic consciousness of the Kalmyks]. Stavropol, 2005, 364 p.
4. Dalay-lama XIV. *Mir tibetskogo buddizma. Obzor ego filosofii i praktiki* [The world of Tibetan Buddhism. Overview of his philosophy and practice]. St. Petersburg, Nartang Publ., 2002, 228 p.
5. Ikh Caaz ("Velikoe ulozhenie"). *Pamyatnik mongolskogo feodalnogo prava XVII v. Oyratskiy tekst* [Ikh Caaz ("The Great Code"). Monument to the Mongolian feudal law of the XVII century. Oirat text.]. Moscow, Nauka Publ., Home Edition Oriental Literature Publ., 1981, 148 p.
6. Lukov Val. A., Lukov Vi. A. *Metodologiya tezaurusnogo podhoda: strategiya ponimaniya* [Methodology of the thesaurus approach: strategy of understanding]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2014, no. 1, pp. 18–35.
7. Lukov Val. A., Lukov Vi. A. *Tezaurusy: Subektnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya* [Thesauruses: The Subject Organization of Humanitarian Knowledge]. Moscow, National Institute of Business Publ., 2008, 784 p.
8. Maksatova D. M. *Gendernyy podkhod v religiovedenii i psihologii* [Gender approach in religious studies and psychology]. *Aktualnye problemy razvitiya vertikalnoy integratsii sistemy obrazovaniya, nauki i biznesa: ekonomicheskie, pravovye i sotsialnye aspekty* [Actual problems of the development of vertical integration of the education system, science and business: economic, legal and social aspects]. Voronezh, Voronezh Center for Scientific and Technical Information Publ., 2015, pp. 47–52.
9. Nitsche F. *Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki* [The birth of the tragedy from the spirit of music]. *Nitsche F. Maloe sobranie sochineniy* [Nitsche F. Small Collected Works]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010, pp. 7–134.
10. *Oyratskaya versiya "Istorii Belay Tary"* ("Povest o Bagamay-khatun") [Oirat version of "The History of White Tara" ("The Tale of Bahamay-Khatun")]. Elista, Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the RAS Publ., 2013, 248 p.
11. *Povest-nakaz Tsagan Dara-ekhe ("Povest o Naranu Gerel")* [Tale-Challenge Tsagan Dara-ehe (Tale of Naranu Gera)]. St. Petersburg, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2015, 199 p.
12. Prozritelev G. *Voennoe proshloe nashikh kalmykov. Stavropolskiy kalmytskiy polk i Astrahanskiy polk v Otechestvennuyu voynu 1812 goda* [The military past of our Kalmyks. Stavropol Kalmyk regiment and Astrakhan regiments in the Patriotic War of 1812]. Stavropol, 1912, 354 p.
13. Sukovataya B. A. *Religiovedenie: gendernyy podkhod* [Religious studies: a gender approach]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2001, no. 6, pp. 123–129.
14. Syrtypova S.-Kh. *Kult bogini-khranitelitsy Baldan Lkhamo v tibetskom buddizme (mif, ritual, pismennye istochniki)* [The cult of the guardian goddess Baldan Lhamo in Tibetan Buddhism (myth, ritual, written sources)]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2003, 238 p.
15. Tuchchi Dzh. *Religii Tibeta* [Religions of Tibet]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2005, 448 p.
16. Tyumidova M. E. *Mentalitet kalmytskogo etnosa: istoriko-kulturologicheskiy analiz* [The mentality of the Kalmyk ethnos: a historical-culturological analysis]. Astrahan, 2018, 180 p.
17. Ulanov M. S. *Kalmytskiy buddizm: istoricheskiy opyt i sovremennyye sotsialnye realii* [Kalmyk Buddhism: Historical Experience and Modern Social Reality]. *Narody Kalmykii: problemy natsionalnogo samosoznaniya i tolerantnosti* [Peoples of Kalmykia: Problems of National Identity and Tolerance]. Elista, Kalmyk Institute of Technology Publ., 2008, pp. 129–136.
18. Ulanov M. S. *Dionisiyskoe i apollonicheskoe nachala v religioznoy traditsii Kalmykii* [Dionysian and Apollonian principles in the religious tradition of Kalmykia]. *Muzhskoe i zhenskoe: sotrudnichestvo i konfrontatsiya* [Male and female: cooperation and confrontation]. St. Petersburg, Mining University Publ., 2016, pp. 303–307.
19. Ulanov M. S., Erendzhenova Yu. Yu. *Obraz zhenshchiny-materi v makhayanskoj traditsii buddizma (na primere buddiyskoy kultury oyratov)* [The Image of a Mother Woman in the Mahayana Tradition of Buddhism (Using the Oirats Buddhist Culture as an Example)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2018, no. 4 (57), pp. 137–144.
20. Sho M. *Strastnoe prosvetlenie. Zhenshchiny v tantricheskom buddizme* [Passionate Enlightenment. Women in Tantric Buddhism]. Moscow, Dobraya kniga Publ., 2001, 368 p.
21. Kepel G. *Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity, and Judaism in the Modern World*. University Park, Pennsylvania State University Press, 1994, 215 p.

ЦЕННОСТИ КАК ДОМИНАНТЫ СОЗНАНИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИИ

Глазков Александр Петрович, доктор философских наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: alpglazkov@yandex.ru

Подвойский Леонид Яковлевич, кандидат философских наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: leonid.podv@gmail.com

Статья подготовлена к юбилею профессора Л. В. Баевой – декана факультета социальных коммуникаций. Показана её разносторонняя научная, педагогическая, организаторская деятельность. Отмечены успехи, достигнутые на этом поприще. Она – известный специалист в области аксиологии и антропологии. Разработала концепцию экзистенциальной аксиологии, которая даёт возможность на основе этого продуктивного методологического подхода исследовать динамику ценностей как в России, так и за рубежом. Л. В. Баева из поколения учёных-философов, которые осознают вызовы современной информационной эпохи и пытаются дать ответ на возникающие проблемы и вопросы. Её исследования актуальны и дают возможность сориентироваться в реалиях цифровой эпохи. В её работах речь идёт о концепции философии электронной культуры, которая включает в себя анализ виртуальной коммуникации, информационной этики, интернет-игровой зависимости и т. д.

Ключевые слова: аксиология, ценность, философия, виртуальная коммуникация, информационное общество, информационная этика, образование, толерантность, экзистенция, эксперт, электронная культура

VALUES AS DOMINANTS OF CONSCIOUSNESS AND EXISTENCE

Glazkov Aleksandr P., D. Sc. (Philosophy), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: alpglazkov@yandex.ru

Podvoisky Leonid Ya., Ph. D. (Philosophy), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: alpglazkov@yandex.ru

The article is prepared for the anniversary of Professor L. V. Bayeva, the Dean of the Faculty of Social Communication. Her versatile scientific, pedagogical, and organizational activity is shown. The success achieved in this field is noted. She is a renowned expert in axiology and anthropology. She developed the concept of existential axiology which makes it possible to explore the dynamics of values, both in Russia and abroad on the basis of such a productive methodological approach. L. V. Bayeva is from a generation of scientific philosophers who are aware of the challenges of the modern information age and are trying to answer the problems and questions that arise. Her research is relevant and provides an opportunity to navigate the realities of the digital age. Her work deals with the concept of philosophy of electronic culture which includes the analysis of virtual communication, information ethics, Internet gaming addiction, etc.

Keywords: axiology, value, philosophy, virtual communication, information society, information ethics, education, tolerance, existence, expert, e-culture

В этом году декан факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета, доктор философских наук, профессор Людмила Владимировна Баева отмечает юбилей.

Людмила Владимировна уже 28 лет работает в Астраханском государственном университете. Сразу же после окончания учебы в 1991 г. она была принята на кафедру философии, где прошла путь от ассистента до профессора, а с 2006 по 2015 г. являлась заведующей кафедрой. В 1998 г. Л. В. Баева защитила кандидатскую диссертацию «Цивилизация и ее духовные основания», а в 2004 г. докторскую диссертацию «Экзистенциальная природа ценностей». В 2012 г. Министерством образования и науки ей присуждено звание профессора по кафедре философии.

В 2016 г. Л. В. Баева окончила Университет Кларка (Массачусетс, США) по направлению магистратуры «Управление человеческими ресурсами». В 2006 г. Людмила Владимировна

была избрана деканом факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета. В этой должности в полной мере раскрылись её организаторские способности, свидетельством чего служит тот факт, что факультет является одним из лидеров АГУ в образовательной, научной и творческой деятельности.

Л. В. Баева – одна из ведущих российских учёных, специалист в области гуманитарных проблем информационного общества и философии ценностей, обладатель 15 научных грантов, в том числе гранта Президента РФ молодым учёным-докторам наук (2007), РГНФ, РНФ, АВЦП, ФЦП, автор более 200 научных публикаций, в том числе шести персональных монографий.

По данным РИНЦ за 2013 г., Л. В. Баева входит в «Топ 100 самых цитируемых российских учёных-философов»; в 2016 г. она вошла в «Топ-100 самых цитируемых учёных в области комплексного изучения отдельных стран и регионов». Её работы публиковались также за рубежом на английском, сербском, хорватском языках, в том числе в журналах Scopus, Web of Science, в международных коллективных монографиях.

Л. В. Баева – организатор и активный участник российских и международных конференций, проходивших как в Астрахани, так и в других городах России. Ей принадлежит большая заслуга в организации и успешном проведении Всероссийской конференции «Практическая философия: от классики до информационного социума» (27–28 сентября 2018 г.).

Совершенно очевидно, что одновременно такого количества известных философов в Астрахани ещё не было. В работе конференции участвовали представители Института философии Академии наук России, философских факультетов и отделений ведущих вузов страны: МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, РУДН, Дальневосточного, Уральского, Сибирского, Южного федеральных университетов, Новосибирского государственного университета и др.

Проведение конференции способствовало интеграции специалистов, работающих в области изучения практико-ориентированных философских и социально-гуманитарных проблем общества, перспектив развития цифрового мира, сознания и когнитивных проблем, электронной культуры и т. д.

Л. В. Баева проявила себя как талантливый преподаватель и наставник. Она руководит программой аспирантуры по направлению «Философия, этика, религиоведение», разработала и читает такие спецкурсы, как «Динамика ценностей как социальный фактор», «Философские проблемы информационного общества», «Социальные процессы в условиях информационной эпохи», «Информационные проблемы в условиях глобализации».

В 2014–2015 учебном году по инициативе ректора АГУ профессора А. П. Лунева она стала руководителем экспериментальной площадки по обучению философии с помощью инновационных методик в рамках проекта «Инновационные методы обучения философии», который выполнялся в 2014–2017 гг. при поддержке гранта Астраханского государственного университета.

По результатам реализации этого проекта под научной редакцией Л. В. Баевой в 2017 г. было издано учебно-методическое пособие для преподавателей «Инновационные практики обучения: преподавание философии в больших потоках». В предисловии, названном «Зачем эта книга?», она обращает внимание на то, что открытый характер философии, предполагающий диалог, коммуникацию, как нельзя больше подходит к тому, что нужно современному образованию: создать среду обучения, в которой каждый будет ощущать себя активной интеллектуальной, развивающейся личностью.

Методы и формы обучения, апробированные в рамках данного проекта и представленные здесь, могут быть творчески развиты и дополнены преподавателями вузов и организаторами процесса обучения и применены в обучении не только по дисциплине «Философия», но и по самым различным дисциплинам [9, с. 4].

Подготовленный под редакцией Л. В. Баевой учебник «Философия» был отмечен Министерством образования и науки и рекомендован для студентов вузов. При этом следует заметить, что большинство глав в этом учебнике принадлежат её перу.

Большим спросом у аспирантов пользуется учебное пособие «Философия науки», одним из авторов которого является Л. В. Баева (ею написаны пять лекций). В лекции «Аксиологические основания гуманитарного знания» Людмила Владимировна: а) подчеркнула, что наука не свободна от ценностей, поскольку она есть поиск истины, высшей гносеологической ценности; б) определила ряд направлений, по которым фактор ценностей оказывает влияние на науку; в) выделила ряд аспектов относительно взаимосвязи ценностной сферы и гуманитарного знания [7, с. 242–244].

В качестве приглашенного профессора она читала лекции в МГТУ им. Баумана (2005 г.), в Хайнаньском университете (Китай, 2007 г.), в Южно-Казахстанском государственном университете им. М. Ауэзова (г. Шымкент, Казахстан, 2011 г.).

Людмила Владимировна в качестве лектора-тьютора читала лекции для программ повышения квалификации руководителей вузов в Томском политехническом университете и университете Сколково (диплом Э. Кроули). С 2016 г. – руководитель, инструктор и лектор-тьютор курса лекций “Global and Local in the system of intercultural communication: vector Asian-Russia” для Международного образовательного дистанционного консорциума “Global Access Asia” (Корея).

Л. В. Баева ведёт активную экспертную деятельность. Она является экспертом РГНФ (с 2009 г.); экспертом Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы» (ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ) в тематической области «Междисциплинарные исследования социально-экономической и гуманитарной направленности» Государственной программы «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг.; экспертом Аналитического центра при Правительстве РФ по планированию исследований на 2014–2020 гг. в тематической области «Гуманитарные проблемы инновационного развития»; экспертом НИУ ВШЭ (с 2012 г.), экспертом РНФ (с 2014 г.) и РАН (с 2016 г.). В 2015–2017 гг. являлась членом экспертного совета Высшего аттестационного комитета по философии, социологии и культурологии при Министерстве образования и науки РФ. В 2015 г. Людмила Владимировна избрана членом Президиума УМО по философии, этике и религиоведению.

Л. В. Баева – член редколлегий таких научных журналов, как «Каспийский регион: политика, экономика, культура», «Философские проблемы информационных технологий и киберпространства», «Вестник Северного (Арктического) федерального университета» (серия «Гуманитарные и социальные науки»), «Вестник Российского университета дружбы народов» (серия «Философия»), “Socioloskaluca: Journal of social anthropology, social demography & social psychology” (Черногория).

Она является известным специалистом в области аксиологии и антропологии. Разработав концепцию экзистенциальной аксиологии, она получила возможность на основе данного продуктивного методологического подхода исследовать динамику ценностей в России и за рубежом. Как замечает Л. В. Баева: «Учитывая полисемантическую категорию “ценности” укажем, что с позиции разрабатываемого нами экзистенциально-аксиологического подхода ценности могут быть квалифицированы как доминанты сознания и экзистенции, направленные на достижение совершенного бытия, креативно влияющие на развитие личности и окружающий мир через наполнение их значимостью и смыслами. Соединяя человека и мир узлами значимости, ценности преобразуют обе стороны этого отношения в направлении должного» [2, с. 215].

Людмила Владимировна относится к поколению учёных-философов, которые осознают вызовы современной информационной эпохи и пытаются дать ответ на возникающие проблемы и вопросы. Особое внимание в её исследованиях уделяется ценностям молодёжи и их трансформациям в условиях информационного общества и возникшей в его недрах электронной культуре. По мнению Л. В. Баевой, «общая духовная деградация сегодня преждевременно отражается на молодёжи, которая переживает не столько кризис ценностей, сколько изначально впитывает лишь наиболее примитивные из них, соответствующие эпохе всеобщего потребления материальных благ, удовольствия, эгоцентризма. Связано это как с разрушением традиционной системы образования, так и с общим снижением уровня культуры, пережившей омассовление и утрату духовного и смыслового наполнения» [1, с. 149].

К широкому кругу читателей, в том числе и к молодёжи, обращены работы Л. В. Баевой по проблемам толерантности. Это монография «Толерантность: идея, образы, персоналии» [5] и научно-популярное пособие «Этика и культура толерантности» (в соавторстве) [6].

В монографии проведено комплексное исследование проблемы толерантности, показано отношение к ней в традициях Востока и Запада, изучены механизмы формирования толерантного и интолерантного сознания, дана оценка процессу глобализации относительно его влияния на межэтнические и межконфессиональные отношения.

В научно-популярном пособии дан обзор представлений о толерантности как нравственной и культурной ценности, имеющей глубокие исторические традиции и разнообразные современные формы. В нём раскрыты истоки идеи толерантности в философии, этической мысли, учениях мировых религий. Особое внимание уделено этическим аспектам формирования толерантности в условиях межконфессионального и межкультурного диалога в современном обществе.

Исследования Людмилы Владимировны, безусловно, актуальны и дают возможность сориентироваться в реалиях новой, теперь уже цифровой эпохи. В этой связи огромное значение приобретают глубокое продуманное знание проблемы ценностей, которые являются своего рода указателями для личности в бурном потоке информации и перемен. В настоящее время «бытие в цифровой среде без необходимости реальных отношений и общения бросает человеку новые экзистенциальные вызовы» [3, с. 42].

Ситуация непростая и она требует тщательного анализа и осмысления. Приведём ещё одну мысль, в которой Л. В. Баева даёт оценку влияния электронной среды обитания: «Усложнение современной жизни накладывает всё больший пресс на человека, который может как совершенствовать свои возможности, так и стремиться к бегству от неё. Электронная среда обитания создаёт различные предпосылки для этого, позволяет трансформировать общение, менять характер социальности, экзистенции и трансценденции человека в виртуальном бытии. Существование в цифровом “здесь-и-теперь” становится новой формой бытия личности, “заброшенностью” в цифровой мир, который во многом определяется самим субъектом и моделируется им. Однако свобода от реальности и её объективации способна привести человека не только к саморазвитию и творчеству, но и к высшей степени одиночества, цифрового аутизма, усилить эскапизм и суицидальные стремления, свойственные пограничным ситуациям и состояниям» [3, с. 52].

В работах Л. В. Баевой речь идёт о концепции философии электронной культуры, которая включает в себя анализ виртуальной коммуникации, информационной этики, интернет-игровой зависимости и т. д. Публикации результатов исследования в этой сфере в центральных изданиях России, в том числе в журналах «Вопросы философии», «Философские науки», способствовали осуществлению переводов статей по этой проблематике на английский и сербский языки.

На конференции по практической философии (Астрахань, сентябрь 2018 г.) Людмила Владимировна выступила с докладом «Философия образования в условиях медиакультуры». Она подчеркнула, что философия современного образования, особенностью которого становится переход к дигитальным (цифровым – А. Г., Л. П.) формам, оказывается связанной с феноменом медиакультуры, в результате чего в области онлайн-образования медиакультура и образование как система оказываются в поле пересечения.

Также она отметила ряд преимуществ такого типа образования: независимость от времени и места, мобильность, повсеместность, непрерывность, автономность преподавателя и учащегося, гибкость обучения с точки зрения предпочтений и индивидуальных особенностей учащихся и др. [8, с. 440–441].

Людмила Владимировна считает, что современное пространство электронных медиа как высокотехнологичное, открытое, с высокой гибкостью к потребностям потребителя, вариативностью и трансграничностью создаёт возможности для перехода к новым формам образования, а они, в свою очередь, обладают высокими возможностями и рисками [8, с. 443].

По предложению издательства “I-Global” (USA – Canada) Л. В. Баевой подготовлены научные разделы по электронной культуре и экзистенциальным аспектам её развития для “The Encyclopedia of Information Science and Technology” (3-го и 4-го изданий, под ред. Mehdi Khosrow-Pour, I-Global USA – Canada).

Благодаря интенсивной и плодотворной творческой деятельности Л. В. Баевой фактически создана своя научная школа, которая обретает свой путь в научном сообществе. Под её руководством были подготовлены и успешно защищены 7 кандидатских диссертаций. В настоящее время Людмила Владимировна руководит работой трёх аспирантов, идут интенсивные научные исследования, готовятся новые труды.

С 2000 г. она является учёным секретарем Астраханского отделения Российского философского общества. Людмила Владимировна, вместе с А. П. Романовой, П. Л. Карабущенко, Л. Я. Подвойским, была одним из основателей Международного философского клуба, открытого в нашем университете в мае 2007 г. по инициативе ректора профессора А. П. Лунева. Всегда принимала участие в работе этого клуба и как организатор заседаний, и как выступающий докладчик с интересными, содержательными сообщениями.

Л. В. Баева активно участвовала в работе всемирных философских конгрессов в Стамбуле и Сеуле, Афинах, пяти российских философских конгрессов. На философских конгрессах в Нижнем Новгороде и Уфе вела секцию «Философская антропология». Кстати, на очередном VIII Российском философском конгрессе, который состоится 28–30 мая 2020 г. на базе

философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Людмила Владимировна заявлена в качестве сопредседателя секции «Философская антропология».

Научная и педагогическая деятельность Л. В. Баевой получила достойную оценку в обществе. Так, она имеет звание «Почётный работник высшего образования» (2013 г.), награждена почетным знаком МГУ им. М. В. Ломоносова «За вклад в развитие социологического образования в России», дипломом 2-й степени ВВЦ за учебник «Философия» (2010 г.), почётной грамотой Думы Астраханской области за вклад в развитие науки (2016 г.). Уверены, что награды и поощрения будут и ещё!

Мы от всей души желаем нашей уважаемой коллеге Людмиле Владимировне Баевой крепкого здоровья, счастья, личного и семейного благополучия, дальнейших успехов и достижений в научной, педагогической и административно-организаторской деятельности на благо развития и совершенствования российского образования и нашего Отечества в целом!

Список литературы

1. Баева, Л. В. Философия молодежных движений: от пацифизма до экстремизма / Л. В. Баева. – Астрахань : Астраханский ун-т, 2012. – 232 с.
2. Баева, Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии / Л. В. Баева. – Москва : Прометей. Московский пед. гос. ун-т, 2003. – 240 с.
3. Баева, Л. В. Ценностный подход в социогуманитарном познании и проблема фальсификации / Л. В. Баева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 3. – С. 213–220.
4. Баева, Л. В. Экзистенция в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти» / Л. В. Баева // Ценности и смыслы. – 2018. – № 2 (54). – С. 39–55.
5. Баева, Л. В. Толерантность: идея, образы, персоналии / Л. В. Баева. – Астрахань : Астраханский ун-т, 2009. – 217 с.
6. Баева, Л. В. Этика и культура толерантности / Л. В. Баева, Л. Я. Подвойский. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2012. – 190 с.
7. Баева, Л. В. Аксиологические основания гуманитарного знания / Л. В. Баева // Философия науки / Л. В. Баева, П. Л. Карабущенко, А. П. Романова, Ю. В. Алтуфьев ; под науч. ред. Л. В. Баевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Астрахань : Астраханский ун-т, 2012. – С. 232–244.
8. Баева, Л. В. Философия образования в условиях медиакультуры / Л. В. Баева // Практическая философия: от классики до информационного социума / под науч. ред. Л. В. Баевой и К. А. Маркелова. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. – С. 440–443.
9. Баева, Л. В. Инновационные практики обучения: преподавание философии в больших потоках / Л. В. Баева, А. П. Глазков, И. В. Востриков, Л. Я. Подвойский, З. Н. Сколота ; под науч. ред. Л. В. Баевой. – Астрахань : Астраханский ун-т, 2017. – 128 с.

References

1. Baeva, L. V. *Filosofiya molodezhnykh dvizheniy: ot patsifizma do ekstremizma* [Philosophy of youth movements: from pacifism to extremism]. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2012, 232 p.
2. Baeva L. V. *Tsennostnye osnovaniya individualnogo bytiya: opyt ekzistentsialnoy aksiologii* [Value foundations of individual being: the experience of existential axiology]. Moscow, Prometey Publ., Moscow State Pedagogical University Publ., 2003, 240 p.
3. Baeva L. V. *Tsennostnyy podkhod v sotsiogumanitarnom poznanii i problema falsifikatsii* [The value approach of all-humanitarian knowledge and the problem of falsification]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2012, no. 3, pp. 213–220.
4. Baeva L. V. *Ekzistentsiya v tsifrovom sotsiуме: ot khikikomori do "grupp smerti"* [Existence in a digital society: from hikikomori to "death groups"]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2018, no. 2 (54), pp. 39–55.
5. Baeva L. V. *Tolerantnost: ideya, obrazy, personalii* [Tolerance: idea, images, personalities]. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2009, 217 p.
6. Baeva L. V., Podvoyskiy L. Ya. *Etika i kultura tolerantnosti* [Ethics and culture of tolerance]. Astrakhan, Publisher: Sorokin Roman Vasilevich, 2012, 190 p.
7. Baeva L. V., Karabushchenko P. L., Romanova A. P., Altufey Yu. V. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Ed. by L. V. Baeva. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2012, 2nd ed., pp. 232–244.
8. Baeva L. V. *Filosofiya obrazovaniya v usloviyakh mediakultury* [The philosophy of education in the conditions of media culture]. *Prakticheskaya filosofiya: ot klassiki do informatsionnogo sotsiума* [Practical Philosophy: From Classics to the Information Society]. Ed. by L. V. Baeva, K. A. Markelov. Astrakhan, Publisher: Sorokin Roman Vasilevich, 2018, pp. 440–443.
9. Baeva L. V., Glazkov A. P., Vostrikov I. V., Podvoyskiy L. Ya., Skolota Z. N. *Innovatsionnye praktiki obucheniya: prepodavanie filosofii v bolshikh potokakh* [Innovative teaching practices: teaching philosophy in large flows]. Ed. by L. V. Baeva. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2017, 128 p.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СЕМИНАР «ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА «СЕВЕР – ЮГ» В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ»

16–17 мая 2019 г. в Астраханском государственном университете прошёл организованный Экспертным институтом социальных исследований общественно-экспертный семинар на тему «Перспективы развития транспортного коридора «Север – Юг» в современных геоэкономических условиях».

Семинар открыл доктор исторических наук, профессор, декан факультета политологии Московского государственного университета им/ М. В. Ломоносова, председатель совета директоров Экспертного института социальных исследований **Андрей Юрьевич Шутов**. Ведущий – **Рафик Хамматович Усманов**, доктор политических наук, профессор, директор департамента Евразии и Востока Астраханского государственного университета.

В рамках первого панельного заседания «Международный транспортный коридор «Север – Юг»: геополитические аспекты проблемы и сравнительная перспектива в транспортно-логистической сфере» со своими докладами выступили:

Константин Алексеевич Маркелов, кандидат экономических наук, доцент, ректор Астраханского государственного университета: «*Астраханский государственный университет как российский центр инновационного научно-образовательного и инженерно-технического развития Прикаспийского региона*».

Арбахан Курбанович Магомедов, доктор политических наук, профессор, декан факультета культуры и искусств, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и культурологии Ульяновского государственного университета: «*Международный транспортный коридор «Север – Юг» в контексте геополитического, инфраструктурного и информационного состязания на евразийском суперконтиненте в XXI в.*».

Анна Петровна Романова, доктор философских наук, профессор, директор Института исследования проблем Юга России и Прикаспия Астраханского государственного университета: «*Социетальная безопасность Каспийского макрорегиона*».

Геннадий Владимирович Косов, доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного университета: «*Внешняя политика современного Азербайджана в контексте проблем международного транспортного коридора «Север – Юг»*».

Алексей Валерьевич Титов, кандидат технических наук, доцент, руководитель инженерного проектного офиса Астраханского государственного университета: «*Кадровое обеспечение устойчивого развития транспортной инфраструктуры Каспийского региона*».

В рамках второго панельного заседания «**Роль Астраханской области как транспортного узла в контексте развития международного транспортного коридора «Север – Юг»**» были сделаны следующие доклады:

Илья Александрович Волынский, заместитель министра промышленности, транспорта и природных ресурсов Астраханской области: «*Роль Астраханской области как ключевого транспортно-логистического узла МТК «Север – Юг»*».

Сергей Юрьевич Милушкин, генеральный директор публичного акционерного общества «Особая экономическая зона «Лотос»»: «*Перспективы развития международного транспортного коридора «Север – Юг» и место в нем особой экономической зоны «Лотос»*».

Александр Валерьевич Мельников, кандидат экономических наук, исполнительный директор акционерного общества «Морской торговый порт Оля»: «*Современное состояние необходимых элементов контейнерного сервиса в регионе*».

Ришат Арифиллович Гузейров, кандидат исторических наук, проректор по общим вопросам Казанского (Приволжского) федерального университета: «*Вопросы безопасности Волжско-Каспийского бассейна*».

Алексей Игорьевич Рожко, руководитель проектов ООО «ВТГ Проектная Логистика»: «*Проектная логистика: об опыте 3PL-операторов в реализации проектов на Каспии*».

Павел Леонидович Карабущенко, доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник департамента Евразии и Востока Астраханского государственного университета: «*Анализ западных СМИ в оценке проекта международного транспортного коридора «Север – Юг»*».

Арушан Арушанович Вартумян, доктор политических наук, профессор, заместитель директора филиала Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, главный редактор журнала «Политическая регионалистика»: «*Влияние транспортных артерий в Каспийском регионе на геополитическое положение Астраханской области*».

Редакцией журнала публикуются доклады ведущих специалистов.

ДОКЛАДЫ

**МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА «СЕВЕР – ЮГ»**

Березнов Геннадий Викторович, доктор экономических наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: berezhnov.g52@icloud.com

Реализация транспортного потенциала России является базовым приоритетом для экономики Российского государства. Необходимость опережающего развития национальной транспортной системы обусловлена целым рядом экономико-географических и геостратегических факторов. На современном этапе стимулом и источником актуализации этой задачи является глобализация. Глобализация мировой экономики ставит перед национальными экономиками проблему конкурентоспособности, которая связана с переходом от использования сравнительных преимуществ к формированию конкурентных преимуществ, являющихся результатом использования новой рыночной стратегии, научно-технических достижений, инвестиционной и инновационной поддержки всего производственного цикла. Система международных транспортных коридоров (МТК) на территории России формируется в соответствии с географией и структурой существующих и перспективных международных транспортных связей. Развитие коридоров полностью определяются императивами новой экономики, которые являются не просто предпосылками развития МТК, а реалиями, следование которым носит обязательный характер. МТК определяются как совокупность магистральных коммуникаций с соответствующим устройством различных видов транспорта, согласованно функционирующих в определенном направлении и отвечающих стандартам международного уровня. Критериями оценки макроэкономических предпосылок и условий развития транспортного коридора «Север – Юг» на глобальном уровне должна быть конкурентоспособность, позволяющая обеспечить более высокий или уникальный качественный уровень услуг по сравнению с основными мировыми конкурентами, а на межрегиональном уровне – решение проблем территориального развития и определение возможных последствий при различных вариантах решения проблем, связанных с развитием транспортного коридора.

Ключевые слова: ключевые факторы глобализации, реализация транспортного потенциала России, условия реализации транспортного коридора «Север-Юг», критерия развития МТК «Север – Юг»

**MACROECONOMIC PRE-CONDITIONS
OF DEVELOPMENT OF A TRANSPORT CORRIDOR ARE “NORTH – SOUTH”**

Berezhnov Gennady V., D. Sc. (Economics), Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: berezhnov.g51@icloud.com

Realization of a transport potential of Russia is base priority for the economy of the Russian state. The necessity of passing ahead development of a national transport system is conditioned by unit by the row of economy-geography and geostrategic factors. On the modern stage a stimulus and source of actualization of this task is globalization. Globalization of world economy puts before national economies the problem of competitiveness, that is related to the transition from the use of comparative advantages to forming of competitive edges, subsequent upon the use of new market strategy, scientific and technical achievements, investment and innovative support of all productive cycle. The system of international transport corridors (MTK) on territory of Russia is formed in accordance with geography and structure of existent and perspective international transport connections. Development of corridors fully determined by the imperatives of new economy, that are not simply pre-conditions of development of MTK, and реалиями, the following carries obligatory character that. MTK is determined as totality of main communications with the corresponding device of different types of transport, concertedly functioning in certain direction and answering the standards of international level. By the criteria of estimation of macroeconomic pre-conditions and terms of development of a transport corridor North-south at global level there must be a competitiveness allowing to provide the higher or unique quality level of services as compared to basic world competitors, and at interregional level is a decision of problems of territorial development and determination of possible consequences at the different variants of decision of the problems related to development of a transport corridor.

Keywords: key factors of globalization, realization of a transport potential of Russia, condition of realization of a transport corridor of “North – South”, criterion of development of MTK “North – South”

Реализация транспортного потенциала России является базовым приоритетом для экономики Российского государства. Необходимость опережающего развития национальной транспортной системы обусловлена целым рядом экономико-географических и геостратегических факторов. На современном этапе стимулом и источником актуализации этой задачи является глобализация.

Глобализация мировой экономики ставит перед национальными экономиками проблему конкурентоспособности, которая связана с переходом от использования сравнительных преимуществ к формированию конкурентных преимуществ, являющихся результатом использования новой рыночной стратегии, научно-технических достижений, инвестиционной и инновационной поддержки всего производственного цикла. Это выражается в использовании новых информационных технологий, управленческих систем, инфраструктурных сетей (финансовых, дистрибуторских, информационных, рекламных), т. е. всего того, что определяется как «новая экономика».

Глобализация означает транснациональное функционирование экономики и информации на таком уровне, который обеспечивает прозрачность национально-государственных границ для финансово-информационных систем. Это означает преобладание капитала и информационной свободы над национальными интересами, переход от мировой системы наций-государств к транснациональным системам.

Ещё в начале 80-х гг. XX в. были установлены десять глобальных тенденций, определяющих переход: от индустриального общества к информационному; от развитой техники к высоким технологиям; от национальной экономики к мировой; от краткосрочных задач к долгосрочным; от институциональной помощи к самопомощи; от представительной демократии к непосредственной; от иерархии к сетям; от Севера к Югу; от альтернативного выбора «или – или» к многообразию выбора. Ключевые факторы глобализации – информационный, экономический и технологический.

Отметим одно важное требование, вытекающее из концепции новой экономики, – это преодоление географических, национальных и корпоративных границ в движении товаров и капитала с общей направленностью на экономическую интеграцию. В основе новой экономики лежит радикальное сокращение расходов на взаимодействие, т. е. затрат на поиск информации, координацию, обмен и контроль эффективности. Это достигается за счёт всеобщей компьютеризации и освоения интернета, введения единых стандартов, либерализации рынков и повышения мобильности капитала.

Из сказанного с очевидностью следует, что международные транспортные коридоры являются атрибутом (неотъемлемой частью) новой экономики, поскольку их возникновение и развитие полностью соответствуют её требованиям. Подчёркнём, что императивы новой экономики являются не просто предпосылками, т. е. некоторыми общими условиями развития МТК, их следует рассматривать как реалии, следование которым носит обязательный характер.

Как известно, в целях структуризации направлений транспортных потоков экспертами ООН были сформулированы понятия международных транспортных коридоров (МТК) и транспортных консолидирующих центров (ТКЦ). Международные транспортные коридоры определяются как совокупность магистральных коммуникаций с соответствующим устройством различных видов транспорта, согласованно функционирующих в определённом направлении и отвечающих стандартам международного уровня. Транспортные консолидирующие центры определяются как общетранспортные узлы, отвечающие стандартам международного уровня, с телекоммуникационным и грузоперерабатывающим оборудованием, а также информационно-технологическим обеспечением организации качественного процесса по физическому распределению продукции для конечных потребителей.

Следует отметить, что основой развития международных транспортных коридоров служат транспортные консолидирующие центры, которые определяются как общетранспортные узлы. Методологию развития общетранспортных узлов необходимо рассматривать в контексте сформулированного понятия экспертами ООН международных транспортных коридоров (МТК) и транспортных консолидирующих центров (ТКЦ). Развитие международных транспортных коридоров (МТК) и общетранспортных узлов полностью определяются императивами новой экономики.

Анализ развития консолидированного порта Астрахань за последние 15 лет свидетельствует о том, что методология развития консолидированного порта Астрахань и порта Оля не соотносится с сформулированным понятием экспертов ООН и не отвечает императивам новой экономики.

Морской порт, как и любое предприятие, должен учитывать, что его конкурентоспособность зависит от конкурентоспособности (цены, тарифы и условия предоставления) внутренних товаров и услуг, поскольку он: является потребителем материалов, оборудования и комплектующих, услуг естественных монополий; использует в своей деятельности различные стандарты, технические нормы, процедуры испытаний и сертификации, результаты интеллектуальной

деятельности, которые могут существенно измениться под влиянием мировой экономической интеграции. И, наконец, морской порт объективно является субъектом мировой торговой инфраструктуры и участником глобальной экономики [4, с. 110].

Морской порт – предприятие глобального рынка услуг – таким должен быть методологический принцип управления его развитием, независимо от доли глобальной торговли в его деятельности. Таким образом, в основу формирования базы данных для управления развитием морского порта должен быть заложен принцип системной информации, сопряженной с его деятельностью в открытой экономике.

Международные транспортные коридоры определяются как совокупность магистральных коммуникаций с соответствующим устройством различных видов транспорта, согласованно функционирующих в определенном направлении и отвечающих стандартам международного уровня. Принципиально важным является также определение концептуального направления, по которому пойдет реализация транспортных коридоров. Возможны два принципиальных решения. Первое – рассмотрение России как исключительно транспортного пространства, выгодного для международных перевозчиков. В этом случае роль России будет пассивна, а экономические выгоды – минимальны. Необходимо обеспечить второй вариант, а именно: вовлечение российских предприятий в техническое обеспечение, строительство и эксплуатации новых коммуникаций, включая производство локомотивов и подвижного состава, а также телекоммуникационного оборудования в сочетании с хозяйственным развитием прилегающих к территории с использованием расположенных там производств по переработке перемещаемых грузов [7, с. 660].

Система международных транспортных коридоров на территории России формируется в соответствии с географией и структурой существующих и перспективных международных транспортных связей.

Особое положение России состоит в том, что её территория представляет собой естественный мост между Европой и Азией.

В Прикаспийском регионе есть глобальный проект, который давно на слуху. Это второй после Транссибирского стратегический российский транспортный коридор «Север – Юг». Основными аргументами в пользу коридора «Север – Юг» на общероссийском уровне являются не только выгоды, получаемые Россией за счёт организации перевозок, но и вовлечение российских предприятий в техническое обеспечение, строительство и эксплуатации новых коммуникаций в сочетании с развитием прилегающих территории. Его реализация носит проблемный характер. На рисунке представлена схема международного транспортного коридора «Север – Юг». В связи с этим необходимо указать на три важнейшие проблемы, которые рассматриваются в качестве условий реализации транспортного коридора «Север – Юг», – это организация соответствующих грузопотоков, инвестиций и обеспечение соответствия объектов транспортного коридора требованиям электронного бизнеса.

Особо следует отметить, что конкурентоспособность транспортного коридора «Север – Юг» не является очевидной, если ввести некоторые важные качественные критерии в систему её оценки. Если рассматривать только два фактора (расстояние и срок доставки), то коридор «Север – Юг» обладает очень высокой конкурентоспособностью по сравнению с перевозками грузов через порты Европы и российский порт Новороссийск. Если же ввести дополнительные факторы (стоимость обработки транспортных потоков; надежность транспортировки; принцип «единого зонтика» – главный логистический принцип, обеспечивающий минимизацию глобальных транспортных издержек на всем пути следования грузов и др.), то конкурентные преимущества коридора «Север – Юг» становятся не столь очевидными. Так, хотя срок доставки из Азии в Европу по коридору значительно короче, но стоимость перевозки практически одинакова. Кроме того, действуют и другие факторы, снижающие конкурентоспособность коридора.

С точки зрения требований новой экономики весь региональный комплекс МТК «Север – Юг» должен соответствовать следующим критериям:

- наличие мощной сетевой инфраструктуры, обеспечивающей доступ бизнеса и потребителей к сетевым ресурсам;
- реальная интеграция локальных (региональных) рынков капитала в мировой рынок через сетевые ресурсы из любой точки земного шара;
- минимизация ограничений по экспорту и импорту товаров, услуг и информации;
- открытость внутренних рынков капитала, что обеспечивает свободный переток инвестиций в предприятия с высокой доходностью в любой стране.

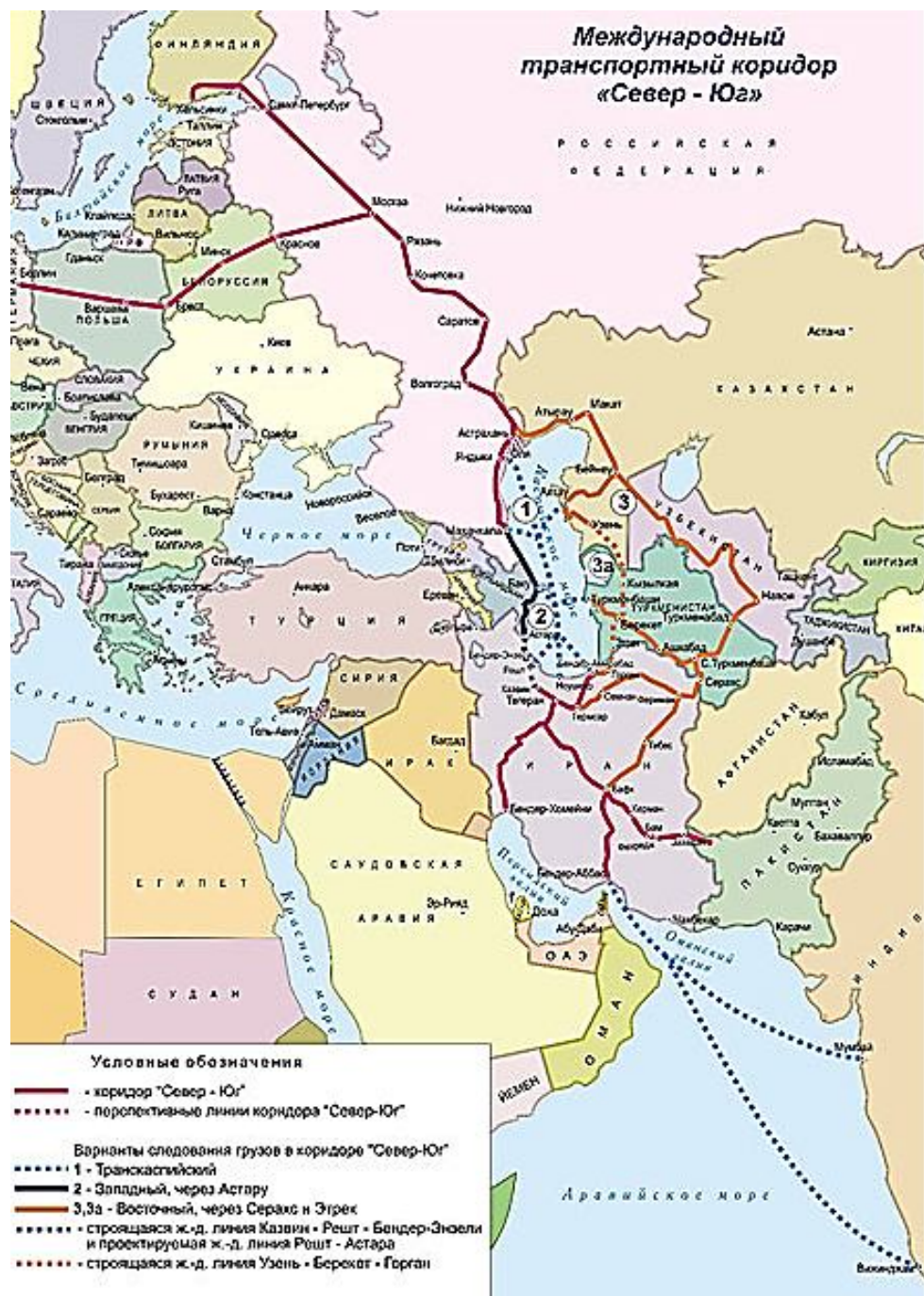

Рис. Международный транспортный коридор «Север – Юг»

Непосредственно действующие компании должны воспринять и ввести в практику: реинжиниринг бизнес-процессов; синхронизацию цепочки «поставщик – потребитель»; стратегию на базе глобальных сетей; инвестиции в сетевые РС-технологии. Одним из условий является также создание электронных предприятий, имея в виду распространение ERP и CRM-решений (системы планирования ресурсов и системы управления взаимоотношениями с заказчиками соответственно), а также стандартизация бизнес-процессов [5, с. 261–263]. Эти требования могут показаться завышенными только с точки зрения оценки возможностей быстрого решения проблемы сетевых технологий. Однако с позиций ближайшего, а тем более – отдалённого будущего, они представляются более чем реальными. Считается общепринятым, что в ближайшем

будущем большинство сделок между компаниями, компаниями и клиентами и вообще социально-экономических транзакций будет совершаться в электронной форме, причём непосредственно их участниками. Скорость заключения сделок и потребность в более индивидуализированной работе с клиентами приведёт компании к необходимости перевода всей внутренней деятельности на электронные процессы, даже если они ещё не сделали этого по соображениям эффективности, говорит Б. Гейтс [6, с. 84–85].

Исходя из изложенного, можно предложить следующую методологию оценки макроэкономических предпосылок, условий и конкурентоспособности транспортного коридора «Север – Юг». На глобальном уровне критерием оценки должна быть конкурентоспособность, позволяющая обеспечить более высокий или уникальный качественный уровень услуг по сравнению с основными мировыми конкурентами. На общероссийском уровне критерием должно быть обеспечение оптимальной специализации регионов в интересах всей национальной экономики. На межрегиональном уровне – решение проблем территориального развития и определение возможных последствий при различных вариантах решения проблем, связанных с развитием транспортного коридора,

Таковы, на наш взгляд, принципиальные подходы к оценке экономико-географических, макроэкономических предпосылок и социально-экономических условий развития транспортного коридора «Север – Юг» в свете интеграции и глобализации хозяйственных процессов и реальностей новой экономики.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 июля 2018 г. № 1585-р «О подписании соглашения между правительствами прикаспийских государств о сотрудничестве в области транспорта». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71707372/#ixzz5IA8oDMuF>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Распоряжение Правительства РФ от 8 ноября 2017 г. № 2469-р «Об утверждении Стратегии развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 г.». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71707372/#ixzz5f6rgjJBh>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года (одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ 28.09.2012). – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/strategija-razvitiya-morskoi-portovoi-infrastruktury-rossii-do-2030-goda/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Войнова, Ю. С. Организационно-методическое обеспечение устойчивого развития портового предприятия / Ю. С. Войнова. – Москва, 2010. – 110 с.
5. Минс, Грейди. Метакапитализм и революция в электронном бизнесе: какими будут компании и рынки в XXI веке / Грейди Минс и др. – Москва : Альпина Паблишер, 2001. – С. 261–263.
6. Гейтс, Б. Бизнес со скоростью мысли / Б. Гейтс. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 84–85.
7. Львов, Д. С. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Д. С. Львов. – Москва : Экономика, 1999. – С. 660–664.

References

1. *Rasporyazhenie Pravitelstva rossiyskoy federatsii ot 31 iyulya 2018 g. № 1585-r "O podpisanii soglasheniya mezhdru pravitelstvami prikaspiyskikh gosudarstv o sotrudnichestve v oblasti transporta"* [Decree of the Government of the Russian Federation of July 31, 2018 No. 1585-r "On the signing of an agreement between the governments of the Caspian states on cooperation in the field of transport"]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71707372/#ixzz5IA8oDMuF>.
2. *Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 8 noyabrya 2017 g. № 2469-r "Ob utverzhdenii Strategii razvitiya rossiyskikh morskikh portov v Kaspiyskom bassejne, zheleznodorozhnykh i avtomobilnykh podkhodov k nim v period do 2030 g."* [Decree of the Government of the Russian Federation of November 8, 2017 No. 2469-r "On approval of the Development Strategy of Russian sea ports in the Caspian basin, railway and road approaches to them until 2030"]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71707372/#ixzz5f6rgjJBh>.
3. *Strategiya razvitiya morskoy portovoy infrastruktury Rossii do 2030 goda (odobrena Morskoy kollegiei pri Pravitelstve RF 28.09.2012)* [The development strategy of the sea port infrastructure of Russia until 2030 (approved by the Maritime Board under the Government of the Russian Federation on September 28, 2012)]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/strategija-razvitiya-morskoi-portovoi-infrastruktury-rossii-do-2030-goda/>.
4. *Voynova Yu. S. Organizatsionno-metodicheskoe obespechenie ustoychivogo razvitiya portovogo predpriyatiya* [Organizational and methodological support for the sustainable development of the port enterprise]. Moscow, 2010, 110 p.
5. *Mins Greydi et al. Metakapitalizm i revolyutsiya v elektronnom biznese: kakimi budut kompanii i rynki v XXI veke* [Metacapitalism and the revolution in electronic business: what companies and markets will be like in the 21st century]. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2001, pp. 261–263.
6. *Geyts B. Biznes so skorostyu mysli* [Business with the speed of thought]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2001, pp. 84–85.
7. *Lvov D. S. Put v XXI vek. Strategicheskie problemy i perspektivy rossiyskoy ekonomiki* [The path to the 21st century. Strategic problems and prospects of the Russian economy]. Moscow, Ekonomika publ., 1999, pp. 660–664.

ВЛИЯНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ АРТЕРИЙ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Вартумян Арушан Арушанович, доктор политических наук, профессор,
действительный член Академии политической науки
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального
университета
Российская Федерация, 357500, г. Пятигорск, пр-т 40 лет Октября, 56
E-mail: pragpu@mail.ru

Глобальные магистрали, такие как проект «Север – Юг», – это социально-экономическое явление, во многом формируемое политической волей нескольких государств, которые и стимулируют организацию выбранных направлений в рамках своего понимания общих интересов. Рождение идеи МТК «Север – Юг» в недрах российского правительства рубежа 2000-х гг. сочетало следующие мотивы: попытка заработать на потоке китайских товаров в Европу путём перевода части трансевразийского океанского транзита на континентальную платформу через Иран, страны Каспия и на юг России; попытка придать импульс российским регионам Центра, Поволжья и Прикаспия за счёт связанных производств и роста услуг вдоль МТК; и, конечно, попытка обогатить российско-европейские отношения новой интересной инициативой, реально показывающей возможности России и сопредельных государств как связующей арки между Азией и Европой.

Ключевые слова: транспортные артерии, Юг России, геополитика, транспортная инфраструктура, транспортные коммуникации

INFLUENCE OF TRANSPORT ARTERIES IN THE CASPIAN REGION ON THE GEOPOLITICAL SITUATION IN THE ASTRAKHAN REGION

Vartumyan Arushan A., D. Sc. (Policy), Professor,
Full Member of the Academy of Political Science
Institute of Service, Tourism and Design (branch) of the North Caucasus Federal University
56, 40 let Oktyabrya Ave., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
E-mail: pragpu@mail.ru

Global highways, such as the North-South project, are a socio-economic phenomenon, largely formed by free volunteers of several states, which stimulate the selection of common interests necessary for their understanding. The birth of the idea of the “North – South” ITC in the depths of the Russian government at the turn of the 2000s. Combines the following motives: an attempt to make money on the flow of Chinese goods in Europe by moving to cross-border transit routes through Iran, the countries of the Caspian sea and southern Russia; an attempt to give impetus to the Russian region of the Central, Volga and Caspian regions through linking production and growth of services along the MTC; and, of course, an attempt to enrich Russian-European relations with an interesting new initiative, which really shows the possibilities of Russia and neighboring countries.

Keywords: transport arteries, South Russia, geopolitics, transport infrastructure, transport communications

Современная трансрегиональная транспортная инфраструктура – сочетание множества интересов: это десятки крупных участников международной торговли, обслуживающих множество мелких, сотни операторов логистики, ответственных за разные участки. Здесь неважно, говорим мы об автомагистралях, железных дорогах, морских коммуникациях или авиасообщении. Процесс взаимообусловленный: первоначальное развитие транспортной артерии происходит в расчёте на увеличение потока движения товаров, а последующие инвестиции в расширение канала и улучшение логистики идут уже по следам обозначенного интереса. Поэтому до появления удобной для бизнеса инфраструктуры ждать масштабного импульса не приходится. Это очень хорошо видно по изменениям стратегических оценок МТК СЮ, заметно снизивших к 2010-м гг. возможно пропускную способность транзита до 15–20 млн т в год, а стартовые – до 5 млн т.

В условиях дефицита инвестиционных ресурсов и ограниченной грузовой базы лучшие результаты достигаются при координации и совместной деятельности соседних стран в рамках интеграционных проектов. В связи с этим увеличение связанности национальных транспортных коммуникаций оказалось, пожалуй, единственным направлением в развитии транспорта и логистики. В концентрированном виде эта связанность проявляется в развитии не столько международных коридоров, сколько региональных связей, которые, в качестве отдельных звеньев, составляют национальные коммуникации. В свою очередь, их формирование влияет на ход региональной экономической интеграции, порой даже формируя её.

МТК «Север – Юг» сегодня – это мозаичная транспортно-экономическая реальность, формируемая разной степенью готовности инфраструктуры и широким комплексом политических

отношений России и стран-партнеров. Не будет сильным преувеличением сказать, что «Север – Юг» становится проекцией взаимных интересов РФ и её партнеров друг на друга. Связанная транспортная инфраструктура создаётся на десятилетия. Поэтому с точки зрения Москвы, МТК «Север – Юг» – это перспективный в будущем макроэкономический узел, завязанный на множестве сопряжённых систем: обрабатывающая промышленность, электроэнергетика, связь, туризм.

Ключевым субъектом наполнения «Север – Юг» в плане правовых и технических условий сопряжения коммуникаций является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Дополнительное содержание коридора на своих участках привносят страны зоны свободной торговли (ЗСТ) Союза Независимых Государств (СНГ) – Азербайджан, Узбекистан – с выходом в Турцию через Южный Кавказ: взаимодействие на Каспии в формате «пятерки» создает композицию морского участка и сухопутных проектов вдоль западного и восточного побережья. Затем на территории Ирана мы можем говорить о разделении МТК на два генеральных стержня – с выходом на Оман (страны Персидского залива) и Индию. Дополнительный кавказский фрагмент проекта «Север – Юг» определяется проблемами постсоветских конфликтов. Наконец, ключевой фактор экономической энергии МТК «Север – Юг» – два стартовых полюса: отношения ЕС с Россией и России – с Индией.

Основные преимущества проекта «Север – Юг» перед другими маршрутами и, прежде всего, перед традиционным морским маршрутом через Суэцкий канал заключаются в сокращении времени перевозок (на 10 дней по отдельным корреспонденциям), а также в повышении экономической эффективности транскаспийского мультимодального маршрута, который в настоящее время снижается необходимостью неоднократной перевалки грузов.

На направлении МТК «Север – Юг» в период до 2025 г. предусматривается реализация следующих основных мероприятий в районах действия пяти из 16 железных дорог РФ:

- организация скоростного движения пассажирских поездов на участке Санкт-Петербург – Булловская;
- мероприятия по комплексной реконструкции участка Северо-Западной дороги: Мга – Гатчина – Веймарн – Ивангород и железнодорожных подходов к портам на южном берегу Финского залива;
- развитие Московского железнодорожного узла;
- реконструкция с электрификацией участка Ртищево – Кочетовка, строительство обхода Саратовского железнодорожного узла, нового моста через Волгу, введение электрифицированного участка от Ртищева до Кочетовки;
- комплексная реконструкция участка Ахтуба – Трубная – Верхний Баскунчак – Аксарайская. В частности, планируется сдать в 2019 г. железнодорожный мост через р. Ахтубу и реконструировать пункт технического обслуживания локомотивов на станции Аксарайской.

В общей сложности на эти мероприятия должно быть затрачено 15–18 млрд руб. с датой завершения в 2023 г. [1].

Морской фрагмент МТК «Север – Юг» и его прибрежные «стволы» формируются несколькими маршрутами:

- транскаспийский маршрут – с использованием российских морских портов (Астрахань, Оля, Махачкала) и портов Ирана (Бендер-Энзели, Ноушехр и Амирабад);
- западный маршрут – прямое железнодорожное сообщение через пограничные переходы Самур (Россия) – Ялама (Азербайджан) с дальнейшим выходом на железнодорожную сеть Ирана через пограничный переход Астара (Азербайджан) – Астара (Иран);
- восточный маршрут – прямое железнодорожное сообщение через Казасхстан, Узбекистан и Туркменистан с выходом на железнодорожную сеть Ирана через пограничные переходы Серахс (Туркменистан) – Серахс (Иран) и Акяйла (Туркменистан) – Инче Бурун (Индия).

По оценкам РЖД, большое значение для развития МТК СЮ в среднесрочной перспективе будут иметь сроки ввода в эксплуатацию новой железнодорожной линии Решт – Астара (Иран) – Астара (Азербайджан), которая является последним недостающим звеном железнодорожного маршрута по западной ветви МТК «Север – Юг».

Трёхстороннее соглашение о строительстве железной дороги Астана – Решт – Казвин, которая должна соединить действующие стальные магистрали Азербайджана, Ирана и России, на уровне президентов было подписано ещё в 2005 г. Оно предусматривало прокладку

сегментов железной дороги на территории Ирана протяжённостью около 350 км и Азербайджана – между Астарой и азербайджано-иранской границей – протяжённостью 8,5 км, а также реконструкцию уже существующей магистрали на территории Азербайджана. В течение десяти лет Иран достроил участок внутри страны Казвин – Решт. 6 марта 2019 г. в провинции Гилян открылась железная дорога Казвин – Решт, которая является частью МТК «Север – Юг», фрагмента Казвин – Астара. Новая магистраль состоит из 53 туннелей протяжённостью 22 км. Здесь же построен самый длинный в Иране железнодорожный мост протяжённостью 1430 м, а также плотина Манджил. В итоге Казвин соединен железнодорожным сообщением с Тегераном, а также с иранскими портами Бендер-Аббас в Персидском заливе и Амирабад на Каспийском побережье.

Очевидно, что безопасность и политическая стабильность государств-участников МТК «Север – Юг» зависят от инфраструктурной связности их регионов. Однако географическая и инфраструктурная связность ещё не означает их совместимость. Необходима институционально-договорная база (в рамках одного или нескольких сопряжённых интеграционных проектов, к примеру: ЕАЭС, Шанхайская организация сотрудничества, участники из группы АСЕАН), а также общественно-политические условия для реализации эффективного сотрудничества. Другими словами, совместимость определяется не только физическим наличием коммуникаций (например, дорог, логистических центров и т. д.), но и возможностями для различных субъектов свободно пользоваться этой инфраструктурой. Требуется проработка вопроса, насколько особенности национальных законодательств и положения межгосударственных договоров делают возможным беспрепятственное движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы через границы и между различными интеграционными объединениями. Насколько это выгодно различным уровням бизнеса.

Для решения этой задачи с точки зрения интересов развития МТК СЮ необходимо проводить осознанную политику интеграции региона в рамках стратегии гибких партнерств по нескольким линиям. Во-первых, это создание постоянного института (механизма) межрегионального взаимодействия в гибком формате, близком «Азиатскому диалогу». Для формирования такого органа первоначально могли бы быть использованы возможности четырёх стран – Ирана, России, Китая и Индии – как основных учредителей для проведения дискуссий по экономическим, политическим, культурным вопросам и вопросам безопасности. Эти переговоры могут быть организованы на двух уровнях – экспертов / учёных и чиновников министерств. Постоянный формат работы такой структуры должен повысить интерес к нему других азиатских стран.

Следует также учитывать, что для планирования и осуществления проекта МТК «Север – Юг» очень важен футуристический подход во всех секторах. Необходимо на базе межведомственных структур, занимающихся сейчас диалогом по МТК, создавать специализированные совместные комитеты для разработки сценариев и планирования краткосрочный (до 2025 г.), среднесрочный (до 2035 г.) и долгосрочный (до 2050 г.) периоды, что станет весьма эффективным средством содействия сотрудничеству. Необходимо проанализировать в среднесрочной перспективе, как новые совместные проекты могли бы развиваться вдоль сегментов МТК «Север – Юг» в сфере полимерной химии, машиностроения, станкостроения, автопрома, авиапромышленности, приборостроения, создания новых полимерных и композитных материалов.

Во-вторых, создание общего валютного рынка. Это достаточно высокая степень интеграции, мало достижимая на практике. Однако создание валютных союзов в плоскости ухода от взаимной торговли в долларах США – одна из постоянно обсуждаемых тем в формате ЕАЭС, ШОС и Исламской восьмерки (D-8; так называемая восьмерка наиболее развитых стран исламского мира, учреждённая в рамках Организации исламского сотрудничества в 1997 г.).

В-третьих, установление единых условий бизнеса и торговли. Содействие взаимному экспорту уровня среднего и малого бизнеса (инфраструктурными банками, национальными экспортными агентствами, другими институтами) – один из способов обустройства региональной интеграции.

В-четвёртых, развитие туризма и безвизового перемещения как основных форм поддержки создания общего рынка труда. Россия стремится привлечь в свою экономику активных людей из сопредельных государств, как в статусе новых граждан РФ, так и трудовых мигрантов. Либерализация миграционной политики и смягчение процедур оформления гражданства, по прогнозам, должна увеличить численность населения страны на 5 млн человек. МТК «Север – Юг» проходит как раз через регион, наиболее емкий с точки зрения трудовых ресурсов [2].

Именно эта тема является одним из основных моментов приложения сил для России, Индии, Ирана, Белоруссии. В Евразии растёт рынок решений для промышленного интернета вещей и искусственного интеллекта. По данным Росстата, доля экспорта цифровых товаров и услуг в ВВП России в 2018 г. выросла с 0,5 % до 1,0 % (для КНР – 5,8 %, для стран ЕС – 2,5 %). Другой ряд проектов в этом сегменте – создание фармакологических кластеров-производств и реабилитационных клиник в Индии, Иране, Азербайджане, России.

В период одновременного протекания торговых войн и процессов интеграции на одних и тех же участках социально-экономического пространства создаются особые вызовы и возможности для проекта МТК «Север – Юг» в ближайшее десятилетие:

- *Цифровизация деятельности.* Оцифрованы не только бизнес, но и вся жизнь общества. Возникновение самообучающихся систем в логистике и на транспорте – почти сегодняшний день, благодаря этому экономика может вырасти на \$16 трлн к 2030 г. 200 из 500 крупнейших компаний исчезнут или объединятся.

- *Энергетическая революция.* К 2017 г. в 13 раз выросло использование возобновляемых источников энергии. Широкое применение электромобилей изменит стратегию применения ресурсов – они перестают быть источником сверхдоходов. МТК «Север – Юг» сокращает один из источников наполнения своего транзита.

- *Быстрый рост населения планеты.* Увеличение продолжительности жизни за 30 лет от 48 до 71 года. Индустрия долголетия стала важнейшей частью экономики – это здравоохранение, индустрия здорового питания и образа жизни. Чтобы накормить будущие 10 млрд населения, надо производить на 60 % больше еды. Агропромышленный комплекс должен стать высокотехнологичной отраслью с удвоением производительности.

- *Урбанизация.* Рост агломераций на Каспии и вдоль МТК «Север – Юг». Численность населения г. Баку уже превышает 2 млн человек. Идёт развитие городов-миллиоников в Казахстане (города Алма-Аты, Нур-Султан, Чимкент), на этом фоне будет повышаться социально-экономическая обстановка и переизбыток рабочей силы на рынке труда.

- *Трансформация рынка труда.* Роботизация постепенно замещает физический труд. Теперь важна не дешевизна рабочей силы, а квалификация сотрудников. Происходит обратный перенос производства в развитые страны из развивающихся, а значит, реформирование системы образования. Наблюдается переход от практики передачи знаний к умению находить информацию, к развитию навыков креативного мышления. Это напрямую касается взаимодействия участников МТК «Север – Юг» в сфере высшего и профессионально-технического образования.

Используя модель соседства, евразийского партнёрства (ЗСТ ЕАЭС), развитие различных симбиотических двусторонних и многосторонних связей в экономике, Россия обеспечивает себе «подушку» устойчивости из ряда относительно стабильных союзников / партнёров. Прогноз Международного валютного фонда по росту ВВП в реальном выражении на 2019 г. для России – 1,8 %, для Индии – 7,5 %, Ирана – 3,6 %, Казахстана – 3,1 %, Узбекистана – 5 %, Белоруссии – 3,1 %, Азербайджана – 3,6 %, Армении – 4,8 %, Грузии – 4,8 %. По оценкам Института экономики РАН, в случае реализации сценариев совместных промышленно-торговых цепочек может произойти ускоренный потенциальный рост России к 2028 г. – дополнительно на 3 % ВВП [3].

Таковы преимущества и сложности квазиинтеграционного проекта, в рамках которого МТК «Север – Юг» может осуществить стержневое наполнение.

Какую мы видим региональную составляющую для коридора «Север – Юг» применительно к Астраханской области?

Наличие надежных транспортных коридоров является, несомненно, главной темой для политиков, экономистов, аналитиков, специалистов по логистике. Увеличивающаяся экспортная составляющая развитых экономик, рост ВВП новых лидеров (Китай, Индия, Пакистан), усиление экспортных возможностей России (разновекторное), реформирование международной системы отношений повлияли на характер международных транспортных коридоров. После распада Советского Союза происходила «локальная геополитическая революция», при которой бывшие страны СССР либо стали «жертвами» своего транзитного положения (Эстония, Латвия, Литва, Украина), либо получили статус перспективных логистических территорий (Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Белоруссия). Россия разрабатывает собственные инфраструктурные проекты, вступая в геополитическое и экономическое соперничество с Китаем, Индией, Турцией, Ираном и другими странами. Но помимо транспортной составляющей

для локальных транспортных коридоров необходимо учитывать весь комплекс потенциальных сценарных вариантов.

Китай. Мега-проект «Один пояс – один путь» является продуманной, финансируемой, политически поддержанной программой «китайской транспортной экспансии».

Индия. Все локальные транспортные коридоры для третьей экономики мира – борьба за новые рынки. В данном случае регион Центральной Азии, где интересы Китая, России и Индии сходятся в борьбе за контроль над регионом и преимущество пока остаётся за Китаем.

Иран. Региональная держава с огромным потенциалом, «зажатая» санкциями, но требующая «места под солнцем». Активные игроки транспортных проектов (Пакистан, Япония, Корея) имеют свои интересы и в зависимости от конъюнктуры рынка ведут замысловатую стратегию сдерживания китайских проектов.

Внутрироссийская сторона проблемы, на наш взгляд, имеет, в том числе, внутривнутриполитическую и внутриэкономическую проекцию:

- ощущается нехватка свободных инвестиционных средств. Альтернатива – привлечение и использование государственно-частного партнерства в реализации каспийского участка МТК «Север – Юг»;

- создание специального инвестиционного Каспийского фонда, банка Каспийского участия в реализации проекта;

По примеру создания федеральных университетов – создание Каспийского федерального университета (в г. Астрахани) с образовательной и научной направленностью, обеспечивающей потребность в реализации МТК:

- лингвистика (потребуется тысячи дипломированных специалистов со знанием азербайджанского, персидского, туркменского, казахского языков);

- подготовка инженерных кадров (транспортников геологов, мостостроителей, «туннельщиков», ихтиологов и т. д.);

- расширение логистических и инфраструктурных проектов на Каспийском побережье (Каспийск, Махачкала);

Региональный (астраханский) аспект проблемы:

- проведение в Астрахани ежегодных форумов молодежи «Каспий» по примеру Кавказского форума «Машук» с целью формирования и принадлежности к «каспийской идентичности»;

- социокультурная составляющая проекта не менее важная, чем политическая или экономическая. Широкое участие молодежи в спортивных, фольклорных, коммуникационных мероприятиях создаст необходимую атмосферу «единства идей и целей» в реализации проекта;

- с российской стороны повышение статусной роли Астрахани как центра формирования локальной «столичной» идентичности;

- повышение транспортной универсалии Астрахани как транзитной оси – «Север – Юг», «Запад – Восток»;

- в перспективе строительство железной дороги Астрахань – Элиста, Элиста – Ставрополь»;

- широкое участие в проекте (наполняемость рынка) представителей малого и среднего бизнеса, создание в Астрахани центра по льготному кредитованию фермерских и бизнес-структур с последующей трансформацией методик обучения в Калмыкию и Дагестан;

- создание в Астрахани судостроительного кластера с государственными заказами (туристические, транспортные, контейнерские, ремонтные, рыболовные и т. д.);

- организовать целенаправленную PR-кампанию по продвижению бренда транспортного коридора «Север – Юг» с привлечением возможностей телевидения, СМИ и др.

Список литературы

1. Международный транспортный коридор «Север – Юг» и сценарии трансрегиональной интеграции : доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» (июнь 2019 г.). – Москва, 2019. – С. 14–19.
2. Вартумян, А. А. География транспорта: взаимосвязь экономики, политики и туризма / А. А. Вартумян // Синергия гостеприимства: возможности, проблемы и перспективы. – Пятигорск, 2019. – С. 49–53.
3. Вартумян, А. А. Политическая географии Северо-Кавказского региона: теоретические и методологические проблемы / А. А. Вартумян // Туризм и рекреация: фундаментальное и прикладное исследование. – Москва : Московский ун-т, 2017. – С. 257–262.

References

1. *Mezhdunarodnyy transportnyy koridor "Sever – Yug" i stsenarii transregionalnoy integratsii : doklad Mezhdunarodnogo diskusnogo kluba "Valday" (iyun 2019 g.)* [North-South International Transport Corridor and scenarios for trans-regional integration: report of the Valdai International Discus Club (June 2019)]. Moscow, 2019, pp. 14–19.
2. Vartumyan A. A. Geografiya transporta: vzaimosvyaz ekonomiki, politiki i turizma [Geography of transport: the relationship of economics, politics and tourism]. *Sinergiya gostepriimstva: vozmozhnosti, problemy i perspektivy* [Synergy of hospitality: opportunities, problems and prospects]. Pyatigorsk, 2019, pp. 49–53.
3. Vartumyan A. A. Politicheskaya geografii Severo-Kavkazskogo regiona: teoreticheskie i metodologicheskie problemy [Political geography of the North Caucasus region: theoretical and methodological problems]. *Turizm i rekreatsiya: fundamentalnoe i prikladnoe issledovanie* [Tourism and Recreation: Fundamental and Applied Research]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2017, pp. 257–262.

РОЛЬ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК КЛЮЧЕВОГО ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО УЗЛА В МЕЖДУНАРОДНОМ ТРАНСПОРТНОМ КОРИДОРЕ «СЕВЕР – ЮГ»

Волынский Илья Александрович, заместитель министра промышленности, транспорта и природных ресурсов Астраханской области

Министерство промышленности, транспорта и природных ресурсов Астраханской области
Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Советская, 12
E-mail: ilya.volynskiy@mail.ru

Статья посвящена международному транспортному коридору «Север – Юг» (МТК «Север – Юг»). Транспортный коридор рассматривается как способ усиления единства экономического пространства страны и развития предпринимательства и международного сотрудничества. Проанализирована текущая ситуация транспортного коридора, а также роль Астраханской области, порта Астрахань и порта Оля в его развитии. Эффективное обслуживание товарообмена как внутри региона, так и в направлении экспорта / импорта возможно только при развитой транспортно-промышленной логистической системе. Предложены пути устранения существующих препятствий для полноценного запуска МТК «Север – Юг» и наращивания объемов внешней торговли между Россией, Ираном и Индией, в том числе проведение дноуглубительных работ в Волго-Каспийском морском судоходном канале, упрощение таможенных процедур, обновление флота и т. д.

Ключевые слова: логистика, МТК «Север – Юг», транспортная инфраструктура, грузоперевозки, транспортный коридор, транспортный узел, экспорт, импорт, порт Оля, порт Астрахань, Астраханская область

ROLE OF THE ASTRAKHAN REGION AS A KEY TRANSPORTATION AND LOGISTICS UNIT IN THE INTERNATIONAL "NORTH – SOUTH" TRANSPORT CORRIDOR

Volynsky Ilya A., Deputy Minister of Industry, Transport and Natural Resources of the Astrakhan region

Ministry of Industry, Transport and Natural Resources of the Astrakhan region
12 Sovetskaya St., Astrakhan, 414000, Russian Federation
E-mail: ilya.volynskiy@mail.ru

The article is devoted to the North-South international transport corridor ("North – South" ITC). The transport corridor is seen as a way to strengthen the unity of the economic space of the country and the development of entrepreneurship and international cooperation. The article analyzes the current situation of the transport corridor, as well as the role of the Astrakhan region, the port of Astrakhan and the port of Olya in its development. Efficient service of commodity exchange both within the region and in the direction of export/import is possible only with a developed transport and industrial logistics system. The author suggests ways to eliminate existing obstacles for the full launch of the "North – South" ITC and increase the volume of foreign trade between Russia, Iran and India, including dredging works in the Volga-Caspian shipping channel, simplifying customs procedures, fleet renewal, etc.

Keywords: logistics, ITC "North – South", transport infrastructure, cargo transportation, transport corridor, transport hub, export, import, Olya port, Astrakhan port, Astrakhan region

Постоянный рост сегмента мультимодальных перевозок во многом достигается за счёт развития транспортных коридоров. Одним из таких перспективных континентальных транспортных коридоров считается международный транспортный коридор «Север – Юг» (далее – МТК «Север – Юг»), соединяющий Индию, Иран, а в перспективе и Китай с рынками государств-членов Евразийского экономического союза.

Рамочное соглашение по созданию коридора «Север – Юг» было подписано в сентябре 2000 г. в Санкт-Петербурге на второй Евроазиатской конференции по транспорту. Странами, подписавшими соглашение, стали Российская Федерация, Республика Индия, Исламская Республика Иран. Позднее к соглашению присоединились Беларусь, Султанат Оман, Республика Таджикистан и Казахстан [1]. Однако до настоящего времени перевозки по МТК не получили должного развития. Транспортный коридор работает преимущественно для обеспечения торговли России с Ираном и рядом государств Закавказья. При сохранении идеологии использования только морских маршрутов на Каспийском море не реализуется главная идея соглашения, состоящая в приоритете обеспечения мощных транзитных грузопотоков между Европой и Южной Азией с использованием всех видов транспорта.

Благодаря Каспийскому морю и сочетанию речного, морского, железнодорожного, автомобильного и авиационного видов транспорта Астраханская область призвана сыграть ключевую роль в формировании и обслуживании контейнерных грузопотоков в рамках МТК «Север – Юг».

Волго-Каспийский морской судоходный канал является единственной глубоководной артерией, соединяющей Каспийское море с внутренними водными путями реки Волги и, далее, с Азово-Черноморским, Балтийским и Северным морскими бассейнами.

Объёмы международных грузоперевозок на определённых направлениях формируются не один год, это достаточно консервативный процесс. Решающими факторами при выборе маршрута всегда являются время и стоимость доставки. По сравнению с традиционным Южным морским путём маршрут по коридору «Север – Юг» в два раза короче. Для реализации преимуществ и обеспечения конкурентоспособности МТК «Север – Юг» в экономической составляющей необходимо выстроить эффективную логистическую схему.

В таблице представлены три основных варианта доставки грузов в Россию из Индии (стоимость рассчитана за 20-футовый контейнер):

- Южный морской путь с точкой выгрузки в Санкт-Петербурге;
- ответвление МТК № 9 с выгрузкой в порту Новороссийск;
- транскаспийский вариант МТК «Север-Юг» с выгрузкой в морских портах Астраханской области.

Таблица

Варианты доставки грузов из Индии

Показатели	Мумбаи – С.-Петербург	Мумбаи – Новороссийск	Мумбаи – Астрахань
Расстояние, км	13610	7980	4400
Тариф доставки, долл. США	1500	1450	1630
Сроки доставки, дней	30	21	14

По сравнению с другими маршрутами «Север – Юг» заметно короче при конкурентной стоимости доставки. Предварительные подсчёты показывают, цена доставки по всем трём маршрутам находится в пределах 1500–1600 долл. США за двадцатифутовый контейнер, при этом доставка в Астраханскую область занимает две недели, в Новороссийск – 21 день, а в Санкт-Петербург по Южному морскому пути – около месяца.

Таким образом, стоимость доставки из Индии до Астрахани по сравнению с Санкт-Петербургом является конкурентной, при сокращении расстояния транспортировки в два раза. Однако доставка по России железнодорожным транспортом из Астрахани до Москвы добавляет к стоимости транспортировки еще 1500 тыс. долл. США, что увеличивает стоимость доставки по МТК «Север – Юг» до 3 тыс. долл. США. Высокая стоимость доставки не позволяет в настоящее время перенаправить грузопотоки с традиционных морских маршрутов на МТК «Север – Юг».

У транскаспийских перевозок по МТК «Север – Юг» есть конкуренты, которые могут частично перехватить грузовую базу коридора, – это железнодорожные маршруты вдоль западного и восточного побережий Каспийского моря; порт Махачкала, который перерабатывает в основном наливные грузы, но также и сухогрузы; широтный коридор TRACECA, идущий из Азии в Европу, южнее России; а также поезд комбинированного транспорта «Викинг» – специализированный маршрутный поезд, перевозящий контейнеры и контейнеры из Клайпеды через Белоруссию и Украину в Ильичевск, откуда паромы идут в порты Грузии, и маршрут подключается к коридору TRACECA [2, с. 33].

В целях повышения эффективности логистики маршрута транспортировки грузов через регион правительством Астраханской области совместно с Министерством транспорта России, Росморречфлотом, государственными контрольными органами (таможенной, пограничной

службой и др.) и хозяйствующими субъектами Астраханской области проводится скоординированная политика, направленная на развитие транспортной инфраструктуры и ускорению транспортно-логистического сопровождения экспортно-импортных грузов.

По мнению главы российского Минпромторга России Дениса Мантурова, Астрахань может стать ключевым логистическим хабом в транспортном коридоре «Север – Юг». Для региона – это приток денежных средств, активизация работы портов и развитие транспортных магистралей.

Вместе с тем текущая пропускная способность Волго-Каспийского морского судоходного канала не соответствует выполнению данных масштабных задач. Ежегодно проводятся ремонтные дноуглубительные работы с целью поддержания паспортных глубин Волго-Каспийского морского судоходного канала. На сегодняшний день в дноуглубительном флоте Астраханского филиала ФГУП «Росморпорт» работают четыре земснаряда. Они обеспечивают необходимую глубину для прохода судов на Волго-Каспийском морском судоходном канале и в акваториях морских портов Астрахань и Оля [3, с. 864]. Дноуглубление носит ежегодный характер. В 2017 г. из канала было извлечено 4,5 млн м³ грунта, в 2018 г. – около 3 млн м³. Запланированный объем дноуглубительных работ в 2019 г. – 4,5 млн м³.

Другое важное направление – дальнейшее совершенствование законодательства в части облегчения и ускорения процедур обработки грузов в портах.

Зерно является одной из ключевых номенклатур груза и составляет более 50 % от общего объема экспорта через порты Астраханской области. До недавнего времени остро стоял вопрос упрощения процедуры фитосанитарного контроля при организации экспорта зерновых грузов. Именно на этот фактор указывали представители отрасли, говоря о препятствиях на пути к повышению конкурентоспособности астраханских портов. Так, чтобы организовать экспортную поставку зерна в количестве судовой партии через порты Астраханской области в Иран, необходимо было получить двенадцать сертификатов и актов в различных учреждениях. Все эти процедуры приводили к удорожанию продукции, простоям вагонов и судов в ожидании разрешительных документов. В настоящее время процедуры получения разрешительных документов при проведении фитосанитарного и ветеринарного контроля в портах зерновых грузов значительно упрощены.

Рис. Портовая инфраструктура Астраханской области

Кроме того, приказами Минтранса России от 22.11.2016 № 351 и 352 внесены изменения в обязательные постановления в морских портах Астрахань и Оля об уменьшении района плавания судов в ВКМСК с обязательной лощманской проводкой и отмене внутрипортовой проводки в морском порту Астрахань.

Открытие в конце 2017 г. в Астрахани Иранского торгового дома можно также считать одним из ключевых событий в наращивании внешнеэкономических связей между странами. Более того, именно Иран, по некоторым данным, пытается активизировать процессы развития МТК, решения инфраструктурных проблем, упрощения и сокращения бюрократических процедур, унифицирования порядка оформления документации [4, с. 142].

В настоящее время Астраханский воднотранспортный комплекс условно разбит на два стратегических участка:

- морской порт Астрахань, расположенный в черте города;
- морской торговый порт Оля, расположенный на трассе Волго-Каспийского канала ниже г. Астрахани на 100 км.

Суммарная мощность указанных портов на сегодняшний день составляет порядка 16,5 млн т. Навигация в морских портах Астрахань и Оля осуществляется круглогодично. В условиях льдообразования на акватории морского порта осуществляется ледокольная проводка судов.

Порт Астрахань имеет ключевое значение для экспорта ряда сельскохозяйственных товаров: суммарная перегрузочная мощность грузовых терминалов составляет свыше 12 млн т в год, оснащён необходимой грузоподъёмной техникой и оборудованием, открыт для захода судов под иностранным флагом, имеется пункт пропуска через государственную границу.

Морской порт Оля находится в 100 км южнее Астрахани, в дельте р. Волги (на 67-м километре Волго-Каспийского морского судоходного канала) и является открытым для захода судов под иностранным флагом. В настоящее время в порту построено 12 причалов. Перегрузочная мощность составляет 4,4 млн т грузов в год. Основной объём сухих грузов приходится на зерно и продукты помола.

Имеющиеся в Астраханской области портовые мощности загружены на 15 %. Кроме того, в морском порту Оля имеется собственный транспортный флот в количестве, позволяющем обеспечить перевозку до 2000 контейнеров ежемесячно. Таким образом, необходимость дополнительного наращивания портовых мощностей в Каспийском регионе отсутствует.

Для полноценного запуска транспортного коридора и начала его успешного функционирования в настоящее время необходима работа по следующим направлениям:

- предоставление операторами перевозок участникам ВЭД сквозной тарифной ставки на транспортировку товаров по всему коридору, их обеспеченности контейнерным парком и комплексным страхованием транспортировки грузов;
- продолжение работы по упрощению таможенных процедур, единообразию их применения, снижению таможенных сборов и установлению зоны свободной торговли между Россией, Ираном и Индией. Этот вопрос имеет особую актуальность для Астраханской области, поскольку значительная часть импортных грузов из Ирана была переориентирована из российских в казахстанские порты в связи с разными подходами к определению таможенной стоимости таможенными органами России и Казахстана;
- обновление парка подвижного состава железнодорожного транспорта, т. к. в 2018 г. многие участники внешней экономической деятельности столкнулись с нехваткой вагонов-зерновозов и полувагонов;
- необходимо значительное обновление флота. Так, из числа судов, заходивших в морские порты в 2018 г., свыше 47 % имеют возраст более 30 лет. Возраст от 20 до 30 лет имеют свыше 21 % судов и лишь 20 % – это современные суда возрастом до 10 лет.

Для увеличения грузовой базы также необходимо устранить препятствия для наращивания объёмов внешней торговли между Россией и Ираном на уровне межправительственной комиссии путём:

- снятия ограничений на ввоз в Иран пшеницы и принятия межправительственного соглашения о допустимом проценте засоренности подкарантинной продукцией зерновых грузов;
- возобновления своповых поставок нефтепродуктов по схеме замещения;
- заключения соглашения об использовании российского металлопроката для строительства объектов энергетики в рамках открытых Россией кредитных линий для Ирана.

Кроме того, требуют решения вопросы развития инфраструктуры – продолжение проведения дноуглубительных работ в Волго-Каспийском морском судоходном канале и реализация мероприятий по снижению его заносимости. Реализация указанных мероприятий предусмотрена в Стратегии развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных

и автомобильных подходов к ним в период до 2030 г., разработку которой осуществляло Министерство Российской Федерации по развитию Северного Кавказа при участии Минтранса России и Правительства Астраханской области по поручению Президента России В. В. Путина. Кроме того, Президент Российской Федерации 11.12.2018 г. дополнительно утвердил перечень поручений по вопросам социально-экономического развития Астраханской области, в том числе международного транспортного коридора «Север – Юг». Данный документ включает в себя модернизацию инфраструктуры морского порта Оля, проектирование и строительство паромов, а также организацию паромных переправ в Каспийском бассейне, увеличение пропускной способности автомобильных подходов к морским портам Астраханской области. Также поручено проработать вопрос о создании портовой особой экономической зоны на территории, прилегающей к морскому порту Оля [5, с. 74–78].

Большое значение в процессе запуска коридора наряду с государственным регулированием является наличие частных инвесторов, готовых совершенствовать инфраструктуру в целях привлечения грузопотока. Так, учитывая намерения частного инвестора по созданию на прилегающей к морскому порту Оля портовой инфраструктуры в районе и. Забурунный (8 км южнее порта Оля) и необходимость создания условий для модернизации портового комплекса Астрахани, целесообразно создание портовой особой экономической зоны на территории Астраханской области. Этот вопрос, в частности, обсуждался 14 мая 2019 г. на совещании по социально-экономическому развитию Астраханской области при участии Президента Российской Федерации В. В. Путина, представителей федеральных министерств, ведомств и правительства Астраханской области.

Президент России обратил особое внимание на порт Оля, который до сих пор не работает на полную мощность. В качестве варианта решения проблемы он поддержал создание специальных условий для привлечения транзитных грузов и инвесторов: «Возможно, одним из вариантов решения проблемы станет предложение специальных условий для привлечения транзитных грузов и инвесторов, которые будут готовы построить соответствующую инфраструктуру для обработки этих грузов и их транзита через российскую территорию».

Глава Минэкономразвития России Максим Орешкин также подтвердил значимость развития логистического потенциала области и необходимость создания особой зоны: «...по нашим оценкам, в ближайшие семь – восемь лет тот грузопоток, который приходится на российскую инфраструктуру, может удвоиться по сравнению со текущим уровнем. Соответственно, это всё нужно обеспечивать инфраструктурой... мы предлагаем поддержать развитие портовой инфраструктуры в Астраханской области через наделение соответствующих территорий статусом портовой особой экономической зоны. У нас все порты, которые работают на Каспии, – и казахские, и туркменские, и азербайджанские, – они все имеют льготный налоговый режим, и поэтому здесь нам для конкуренции нужно выстраивать ровно такие же условия» [6].

Создание ОЭЗ даст большой импульс в развитии припортовой территории с точки зрения транспортной обработки грузов, их расфасовки для создания более высокой добавленной стоимости транспортируемого товара.

Из проведённого анализа видно, что транспортный комплекс Астраханской области обладает серьёзным потенциалом для развития. Это касается расширения сотрудничества с прикаспийскими и азиатскими странами в рамках МТК «Север – Юг». Создаются благоприятные условия для развития конкурентоспособного торгового маршрута и установления прочных и долговременных внешнеэкономических связей Российской Федерации с соседними странами.

Список литературы

1. Международный коридор «Север – Юг» важен для всего региона. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/01/24/mezhdunarodnyj-koridor-sever-iug-vazhen-dlia-vsego-regiona.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Титов, А. В. Управление логистическими системами: от транспортного узла до транспортно-логистического кластера / А. В. Титов, Н. Е. Гаврилина, И. А. Волынский, М. С. Курленко. – Прага : Sociosféra-CZ, 2016. – 120 с.
3. Русанов, Н. В. Волго-Каспийский морской судоходный канал – современное состояние проблемы и пути их решения / Н. В. Русанов, П. И. Бухарицин, Л. Г. Беззубиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 4. – С. 863–871.
4. Каратаева, К. Е. МТК «Север – Юг»: новые возможности или повторение старых ошибок? / К. Е. Каратаева // Проблемы национальной стратегии. – 2009. – № 1. – С. 128–147.

5. Маркелов, К. А. Черноморско-Каспийский регион: от геополитики к геоэкономике транспортных систем / К. А. Маркелов, Р. Х. Усманов, В. Г. Головин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 1 (58). – С. 74–88.

6. Путин, В. В. Совещание по вопросам социально-экономического развития Астраханской области / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60518>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. *Mezhdunarodnyy koridor "Sever – Yug" vazhen dlya vsego regiona* [The North-South international corridor is important for the entire region]. Available at: <https://rg.ru/2019/01/24/mezhdunarodnyj-koridor-sever-yug-vazhen-dlia-vsego-regiona.html>.

2. Titov A. V., Gavrilina N. Ye., Volynskiy I. A., Kurlenko M. S. *Upravlenie logisticheskimi sistemami: ot transportnogo uzla do transportno-logisticheskogo klastera* [Management of logistics systems: from a transport hub to a transport and logistics cluster]. Prague, Sociosféra-CZ Publ., 2016, 120 p.

3. Rusanov N. V., Bukharitsin P. I., Bezzubikov L. G. *Volgo-Kaspiyskiy morskoy sudokhodnyy kanal – sovremennoe sostoyanie problemy i puti ikh resheniya* [The Volga-Caspian Sea Shipping Channel - the current state of the problem and ways to solve them]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Basic Research], 2016, no. 4, pp. 863–871.

4. Karataeva K. Ye. MTK "Sever – Yug": novye vozmozhnosti ili povtorenie starykh oshibok? [International transport corridor "North – South": new opportunities or repetition of old mistakes?]. *Problemy natsionalnoy strategii* [Problems of National Strategy], 2009, no. 1, pp. 128–147.

5. Markelov K. A., Usmanov R. Kh., Golovin V. G. *Chernomorsko-Kaspiyskiy region: ot geopolitiki k geoekonomike transportnykh sistem* [The Black Sea-Caspian region: from geopolitics to geo-economics of transport systems]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2019, no. 1 (58), pp. 74–88.

6. Putin V. V. *Soveshchanie po voprosam sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Astrakhanskoj oblasti* [Meeting on the socio-economic development of the Astrakhan region]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60518>.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР «СЕВЕР – ЮГ»: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЛАНДШАФТА ЕВРАЗИИ (КЕЙС АЗЕРБАЙДЖАНА)

Косов Геннадий Владимирович, доктор политических наук, профессор
Пятигорский государственный университет
Российская Федерация, 357532, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9
E-mail: kossov1@yandex.ru

Гукасов Арсен Вячеславович, кандидат политических наук, доцент
Пятигорский государственный университет
Российская Федерация, 357532, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9
E-mail: gukasov_arsen@pgu.ru

Рассмотрены проблемы международного транспортного коридора «Север – Юг» в контексте геополитического, инфраструктурного и информационного состязания на территории Евразии. Акцентируется внимание на внешней политике современного Азербайджана в контексте проблем МТК «Север – Юг». Авторы доказывают, что решая вопросы привлечения инвестиций вне углеводородного сектора, Азербайджан сделал ставку на развитие логистически-транспортной инфраструктуры, которая позволит ему стать транзитным хабом по линии Запад – Восток и Север – Юг, что, в свою очередь, позволит реализовать одну из актуальных внешнеполитических задач по сохранению собственной стратегической автономии.

Ключевые слова: внешняя политика, Азербайджан, геополитика, геоэкономика, Евразийское пространство, международные политические процессы, международный транспортный коридор «Север – Юг»

INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDOR "NORTH – SOUTH": RETHINKING THE LANDSCAPE OF EURASIA (CASE OF AZERBAIJAN)

Kosov Gennady V., D. Sc. (Policy), Professor
Pyatigorsk State University
9 Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation
E-mail: kossov1@yandex.ru

Gukasov Arsen V., Ph. D. (Policy), Associate Professor
Pyatigorsk State University
9 Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation
E-mail: gukasov_arsen@pgu.ru

The article deals with the problems of the international transport corridor "North – South" in the context of the geopolitical, infrastructural and informational competition in the territory of Eurasia. Attention is focused on the foreign policy of modern Azerbaijan in the context of the "North – South" ITC problems. The authors argue that solving the issues of attracting investment outside the hydrocarbon sector, Azerbaijan has relied on the development of logistics and transport infrastructure, which will allow it to become a transit hub along the "West – East" and "North – South" lines, which in turn will allow to realize one of the most urgent foreign policy tasks maintaining its own strategic autonomy.

Keywords: foreign policy, Azerbaijan, geopolitics, geoeconomics, Eurasian space, international political processes, international transport corridor "North – South"

Международный транспортный коридор «Север – Юг» является мультимодальным транспортным коридором, который призван объединить железнодорожные, автомобильные и морские пути транспортировки грузов между Индией, Россией, Ираном и Европой.

Идея создания данного проекта возникла в контексте подписания Договора транспортной экспедиции между транспортно-экспедиторскими компаниями Ирана, России и Индии в 1999 г. [7]. В результате 12 сентября 2000 г. в Санкт-Петербурге данные государства подписали межправительственное соглашение, которое ознаменовало собой официальное открытие проекта [9]. Впоследствии все три государства, подписавшие данное соглашение, ратифицировали его. Оно вступило в силу 16 мая 2002 г. [20].

Международный транспортный коридор «Север – Юг» – это маршрут протяжённостью 7200 км. Он позволит сократить время доставки грузов на несколько недель, которые сегодня доставляются по следующему транзитному маршруту: через Аравийского море, Суэцкий канал в акваторию Балтийского моря.

Как официально декларируется в соглашении о международном транспортном коридоре «Север – Юг» [4], основными целями в рамках реализации данного проекта являются:

- повышение эффективности транспортных связей для организации перевозок пассажиров и товаров по международному транспортному коридору «Север – Юг»;
- содействие доступу на международный рынок услуг железнодорожного, автомобильного, морского, речного и воздушного транспорта государств-сторон соглашения;
- содействие увеличению объёмов международных перевозок пассажиров и товаров;
- обеспечение безопасности движения транспортных средств, сохранности товаров и охраны окружающей среды в соответствии с международными стандартами;
- гармонизация транспортной политики, а также правового регулирования в сфере транспорта в целях реализации настоящего соглашения;
- создание равных недискриминационных условий доступа для поставщиков транспортных услуг на различных видах транспорта при перевозках пассажиров и товаров в пределах международного транспортного коридора «Север – Юг».

Следует отметить, что практическая работа над реализацией проекта международного транспортного коридора «Север – Юг» не начиналась в течение многих лет с момента подписания основополагающих соглашений. Это происходило, главным образом, из-за введённого со стороны государств Запада (в первую очередь, США) секционного режима против Ирана, который в течение первых двух десятилетий XXI в. поэтапно ужесточался [16].

Помимо этого, существовали и другие факторы, которые служили препятствием на пути имплементации данного проекта, такие как: отсутствие необходимого финансирования, отсутствие политической воли государств-участников и т. д. Очевидно, что в совокупности это всё значительно замедлило процесс его реализации в период с 2005 по 2012 г. [15]. Тем не менее, в течение этого периода Координационный совет международного транспортного коридора «Север – Юг» провёл ряд важных совещаний, в рамках которых были обсуждены вопросы, связанные с реализацией данного проекта, а также были приняты определённые рекомендации, выдвинутые экспертными группами [15]. Так, 18 января 2012 г. в Нью-Дели состоялось совещание государств-членов международного транспортного коридора «Север – Юг», на котором обсуждались способы и методы дальнейшего продвижения данного проекта. Во время этой встречи было выдвинуто предложение вовлечь в проект другие страны (Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан и Турцию), которые являлись своего рода «недостающими звеньями» в его рамках [15].

24–25 июня 2013 г. в Баку состоялось пятое заседание Координационного совета, на котором было принято решение о том, чтобы Федерация экспедиторских ассоциаций в Индии провела пробный запуск грузов по двум маршрутам данного коридора. Это было необходимо для того, чтобы выявить наличие каких-либо проблемы на пути транспортировки товаров.

Первый маршрут пролегал из Мумбаи в Баку через порт Бендер-Аббас, в то время как второй маршрут пролегал из Мумбаи в Астрахань через порт Бендер-Аббас и далее в Тегеран через порт Бендер-Энзели. В августе 2014 г. были успешно проведены пробные прогоны по данным двум маршрутам, а результаты показали, что при их использовании транспортные расходы могут быть снижены на 2500 долл. США за 15 т груза [10].

В настоящее время в реализации проекта международного транспортного коридора «Север – Юг» участвуют Индия, Иран, Россия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Белоруссия, Таджикистан, Кыргызстан, Оман, Сирия, Турция, Украина и Болгария. Туркменистан в настоящее время не является членом данного проекта, но, вероятно, будет в определённой степени участвовать в его имплементации после того, как получил официальное приглашение от премьер-министра Индии Н. Модии [13]. Более того, другие страны, такие как Узбекистан и Германия, официально не являющиеся членами данного международного транспортного коридора, также проявляют интерес к участию в его рамках в той мере, в которой это будет выгодно всем сторонам [14].

В настоящее время ведутся официальные обсуждения по строительству специализированного грузового терминала в Казахстане и соединению железнодорожной линии «Казахстан – Туркменистан – Иран», которая была введена в эксплуатацию в декабре 2014 г., с международным транспортным коридором «Север – Юг» [5]. Очевидно, что конечной целью подобных шагов является соединения между собой Южной Азии, Центральной Азии и Южного Кавказа с помощью сети грузовых и пассажирских транспортных каналов.

8 августа 2016 г. во время трёхстороннего саммита глав государств Азербайджана, Ирана и России, который состоялся в Баку, проект международного транспортного коридора «Север – Юг» официально стартовал [6]. Следует отметить, что старт данного проекта заставил переосмыслить существующие представления о Евразии как регионе. Очевидно, что в случае успешной реализации данного проекта в рамках Евразии произойдет постепенная интеграция на всех уровнях: от местного до субрегионального, регионального, надрегионального и даже глобального. Тем не менее, главной задачей всех заинтересованных сторон, в том числе и потенциальных, должна стать координация усилий по превращению Евразии в единый функционирующий рынок. Это подразумевает и то, что все вовлечённые в данный процесс участники (государства, коммерческие структуры, региональные институты и т. д.), должны работать сообща и превратиться в активных новаторов, которые будут продвигать евразийскую интеграцию в этом контексте, а не оставаться пассивными участниками, ожидая того, что международный транспортный коридор «Север – Юг» начнёт развиваться самостоятельно.

В свою очередь, наличие очевидных экономических выгод не означает, что данный проект не столкнется с рядом политических (геополитических) проблем. Помимо прочего, следует акцентировать внимание на кардинальном изменении позиции США относительно ядерной сделки с Ираном. Очевидно, что данное обстоятельство уже создаёт и будет создавать дополнительные сложности для инвесторов и инфраструктурных компаний, в особенности, когда речь идёт об импорте оборудования для реализации конкретных проектов или организации финансирования. Несомненно, всё это может привести к значительному замедлению работы над разнообразными инфраструктурными проектами. Более того, после выхода США из ядерной сделки Япония, похоже, сократит объём собственных инвестиций в регион в целом и в Иран, в частности, несмотря на заверения Ирана в том, что помимо Вашингтона все остальные участники данной сделки продолжают придерживаться достигнутых договоренностей. Кроме того, в этом контексте усиливается давление на Индию для того, чтобы она прекратила закупать у Ирана углеводороды, что, в свою очередь, не позволит Нью-Дели реализовать совместные с Тегераном проекты, связанные с портом Чабахар, железнодорожной линией «Чабахар – Зарандж – Деларам» и международным транспортным коридором «Север – Юг» в целом [18].

Не оставляет сомнения тот факт, что в случае успешной реализации международного транспортного коридора «Север – Юг» все вовлечённые стороны получают ощутимые экономические выгоды. Тем не менее, существует вероятность того, что геополитические реалии могут сыграть более весомую роль в этом контексте, нежели экономические императивы.

Решая одну из важнейших внешнеполитических задач по сохранению собственной стратегической автономии, современный Азербайджан активно использует не только свои углеводородные ресурсы, но и геостратегическую привлекательность для европейских государств, государств Центральной Азии и Китая. Отметим, что геостратегическая привлекательность

не была бы столь актуальной при отсутствии определённой инфраструктуры (трубопроводы, железные дороги, аэропорт, морской порт).

В контексте сохранения собственной стратегической автономии инфраструктурные проекты рассматривались как гарантии того, что и Европейский союз, и Турция были, есть и будет заинтересованными в сохранении Азербайджаном суверенитета акторами.

Азербайджан, расширяя свою инвестиционную привлекательность и решая задачи по снижению зависимости от углеводородов, принял активное участие в создании инфраструктуры «коридора» «Восток – Запад»: это железная дорога Баку – Тбилиси – Карс, которая наряду с нефтепроводом Баку – Тбилиси – Джейхан, проектом Южного газотранспортного коридора позиционируется как главный важный элемент возрождаемого Великого шёлкового пути.

Подчеркнём, что Казахстан выступил с идеей стыковки своей сети железных дорог с дорогой Баку – Тбилиси – Карс. Представляется, что возникающий железнодорожный коридор заинтересует Китай как дополнительную ветку (страховку) для наращивания / диверсификации экспорта в Европу.

Очередными проектами в рамках коридора «Восток – Запад» являются проект межгосударственной транспортировки нефти и газа в Европу (INOGATE) и TRACECA.

Стремясь избежать втягивания в «конкурирующие военно-политические блоки», Азербайджан не только декларирует, но и реально осуществляет политику «избирательного участия в региональных проектах по развитию торговли и транзита». Так, например, 13 мая 2019 г. «в Анкаре прошла встреча глав железнодорожных компаний России, Турции и Азербайджана, в ходе которой был подписан меморандум о развитии железнодорожных перевозок в рамках проекта Баку-Тбилиси-Карс», что вызвало недовольство грузинской стороны [2]. Хотя главная цель магистрали БТК – увеличение объёма грузопотока между Турцией и Центральной Азией, но диверсификация внешней политики Азербайджана привела к появлению новых транспортных маршрутов по линии Турция – Российская Федерация [17]. Подчеркнём, что участие Азербайджана в инфраструктурных проектах коридора «Восток – Запад» позволило ему и повысить геополитическую значимость, и стать достаточно влиятельным фактором в регионе.

Желание руководства республики утвердить Азербайджан в роли регионального транспортного регионального хаба [11] привело к тому, что к потенциалу маршрута «Запад – Восток» активно добавляется потенциал международного транспортного коридора «Север – Юг». Отметим, что проект МТК «Север – Юг» позволяет Республике Азербайджан приобрести статус посредника, соединяющего Индийский океан, Персидский залив и Каспийское море и т. д., через территорию Российской Федерации (по Волге) с Северной Европой.

Подчеркнём ещё раз, что не только желание Азербайджана участвовать в проектах «Запад – Восток» и «Север – Юг», но и конкретные мероприятия по созданию транспортной транзитной инфраструктуры отвечают поставленной внешнеполитической задаче сохранения стратегической автономии в условиях ухудшающихся отношений между Россией и Западом. Кроме того, стремление занять, сохранить и использовать ключевую роль в этих транзитных маршрутах позволяет Азербайджану оставаться равноудалённым от конкретных интеграционных проектов и экономических блоков.

В контексте идеи создания регионального транспортного транзитного хаба по линии «Север – Юг» и «Запад – Восток» необходимо рассматривать Бакинский международный морской порт (Алят), пропускная способность которого составляет 18 млн т, при том, что есть задел по увеличению объёма грузопотока до 25 млн т [3].

Модернизация международного аэропорта в Баку, его выгодное географическое положение (по статистике, 45 стран находятся примерно в 3,5 ч лёта от республики) делает его привлекательным как грузовым, так и пассажирским транзитным пунктом. Так, с 1996 по 2017 г. количество международных пассажиров и грузов, использующих азербайджанское воздушное пространство и ресурсы аэропорта, возросло примерно в 1, 5 и 8,5 раз соответственно [19]. По мнению экспертов, главными препятствиями для Азербайджана в этом процессе являются: коррупция, таможенные тарифы [12], геополитическая фрагментация Южного Кавказа, сложности в отношениях между Азербайджаном и Ираном.

По нашему мнению, ухудшающиеся отношения между Азербайджаном и Ираном затрудняют реализацию проекта МТК «Север – Юг». Это неизбежно приведёт к тому, что будет поставлен вопрос о минимизации участия или игнорировании Азербайджана в нём. С одной стороны, это выгодно России, которая может замкнуть на себе большую часть грузопотока,

а с другой – возникают угрозы для России, связанные с возможной потерей своего влияния на Южном Кавказе, с проигрышем в борьбе за грузопоток по линии «Восток – Запад». В связи с этим Российской Федерации необходимо, во-первых, более активно встраиваться в функционирование уже существующих транспортных коридоров. Положительным опытом стал недавно подписанный меморандум между Турцией, Азербайджаном и Россией о развитии железнодорожных перевозок в рамках проекта «Баку – Тбилиси – Карс» [2]. Во-вторых, актуализировать существующие и создать новые транспортно-логистические комплексы, о чём говорил Президент России В. В. Путин 15 мая 2019 г. в Ахтубинске [1]. Кроме этого необходимо решить вопросы с тарифами, таможенными процедурами, страхованием грузов.

Подводя итог, можно констатировать следующее: прослеживается явный вектор на обретение Азербайджаном статуса регионального транзитного хаба; стремление к диверсификации и параллельному участию в реализации идей транспортного коридора «Север – Юг» и созданию транспортно-логистической инфраструктуры по линии «Восток – Запад»; совмещение потенциала этих двух потоков в рамках одного транспортного хаба (например, международный морской порт, международный аэропорт); превращение Азербайджана в активного актора на евразийском ландшафте (хотя, в настоящее время нет чётких гарантий того, что Азербайджан сможет обрести данный статус). Всё это открывает перед Республикой Азербайджан перспективы диверсификации экономики и поддержания собственной стратегической автономии.

Список литературы

1. Белкин, А. Путин призвал наладить работу порта Оля на полную мощь / А. Белкин. – Режим доступа: <http://news.ivist.kz/151226809-putin-prizval-naladit-rabotu-porta-olya-na-polnuyu-mosch>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Грузия недовольна: Турция и Азербайджан договорились с Россией за ее спиной. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/2627063.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Новый порт в Аляте. – Режим доступа: <http://portofbaku.com/ru/The-New-Port-in-Alat>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Соглашение о международном транспортном коридоре «Север – Юг». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901828641>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. 5 successful Outcomes from NaMo's Central Asia Trip Strategy. – Режим доступа: <http://agriexchange.apeda.gov.in/news/Newssearch.aspx?newsid=20475&Date=15Jul2015>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
6. An Overview of the Azerbaijan-Iran-Russia Trilateral Summit in Baku. – Режим доступа: <https://www.memri.org/reports/overviewazerbaijan-iran-russia-trilateral-summit-baku>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
7. Bokarev D. North-South Transport Corridor: Russia is Expanding its Footprint in Asia. – Режим доступа: <https://journal-neo.org/2016/12/30/north-south-transport-corridor-russia-is-expanding-its-footprint-in-asia>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
8. Germany Voices Interest in North-South Corridor. – Режим доступа: <https://www.presstv.com/Detail/2016/10/28/491110/INSTC-gets-shot-in-arm-by-Germany>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
9. International North-South Transportation Corridor. – Режим доступа: <http://instcorridor.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
10. INSTC Conference-India 2015 “Exploring Opportunities on the INSTC”. – Режим доступа: https://commerce.gov.in/writereaddata/uploadedfile/MOC_635986655921421162_INSTC_Conference_Report_Final.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
11. İlham Aliyev: Azerbaijan Becoming Transportation Hub. – Режим доступа: <https://en.trend.az/azerbaijan/business/2391127.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
12. Index of Economic Freedom – Azerbaijan. – Режим доступа: <https://www.heritage.org/index/country/azerbaijan>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
13. Joint Statement Between Turkmenistan and India During the Prime Minister's Visit to Turkmenistan. – Режим доступа: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/25456/Joint_Statement_between_Turkmenistan_and_India_during_the_Prime_Ministers_visit_to_Turkmenistan, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
14. Jha, Sh. In Central Asia, Modi Jump-Starts India's "Look North" Strategy / Sh. Jha. – Режим доступа: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/16243/in-central-asia-modi-jump-starts-india-s-look-north-strategy>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
15. Roy, M. S. International North-South Transport Corridor: Reenergising India's Gateway to Eurasia / M. S. Roy. – Режим доступа: https://idsa.in/issuebrief/InternationalNorthSouthTransportCorridor_msroy_180815, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
16. Sabatini, R. Economic Sanctions: Pressuring Iran's Nuclear Program / R. Sabatini. – Режим доступа: <http://npsglobal.org/eng/component/content/article/147-articles/872-economic-sanctions-pressuring-irans-nuclear-program.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

17. Shahbazov, F. *Baku-Tbilisi-Kars Railway to Become Central Asia's Gateway to Europe*. – Режим доступа: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13486-baku-tbilisi-kars-railway-to-become-central-asias-gateway-to-europe.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
18. Chandra, P. *How Chabahar Can Be Pivotal to The North-South Transport Corridor* / P. Chandra. – Режим доступа: <https://sniwire.com/west-asia/how-chabahar-can-be-pivotal-to-the-north-south-transport-corridor/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
19. *Transport in Azerbaijan – Air Transport*. – Режим доступа: <https://www.stat.gov.az/source/transport/?lang=en>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
20. Volkhonsky, B. *North-South Transport Corridor Begins Functioning* / B. Volkhonsky. – Режим доступа: https://www.rbth.com/blogs/the_outsiders_insight/2016/12/12/long-awaited-north-south-corridor-close-to-launch_655489, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

References

1. Belkin A. *Putin prizval naladit rabotu porta Olya na polnuyu moshch* [Putin called for the port to become operational at full capacity]. Available at: <http://news.ivist.kz/151226809-putin-prizval-naladit-rabotu-porta-olya-na-polnuyu-mosch>.
2. *Gruziya nedovolna: Turtsiya i Azerbaydzhan dogovorilis s Rossiey za ee spinoy* [Georgia is unhappy: Turkey and Azerbaijan have agreed with Russia behind her]. Available at: <https://regnum.ru/news/economy/2627063.html>.
3. *Novyy port v Alyate* [The new port in Alat]. Available at: <http://portofbaku.com/ru/The-New-Port-in-Alat>.
4. *Soglashenie o mezhdunarodnom transportnom koridore "Sever – Yug"* [Agreement on the North-South international transport corridor]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901828641>.
5. *5 successful Outcomes from NaMo's Central Asia Trip Strategy*. Available at: <http://agriexchange.apeda.gov.in/news/Newssearch.aspx?newsid=20475&Date=15Jul2015>.
6. *An Overview of the Azerbaijan-Iran-Russia Trilateral Summit in Baku*. Available at: <https://www.memri.org/reports/overviewazerbaijan-iran-russia-trilateral-summit-baku>.
7. Bokarev D. *North-South Transport Corridor: Russia is Expanding its Footprint in Asia*. Available at: <https://journal-neo.org/2016/12/30/north-south-transport-corridor-russia-is-expanding-its-footprint-in-asia>.
8. *Germany Voices Interest in North-South Corridor*. Available at: <https://www.pressstv.com/Detail/2016/10/28/491110/INSTC-gets-shot-in-arm-by-Germany>.
9. *International North-South Transportation Corridor*. Available at: <http://instcorridor.com>.
10. *INSTC Conference-India 2015 "Exploring Opportunities on the INSTC"*. Available at: https://commerce.gov.in/writereaddata/uploadedfile/MOC_635986655921421162_INSTC_Conference_Report_Final.pdf.
11. *Ilham Aliyev: Azerbaijan Becoming Transportation Hub*. Available at: <https://en.trend.az/azerbaijan/business/2391127.html>.
12. *Index of Economic Freedom – Azerbaijan*. Available at: <https://www.heritage.org/index/country/azerbaijan>.
13. *Joint Statement Between Turkmenistan and India During the Prime Minister's Visit to Turkmenistan*. Available at: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/25456/Joint_Statement_between_Turkmenistan_and_India_during_the_Prime_Ministers_visit_to_Turkmenistan.
14. Jha Sh. *In Central Asia, Modi Jump-Starts India's "Look North" Strategy*. Available at: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/16243/in-central-asia-modi-jump-starts-india-s-look-north-strategy>.
15. Roy M. S. *International North-South Transport Corridor: Reenergising India's Gateway to Eurasia*. Available at: https://idsa.in/issuebrief/InternationalNorthSouthTransportCorridor_msroy_180815.
16. Sabatini R. *Economic Sanctions: Pressuring Iran's Nuclear Program*. Available at: <http://npsglobal.org/eng/component/content/article/147-articles/872-economic-sanctions-pressuring-irans-nuclear-program.html>.
17. Shahbazov F. *Baku-Tbilisi-Kars Railway to Become Central Asia's Gateway to Europe*. Available at: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13486-baku-tbilisi-kars-railway-to-become-central-asias-gateway-to-europe.html>.
18. Chandra P. *How Chabahar Can Be Pivotal to The North-South Transport Corridor*. Available at: <https://sniwire.com/west-asia/how-chabahar-can-be-pivotal-to-the-north-south-transport-corridor/>.
19. *Transport in Azerbaijan – Air Transport*. Available at: <https://www.stat.gov.az/source/transport/?lang=en>.
20. Volkhonsky B. *North-South Transport Corridor Begins Functioning*. Available at: https://www.rbth.com/blogs/the_outsiders_insight/2016/12/12/long-awaited-north-south-corridor-close-to-launch_655489.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЫ

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент
Каспийский институт морского и речного транспорта
Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Никольская, 6/14
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Ещё в 2005 г. Й. Бухштайнер в книге «Час азиатов. Как вытесняется Европа», демонстрировал, как Европа шаг за шагом может быть уничтожена за счёт повышения активности населения из стран Востока в Европе и во всём мире. По мнению автора, такие особенности менталитета, как активность, уверенность, решимость, могут способствовать тому, что азиаты в скором времени захватят Европу, которая, в свою очередь, не готова к такому исходу событий. Сегодня пророчества Бухштайнера не раз сбываются, свидетельством тому является реализация крупнейшего инфраструктурного проекта «Новый шёлковый путь». О перспективах данного проекта в сфере экономики и геополитики для Китая и Европы, повествует данная статья

Ключевые слова: евразийский вектор, Западная Европа, Евросоюз, внешняя политика, логистика, торговля, конкуренция, угрозы, национальная безопасность

EURASIAN VECTOR IN EUROPEAN FOREIGN POLICY

Lebedeva Irena V., Ph. D. (Sociology), Associate Professor
Caspian Institute of Sea and River Transport
6/14 Nikolskaya St., Astrakhan, 414000, Russian Federation
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Back in 2005, J. Buchsteiner in the book "Hour of Asians. How Europe is being supplanted" demonstrated how, step by step, Europe can be destroyed by increasing the activity of the population from the countries of the East, both in Europe and around the world. According to the author, such features of mentality as activity, confidence, determination can contribute to the fact that Asians will soon seize Europe, which, in turn, is not ready for such an outcome of events. Today, Buchsteiner's prophecies are being fulfilled and the evidence of this is the implementation of the largest infrastructure project, the New Silk Road. The given article is about the prospects of this project in the field of economics and geopolitics for both China and Europe.

Keywords: Eurasian vector, Western Europe, the European Union, foreign policy, logistics, trade, competition, threats, national security

«Час азиатов. Как вытесняется Европа» – название этой книги стало пророческим, однако в 2005 г., когда Йохен Бухштайнер выпустил свой бестселлер, мало кто верил в его предсказания. Основная мысль, выраженная в работе Бухштайнера: Европа не готова к изменениям, которые произойдут в ближайшем будущем. Автор утверждает, что «Азия меняется, а вместе с ней и мир. Приход Китая к власти и быстрое пробуждение Индии, оружие массового уничтожения Северной Кореи – это лишь некоторые из способов, с помощью которых регион бросает нам вызов: не только в экономическом, но и в политическом плане. У Азии есть то, что мы потеряли: уверенность, амбиции, рост» [1]. Книга заканчивается тревожным тезисом: Европа не готова к миру завтрашнего дня и вскоре может медленно отойти в сторону. Однако в 2005 г. европейская общественность обсуждала другие проблемы, большинство авторов и значительная часть населения были обеспокоены перспективой исламизации Европы. Особенно актуально вопрос угрозы со стороны мусульманского населения Европы встал после публикации книги Тило Саррацина «Германия самоликвидируется» в 2010 г. О популярности данного издания говорят следующие факты: с момента выхода бестселлера в свет и по 2012 г. было продано полтора миллиона экземпляров, также с момента поступления в продажу и в течение двадцати одной недели книга занимала первое место в списке бестселлеров издательства «Шпигель». Бестселлер Саррацина даёт вполне обоснованный и печальный прогноз развития социальной ситуации в Германии, как следствие – падение рождаемости и большого притока мигрантов-мусульман, практически не способных к интеграции. «Я не хочу, чтобы страна, где будут жить мои внуки и правнуки, – пишет политик, – стала большей частью мусульманской, чтобы в ней повсюду говорили по-турецки и по-арабски, женщины ходили в платках, а ритм жизни определялся бы призывом муэдзина» [5]. Книга Хайнца Бушковского, бургомистра одного из мигрантских районов Берлина, под названием «Нойкёлльн повсюду» [2] также является продолжением дискуссий на тему сложностей интеграции турецких мигрантов и исламизации Германии. Проблема турецких мигрантов и сложностей мультикультурализма в Германии рассматривается в книге немецкого автора турецкого происхождения Неклы Келек «Хаос культур. Дебаты вокруг ислама и интеграции» [3].

В 2014 г. в Европу направились массы мигрантов из Сирии, а вместе с ними ехали все, кто считал возможным начать новую жизнь в новой стране, поскольку многие страны Европы

охотно принимали мигрантов из зон военных конфликтов, предоставляя им всё необходимое, в надежде на то, что в ближайшем будущем страна сможет пополнить нехватку трудовых ресурсов при помощи этих мигрантов. Однако большинство беженцев оказались неспособными к быстрой интеграции, не проявили желание интегрироваться в новое сообщество и признавать культуру принимающих их стран. Также они были необразованы и не желали изучать новый язык. Всё это обернулось большими расходами для стран Европы и сомнительной надеждой на какую-либо отдачу в будущем. Германия приняла самое большое количество беженцев за последнее время, именно поэтому немецкая общественность обеспокоена данной проблемой больше всех. Значительной количество исследований и публикаций по проблеме миграции в Европе написано немецкими авторами. Проблемы, вызванные последней волной миграции, особенно ярко описывались в книгах Удо Ульфкотте. Одной из самых сенсационных книг Удо Ульфкотте была работа под названием «Индустрия беженцев. Как политики, журналисты и социальные объединения получают выгоду от потока беженцев». Первая глава книги под названием «Наживать богатство на бедности» рассказывает читателю о новых технологиях обогащения политической и экономической элиты Германии. По словам автора, «Раньше войны велись при помощи классического оружия и солдат. Сегодня войны ведутся невидимым оружием, а именно потоками мигрантов» [6, S. 9]. Ульфкотте также обращает внимание читателя на то, что «массы мигрантов с Ближнего Востока и Африки целенаправленно используются для разрушения продуктивных европейских государств на долгие годы» [6, S. 10]. Такое поведение правящей элиты и средств массовой информации, поддерживающих политику руководства страны, является пагубным для коренного населения и ставит под угрозу как их безопасность в прямом смысле, так и национальную культуру в той форме, как она существует сегодня. Действительно, реальные проблемы, возникающие у населения принимающей страны вследствие неконтролируемого притока мигрантов из стран Африки и Востока, о которых зачастую замалчивается в средствах массовой информации, ставят под угрозу не только безопасность коренного населения, но и провоцируют разрушение базовых национальных культурных ценностей. Целые кварталы беженцев, стремительно растущие в крупных европейских городах, нарушают исторически сложившуюся культурную идентичность местности, а сами беженцы становятся неотъемлемой частью вновь сформированного сообщества, несущего в себе элементы нескольких культур.

Книга, написанная Петром Орzechовски, стала своего рода продолжением темы, затронутой его предшественниками. Автор пишет: «Третья мировая война уже началась. На многих полях сражений война уже бушует в полную силу: в глобальной экономике, на биржах и в банках, в виртуальном мире, а также по телевидению и в газетах... у нас всё ещё складывается впечатление, что речь идёт о виртуальном мире. Но это не так» [4].

На фоне столь сложной социальной обстановки в Европе возникают новые угрозы, вызванные ростом могущества стран Азии. Здесь невольно вспоминается работа Бухштайна с его пророчествами, о которой уже давно забыли на фоне ярких и шумных историй с угрозой исламизации и неконтролируемого потока беженцев. О возможностях господства Китая в Европе стали активно говорить в контексте возрождения Великого шёлкового пути. «Новый шёлковый путь» с официальным названием «Один пояс, один путь» ставит целью создание межконтинентальной сети инфраструктуры между Китаем, Азией, Европой и некоторыми африканскими странами. Уже сегодня эксперты утверждают, что это крупнейший инфраструктурный проект в мире и что «Такого не было со времен строительства Великой стены» [7].

Новый китайский инфраструктурный проект «Шёлковый путь» вызывает и надежду, и беспокойство, пишет австрийская газета «Der Standard». Поэтому австрийские эксперты придерживаются мнения, что Китай в ходе реализации своего проекта может настроить европейские страны друг против друга. «Шёлковый путь реализуется в любом случае, так или иначе; единственный вопрос заключается в том, хотим ли мы, скажем, принимать решения совместно с китайской стороной в каком направлении будет двигаться этот проект, или только Китай будет задавать тон», – сказал Вольфрам Зенгер-Вайс, президент немецкой транспортно-логистической ассоциации в интервью новостному изданию «Стандарт». Он отметил, что Китай уже достиг прогресса в реализации проекта. Греческий порт Пирей находился под управлением китайской государственной компании. Рядом с портом Марсель был создан крупный центр обработки текстиля. Пекин также финансирует расширение железнодорожной линии Белград – Будапешт. Однако Зенгер-Вайс считает, что на этот процесс всё ещё можно оказывать влияние. Центральная ассоциация экспедирования и логистики обратилась к федеральному

канцлеру Себастьяну Курцу с просьбой принять участие в обсуждениях проекта «Новый шёлковый путь». Одновременно это даёт возможность подумать о роли Австрии как центра международной торговли [9].

Пекин планирует инвестировать один миллиард долларов в развитие Центральной и Восточной Европы. Об этом заявил премьер-министр Китая Ли Кэцян на саммите «Китай – Ближний Восток – Европа» (16 + 1) в Будапеште. Это создало бы ось власти в качестве противовеса США, считает российский экономист Никита Исаев. Исаев сообщил portalу *ruconomics*: миллиард инвестиций для развития Центральной и Восточной Европы – это далеко не всё, что Пекин предлагает странам региона. Участники саммита также хотели создать совместную банковскую сеть, на которую китайский банк развития выделит ещё два миллиарда. Исаев указал, что тот факт, что Китай хочет таким образом поддержать финансовую систему Восточной Европы и Европы в целом, уже не является сюрпризом: «Пекин уже инвестировал в проект “Новый шёлковый путь” и страны Европы (его крупнейший рынок сбыта) всего 300 миллиардов долларов. К 2025 году китайские инвестиции увеличатся до одного триллиона долларов».

Немаловажным фактом является также то, что сегодня китайский средний класс насчитывает около триста миллионов человек (общая численность населения республики составляет 1,3 миллиарда человек) и является самой важной силой экономического развития в мире. Можно также утверждать, что китайский рабочий класс ещё важнее, потому что он производит продукты, которые заполняют склады и прилавки по всему миру. Однако, по оценкам экспертов, триста миллионов китайских потребителей составляют около трети всего мирового среднего класса. И эти люди – потребители – ходят по магазинам перед праздником и покупают только французскую говядину, немецкое пиво и скандинавскую рыбу. Исследование, проведённое в небольшом китайском городке, показало, что импорт Китая из Греции только за последние годы вырос на 40 процентов. Товары из Европы доставляются в Китай тысячами и тысячами поездов, а также самолетами. Многие китайцы почти не ходят по магазинам и предпочитают онлайн-шопинг. В 2017 г. сумма, затраченная на импортные товары, составила 8,76 миллиарда долларов. Этот импорт не наносит ущерба экономике и торговому балансу Народной Республики, в последнее время власти снизили ввозные пошлины на многие товары иностранного производства. Внутреннее потребление, а не экспорт и инвестиции, обеспечили 58,8 процента валового внутреннего продукта Китая. Государственное руководство приложило большие усилия для перехода от экспорта к внутреннему потреблению и добилось успеха. Сегодня китайцы отмечают, что одно только празднование китайского Нового года вносит огромный вклад в мировой ВВП [11].

В контексте вышеперечисленного понятно, почему важнейшей задачей США в обеспечении безопасности является устранение угроз со стороны Китая, а не России. Об этом рассказал глава ЦРУ Майк Помпео в интервью американскому онлайн-порталу «Вашингтонский маяк». По словам Помпео, Россия и Иран могут стать серьёзными проблемами в будущем. Но Китай уже представляет угрозу из-за его стабильной экономики и растущей военной мощи, которая направлена на противодействие США. «Я думаю, что у Китая есть шанс серьёзно конкурировать с США в среднесрочной и долгосрочной перспективе», – сказал Помпео в интервью. Глава ЦРУ также сказал, что Китай очень активно занимается поиском технологий. «Они пытаются украсть наши разработки или пытаются уничтожить их. Но в основном они делают и то, и другое», – утверждает Помпео [12].

Сегодня Китай инвестирует в Европу даже больше, чем когда-то это делали Соединённые Штаты с помощью своего плана Маршалла. Причины этой заинтересованности очевидны: Китай осознаёт, что ему нужны союзники для противостояния США. Одного альянса с Россией для Китая недостаточно. Экономика России сравнительно невелика, особенно в связи с проводимой санкционной политикой в отношении России. В Европе Китай видит не только рынок сбыта, но и важный политический центр, «который также сигнализирует о желании дистанцироваться от США. Вот почему Китай ведёт переговоры по всем важным направлениям: банковское дело, сырьевые товары, торговля, IT-технологии, военное дело, геополитика ... Китай будет инвестировать ещё больше средств в широкий спектр отраслей. Если однажды миру понадобятся большие геополитические группировки, у коалиции Китая и Европы есть хорошие шансы» [10].

В любом случае, Европа также заинтересована в этом: «Китай сегодня является единственным противовесом США в мировой политике. Если Россия также присоединится к этому альянсу, то ось Берлин – Москва – Пекин станет крупнейшим геополитическим центром в противовес Соединённым Штатам, которые были таковыми во второй половине 20-го века», –

сказал эксперт. «Начиная с войны в Персидском заливе, последующей арабской весны и последующих неуклюжих шагов против своих союзников, Вашингтон утратил свои позиции» [10].

«Индия и Китай борются за влияние в Иране и Центральной Азии» – под таким названием вышла статья в журнале «Азиатское обозрение Никкэй». Её авторы утверждают что «великая игра» за влияние в Азии между этими странами началась ещё в XIX в. Каждый из участников борется за возможность устанавливать порядок в регионе. Борьба за влияние разворачивается, начиная со стран Индийского океана, таких как Мальдивы и Шри-Ланка, и распространяется до запада, к странам Арабского моря, Центральной Азии и Ирану. Потенциал Китая привязан к проекту «Новый шёлковый путь», который представляет собой объединение проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского шёлкового пути XXI века». Индия рассчитывает укрепить своё влияние за счёт строительства и запуска транспортного коридора «Север – Юг». По словам министра внешних дел Индии Sushma Swaraj, запуск транспортного коридора «Север – Юг» позволят сократить расходы на доставку товаров (по времени и стоимости) от 30 до 40 %. По оценкам Японской внешнеторговой организации, новый транспортный коридор сократит время в пути от Мумбаи до Москвы до 20 дней [8].

В это перетягивание каната между Китаем и Индией невольно ввязаны страны, лежащие на пути этих транспортных коридоров. Они также извлекают свои выгоды, но при этом находятся в сложном положении, поскольку путь этих коридоров имеет общие точки пересечения, как, например, в случае с Ираном, который готов принимать инвестиции со стороны Индии, одновременно с этим являясь партнёром Китая по поставкам нефти. Китайская инициатива «Новый шёлковый путь», превратила многие страны в своих экономических должников, особенно такие, которые бедны экономически и ресурсами: Кыргызстан и Таджикистан. В свою очередь, Китай может потребовать от своих должников обеспечение безопасности и экономическое сотрудничество.

По словам авторов, Россия также обеспокоена зависимостью от Китая, несмотря на давние и стабильные связи. Ухудшающиеся отношения Москвы с Европой и США только усиливают значимость экономических и других связей с Ираном и Индией. Путин объявил коридор «Север – Юг» ведущим проектом.

Руководитель железной дороги Азербайджана Джавид Гурбанов заявил в интервью журналистам «Азиатское обозрение Никкэй», что поиски новых путей Индией и Китаем для экспорта товаров представляет собой большое преимущество для нашей страны, и очень хорошо, что есть альтернативные маршруты, всем нужны дополнительные пути, никто не хочет зависеть от одного маршрута. Японские журналисты утверждают, что во всей этой борьбе между Индией и Китаем вопросом икс остаётся положение Ирана в связи с санкциями, назвав эту ситуацию «самой великой игрой XXI века».

Список литературы

1. Buchsteiner, J. Die Stunde der Asiaten: Wie Europa verdrängt wird / J. Buchsteiner. – Rowohlt Verlag, 2005. – 208 S.
2. Buschkowsky, H. Neukölln ist überall / H. Buschkowsky. – Ullstein, 2013. – 462 S.
3. Kelek, N. Chaos der Kulturen: Die Debatte um Islam und Integration / N. Kelek. – KiWi-Taschenbuch, 2012. – 256 S.
4. Orzechowski, P. Der direkte Weg in der „Dritten Weltkrieg“. Wie USA und NATO mit Terror, Migration und Chaos eine neue Welt schaffen / P. Orzechowski. – Kopp Verlag, 2016. – 285 S.
5. Sarrazin, T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen / T. Sarrazin. – Verlag DVA, 2010. – 464 S.
6. Ulfkotte U. Die Asylindustrie... Wie Politiker, Journalisten und Sozialverbände von der Flüchtlingswelle profitieren. – Kopp Verlag, 2015. – 272 S.
7. Größtes Infrastrukturprojekt der Welt: China will Eurasien und Afrika verbinden. – Режим доступа: <https://de.sputniknews.com/wirtschaft/20180307319840992-seidenstrasse-handel-ober/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
8. India and China jostle for influence in Iran and Central Asia. – Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/India-and-China-jostle-for-influence-in-Iran-and-Central-Asia>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
9. Neue „Silk Road“: Wie China Europa spalten kann – Medien. – Режим доступа: <https://de.sputniknews.com/politik/20180808321883176-china-europa-silk-road-spalten/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
10. Berlin-Moskau-Peking: China stützt künftige Machtachse mit Milliarden. – Режим доступа: <https://de.sputniknews.com/wirtschaft/20171128318476997-berlin-moskau-pekings-achse/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.

11. Wie China die Formel zur garantierten Vernichtung der USA fand. – Режим доступа: <https://de.sputniknews.com/wirtschaft/20180220319639949-china-reformen-entwicklung/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.

12. CIA-Chef bezeichnet China als Hauptbedrohung für USA. – Режим доступа: <https://de.sputniknews.com/politik/20170726316764639-pompeo-china-bedrohung/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.

References

1. Buchsteiner J. *The Hour of the Asians: How to oust Europe*. Rowholt Verlag Publ., 2005, 208 p.
2. Buschkowsky H. *Neukölln is everywhere*. Ullstein, 2013, 462 p.
3. Kelek N. *Chaos of Cultures: The Debate on Islam and Integration*. KiWi Paperback Publ., 2012, 256 p.
4. Orzechowski P. *The direct path in the "Third World War". How US and NATO create a new world with terror, migration and chaos*. Kopp Verlag Publ., 2016, 285 p.
5. Sarrazin T. *Germany gets away. How we risk our country*. DVA Publ., 2010, 464 p.
6. Ulfkotte U. *The Asylindustrie ... How politicians, journalists and social organizations benefit from the wave of refugees*. Kopp Verlag, 2015, 272 p.
7. *Largest infrastructure project in the world: China wants to connect Eurasia and Africa*. Available at: <https://en.sputniknews.com/wirtschaft/20180307319840992-seidenstrasse-handel-abor/>.
8. *India and China jostle for influence in Iran and Central Asia*. Available at: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/India-and-China-jostle-for-influence-in-Iran-and-Central-Asia>.
9. *New Silk Road: How China Can Split Europe – Media*. Available at: <https://en.sputniknews.com/politik/20180808321883176-china-europa-silk-road-spalten/>.
10. *Berlin-Moscow-Beijing: China supports future power axis with billions*. Available at: <https://en.sputniknews.com/wirtschaft/20171128318476997-berlin-moskau-pekings-achsel/>.
11. *How China found the formula for the guaranteed annihilation of the United States*. Available at: <https://en.sputniknews.com/wirtschaft/20180220319639949-china-reforms-development/>.
12. *CIA chief describes China as the main threat to the US*. Available at: <https://en.sputniknews.com/politik/20170726316764639-pompeo-china-threat>.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР «СЕВЕР – ЮГ»: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор
Ульяновский государственный университет
Российская Федерация, 432000, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42
E-mail: armagomedov@gmail.com

Рассматривается место международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» в контексте стремительно меняющейся Евразии. Роль и значение данного проекта исследуется на глобальном, национальном и региональном уровнях. Автор доказывает, что убедительное рекламное-информационное продвижение этого проекта может показать его бесспорную значимость для России и для всех каспийских государств. Особое место в реализации данного проекта принадлежит Астрахани с её транспортно-коммуникационными, географическими и образовательными преимуществами.

Ключевые слова: транспортные коридоры, проект «Север – Юг», российские интересы, роль Астрахани

INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDOR "NORTH – SOUTH": GEOPOLITICAL, NATIONAL AND REGIONAL DIMENSIONS

Magomedov Arbakhan K., D. Sc. (Policy), Professor
Ulyanovsk State University
2, L. Tolstogo St., Ulyanovsk, 432000, Russian Federation
e-mail: armagomedov@gmail.com

The article consider the current position of international transport corridor "North – South" in context of changing Eurasia. The role and importance of this project examines on the global, national and regional levels. The author argues that convincing advertising and informational promotion of this project can show its indisputable importance for Russia and for all Caspian states. A special place in the implementation of this project belongs to Astrakhan with its transport and communication, geographical and educational advantages.

Keywords: transport corridors, "North – South" project, Russian interests, the role of Astrakhan

Геополитический ракурс проблемы. 1. Сегодня Евразия становится полем для реализации масштабных инфраструктурных проектов. Специалисты даже назвали этот перелом новой версией «Большой игры» XXI-го столетия. Эта метафора родилась под впечатлением китайского проекта «Один пояс – один путь». Однако никто в Евразии не согласен с тем, что строительство

инфраструктуры в Евразии является прерогативой одного лишь Китая. Наряду с Китаем собственной программой развития объектов инфраструктуры располагают Россия, Индия, Иран, Турция и другие страны. Сегодня инфраструктурные проекты становятся похожими на бренды национальных авиакомпаний или футбольных клубов: каждое уважающее себя государство нуждается хотя бы в одном из них. Интересные процессы происходят в рамках Каспийского региона, где каждая из прибрежных государств старается выдвинуть собственный транспортный маршрут. Азербайджан является инициатором транскаспийского торгово-транспортного коридора «Восток – Запад», главным звеном которого стал национальный порт Алят. Другой транскаспийский транспортный проект – так называемый «Лазуритовый коридор» – объединяет Туркмению и Афганистан с Азербайджаном, Грузией, Турцией в плане перевозки грузов, в т. ч. военных. Грузия стремительными темпами строит порт Анаклия на черноморском побережье, который задумывается как важный пункт, связывающий Евросоюз с Кавказом [1].

2. Что подталкивает Россию снова к коридору «Север – Юг» (транспортный проект, проходящий через Каспийское море и изначально включающий в себя такие страны, как Индия – Иран – Россия – государства Скандинавии)? Продуманная стратегия или отчаяние не успеть к строительству большой евразийской инфраструктуры (особенно в контексте китайского мегапроекта «Один пояс – один путь», и множества упомянутых локальных «коридоров»)? Почему популярный в начале 2000-х гг. и забытый позже проект «Север – Юг» востребован вновь? Или актуальность данного проекта объясняется военно-стратегическими соображениями в контексте усиления России в южных морях как дополнение к азовско-черноморско-средиземноморскому направлению?

3. Что может предложить сегодня Россия потенциальным партнёрам по проекту, кроме привычных аргументов безопасности и «борьбы с международным терроризмом»? Какие обстоятельства могут играть на руку России в реализации коридора «Север – Юг»? Когда преследуются, главным образом, политические цели (мало кто сомневается в геополитическом значении китайского мегапроекта), обычной является практика заключения дорогостоящих проектов, не имеющих особого коммерческого смысла. Именно это характеризует китайский инфраструктурный мегапроект (отсутствие озабоченности коммерческой стороной дела), что порождает тревогу в отношении стратегических намерений Пекина. Чем может воспользоваться в данном контексте Россия? В первую очередь, страхом многих стран Евразии (от Индии до Ирана) перед лицом китайской идеи «Великого шёлкового пути». По данным японской газеты «Дипломат», страны Большой Евразии воспринимают китайский проект с разной степенью энтузиазма и осторожности [2].

Как уже отмечалось выше, у каждой из них есть свой собственный проект развития инфраструктуры, которые с разной степенью интенсивности либо сопрягаются, либо конкурируют с китайским. Что касается проекта «Север – Юг», то у него есть важная черта: равноудалённость от китайской супер-идеи, при этом он не сравним с китайским. В первую очередь, Россия может воспользоваться возражениям Индии и Японии проекту «Один пояс – один путь». Последнее обусловлено стремлением Индии противостоять будущему сценарию доминирования Китая в Азии. Китайское строительство порта в Шри-Ланке рассматривается как попытка окружить Индию «ниткой жемчуга» (сеть военных баз в Индийском океане). Индии не по душе также китайско-пакистанский экономический коридор, проходящий через оспариваемую территорию Кашмира с выходом в пакистанский порт Гвадар. Поэтому Индия довольно прохладно отнеслась к проекту «Один пояс – один путь». Эта страна вместе с Японией разрабатывает стратегию сдерживания китайского мегапроекта. Так называемый Азиатско-африканский коридор роста – это некая альтернатива китайскому «Шёлковому пути». Россия должна воспользоваться данной ситуацией для того, чтобы привлечь Индию к реализации своего коридора «Север – Юг». К тому же недавно объявленные санкции США против Ирана объективно толкают Тегеран к проекту «Север – Юг».

Внутрироссийская сторона проблемы. 1. Может ли проект «Север – Юг» стать собирательным брендом с большим аттрактивным потенциалом, объединяющим региональные интересы и инфраструктурные идеи на каспийской периферии России? Наглядное и убедительное PR-представление и продвижение этого проекта может показать его бесспорную значимость для всех каспийских государств.

2. Какое распределение ролей (и ответственности) может быть в рамках данного проекта между прикаспийскими российскими регионами – Астраханской областью, Калмыкией

и Дагестаном? Если вспомнить ситуацию 1998–2002 гг., то власти Астрахани и Калмыкии соперничали между собой за неожиданно открывшиеся ресурсы: отчисления от нефтепроводной системы Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) и позиции порта Оля (Астраханская обл.) и порта Лагань (Калмыкия). Сейчас ситуация другая. Какие ресурсы (организационные, коммуникационные, человеческие, образовательные) прикаспийских регионов России могут быть задействованы для проекта?

3. Насколько готовы астраханский и калмыцкий порты (Оля и Лагань, соответственно) к участию в этом проекте в инженерном плане? Какие расходы необходимы для того, чтобы их логистическая и инфраструктурная системы могли соответствовать масштабам проекта? Дагестанский Каспийск лучше приспособлен к этим требованиям, поскольку является глубоководным портом с лучше подготовленной и более развитой инфраструктурой.

4. Как приспособлены к нуждам данного проекта образовательные системы регионов (готовят ли они навигаторов, гидрогеологов, экологов, судостроителей, картографов, таможенников)? Как смотрят на данную проблему руководители астраханских вузов?

5. Какие порты на р. Волге могут стать транзитными звеньями коридора «Север – Юг»? В своё время Казань в лице политического руководства Татарстана заявляла о таких амбициях в плане готовности развивать речной сегмент проекта «Великий волжский путь».

Региональный (Астраханский) аспект проблемы. 1. Региональным властям необходимо тщательно продумать вопросы информационного продвижения транспортного коридора и профессионального пиар-сопровождения этой идеи. Проблема серьёзная, т. к. некоторые информационные агентства (в частности, "EDaily") увлеклись публикациями о том, что Астрахань скоро станет не каспийским транспортным хабом, а «всероссийским хабом ваххабизма», через который пройдут маршруты перемещения радикальных исламистских групп [3]. Прежде такие попытки, в которых Астрахань называли чуть ли не «столицей российского ваххабизма», также имели место. Подобными беспочвенными публикациями по имиджу региона может быть нанесён ощутимый репутационный урон.

2. Министерству образования Астраханской области можно было бы продумать вопрос о создании в местных вузах новых специальностей (по таким профилям, как контейнерные перевозки, таможенное дело, судостроение, транспортная навигация, экология, дноуглубительные работы, т. к. Северный Каспий мелководен) для будущего обслуживания коридора. Опыт российских арктических регионов (Ямало-Ненецкий автономный округ) свидетельствует о том, что невнимание к данной проблеме приводит к отсутствию специалистов для работы в структурах Северного морского пути (СМП), а невостребованная молодёжь (юристы, экономисты) уезжают из регионов.

Список литературы

1. Starr, F. Europe's Easternmost port / F. Starr. – Режим доступа: <https://www.europeaninterest.eu/article/europes-easternmost-port/?fbclid=IwAR1oHrW1-89BOzDfDJRb0vxYO2E-9Bp7lQcXeMPSA0m6Cvls2tgZ1TZtFsk>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
2. Mardell, J. One Belt, One Road, and One Big Competition / J. Mardell. – Режим доступа: <https://thediplomat.com/2017/12/one-belt-one-road-and-one-big-competition/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
3. Астрахань – «Каспийский хаб» российского ваххабизма. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/04/07/astrahan-kaspiyskiy-hab-rossiyskogo-vahhabizma>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Starr F. *Europe's Easternmost port*. Available at: <https://www.europeaninterest.eu/article/europes-easternmost-port/?fbclid=IwAR1oHrW1-89BOzDfDJRb0vxYO2E-9Bp7lQcXeMPSA0m6Cvls2tgZ1TZtFsk>.
2. Mardell J. *One Belt, One Road, and One Big Competition*. Available at: <https://thediplomat.com/2017/12/one-belt-one-road-and-one-big-competition/>.
3. *Astrakhan – "Kaspiyskiy khab" rossiyskogo vahkhabizma* [Astrakhan - "Caspian hub" of Russian Wahhabism]. Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2017/04/07/astrahan-kaspiyskiy-hab-rossiyskogo-vahhabizma>.

ЮБИЛЕИ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ ЛУНЕВУ – 70 лет!

Вехи биографии профессора А. П. Лунева. Лунев Александр Павлович родился 27 июня 1950 г. в г. Астрахани. Ровно 50 лет назад он поступил в Астраханский государственный педагогический институт имени С. М. Кирова на физико-математический факультет, который успешно окончил в 1974 г. Но до поступления в институт Александр Павлович в течение двух лет был учащимся Астраханского технического училища № 1, а затем в течение двух лет инструментальщиком Астраханского машиностроительного завода «Прогресс».

С декабря 1973 по сентябрь 1975 г. был освобождённым секретарем комитета ВЛКСМ АГПИ им. С. М. Кирова. С сентября 1975 по октябрь 1976 г. работал ассистентом кафедры истории КПСС и политэкономии. С октября 1976 по октябрь 1979 г. – аспирант кафедры политэкономии Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. После успешной защиты кандидатской диссертации вернулся в родной вуз на должность, с которой поступал в аспирантуру, и проработал на ней с октября 1979 по август 1980 г.

В 1980 г. началась работа Александра Павловича на руководящих должностях нашего вуза. С августа 1980 по сентябрь 1981 г. – проректор по заочному обучению, а с сентября 1981 по сентябрь 1988 г. – проректор по учебной работе. В сентябре 1988 г., оставаясь проректором по учебной работе, он был избран на должность заведующего кафедрой экономической теории. В 1996 г. АГПИ им. С. М. Кирова был переименован в Астраханский государственный педагогический университет, в котором Александр Павлович продолжал трудиться на должности проректора по учебной работе. В целом на этой должности он работал в течение 19 лет.

В 2000 г. Александр Павлович защитил докторскую диссертацию на тему «Совершенствование государственного управления системой высшего образования в регионе» и в том же году был избран ректором АГПУ. В 2002 г. наш вуз был переименован в Астраханский

государственный университет, т. е. стал классическим университетом, ректором которого Александр Павлович Лунев работал до июля 2015 г., а затем до февраля 2018 г. Был исполняющим обязанности ректора АГУ. Таким образом, Александр Павлович Лунев на руководящих должностях (проректора и ректора) в нашем вузе отработал практически 35 лет!

С 2002 по 2018 г. А. П. Лунев возглавлял совет ректоров вузов г. Астрахани.

С февраля 2018 по май 2018 г. он работал деканом (директором) Исследовательского института анализа бизнес-моделей, проектирования и обучения. С февраля 2018 г. по настоящее время является научным руководителем АГУ; а также профессором кафедры мировой экономики и финансов.

Александр Павлович Лунев за время работы в нашем вузе проявил себя как активный, деятельный, творчески и перспективно мыслящий учёный, хороший организатор, внимательный, отзывчивый человек. Много сил и внимания он уделял развитию и совершенствованию образования в вузе и регионе, работая в должности проректора по учебной работе. Но в полной мере его разносторонние способности проявились на посту ректора Астраханского государственного университета, которым он руководил с 2000 по 2018 г.

За это время наш университет значительно изменился в лучшую сторону. Причём как по форме, так и по содержанию. По сути, под руководством Александра Павлович, благодаря его энергии, трудолюбию, большим организаторским способностям создан новый университет, который по результатам ежегодного мониторинга, проводимого Министерством образования и науки Российской Федерации, является эффективным. С 2009 г. он входит в число 16 базовых вузов страны, формирующих Университет Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В 2013 г. АГУ вторым в России на конкурсной основе был включён в реализацию Всемирной инициативы CDIO по проблемам инноваций и реформированию инженерного образования и успешно внедряет стандарты CDIO в образовательный процесс. Университет также имеет международный сертификат системы менеджмента качества ISO 9001:2008, в 2007 г. стал дипломантом отраслевого конкурса «Система качества подготовки выпускников образовательных учреждений профессионального образования», в 2009 г. – лауреатом этого конкурса.

Кардинальные положительные изменения, произошедшие за время работы А. П. Лунева в должности ректора, выглядят следующим образом:

- ведётся подготовка специалистов не только для сферы образования, но и для значимых для региона таких отраслей, как судостроение, агропромышленный комплекс, информатизация;
- ведутся научные изыскания в области новых материалов и нанотехнологий, экологии и биотехнологии;
- в 2007–2017 гг. университет на конкурсной основе реализовывал право образовательных программ повышения квалификации управленческих кадров для организации народного хозяйства РФ в сфере менеджмента, развития предприятия и эффективного управления социальной сферой; в 2012 г. приступил к реализации программы повышения квалификации инженерных кадров по приоритетным направлениям модернизации экономики региона. По этим программам прошли обучение 290 руководителей разных уровней;
- активно развиваются международные связи. В вузе обучаются более 1600 иностранных студентов и аспирантов. Выполняются международные образовательные и прикладные проекты с вузами США, Германии, Великобритании, Италии, Франции, Ирана, Турции, Бельгии и др.;
- на базе университета создана аффилированная структура Гарвардского университета с лабораторией конкурентоспособности и кластерных инициатив;
- совместно с университетом Кларка осуществляется подготовка магистров по направлениям: «Государственное управление», «Информационные технологии», «Управление человеческими ресурсами», «Маркетинговые коммуникации» и «Английский язык»; с французским университетом Ницца София Антиполис (г. Ницца) осуществляется совместная магистерская программа обучения по информационным технологиям;
- в 2011 г. на базе университета открыта Каспийская высшая школа перевода, являющаяся совместным проектом по подготовке переводчиков между АГУ, Европарламентом, Европейской комиссией при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации, Секретариата ООН и правительства Астраханской области;
- проведена модернизация материально-технической, учебной и научно-исследовательской базы. Начали функционировать: региональный центр нанотехнологий,

четыре совместных научно-исследовательских лабораторий с институтами Российской академии наук, центры коллективного пользования уникальным научным оборудованием; технопарк, в структуре которого созданы и функционируют 19 малых предприятий, возглавляемых учёными университета, студенческий бизнес-инкубатор, в котором работают студенты, удостоенные грантов по программам для молодых учёных «УМНИК» и СТАРТ»;

- значительно расширилась учебно-производственная база университета. Так, количество учебно-лабораторных корпусов возросло с 3 до 13, общежитий – с 3 до 7. В 2012 г. восстановлен и введён в эксплуатацию актовый зал бывшего дома культуры АЦКК, где функционирует культурный центр;

- с 30 декабря 2016 г. введён в эксплуатацию учебно-лабораторный корпус на 1200 студенческих мест общей площадью 14 213,8 м², в котором функционируют отличный бассейн и трёхэтажный комплекс питания.

Под руководством А. П. Лунева в университете сформировано научное направление «Региональные проблемы экономического образования», в рамках которого осуществляются научные исследования, ведётся подготовка кадров высшей квалификации по специальности «Экономическая теория». Профессор А. П. Лунев активно участвовал в разработке программы «Развитие образования в Астраханском регионе».

За время работы А. П. Лунева в должности ректора университет явился организатором многих региональных, всероссийских, международных конференций, в том числе и Международного конгресса «Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете» (19–22 апреля 2017 г.).

Награды и поощрения А. П. Лунева. Многолетняя разносторонняя деятельность доктора экономических наук, профессора Александра Павловича Лунева получила достойную оценку в обществе. В числе его наград и поощрений:

- медаль «За трудовую доблесть» (1974);
- медаль ордена «За заслуги перед Астраханской областью» (2007);
- значок «Отличник народного просвещения» (1986);
- нагрудный знак «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2007);
- именной почётный знак «За гражданские заслуги II степени» (2009);
- благодарственное письмо губернатора Астраханской области (2011);
- почётный знак губернатора Астраханской области «За профессиональные заслуги» (2012);
- почётная грамота Думы Астраханской области (2014);
- знак отличия «Честь и Слава» III степени (2014);
- знак отличия «Честь и Слава» II степени (2018).

Александр Павлович Лунев стоял у истоков создания журнала «Каспийский регион: политика, экономика, культура». На протяжении многих лет он входил в редакционный совет и неоднократно публиковал в нём научные статьи. Мы надеемся и в дальнейшем на активное и плодотворное продолжение сотрудничества.

Желаем Вам, уважаемый Александр Павлович, крепкого здоровья, личного счастья, благополучия, научных и творческих успехов и осуществления новых идей и планов, направленных на дальнейшее развитие науки, образования и просвещения в нашем университете, нашей области и в целом в нашей любимой многонациональной родине – России!

ЖИВИТЕ ДОЛГО И РАДОСТНО!

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала
«Каспийский регион: политика, экономика, культура».

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Профиль журнала – анализ проблем настоящего, прошлого и будущего Каспийского региона в их взаимосвязи с современным развитием мира.

Журнал имеет многоплановый, междисциплинарный характер, знакомит читателя с исследованиями и дискуссиями во всех областях социальных и гуманитарных знаний по проблемам Каспийского региона. С этой целью используются различные формы публикаций: статьи, научные доклады, «круглые столы», интервью, отклики и комментарии, обзоры, рефераты, рецензии, сообщения.

В журнале издаются материалы, ранее не публиковавшиеся в других периодических изданиях.

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения.

Возможна публикация на английском языке.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами.

Объем публикации:

статья – от 8 до 12 страниц (от 0,5 до 0,8 п.л.);

информация о юбилейных датах, конференциях и т.п. – 2–3 страницы.

Оформление публикации – компьютерный набор, редактор “Word Windows”, шрифт “Times New Roman”, кегль 14 пт, межстрочный интервал – 1. Бумага формата А4. Поля 2,5 см со всех сторон. Красная строка – 1,25 см. Расстановка переносов автоматическая. Таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации (кегель 12 пт) должны быть пронумерованы и озаглавлены. Страницы в статье указываются обязательно (внизу, по центру).

Оформление «шапки» статьи. В верхней части страницы по центру (на русском и английском языках) – название статьи (заглавные буквы, гарнитура “Times New Roman”, кегль 14 пт, полужирный).

Через 1 интервал по центру (на русском и английском языках) – фамилия и имя автора(ов), индекс, страна, город, адресные данные авторов (организация(и), адрес организации(и)), электронная почта всех или одного автора, кегль 14 пт).

Через 1 интервал по ширине (на русском и английском языках) – аннотация (по 150–250 слов для каждой аннотации, кегль 12 пт, курсив).

Через 1 интервал по ширине (на русском и английском языках) – ключевые слова (не менее 10 слов, кегль 12 пт, курсив).

Через 2 интервала по ширине – начало текста статьи (кегель 14 пт).

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках, например [1, с. 10], где сначала указывается номер источника в списке литературы, а затем через запятую номер(а) страницы. Страницы указываются обязательно.

Список литературы (кегель 12 пт) располагается после текста статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание оформляется в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

Образец оформления:

1. Иванов И. И. Проблемы художественного слова / И. И. Иванов. – М.: Парус, 1990. – 456 с.
2. Петрова Г. В. Романтическая модель мира / Г. В. Петрова // Вопросы литературы. – 1997. – № 5. – С. 16–25.
3. Путин В. В. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, 2006 г. / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
4. Синюков С. В сельском хозяйстве все растет. Кроме зарплаты / С. Синюков // Волга. – 2007. – № 52 (25141). – С. 1.

В **References** совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Ни в одном из зарубежных стандартов на библиографические записи не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе (// и –). Название источника и выходные данные отделяются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Список литературы (References) для SCOPUS и других зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники.

Образец оформления:

1. Ivanov I. I. *Problemy khudozhestvennogo slova* [Problems of an art word]. Moscow, Parus Publ., 1990, 456 p.
2. Petrova G. V. *Romanticheskaya model mira* [Romantic model of the world]. *Voprosy literatury* [Literature questions], 1997, no. 5, pp. 16–25.
3. Putin V. V. *Poslanie Prezidenta Rossii Federalnomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii, 2006 g.* [Message of the President of Russia to Federal Assembly of Russia, 2006]. Available at: <http://www.kremlin.ru>.
4. Sinyukov S. V *selskom khozyaystve vse rastet. Krome zarplaty* [Everything grows in agriculture. Except a salary]. *Volga* [Volga], 2007, no. 52 (25141), p. 1.

На сайте http://english-letter.ru/Sistema_transliterazii.html можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу.

Статьи, присланные без соблюдения указанных правил, приниматься не будут.

К рукописи обязательно прилагается **авторская справка**, в которой полностью указываются:

Фамилия
Имя
Отчество
Ученая степень
Ученое звание
Должность (аспирантам – год и форма обучения, название кафедры)
Официальное наименование места работы / учебы
Страна, почтовый индекс, адрес данного учреждения
Контактный телефон
E-mail (личный, если имеется)
Название статьи
Почтовый индекс, страна, адрес для пересылки журнала

Авторская справка размещается перед аннотацией.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ

МЕХАНИЗМЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Соколов Александр Владимирович, кандидат политических наук, доцент
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Российская Федерация, 150062, г. Ярославль, пр-т Машиностроителей, 7
E-mail: alex8119@mail.ru

Публичная политика представляет собой сферу открытого согласования интересов различных субъектов. Эффективность данного согласования зависит от действенности механизмов взаимодействия данных субъектов, а значит, и механизмов публичной политики в целом. В исследовании представлены результаты мониторинга механизмов публичной политики в Ярославской области в период 2009–2013 гг. Анализ проводился по 13 показателям среди трех целевых групп экспертов: представители власти, бизнеса и НКО.

Ключевые слова: публичная политика, механизмы, институты, гражданская активность, выборы

MECHANISMS OF PUBLIC POLICY IN THE Yaroslavl REGION

Sokolov Aleksandr V., Ph.D. (Politics), Associate Professor
P.G. Demidov Yaroslavl State University
7 Mashinostroiteley Ave., Yaroslavl, 150062, Russian Federation
E-mail: alex8119@mail.ru

Public policy is a sphere of the open coordination of interests of different stakeholders. The effectiveness of this coordination depends on the extent to which effective mechanisms of communication and interaction of these stakeholders, and therefore the mechanisms of public policy in general. The paper presents the results of the research of mechanisms of public policy in Yaroslavl region in the period 2009–2013. The analysis was conducted on 13 indicators by survey of experts of the three target groups of respondents: representatives of government, business and non-profit sector.

Keywords: public policy, mechanisms, institutions, civic engagement, elections

В случае отказа в публикации статьи редакция направит автору мотивированное заключение.

В адрес редакции журнала на имя ответственного секретаря журнала «Каспийский регион: политика, экономика, культура» Н. В. Гришина просим направлять:

- 1) на почтовый адрес простым письмом:
выверенную и подписанную автором распечатку статьи – 1 экз.;
авторскую справку;

оригинал внешней рецензии, заверенный печатью и подписанный рецензентом с указанием его ученой степени, звания, должности и основного места работы;
ксерокопию платежного документа;
2) на e-mail: kasregion@inbox.ru:
электронный вариант статьи;
электронный вариант авторской справки;
отсканированную копию внешней рецензии;
отсканированную копию платежного документа;
справку на предмет цитирования и процента заимствованного текста с помощью интернет-сервиса «Антиплагиат». Соотношение оригинального и заимствованного текстов должно быть 70 к 30 %, т. е. процент заимствований не должен превышать 30 %. Статьи, не отвечающие данному требованию, к публикации не допускаются.

При необходимости редколлегия журнала оставляет за собой право на дополнительную проверку текста статьи в системе «Антиплагиат», а также получить заключение экспертной комиссии (государственная тайна) и заключение внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования (пр. № 08-01-01/761 от 10.08.2016 г.).

Адрес редакции журнала:

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, Астраханский государственный университет, Гуманитарный институт, ауд. 412, **ответственному секретарю** журнала «Каспийский регион: политика, экономика, культура» Гришину Николаю Владимировичу.
E-mail: kasregion@inbox.ru; nvgrishin@mail.ru.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с «Правилами для авторов».

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- статьи действительных членов и членов-корреспондентов Российской академии наук, если академик или член-корреспондент – единственный или первый из авторов публикации;
- статьи, прошедшие представление на научных, научно-технических, научно-методических и методических советах научных организаций и высших учебных заведений и имеющие письменное заключение совета с рекомендацией об опубликовании.

Подписка на наши издания осуществляется
по Объединенному каталогу «Пресса России»

Журнал фундаментальных и прикладных исследований **«Гуманитарные исследования»**
Подписной индекс – 11109
В журнале публикуются статьи по широкому спектру проблем гуманитарного знания. Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Языкознание», «Литературоведение».
Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 2000 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Научно-технический журнал **«Геология, география и глобальная энергия»**
Подписной индекс – 11173
Редакция журнала принимает к рассмотрению статьи по проблемам геологии, нефтегазовости различных регионов, охватывающие важнейшие и крайне полезные для науки и производства, а также для обучения студентов естественного направления.
Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 3930 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Научный журнал **«Каспийский регион: политика, экономика, культура»**
Подписной индекс – 11170
Профиль журнала – анализ проблем настоящего, прошлого и будущего Каспийского региона в их взаимосвязи с современным развитием мира.
Издание имеет многоплановый, междисциплинарный характер, знакомит читателя с исследованиями и дискуссиями во всех областях социальных и гуманитарных знаний по проблемам Каспийского региона.
Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 2710 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Научно-технический журнал **«Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии»**
Подписной индекс – 73313.
На страницах журнала представлены результаты исследований и новейшие разработки в области физических и технических наук.
Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Управление в социальных и экономических системах», «Математические и инструментальные методы экономики», «Системный анализ, управление и обработка информации», «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ», «Информационно-измерительные и управляющие системы».
Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 4145 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Предлагаем всем желающим разместить в наших изданиях рекламу.
Адрес Издательского дома «Астраханский университет»:
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а;
тел. (8512) 24-68-37, 24-64-95 (отдел планирования и реализации)
E-mail: asupress@yandex.ru

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: политика, экономика, культура

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2019
№ 3 (60)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14912 от 20.03.2003 г.

Учредитель
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Главный редактор – Е.Н. Моцелков

Адрес редакции:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Адрес издателя:
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Подписной индекс – 11170
по Объединённому каталогу «Пресса России»

Редактирование С. Н. Лычагиной
Компьютерная вёрстка Н. П. Туркиной

Дата выхода в свет – 30.10.2019
Адрес редакции: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Цена свободная
Заказ № 4051. Тираж 500 экз. (первый завод – 36 экз.)
Уч.-изд. л. 25,3. Усл. печ. л. 35,4

Оттиражировано на базе Издательского дома «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
тел. (8512) 24-64-95 (отдел планирования и реализации), 24-68-37
E-mail: asupress@yandex.ru